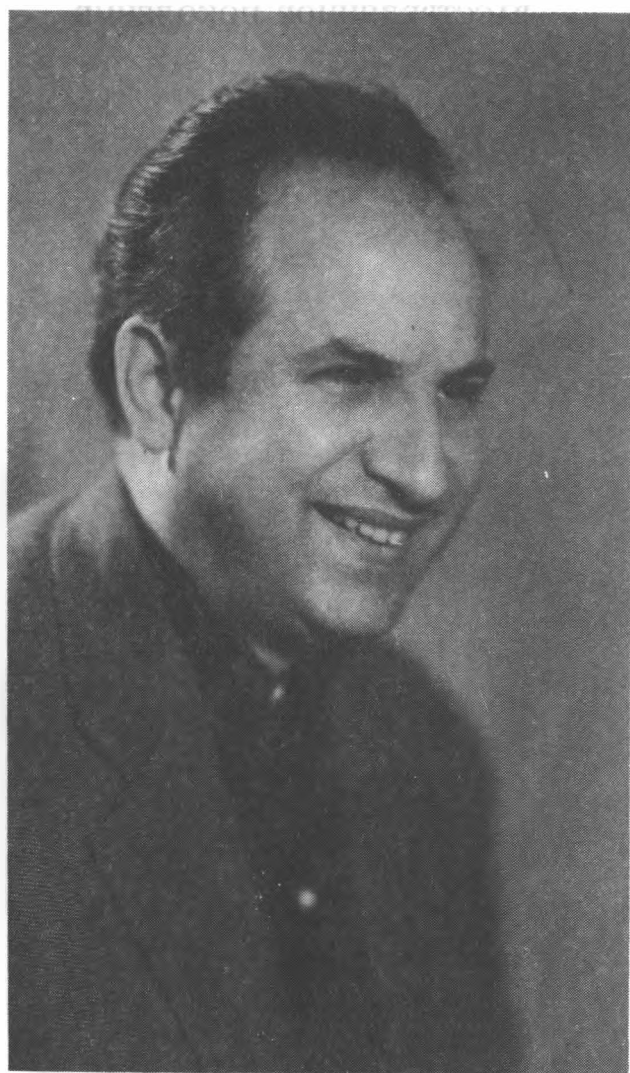

ЛЕОНАРД
ГЕНДЛИН

РАССТРЕЛЯННОЕ

ПОКОЛЕНИЕ

ЛЕОНАРД
ГЕНДЛИН

РАССТРЕЛЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

EFFECT PUBLICATIONS
TEL-AVIV

LEONARD GENDLIN

THE DESTROYED GENERATION

© Copyright by Leonard Gendlin, 1980

Спасибо за болотоерпение
и гуткость, за внимание
и бескорыстную помощь,
за мудрость и такт.
Людэке, — безвременно
ушедшему другу, посвя-
щается эта книга.
Автор

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение Б. Д.	9
Вместо предисловия	11
Родители	13
Я — Сионист	20
Поруганное детство	23
ЕВГЕНИЙ ГЕНДЛИН	
МОЯ ОДИССЕЯ (рассказ отца)	47
Часть 1. Орловский каторжный централ	52
Часть II. Советская каторга	70
Психиатрический изолятор	105
Подвиг русской учительницы	118
Школа	120
Юность	132
Вторая мировая война	144
ВЯТЛАГ НКВД СССР.	163
Воткинск	170
Клинцы Брянской области	179
На приеме у Молотова	184
Лазарь Каганович	191
Письмо Сталину	198
Телефонный разговор с Рюминым	213
Безродные космополиты	215
Берия	223
Ленинградское дело	228
Смерть Сталина	244
Комсомол	248
Запоздалая реабилитация	256
У мэра Москвы	261
Знакомство с Михаилом Суловым	273
120 минут у Хрущева	278
Процесс в Верховном Суде	287
На приемах в посольстве государства Израиль	302
Первый обыск	304

В психо-тюрьме	308
Преследование сына	337
Психо-тюрьма повторяется	349
”Товарищи”ге-бис-ты	366
Евреи проснулись	369
Третье приглашение	371
Жена получает характеристику	377
Московский ОВИР	381
Ночь наедине с Библией	382
Кадры ОВИРа	383
Шутки АЭРОФЛОТА	389
Московская таможня	391
Мы летим в Вену!	394
На Святой Земле!	398

ЛЕОНАРДУ ГЕНДЛИНУ

Трудной откровенности поверьте,
Открывая обожженный век:
Из страны отчаянья и смерти
Возвратился этот человек

Озарен неясностью смущенья,
Подлость атакующий боец
Навсегда обязан возвращеньем
Мужеству безмолвному сердец.

Возвратился горестною вестью,
Поколенья мужеству уча,
Как неотвратимое возмездье,
Настигающее палача.

И пускай он с виду неприметен, —
Каждый день кого-нибудь
В наш век
Из страны отчаянья и смерти
Возвращает этот человек.

Б. Д.

Москва, 8 марта 1967 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В Советском Союзе я прожил почти полвека. Из них более тридцати лет отдано любимой профессии — журналистике. Писал для радио и телевидения, сотрудничал в газетах и журналах, по моим сценариям снимались документальные фильмы, редактировал книги и брошюры по искусству.

Десять лет учился в средней школе, занимался в Театральной студии и в университете на факультете журналистики.

Солдат. Военный корреспондент. Участник Второй мировой войны. На Северном фронте, в лесах Карелии получил две тяжелые контузии.

Работал на киностудии "Мосфильм". Был сотрудником Сергея Эйзенштейна по фильму "Иван Грозный". Писал пьесы. Выпустил несколько книг о кино, поэтах и писателях. Сотни часов провел в самолетах, поездах, пароходах. На верблюдах исколесил пустыни Средней Азии, с сахалинскими рыбаками ходил в море на рыбные промыслы. Объездил весь Дальний Восток, Урал, Сибирь, среднюю полосу России, Украину, Белоруссию, Прибалтику...

Встречался с Королевой Бельгийской Елизаветой, Президентнами и Премьерами, артистами и писателями, с учеными и церковными иерархами, с политическими деятелями и кинозвездами, с художниками и тюремщиками-психиатрами, которые меня насильно держали в психо-тюрьме за то, что я хотел с семьей уехать в Израиль.

С девяти лет я начал вести дневник и вел его сорок лет. Во время командировок я заучивал целые страницы и повторял их как *заклинание*.

КНИГА — ИСПОВЕДЬ стала ИДЕЕЙ всей моей духовной и нравственной жизни.

Во время обысков, которые проводили у нас на квартире сотрудники КГБ и МВД, нам пришлось уничтожить часть архива: дневники, записные книжки, фотографии, письма.

Только через сорок лет произошла долгожданная, выстраданная встреча с Родиной.

20 марта 1972 года мы ступили на израильскую землю.

С первых дней ИСХОДА я начал осуществлять свою давнюю Мечту.

Свято верю, что Земля Израиля для всех изгнанников-евреев станет на века — ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДОЙ.

РОДИТЕЛИ

Мой отец — Гендлин Евгений Исаакович, родился в белорусском местечке Хиславичи. Он рано познал нужду. Пас коров. По утрам бегал в хедер. За невыученные уроки получал шлепки. Мальчиком отправился на заработки в Харьков. Там познакомился со студенчеством, примкнул к социалистам. Как "злостного" сиониста шестнадцатилетнего юношу приговорили к четырем годам тюремного заключения. Срок отбывал в Орловском каторжном центре. В тюрьме ему удалось пополнить скудное образование. После отбытия наказания его по этапу отправили на вечное поселение в Сибирь, оттуда он бежал в Америку. Там основал либеральную газету, занимался преподавательской деятельностью. В круг интересов Е. И. входили: еврейская философия, юдаика, сионизм, экономические проблемы, история, русская и западно-европейская литература. В Нью-Йорке отец познакомился с колонией политических эмигрантов, которые отнеслись к нему с большой сердечностью.

Е. И. всем сердцем принял революцию в России. Тогда он не мог предвидеть трагедии, в скором времени разыгравшейся на его родине. Неожиданно пришло письмо от В. И. Ленина с предложением вернуться в Россию.

Трудно порывать с Америкой, страной, которая дала кров, образование, независимость, любимую работу, свободу.

Недолгие сборы.

Грустное прощание с друзьями и товарищами.

Через месяц пароход доставил родителей в город Владивосток.

Моя мать — Белла Исааковна Гуревич, родилась на

Украине в местечке Лысая Гора, Херсонской губернии. Она также всеми силами стремилась вернуться в Россию.

Е. И. работал в периодической печати. Его статьи публиковались в центральных газетах и журналах, а также в журнале Общества Политкаторжан "Каторга и ссылка".

В 1924 году наша семья по просьбе А. В. Луначарского переехала на постоянное жительство в Москву. Е. И. работал в Госиздате и в издательстве "Работник просвещения", был одним из организаторов Института "Красной профессуры", читал лекции в Московском университете, имел звание профессора и научную степень доктора экономических наук. В 1926 году в Госиздате вышла его книга "Записки рядового революционера", переведенная на многие языки мира.

В Москве мы жили на Покровке, в доме Политкаторжан. Е. И. был активным членом этого общества.

В январе 1930 г. нам предоставили отдельную трехкомнатную квартиру в Сиротском переулке. Там мы прожили спокойно восемь месяцев. В том году произошли события, которые наизнанку вывернули мою детскую душу. Как-то вечером отец пришел домой очень расстроенный. За ужином он сказал:

— Вчера застрелился Владимир Владимирович Маяковский!

Е. И. хорошо знал Маяковского, человека со сложным и неуравновешенным характером. Находясь во Франции, в последней заграничной командировке, поэт чувствовал, что над его головой сгущаются тучи. Не секрет, что Сталин не любил Маяковского, как и всех, у кого была малейшая популярность. Вернувшись из Парижа, Владимир Маяковский в тот же день зашел к Е. И. в издательство, а потом они вместе приехали к нам. Их разговора я не слышал.

Мои родители, Нью-Йорк 1916 год.

Только помню, как из кожаного коричневого портфеля поэт достал свои книжки и на каждой сделал теплую надпись.

На территории бывшего Донского монастыря было воздвигнуто мрачное, серое, для того времени монументальное здание — крематорий. Огромный двор страшного заведения был переполнен. Сюда пришли не только почитатели поэта.

На похороны Маяковского отец взял только меня. К нам подошел высокий, худой человек. Он легко взял меня на руки, прижал к себе, его длинные тонкие пальцы нежно гладили нервное, испуганное тельце ребенка. До конца кремации Борис Леонидович Пастернак держал меня на руках.

До сих пор не могу забыть страшную процедуру сжигания, гроб, из которого выглядывали огромные ступни ног. Когда гроб с телом Маяковского автоматически стал опускаться в пылающую ярко-оранжевую печь, я истерически закричал. Тотчас же Борис Леонидович вынес меня из крематория.

Обеда дома не получилось. Есть никто не мог. Вытирая кружевным платком пот со лба, Пастернак глухо проговорил:

— Боюсь, что Россию ждут невиданные в истории потрясения.

Отец и мать промолчали.

12 сентября 1930 года отец приехал домой во втором часу ночи. Мама его спросила:

— Почему так поздно? Что случилось?

Е. И. долго молчал, ему не хотелось расстраивать любимую женщину. Мама не унималась, она продолжала допытываться:

— Женечка, родной, скажи, что произошло? На тебе нет лица, ты весь посерел.

Отцу пришлось сдаться:

— Меня вызывал Ярославский¹. Он подробно

интересовался моей службой в Америке, спрашивал, что я делал в Палестине, Японии, Китае, Владивостоке. Предложил назвать фамилии и адреса близких друзей и товарищей. Спрашивал и про тебя, в каких американских фирмах ты работала, чем занималась в Австрии и в Аргентине. Затем он сказал, что я исключен из Общества Политкаторжан и намекнул на то, что в самое ближайшее время мне придется искать другую работу...

Ночью Е. И. поехал к Луначарскому.

— Дорогой Евгений Исаакович, — сказал он, — вы добрый, хороший человек, но бойтесь этого псевдореволюционера. По своей структуре Ярославский отчаянный трус, антисемит и ярый юдофоб. За ним водится немало грешков. Уверен, что этот рафинированный шовинист непременно станет академиком и в скором времени начнет нас всех поучать окриками. К сожалению, я бессилён в борьбе с Емельяном. На вас кто-то написал донос. Мы живём с вами в смутное время. Постарайтесь уничтожить компрометирующие бумаги. Но я вам ничего не говорил и, простите меня, не давал советов...

В полночь 27 сентября в квартире раздался требовательный стук в дверь. В рубашке я выбежал в коридор, где уже находились перепуганные мама, тетя, сестра. Дворник татарин Хаким просил открыть дверь "для приехавшего начальства". Мама открыла. В квартиру ворвались работники ОГПУ. Они предъявили ордер на обыск. До самого рассвета черные посланцы рыскали по комнатам. Что они пытались найти, вряд ли известно и самому Господу. Они перерыли огромную библиотеку, на куски рвали старинные переплеты редчайших книг, веревками перевязывали папки, в которых хранилась личная переписка отца, автографы, рукописи, дневники, статьи. Когда наступила скорбная минута прощания, я громко крикнул:

— Не смейте забирать моего папу! Он хороший человек!

Здоровенный чекист приподнял меня и с силой отбросил к окну. Я ударился головой о батарею. Из правого виска пошла кровь. От обиды и боли я бросился на ненавистных людей. Но что мог сделать семилетний ребенок?

Отца увезли на "черном вороне." Из окна мы слышали рев мотора.

Нашей семье разрешили свидание с Е. И. Измученная мама сказала, что папа находится в Бутырской тюрьме. Наступил долгожданный день. Как я радовался, что увижу доброго, любимого отца, который в жизни никогда никого не обидел. На свидание мама взяла сестру и меня. С нами поехала тетя Анна. Туда же приехали папины сестры.

Огромная Бутырская тюрьма. Стена шириной в полметра, высотой в несколько метров. Крошечная калиточка обита кованым железом. Большой, вместительный зал. Сотни людей. Шум, крики, плач. Из-за гула голосов ничего нельзя разобрать. Рослый военный один раз с кафедры выкрикивает фамилию. Если кто-то прозевает, повторно не вызывают, свидание считается аннулированным. Подошла наша очередь. Расталкивая толпу, мы бросились к перилам ограды. Кругом молчаливые, равнодушные, насупившиеся часовые-монументы с ружьями наперевес. Деревянная черная стена разделена на двенадцать кабинок, каждая из которых имеет небольшое оконце. Мы предупреждены, что свидание продлится всего лишь *десять минут*. Раздался пронзительный звонок. По узкому коридору гуськом проходят заключенные. Руки они держат за спиной. Снова плач, стоны, причитания, слова прощания, клятвенные обещания Веры и Любви.

Резкий окрик:

— Свидание окончено!

И снова тот же монотонный, гнусавый голос:

— Всем выходить на улицу! Не задерживаться! Не разговаривать!

Мы хорошо знаем, что мы не одни. Ежедневно на свидания в российские, бескрайние тюрьмы приходят легионы жен, невест, матерей, сыновей. Многие в черной траурной одежде, которую они будут носить до конца своих дней...

ЭТО БЫЛО ТОЛЬКО НАЧАЛО...

На долгие годы в наш дом пришли траур, голод, нищета. Мы с сестрой разучились смеяться. Дома разговаривали вполголоса, а чаще шепотом. Почти все наши знакомые были арестованы. Многие, пройдя через нечеловеческие пытки, сошли с ума, покончили жизнь самоубийством или же расстреляны. Я не знаю ни одного политкаторжанина, который сегодня остался бы в живых.

Мы принялись за уничтожение "крамольных" книг. По совету друзей в первую очередь сожгли первое собрание сочинений Ленина и книгу-хронику американского журналиста, коммуниста Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир".

1. Ярославский (Губельман) Емельян Михайлович (1878—1943), член ЦК ВКП/б/, секретарь партколлегии.

Я – СИОНИСТ!

Опустел наш гостеприимный дом. Иногда заходил неутомимый путешественник Исаак Эммануилович Бабель. Он, как мог, успокаивал маму. Придумывал для нее веселые истории, приносил конфеты, дарил книги. Помню его рассказы, проникнутые трагическим юмором, про знаменитого одесского жулика Беню Крика.

Мы были рады посещениям жизнерадостного Корнея Ивановича Чуковского, который изредка навещался из Ленинграда в Москву. Приходил и Борис Леонидович Пастернак. Он приносил продукты для папы, помогал нам материально. Его приезды не были случайными. Он подолгу сидел у нас. Я очень любил слушать его игру на рояле.

Особым праздником для всех нас были наезды Анны Андреевны Ахматовой. Она приезжала без предупреждения, прямо с вокзала являлась к нам с авоськами, корзинками, саквояжем, в недрах которых всегда были вкуснейшие "ахматовские" пирожки, печенья собственного изготовления, орешки, шоколад, хотя сама Ахматова жила трудно и напряженно.

В нашем доме царил дух еврейства. В конце 1918 года отец шесть недель провел в Палестине. Там он познакомился с Владимиром Жаботинским. Они подружились и стали переписываться. В 1921 году во Владивостоке под редакцией Е. И. вышел литературно-художественный Альманах "Наедине с Мечтой", посвященный палестинскому еврейству, с предисловием Жаботинского. В этом Альманахе Е. И. напечатал большую статью "Палестина — Обетован-

ная Земля". В кабинете отца над письменным столом висели портреты поэта Х. Н. Бялика и В. Жаботинского.

По субботам у нас собирались гости. Приходили ученые, артисты, художники, писатели. Помню, как артист Московского Художественного театра Василий Иванович Качалов читал стихи Бялика в переводах Вяч. Иванова, В. Жаботинского, Ф. Сологуба, Ю. Балтрушайтиса. Каждая строчка поэта хватала за душу, щемила сердца.

Я увлекся Бяликом. Он стал для меня родным и близким. С наслаждением выучивал целые страницы его вдохновенных строк, хотя не все понимал.

Во время обыска книги по юдаике, более трех тысяч томов, были вывезены сотрудниками ОГПУ и, конечно, канули в вечность. Я лишился любимого Бялика, Еврейской энциклопедии на русском языке, произведений Абрама Эфроса, которыми очень дорожил. Узнав о моем горе, Борис Пастернак принес мне в подарок томик стихотворений и поэм Бялика. Я с ним не расставался даже ночью, книга всегда лежала под подушкой. Она согревала мою истерзанную душу.

Во мне начала просыпаться, может быть, еще не до конца осознанная любовь к еврейству, которую усиливало чтение книг Шолом-Алейхема, позднее — Менделя-Мойхер Сфорима, Переца, Шолом Аша. Эти книги мама брала в библиотеке. Она не успевала их менять, я их буквально проглатывал. По субботам стал ездить в синагогу, хотя обрядов не знал. Нужна была отдушина. В канун праздника Пасхи члены общины давали мне бесплатно мацу, которую я бережно приносил домой. По воскресным дням меня пропускали на спектакли Еврейского Камерного Театра.

30 июля 1931 года мне исполнилось восемь лет. Пришли родные и друзья отца — Б. Пастернак, И. Бабель, О. Мандельштам с какой-то дамой, М. Зощенко, А. Ахматова, С. Михоэлс, В. Мейерхольд,

И. Москвин, В. Качалов, А. Коонен, А. Таиров. Эти люди знали, что праздничного ужина не будет. Они пришли по велению сердца и тем самым выразили свой протест, связанный с изоляцией отца. Мы с сестрой Элеонорой получили чудесные подарки. После чая меня попросили что-нибудь продекламировать. Я прочитал стихотворения Бялика "У порога" и "Вечер". Всеволод Эмильевич Мейерхольд поцеловал меня. Потом он подошел к заплаканной маме и тихо сказал ей:

— После окончания школы ваш сын должен поступить в театральную студию. У него от природы прекрасная дикция. Я начну с ним заниматься два-три раза в месяц, если вы не будете возражать.

Мама благодарно кивнула.

Ночью я ее разбудил. Волнуясь, глотая слезы, проговорил горячим шепотом:

— Мамочка, на вечные времена моим учителем будет не школа, а Бялик!.. — Рыдания не давали говорить.

Мама и тетя старались найти слова успокоения. Но я твердил свое:

— Теперь я знаю, что нам надо делать! Нам не нужна Москва! Не хочу жить в России! Как только папа вернется из тюрьмы, мы уедем в Палестину. Папа говорил, что там евреев не обижают, и что мы, евреи, должны жить только на своей Земле.

Сколько раз мы с сестрой говорили маме:

— Зачем вы с папой вернулись в Россию?

Свою сокровенную Мечту я пронес через десятилетия. Горжусь тем, что в восьмилетнем возрасте мог назвать себя — *сионистом*, и никогда не изменил своим идеалам.

ПОРУГАННОЕ ДЕТСТВО

Я переступил порог школы, которая помещалась в двухэтажном деревянном здании. Когда-то здесь находилась ветеринарная лечебница. В классах на стенах висели засиженные мухами портреты вождей: Ленина, Сталина, Рыкова, Бухарина, Калинина, Зиновьева, Каменева, Томского и др., кажется, работы художника Юрия Анненкова.

Классным руководителем у нас была учительница Ольга Лукинична Крякина. Никогда не изгладится из памяти первое знакомство. Топая большими ногами, в класс вошла высокая, широкоплечая женщина, насквозь пропахшая жареным луком и дешевой махоркой. Внимательно оглядев притихших учеников, она назвала мою фамилию. Я встал. Она спросила:

— Где работает твой отец?

Смутившись, сказал, что папа находится в длительной командировке, а мама работает в артели, чистит фитили для керосинок. Ребята дружно рассмеялись.

— Я тебя не спрашиваю про мать! В данный момент нас интересует твой отец, который является врагом советской власти, он шпион и вредитель, и за это его посадили в тюрьму.

— Вы говорите неправду! Мой папа честный человек! — слезы заволокли глаза, я крикнул, — Вы сами вредители!

Надо было видеть лицо Крякиной. В классе воцарилась угрожающая тишина. Учительница побледнела. Схватив в охапку раскрытый портфель, набитый бумагами, Ольга Лукинична рысью помчалась в учительскую. Через несколько минут в класс влетели разъяренный директор школы Петр Иванович Пролыгов и маленькая, толстенькая, с короткой шеей,

похожая на сдобный пирожок Сара Бенционовна Рапопорт — педолог.

Пролыгов — молодой выдвиженец, сельский коммунист, образовательный ценз которого состоял в том, что он умел читать по складам, кое-как расписываться и виртуозно ругаться.

— Я сама с ним разберусь, — прокудахтала С. Б. Она цепко схватила меня за руку и, не выпуская, потащила в свой кабинет. Ее небольшая комнатка была увешана диаграммами, лозунгами, плакатами, фотографиями. Оглушенный, я тихо присел на край предложенного стула. Рапопорт резким движением сорвала телефонную трубку. После длительного разговора, она повернулась ко мне:

— Ну, Коля Спиридонов, давай знакомиться? Надеюсь, что мы станем друзьями?

— Вы ошиблись! Меня зовут Леонард, а фамилию, конечно, помните!

— Мальчик, ты всегда перебиваешь взрослых? Андрей, давай серьезно разговаривать.

Я возмущенно повторил:

— Вы меня с кем-то перепутали. Повторяю, меня зовут Леонард.

— Ну, хорошо, согласна, возможно, ты и прав, пусть будет по-твоему. Иногда надо уступать, сегодня я тебе, завтра — ты мне. Ты читать умеешь? Что такое изложение, знаешь? Диктанты писать умеешь? Какие у тебя отметки? Назови фамилии товарищей, с кем ты дружишь. В какой тюрьме сидит твой отец? Твою мать еще не арестовали? Ты хотел бы жить в детском доме?

Во время монолога эта маленькая женщина все время облизывала сухим языком бескровные губы. Говорила она быстро, захлебываясь, проглатывала слова. Без переводчика невозможно было понять такую скороговорку. Воспользовавшись паузой, я сделал попытку ответить хотя бы на один из ее многочисленных вопросов, но С. Б. снова перебила:

— Мне все ясно! Пусть срочно придет ко мне твоя мать.

— Мама много работает, ей даже некогда спать.

— Буду рада, если вместо нее зайдет отец. Ладно, так и быть, я позвоню матери на работу, выясню ее платформу, поговорю с секретарем партийной ячейки, возможно, с председателем артели.

Рапорт¹ задавала вопросы и сама тут же на них скоропалительно отвечала. Это не дружеский шарж и не злая карикатура, а страшная действительность.

Когда я выходил из школы, мне навстречу попался директор. Я сделал вид, что его не заметил. Пролыгов, словно рассерженный бык, бросился на меня. Обезумев от боли, не помня себя от ярости, я укусил его в указательный палец. Здоровенным крестьянским кулаком директор ударил меня в бок.

Врач велел две недели лежать в постели. Меня навестил заведующий учебной частью нашей школы Натан Захарович Софроницкий². Мы его уважали за порядочность и большую культуру.

Медленно приходило выздоровление. В "храм науки" возвращаться не хотелось. Не успел переступить порог школы, как дежурная учительница попросила срочно зайти к директору. В кабинете у него находились военные. Запомнил одну фамилию — Пармонов. Он задавал вопросы:

— Скажи, мальчик, откуда твоя мама знает заведующего учебной частью вашей школы Софроницкого?

— Мама не знает завуча, — сказал я.

— Ты говоришь неправду! Софроницкий был у вас дома. А тебе известно, что он вредитель, мы его арестовали, он находится в тюрьме, как и твой отец. Напиши нам все, что ты о нем знаешь и думаешь.

— Писать о Софроницком ничего не буду. Я его видел всего три раза. К нам он приходил справляться о моем здоровье.

После ареста семейный руль перешел в руки ма-

тери. Она хорошо владела английским и испанским языками. Мы считали, что мама легко найдет работу. Но уже в те годы в отделах кадров любой, самой незначительной организации, поступающему на работу необходимо было заполнить громоздкую анкету и подробно ответить на вопросы. Написать, что нет мужа — нельзя: один телефонный звонок в милицию — и ложь раскрыта. А семью надо кормить, мужу посылать посылки, детей поднимать на ноги, платить квартирную плату.

С трудом маме удалось получить место машинистки в "Химимпорте". Она печатала техническую документацию на английском и русском языках. Через три месяца ее вызвали в отдел кадров. Бесстрастным голосом заведующая сообщила об увольнении. Все было ясно — *жена репрессированного*.

Маму приняли в артель рабочей-надомницей — чистить фитили для керосинок. Наша квартира пропахла керосином и бензином, руки не отмывались месяцами. Чтобы заработать несколько рублей на хлеб, мы все трудились с раннего утра и до позднего вечера. Опять постучала беда. Арестовали председателя артели Хаима Райзмана. Началась проверка "социального" положения членов артели, рабочих и служащих. Одной из первых уволили маму. Снова, в который раз, замаячила улица. Мы боялись нарушить паспортный режим. Неработающего в любую минуту могли выселить из Москвы. После долгих мытарств, просьб и унижений мама устроилась младшей машинисткой в Московский энергетический институт им. Молотова, где проработала до самого начала Второй мировой войны.

Боясь конфискации имущества, мы оптом начали продавать уникальную библиотеку отца. Ведь книги по юдаике уже были увезены! Ежедневно приходили букинисты и спекулянты-перекупщики. Много книг приобрел лысый и очень толстый "пролетарский" поэт Демьян Бедный (Придворов). Покупали и

друзья — Пастернак, Бабель, Чуковский, Зощенко, Ахматова. Мама стеснялась брать у них деньги.

Мы приобрели пишущую машинку "Ундервуд". Маме стали давать работу на дом. Мы с сестрой по очереди ей диктовали. Я научился печатать и часто по ночам облегчал ее каторжный труд. Кроме того, нелегально сдавали комнату, папин кабинет. Среди наших жильцов был ответственный секретарь газеты "Москоу Ньюс" — Лев Лазаревич Нехамкин, уроженец Харбина. Он приносил мне марки, дарил цветные карандаши, открытки, книги. В его комнате всегда стоял нежный запах ароматных духов. Он элегантно одевался, имел персональную машину. В 1937 году Нехамкин таинственно исчез. Потом стало известно, что газету "Москоу Ньюс" закрыли как "шпионский центр". Сотрудников, включая курьера, уборщиц, шоферов, секретарей, отправили в отдаленные места рубить лес, выкорчевывать пни, строить дороги.

Родственники репрессированных получали паспорта на срок от одного до трех месяцев. Те, кто их лишился, обязаны были в 24 часа покинуть пределы Москвы. За время "чисток" органы милиции выселили из столицы более двух миллионов человек.

Для того, чтобы один раз в два месяца отправить отцу посылку (потом он был лишен и этого права), нам приходилось выезжать за 101 километр в город Александров. Билет стоил дорого. Железная дорога еще не была электрифицирована. Поезд шел один раз в сутки и всегда переполненный. Посадка убийственная, в основном, через окно. Кроме билета проводнику надо дать на "чай". Найдешь местечко — счастливчик. Люди спрессованы задами, спинами, животами. От густого махорочного дыма стоит непроницаемый туман. У некурящих слезятся глаза. Особенно тяжело беременным. Мужики на них кричат, скрюченными пальцами указывают:

— Ишь, пузо стервы распустили, упрятать не могут?!

— Зачем брюхатых баб в вагон пущают! Лучше б на палатах сидели!

Джентльменства здесь нет. Мужчины занимают нижние полки. Женщины, подростки, старухи, старики, инвалиды устраиваются на вторых и третьих — багажных полках или же на смрадном полу. Только бы доехать! У всех большие корзины и деревянные ящички-сундуки с продуктами и нательными вещами. В пути никто не разговаривает, каждый думает о своем горе. Здесь воруют, убивают, насилуют. За одно слово могут выкинуть из вагона. Зимой и летом окна закрыты. От зловония нечем дышать. Пять часов, еле-еле передвигаясь, шлепает по путям почтовый поезд. Он останавливается на всех промежуточных станциях и полустанках. Конечная станция — город Александров. Толпа, сметая все на своем пути, несетя на почту, которая размещена в развалившемся от сырости деревянном домике. Очереди длинные, иногда приходится стоять несколько суток. Если паспорт просрочен, можешь идти на все четыре стороны. У такого человека посылки не принимаются. С подростками вообще никто не разговаривает. Работницы почты — усталые, замученные женщины, ничего не могут изменить. Они вынуждены не обращать внимания на многоликое, повседневное горе. Посылки тщательно проверяются сотрудниками НКВД — жестокими, безжалостными, ко всему безразличными людьми.

Наступили зимние школьные каникулы. Ударили крещенские морозы.

В России празднование Рождества (Нового года) на протяжении многих лет советской власти проходило подпольно. За елки — тюрьма, ссылка, каторга, Бывали случаи, когда арестовывались целые семьи вместе с пришедшими гостями. Запрет был снят, кажется, только после 1938 года.

Мы, группа ребят десяти-двенадцати лет, решили навестить своих отцов и матерей, томящихся в концентрационных лагерях, без права переписки, без имени и рода. Прежде, чем отправиться в путь, нам предстояло узнать, где они находятся — название, номер полевой почты и главное — местонахождение.

Президентом страны был Михаил Иванович Калинин, бывший тверской металлист. Посетителей он не принимал. Покой его охраняли сотрудники карательных органов и солдаты специального военного подразделения.

В приемной номинального царя России вежливо сообщили, что Михаил Иванович с детьми *вообще* не разговаривает. У него для этого нет времени. Я заплакал, начал кричать. Охрана постеснялась сражаться с ребенком. Случайно в приемную зашел сутулый старик с пепельно-седоватой бородкой клинышком, в пенсне. Он был похож на старого козла. Калинин подошел, положил руку на мое вздрагивающее плечо, участливо спросил:

— Что тебе нужно, мальчик? Зачем ты пришел сюда?

— Мы давно не имеем от папы писем, мы не знаем, где его искать? А мне так хочется увидеть его хотя бы одним глазком.

Калинин подозвал сотрудника, тот записал мою фамилию и адрес. Потной рукой я протянул президенту листочек бумаги, вырванный из школьной тетради, на котором были выведены печатными буквами девять фамилий родителей моих товарищей, терпеливо ожидавших меня на улице. Насупившись, Михаил Иванович строго отчеканил:

— Мальчик, ты должен знать, что любой гражданин Советского Союза имеет право хлопотать только за одного себя!

Не попрощавшись, Калинин направился в свои покои. По-видимому, я для него стал потенциальным врагом.

Три часа пришлось ждать. Наконец появился сотрудник приемной. Говорил он внушительно, медленно, старался растянуть каждое слово. На всякий случай еще раз переспросил мою фамилию, имя, отчество; осведомился, есть ли у меня паспорт. Он сказал, что папа находится в Соловках. Пропуск смогу получить "в порядке исключения", на основании *их* письма, в Ленинграде. Родители моих товарищей сидят в "исправительно-трудовых лагерях" Карело-Финской АССР — ББК НКВД СССР³.

Осторожно прячу в ранец копию письма, на котором стоит жирный штамп и круглая гербовая печать.

Мы заранее начали подготовку к свиданию. Каждый из нас отвечает за определенный участок. Одни собирают окурки, сушат табак, затем его спрессовывают в брикеты и набивают гильзы; другие выискивают чистые хлебные корки, пригодные для сухарей. В столовых и на фабриках-кухнях выпрашиваем подсолнечное масло; старые тряпки вымениваем у торговки на рынке, взамен получаем лук, чеснок, фасоль, муку, крупу. Собранное "продовольствие" делится на равные десять частей.

Наступило время отъезда. Нас никто не провожает. Ночью мы собрались на Ленинградском вокзале. Мы уговорили проводников общего вагона, чтобы они нас бесплатно довезли до Ленинграда. Торговались упорно и долго. Их сердца растопила бутылка водки.

На другой день в одиннадцать часов утра поезд подошел к Московскому вокзалу. Было холодно. Хотелось есть. Мы берегли каждую копейку. Сын профессора Ройзмана, Алик⁴, попросился домой, в Москву, к маме. Уговорили его замолчать.

До Смольного добирались пешком. Нам нужно было попасть на прием к первому секретарю Ленинградского областного комитета партии, — Кирову. Это нам посоветовали родственники.

Молоденький охранник куда-то позвонил. Тотчас

же перед нами вырос дородный начальник. Сытость его выпирала. В ответ на нашу просьбу встретиться с Кировым, он разразился диким хохотом, и так долго ржал, пока его лицо не покрылось испариной.

Мы перестали бояться. Страх навсегда покинул наши души.

Я показал бумагу, полученную в приемной Калинина. Сытый начальник ушел. К нам подошел человек исполинского роста с огромной черной бородой, расчесанной надвое — гроза Ленинграда, один из начальников ОГПУ, Медведь. Мы сказали, что нам необходимо встретиться по очень важному делу с Сергеем Мироновичем Кировым. Огромный Медведь разразился таким же диким хохотом, как и его подчиненный. Ведь яблоко от яблони падает совсем рядом. Раскатистый смех-воплъ нарушил патриархальную тишину Смольного. Ржание оборвалось. Медведь подтянулся. К нам приближался Сергей Киров. Коренастый, выше среднего роста, с приятным открытым лицом, не сказав ни одного слова, он был нам симпатичен. Одет просто, гимнастерка синего цвета, галифе, сапоги, отливающие зеркальным блеском.

Мы находились еще в том возрасте, когда трудно было дать конкретное определение человеческим поступкам. Через десятилетия стало известно, что руки Кирова, как и всех советских вождей, обогреты кровью ни в чем неповинных людей⁵.

У Сергея Мироновича Кирова не было своих детей, возможно, поэтому он так тепло отнесся к невзгодам "чужих" детей.

— Здравствуйте, юные товарищи! — улыбаясь проговорил хозяин бывшего Петербурга.

Мы хором ответили на приветствие.

— Если пришли в Смольный, значит, есть серьезное дело?

Киров пригласил нас к себе. Медведь провожал нас налитыми кровью глазами.

Просторный светлый кабинет. На стене большая географическая карта города и области. В золоченной раме портрет Ленина.

— Ребятки, поудобней рассаживайтесь! Небось, проголодались? Что, прямо с вокзала к нам, в Смольный?

Мы кивнули.

Киров снял телефонную трубку:

— Дора Абрамовна! Говорит Сергей Миронович. У нас гости из Москвы, десять человек. Пожалуйста, организуйте чай с бутербродами, только принесите побольше!

Высокая, красивая, голубоглазая женщина накрыла на стол. Она принесла чай, целую гору бутербродов с маслом, икрой паюсной и зернистой, колбасой копченой и вареной, сыром, ветчиной. На отдельном блюде возвышались пирожные разных сортов, халва, шоколадные конфеты. Многие из нас впервые увидели ломтики тонко нарезанного лимона.

— Перед завтраком, ребятки, — сказал, улыбаясь, Киров, — полагается как следует вымыть руки.

Нас проводили в туалет. Горячая и холодная вода, махровые полотенца, необычная обстановка растопила наши надломленные души. Когда сели за стол, я тихо сказал:

— Сергей Миронович! Наши отцы и матери находятся в исправительно-трудовых лагерях Карелии и Соловков. Вы знаете, что заключенных кормят плохо. Разрешите нам взять эти бутерброды, фрукты и сладости с собой, чтобы отдать нашим родителям?

Наступила долгая пауза.

Нахмурившись, Киров молча ходил по кабинету. Тишина нарушалась только скрипом его сапог. Он вторично снял телефонную трубку:

— Срочно попросите Лазуркину! Дора Абрамовна, еще раз беспокоит Сергей Миронович. Нашим юным гостям предстоит длительная, тяжелая дорога. Прошу срочно подготовить десять индивидуальных пай-

ков на пятнадцать суток за счет обкома партии. Детей также необходимо одеть. Достаньте на вещевом складе или попросите у военных товарищей валенки, теплые варежки, шерстяные носки — десять комплектов. Срок исполнения — два часа.

Киров попросил секретарей, чтобы его ни с кем не соединяли по телефону. После завтрака началась *откровенная беседа*. Каждый из нас называл фамилию и коротко говорил о своих осужденных родителях. Когда очередь дошла до меня, Сергей Минович сказал:

— Ты, мальчик, можешь гордиться своим отцом. Я с ним встречался несколько раз. Евгений Исаакович один из самых образованных людей, которых я знал. Передай ему от меня привет. Скажи всем, кого там увидишь, что скоро, совсем скоро наступит такое время, когда в нашей стране не будет ни тюрем, ни лагерей.

Алик Ройзман, вытирая слезы, тихо спросил:

— Скажите, когда мой папа вернется домой?

Вопрос Алика повис в воздухе.

Нам показали Ленинград, а вечером отвезли на вокзал. Там голубоглазая женщина из секретариата Кирова вручила каждому бесплатный литерный билет на поезд в оба конца, пайки с продовольствием, теплые вещи и немного денег.

В дни XX съезда КПСС я встретился со старым членом большевистской партии, делегатом съезда Дорой Абрамовной Лазуркиной, которая когда-то работала в секретариате Кирова. Это он с ней говорил по телефону, просил обеспечить нас, детей политкаторжан, сухим пайком и теплыми вещами. Это она провожала нас в глухую и неведомую Карелию. Меня поразил облик этой женщины. Высокая, худая, словно высохшее дерево. Седая, лысеющая голова. Бледное лицо, запавшие горящие глаза, синие губы, ни одного своего зуба и непрерывно курящая. А

ведь я ее знал другой: красивой, обаятельной, голубоглазой и еще белозубой.

Хочется выть от того, как *меняет людей социалистический строй!*

Когда я напомнил Лазуркиной, что видел ее в кабинете Кирова, Дора Абрамовна как-то странно улыбнулась.

Я читал в газете ее выступление, "отредактированное", "приглаженное" и сокращенное. Вот что она рассказала:

— Я поехала на дачу в Сестрорецк. Там узнала о злодейском убийстве Кирова. Сомнения не давали покоя. Мозг сверлила одна мысль — "кому это нужно было?" Кирова в России любили. Он пользовался большим авторитетом. К нему одинаково хорошо относились рабочие, крестьяне, интеллигенция.

На попутной машине вернулась в Ленинград. Таких торжественных похорон я никогда не видела. Гроб выносил Сталин. Весь город был оцеплен войсками НКВД, конной и пешей милицией. Три дня въезд и выезд разрешался только по специальным мандатам.

Первым секретарем областного комитета партии назначили Андрея Александровича Жданова. С его приходом стали исчезать люди. И среди них мои друзья, товарищи по революционной борьбе. Меня перевели в отдел агитации и пропаганды. Когда арестовали Марту Казимировну Оранскую-Лившиц, я записалась на прием к Жданову. В одно мгновение раскрылся облик этого холодного, мрачно-злого нелюдима-человеконенавистника. Я напомнила ему, что Марту и ~~меня~~ в партию рекомендовали Надежда Константиновна Крупская и Елена Дмитриевна Стасова. Засмеявшись, Жданов показал оскал крупных лошадиных зубов.

— Слушайте, Лазуркина! — прокричал он. — Не советую становиться поперек дороги нашей партии, иначе плохо будет! Вы скоро все меня узнаете! Та-

кой хорошенькой женщине не пристало заниматься пустячными интригами. Идите, продолжайте работать. Прежде, чем что-то предпринимать, советую лишний раз как следует подумать.

В отчаянии я написала личное письмо Сталину. После этого несколько успокоилась.

21 февраля 1935 года арестовали моего мужа, штурмана торгового флота. Меня взяли в здании обкома партии через месяц — 22 марта. В одиночной камере Большого дома на Литейном проспекте⁶ просидела три месяца. В товарном вагоне совершила "путешествие" в Москву. Допросы продолжались на Лубянке. Там же состоялось вторичное знакомство со старшим следователем Николаем Горчилиным. Он когда-то работал в нашем обкоме. Был тихим, робким, бесшумно-застенчивым инструктором отдела кадров. Затягиваясь папироской, он проговорил сквозь зубы:

— Лазуркина, нам известно, что ты состояла в заговоре против товарища Кирова, но ты пошла еще дальше, стала одновременно готовить покушение на жизнь товарища Иосифа Виссарионовича Сталина и Андрея Александровича Жданова.

Я нервно засмеялась. Придя в себя, гневно сказала:

— Горчилин, как вы смеете со мной так разговаривать? Я еще до октября 1917 года вступила в ряды большевистской партии и никогда не отступала от своих принципов и убеждений.

Следователь Горчилин не дал договорить. Я получила страшный, ошеломляющий удар в челюсть. Обливаясь кровью, выплюнула на пол выбитые зубы. От второго, не менее страшного удара, лишилась сознания. Очнулась в одиночке. Побой продолжались по ночам. Я потеряла счет времени. Хотелось умереть. В каторжных условиях это не так просто. Однажды следователь привел ко мне в камеру заключенного. Лохмотья с кусками кожи висели на нем,

словно растянутые веревки. Лицо и тело в стружьях, чесоточных волдырях, кровоточащих нарывах. Он был почти обнаженный. Ко мне приближался живой труп. От чудовища несло мертвечиной. Мне стало страшно. Капли пронизывающего ледяного пота вызвали дрожь. От тошноты и человеческого зловония закружилась голова.

— Лазуркина! — улыбаясь, проговорил накрахмаленный, надушенный, чисто выбритый Горчилин. — Ну, дорогуша, хватит ломаться, строить из себя недотрогу. Или же ты подписываешь протоколы допросов и мы твое дело передаем в суд, или же вот этот сифилитик, находящийся в последней стадии, приговоренный к высшей мере наказания — расстрелу, будет тебя сегодня иметь всю ночь? Хотя терять тебе нечего, ты ведь все равно давно уже не девочка?

По знаку следователя сифилитик, что-то бормоча себе под нос, стал медленно приближаться, вытянув руки вперед. На несколько дней меня покинуло сознание.

Девятнадцать лет я просидела в тюрьмах и лагерях. Мужа моего расстреляли, он посмертно реабилитирован. Дети умерли в детской политической спецтюрьме в Караганде. Ездил туда два раза, копалась в архивах — следов их обнаружить не удалось. Даже фотографий не осталось. Помню, что дочку звали Катенькой, а сыночка — Севой.

Лазуркина задумалась. Прошло минут сорок. Она залпом выпила стакан кирпичного чаю. Потом, словно от забытья — очнулась:

— Извините, трудно и страшно вспоминать омытые кровью десятилетия, свою трижды *расстрелянную* жизнь. Но я обязана говорить...

Со мной в лагере последние три года сидела Ната Селиверстова. Ее муж работал личным шофером Кирова. По ночам, лежа на нарах, мы часами шептались, отводили душу. Это единственное, что можно

было. Молодая женщина рассказала, как был убит Сергей Миронович. Николаев, обвиненный в троцкизме, в него не стрелял. Кирова убили по приказу Медведя и еще каких-то, неизвестных мне лиц. За три дня до убийства в Ленинград приехал Сталин. Возможно — двойник. Этому товарищу партия не доверяла с первых дней.

— Мой Петя, — сказала Ната, — случайно услышал разговор Сталина с Медведем. Иосиф Виссарионович "проговорился", что Киров собирается его ликвидировать.

— Я знала, — продолжала Лазуркина, — что Медведь послал секретное письмо Сталину, в котором писал, что Киров собирается совершить в стране политический переворот с тем, чтобы захватить власть. Письмо печатала на машинке моя близкая приятельница Белочка Развозова, к которой был неравнодушен Медведь. Она умерла от воспаления легких на этапе под Тайшетом. Говорили, что она сошла с ума.

Кирову подменили пальто, он куда-то торопился. Стрелять приказали новобранцу Горликову. За несколько минут до убийства на письменном столе Николаева раздался телефонный звонок. Его попросили спуститься вниз, принять срочный пакет. В пальто ему подложили заряженный револьвер. Мы все считаем, что режиссером этого зловещего "спектакля" был Сталин. Николаев, Горликов, Селиверстов и еще 9997 человек, как я потом узнала, по приказу Сталина были *расстреляны*.

И вот теперь, во времена наступившей оттепели, я могу о прошедшем времени говорить только в тиши гостиничного номера...

По своей наивности Дора Абрамовна Лазуркина не понимала или не хотела понимать, что в гостиницах Союза Советских Расстрелянных Республик магнитофонная сеть работает без обеденного перерыва — *круглосуточно*.

Мы разъехались по отделениям и лагерным пунктам. Мне одному пришлось добираться до Соловков. Ботинки спрятал в мешочек, одел валенки. На станции Кемь сделал пересадку. Рабочий поезд довез меня почти до самого Попова острова. Около пересыльного пункта познакомился с возчиком, перевозившим почту. Нам предстоял долгий путь по снежно-ледяному полю. Белое море у Карельского берега и у Соловецких островов замерзает в зимние месяцы на десятки километров. Мы сделали привал. Туманную ледяную мглу освещал обыкновенный, тусклый, дорожный фонарь. Перекусили, черный хлеб с солью. За трапезой возчик разговорился:

— Ты, мальчик, не смотри на меня, что я так скверно одет. Поверь, что у каждого заключенного, которого ты увидишь, имеется за плечами большая жизнь.

Бывший человек мечтательно вздохнул:

— Я Корн Исаак Маркович⁷, профессор, доктор медицины. Здесь нахожусь восемь лет. В лагере мне не всегда доверяют. Когда начальство серьезно заболевает, тогда величают доктором, называют по имени-отчеству, просят оказать необходимую медицинскую помощь и не гнушаются советов заключенного врача. Приедешь домой, перечитай басню Крылова "Волк и журавль".

Из коробки я достал бутерброды. При их виде Исаак Маркович заплакал:

— Милый Леня, я голоден и не в состоянии отказаться от такого королевского лакомства. Прости меня! Спасибо, родной. Когда ты вернешься в Москву, постарайся найти мою жену и дочь, передай им привет, скажи, что я честный человек и ни в чем не виноват...

На рассвете мы подъехали к зоне. Вот они, тени-очертания Соловецкого монастыря. Древние, выдавшие виды монастырские башни оцеплены рядами колючей проволоки. Кругом смотровые будки. Ча-

совые с пулеметами охраняют "врагов" народа. Мощные прожектора непрерывно освещают некогда "божественную" территорию. По ночам с цепи спускают злых, откормленных псов.

Предписание Кирова не произвело должного впечатления на начальника охраны Овезова и коменданта лагеря Ещенко. После долгих расспросов, начальник отделения Фрол Кузин разрешил свидание на одни сутки.

Два охранника с пристрастием проверяли содержимое мешка и коробки с продуктами. Меня раздели. Нижнее белье просматривалось на свет. Швы распороли. Через лупу исследовали задний проход и другие интимные места. После столь "приятной" процедуры меня повели на рабочий двор. Отца узнал сразу. Он пилил дрова. Я бросился к нему. Стужа с замерзающими слезами мешала говорить. Из горла вырывались одни только хриплые междометия. Рыдание сотрясало душу и тело. Охрипшим голосом я крикнул:

— Папочка! Хороший мой, наконец-то я тебя нашел!

Папа, мой папа, обросший, усталый, седой, еле шевеля ногами, обнял меня заскорузлыми, покрытыми волдырями руками. Из мешка я достал шерстяные носки — подарок добросердечной Анны Андреевны Ахматовой. Увидев их, один стрелок зло процедил:

— Работать надо, жидовье, говно собаچه! А не то живо отправлю в карцер. А ты, паразит, — обратился он ко мне, — давай сюда носки вонючие!

— Будя тебе мальчика пугать, зверюга проклятый! — проговорил второй стрелок⁸. — Постыдился бы паренька, ведь у тебя, скотина, тоже сыны имеются!

— Я на тебя, падло, рапорт напишу! — пригрозил, шипя, первый стрелок.

Их диалог нарушил старший конвойный, начальник караула Рахматулин:

— Начальник отделения разрешил заключенному Гендлину односуточное свидание с последующей отработкой.

...Монастырь. Огромные сводчатые залы для моления были превращены в комнаты барачного типа. Каменный пол. Двухэтажные нары без перегородок. Длина зала более двухсот метров. В одном помещении "проживает" 1200 человек. У отца "место" на "втором этаже". Из постельных принадлежностей — прогнившая солома. Баня — два раза в месяц. Бритье не разрешалось. Кормили два раза в день. (В последующие годы, после нескольких смертных случаев, которые не удалось скрыть, режим изменился. Кормили три раза в день, баня три раза в месяц). Подъем летом в пять часов утра, зимой — в 5.15. После проверки пятиминутный туалет. Завтрак — пайка черного хлеба, вареная брюква, соль, кипяток. Рабочий день начинался в 6 часов утра и заканчивался зимой в 6 часов вечера с 30-минутным перерывом на обед, состоявший из дурно пахнувшей баланды, ржавых килек или тухлой рыбы с неизменной брюквой, иногда заменявшейся мороженой картошкой в шелухе. В "свободное" время читать и писать не разрешалось. За малейшую провинность — карцер. В те годы Соловки считались лагерем самого страшного режима.

Товарищи отца помогли нам забраться на наш этаж. Мы легли, тесно прижавшись друг к другу. Папу интересовала наша жизнь, жизнь без основного кормильца. Разве я мог ему сказать, что мы голодаем, что меня в школе и во дворе мальчишки называют "вредителем", "шпионом" и другими прозвищами; что мама с утра и до поздней ночи, не разгибая спины, вынуждена сверхурочно печатать, что мы продаем книги, что каждые две недели надо идти на поклон к начальнику милиции, что почти все знакомые от нас отвернулись, что мы с сестрой забыли, что та-

кое смех и что такое радость, что мама поседела, что у нее болят глаза, что она часто в одиночестве плачет? Я старался ободрить отца, говорил, что дома все хорошо, рассказал про встречу с Кировым, про его привет, про внимание и сердечность настоящих друзей — Бабеля, Пастернака, Чуковского, Зощенко, Ахматовой, Мейерхольда, Коонен, Таирова, Михоэлса.

Ночью по ногам пробежало темное существо. Я испуганно вздрогнул. Это была огромная крыса. Ее голодные, злые глаза сверкнули фосфорическим блеском.

Отец глухо проговорил:

— Крыс, сыночек, здесь больше, чем людей. Не обращай на них внимания. Изнуренных, больных, замученных — они съедают заживо.

Вдруг раздались дикие выкрики, хохот, площадная ругань. Спящие с трудом подняли усталые головы. В помещение ворвалась толпа охранников во главе с пьяным начальником отделения и ленинградским "знакомым" по Смольному, Медведем⁹.

— Сволочи, хриstopродавцы, жидаы! — орали они во всю глотку. — Вредители проклятые! Всем раздеваться наголо! Стать смиpно! Не шевелиться! Руки поднять вверх! — зарычал Кузин. — Кто скажет слово, тому пуцу пулю в задницу! — рывкнул Медведь.

Раздалась команда начинать обыск.

Здесь, в мире рабов, *они* были полновластными хозяевами и распорядителями судеб десятков тысяч людей. Они имели право миловать и убивать, бить и терзать. Это была их — *безотчетная вотчина*.

Охранники на совесть преретряхивали нехитрые пожитки зеков. Четыре часа стояли на каменном полу обнаженные люди.

Шатаясь, Медведь подошел к нам:

— А ты, сволочь, смотри у меня! У, дерьмо, щенка твоего сразу приметил. В Смольный, сука, пролез! Я ему покажу товарища Кирова!!

Сердце не выдержало оскорблений. Я крикнул срывающимся голосом:

— Сергей Миронович сказал, что скоро закроются все тюрьмы и лагеря, и что все мамы и папы вернутся домой, а вас посадят в тюрьму.

Испугавшись, отец зажал мне рот заскорузлой рукой. Глаза Медведя наливались бешеной злобой.

— Убрать этого гаденьша! Подождите, суки, мы и до товарища Кирова когда-нибудь доберемся. Не ему устанавливать порядки в России! Мы ему покажем, где раки зимуют! Мы вам, сволочам, покажем наш рабоче-крестьянский кулак!

*И ПОКАЗАЛИ... А ЗАПАД ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ
МОЛЧАЛ...*

У Медведя начинался очередной припадок эпилепсии. Подчиненные увели хрипящего зверя с закатанными глазами.

Рано утром я простился с отцом. Мы оба не сумели подавить охватившее нас волнение.

Добрый доктор Корн через день ездил за почтой. Он узнал, что мне предстоит добираться пешком до железнодорожной станции, и уже поджидал меня за зоной. Полуобмороженные лошади едва тащили сани. На горизонте показалась радуга северного сияния. Когда мы проехали километров пять, появилась стая волков. Корн привык к такому эскорту. Волки, как и люди России, были голодны. Они бежали рысцой, все время набирая скорость. Почувствовав опасность, лошади понеслись, выбиваясь из последних сил. На всякий случай доктор зажег дорожный фонарь.

— У волков хорошая зрительная память, — грустно проговорил старый доктор. — Они давно уже меня приметили, и каждый раз бегут за нами. Когда не будет сил, они съедят меня вместе со старушкой Матильдой и тихоней Викой.

На память Корн подарил мне самодельную зажималку:

— Пусть этот скромный амулет станет для тебя символом радости...

В железнодорожной кассе Кемского вокзала билетов на поезд не оказалось. Замерзшими руками я достал из кармана рваного пальто литературное предписание. Дежурный по станции, человек с усталыми от бессонницы глазами, повел меня к начальнику поезда. Меня посадили в купе проводников плацкартного вагона. Простые русские женщины напоили чаем с вишневым вареньем, уложили на мягкий матрац, по-матерински, с причитаниями, накрыли двумя одеялами.

Через двое суток я был в Москве.

На другой день к нам пришли родственники и друзья отца. Я не только рассказывал, но и показывал скупыми изобразительными средствами встречавшихся на моем пути различных персонажей: доброго и внимательного, немного наивного доктора-возчика Корна; Кирова; голубоглазую Дору Абрамовну Лазуркину; шипящего Медведя; разбойников-стрелков; товарищей отца по соловецким нарам.

За чаем Бабель сказал:

— Леонард, ты обязан вести дневник. Записывай как можно больше. К сожалению, все надо тщательно прятать. Верю, что ты сумеешь написать книгу о своем поруганном детстве.

Исаак Эммануилович молча допил стакан чаю, потом продолжил прерванную мысль:

— Три писателя, три художника, три гуманиста могли бы осветить наше горемычное время: — Гомер, Шекспир, Пушкин. А трагикомический роман, конечно, создал бы бесстрашный господин Рабинович, неунывающий оптимист и жизнелюбец Шолом-Алейхем. Но их давно уже нет на свете.

Бабеля никто не перебивал. После паузы он снова заговорил:

— То, что нам поведал сегодня этот повзрослевший мальчик с сединой, — *более, чем страшно*. Что может быть ужаснее, чем безропотное молчание сотен тысяч людей?

— Согласен, что возмущаются многие, — проговорил мягко Борис Леонидович Пастернак, — но где и кто напечатает об этом?

Бабелю и Пастернаку ответила Анна Андреевна Ахматова:

— За малейшую антисоветскую пропаганду — тюрьма, лагерь, ссылка и, говорят, — расстрел. Многие писатели и поэты давно уже перестали быть искренними и потеряли свое лицо, свою индивидуальность.

Никто не спорил. У всех было подавленное настроение.

Осип Эмильевич Мандельштам, человек с грустными библейскими глазами, прочитал несколько стихотворений. Огромное впечатление произвел на меня его "Фазтонщик".

После зимних каникул пришлось снова пойти в ненавистную школу. С молчаливого согласия учителей травля продолжалась. Занимались мы в третью смену, с 16.30 до 22.30.

Однажды мальчишки старших классов затеяли драку. Жертвами стали мои товарищи по классу — Гриша Тыгер¹⁰, Юра Фарбер¹¹, Роза Кацман¹², Борис Бриташицкий¹³. Около ворот, в куче мусора, валялся ржавый железный лом. Я его схватил и стал им вращать. Некоторые мальчишки получили сильные удары, остальные, струсив, убежали.

В школе меня больше никто не трогал.

О злополучной драке узнали директор Пролыгов и его вездесущий адъютант-оруженосец Сара Бенционовна Рапопорт, которая продолжала проявлять ко мне нездоровый интерес. Брызгая слюной, коротышка-педолог кричала на мою маму:

— Ваш сын зверски избивает русских детей. Представьте себе, что он железным ломом ударил по голове сына помощника председателя Москворецкого райисполкома! Мы обязаны отправить его в колонию для малолетних правонарушителей. Он же профессиональный убийца!

1. Рапорт С. Б., подруга Р. Землячки и друг С. Орджоникидзе. В годы гражданской войны работала на Северном Кавказе. Во Владикавказе, Алагире, Моздоке, Нальчике она самолично пытала и расстреливала людей. Арестована в 1937 году.

2. В 1937 г. в Читинской каторжной тюрьме Софроницкому Н. Э. ампутировали руки. Он умер от гангрены. Жена его, пианистка Бела Наумовна Кац, умерла в ссылке от дистрофии. Их сын Альберт погиб под Сталинградом. Дочь Изабелла выслана в Казахстан, в город Семипалатинск. В Москву не может вернуться — потеряла право на жилую площадь.

3. Беломорско-Балтийский комбинат НКВД СССР.

4. Профессор Ройзман расстрелян в 1938 году. Его сын Алик умер от истощения в детской колонии в Караганде.

5. Киров по приказу Льва Троцкого (Бронштейна) и по согласованности с И. В. Лениным (Ульяновым) вместе с Чугуновым принимал самое активное участие в расстреле бастующих, умирающих от голода астраханских рабочих.

6. Главная ленинградская тюрьма. В настоящее время оборудована по последнему слову техники: с подвалами, одиночками, камерами пыток.

7. Жена профессора Корна — Фрида Наумовна Корн-Вихновская была арестована вслед за мужем. Ее осудили на 10 лет. Дочь Риву отправили на "лечение" в Вятскую (г. Киров) психиатрическую больницу, где содержатся хроника. Там она потеряла рассудок. Умерла в 1957 году. Фамилия лечащего врача-психиатра — Забродина Лариса Павловна.

8. Меня разыскал пенсионер А. С. Промыслов, который работал стрелком ВОХРа в Соловках. Он передал фотографию отца и его записи, которые послужили основным материалом для главы "Моя Одиссея".

9. Не мог предвидеть Филипп Медведь, что он когда-нибудь станет каторжанином, что будет сидеть в одиночке Соловецкого монастыря, что уголовники выбьют ему глаз, что от цинги у него выпадут зубы, что его вместе с женой расстреляют, а их сын Миша, честный, хороший

парень, долгое время будет скитаться по колониям, тюрьмам и концентрационным лагерям строгого режима.

10. Тыгер погиб под Бухарестом в 1944 году. Его отец, крупный биолог, расстрелян в 1938-ом. Мать умерла во время этапа. Брат и сестра – студенты консерватории, четыре года находились в психиатрической больнице в Белых Столбах (Подольский район, Московская область). Они на всю жизнь остались инвалидами. Высланы навечно в Тамбовскую область. Были прикреплены к колхозу "Новая Заря".

11. Фарбер – врач-терапевт. Во время "дела врачей" исключен из членов КПСС. Выслан в Казахстан. В 1957-ом вернулся в Москву. В 1973 г. подал заявление на выезд в Израиль.

12. Кацман отчислена из консерватории. Работала долгое время проводником дачных поездов. Ее мать, астроном Пулковской обсерватории, была арестована в 1949 г. Отец – ответственный сотрудник Совета Министров СССР, повесился на работе в уборной. Роза вскрыла себе вены, умерла, не приходя в сознание. Муж от нее отказался. Ребенок воспитывается в детском доме.

13. Бриташинский погиб в Берлине 3 мая 1945 года.

Е. И. ГЕНДЛИН

МОЯ ОДИССЕЯ

(РАССКАЗ ОТЦА)

Часть Первая —
ОРЛОВСКИЙ КАТОРЖНЫЙ ЦЕНТРАЛ

Часть Вторая —
СОВЕТСКАЯ КАТОРГА

*Мой отец Е.И. Гендлин в Соловках. Снимок сделан
нелегально в 1933 году.*

Фото Альберта Исакова. (Расстрелян 4 мая 1936 года.)

Эпиграфом к этой главе я решил предпослать статью-послесловие Максима Горького, которая была написана им в 1919 году¹.

Евгений Гендлин

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книгу эту следовало бы озаглавить так:
"ДЕЯНИЯ ОБЕЗУМЕВШИХ СКОТОВ"

Составляя кровавую хронику грязных подвигов христоролюбивого русского народа, С. И. Гусев-Оренбургский², бывший священник, человек совестливый — чувствовал себя, должно быть, очень подавленным той позорной правдой, которую ему пришлось видеть, слышать и рассказать. Он употребил немало усилий для того, чтобы собрать и отметить все, самые ничтожные проблески примитивной "жалости", видимо, надеясь, что "жалость" — свойственная даже и животным, но оскорбительная для разумных людей, — эта жалость ляжет яркими пятнами трогательной человечности на однообразно-мрачную картину бессмысленного, бредового зверства.

Но его добрые намерения остались — на мой взгляд — безуспешными; напротив, они только еще больше усилили и углубили впечатления гнусности и ужаса событий, о которых говорит хроника.

Пишущий эти строки полагает, что если на тысячу замученных евреев кто-то из русских ухитрился пожалеть одного, — так уж приличнее молчать об этом "отрадном факте", молчать стыда ради. Ибо ничтожность этой "жалости" не менее постыдна и страшна, чем разительное обилие садистской жестокости, присутствующей русскому народу, очевидно, по натуре его, —

натуре раба, который сам способен бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго.

Не надо скрывать мрачную правду, — ведь нигде в мире не режут и не истребляют евреев с такой горячей любовью к делу, как у нас, на Руси. Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду "великих исторических деяний русского народа", и для меня ясно, что страсть к этой деятельности все возрастает у нас.

Я наблюдаю этот рост с 1885 года, когда лично был свидетелем небольшого — количественного — истребления евреев в Нижнем Новгороде. Но погромы 80-х годов и количественно, и качественно уступают погромам 1905—1906 годов, а ныне текущие ужасы оставляют далеко за собой по массе жертв и жестокости приемов знаменитые убийства в Кишиневе и Белостоке. Прогресс очевиден. Во всяком случае из этого сопоставления вдумчивый и честный человек должен понять, что потомки людей, отравленных монопольной водкой, — ныне отравляющиеся "самогоном" разного рода, — играют в жизни России все более заветную роль, насыщая быт русский болезненной жестокостью и садизмом.

"Классовая борьба". Мудрые люди суют это понятие всюду так же охотно и поспешно, как старые бабы суют волю Божию. Там, где русский нищий разбивает палкой или камнем череп нищего еврея, там нет политики, а только патология. Иногда углублять смысл события, значит прятать этот жуткий смысл в пустые слова.

Я убежден, что русский народ болен отвратительной болезнью, требующей немедленного, сложного и длительного лечения. Эта гнусная болезнь выражается в таких, например, формах: сибирские мужики, вспоров животы пленных красноармейцев, навивают тонкую кишку на палочку, — говорят, — эта операция заставляет истязаемого судорожно хохотать, и

смеясь, он умирает. Или: тамбовские мужики пригвождали большевиков железнодорожными костылями к деревьям за левую руку и левую ногу и часами любовались, сидя у костра, как мучились распятые. На Дону людей распиливали поперечно пилою от промежности до плеча.

Я могу привести десятки фактов не менее отвратительных, и все они свидетельствуют о безумии народа, о его болезненном состоянии.

А если народ духовно здоров, — тогда что же?

Тогда можно сказать лишь одно: он заслужил свои страдания в настоящем, заслуживает их в будущем.

М. Горький

1. Книга о Еврейских погромах на Украине, 1919 г. Редакция и послесловие М. Горького. Издательство Э. И. Гржебина., Петербург-Берлин, 1921 год (26 типография, Петроград, Измайловский пер., дом 29, заказ № 403).

2. Гусев-Оренбургский (псевдоним, настоящая фамилия Гусев) Сергей Иванович. Родился в Оренбурге в 1867 году, умер в Нью-Йорке в 1963 году.

(Прим. Л. Гендлин.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОРЛОВСКИЙ КАТОРЖНЫЙ ЦЕНТРАЛ

Моя юность закончилась в Орловском каторжном центре, где я просидел четыре года. Основное обвинение — социалистические идеи, приверженность к сионизму, Вера в Еврейский Народ.

В двадцатые годы вместе с моим другом — политкаторжанином и узником Орловского центра Иосифом Генкиным¹ — мы начали собирать материал для книги — "Орловский централ и царская каторга". В нашем распоряжении оказались архивы центра и главного тюремного управления.

В связи с моим арестом, книга вышла в сокращенном виде². Кроме основного редактора И. А. Сафонова³ ее негласно редактировали и рецензировали Емельян Ярославский и Елена Стасова. После расстрела И. Генкина книга была изъята.

I

Орловский централ был создан в первый год эпохи реакции, в феврале 1908 года. Его режим — звериная ненависть к политическим заключенным, и в первую очередь — к евреям.

Орловская каторга — явление не случайное. Царскому правительству нужна была новая тюрьма, так как имевшиеся тюрьмы не могли вместить всех ссылаемых на каторгу. В стенах этого страшного дома жестоко расправлялись с тысячами заключенных⁴.

Быстро заполнялись каторжные тюрьмы Сибири — Тобольская, Александровская; группа тюрем в Нерчинске. Строить новые остроги было некогда, получить дополнительные субсидии от правительства —

дело весьма сложное. Тогда решили наспех приспособить исправительные и арестантские роты, имевшиеся во всех губернских городах Европейской части России. Отсюда и происхождение Орловского, Псковского, Ярославского, Владимирского, Саратовского, Вологодского, Херсонского, Пермского, Николаевского, Харьковского, Московского (Бутырки) — *каторжных* централов.

С начала 1907 года начал заполняться и Шлиссельбургский централ, пустовавший в связи с октябрьской амнистией 1905 года. Из него ушли последние народовольцы и эсеры-террористы. Выполняя "социальный заказ", министерство юстиции — Щегловитов, Максимовский, Курлов разработали новые правила для своих питомцев-каторжан. Вводились всевозможные ограничения. За малейшие нарушения истязали розгами, тюремное начальство в лице надзирателей строго следило за тем, чтобы срочные каторжане во время нахождения носили ножные кандалы, а бессрочные — *ножные и ручные цепи*.

Тюремным инспектором был назначен немец Эрвин фон Кубе, начальником — Николай Мацевич.

В Шлиссельбурге преобладало наказание карцером, в Псковском центре наказывали розгами, в Орловском — славилась кулачная расправа. Излагая перед надзирателями свою "платформу", фон Кубе давал "напутствия":

— Арестантов не распускать. В морду их! Бей в хвост и загривок. В случае чего, я отвечаю. Жидов не жалейте. Их надо все время бить...

Наиболее организованное избиение происходило во время новых этапов, которые приходили из Екатеринослава, Новороссийска, Киева, Ташкента, Шлиссельбурга.

Вот отворяются ворота, этапники подходят к конторе. Выходят помощники с надзирателями.

— Смирно, шапки долой! — раздается команда. Уголовные моментально скидывают, политические

нехотя снимают блинообразные, засаленные головные уборы. Дежурный помощник кричит фальцетом:

— Здорово, сволочи!

Этапники уже осведомлены о существующем "порядке" в Орловском центре и потому отвечают, как полагается.

— Почему так тихо приветствуете начальство? Громче нужно, так и так вашу мать, — ругается помощник.

Молчат выстроенные в шеренгу каторжане. "Знакомство" происходит по спискам.

— Ты кто, уголовный или политический?

Узнав, что данный каторжанин политический, помощник начальника свирепеет:

— Свободы захотел? Против царя, шкура, пошел! Власти не признаешь? Надзиратели, сюда! Всыпьте-ка ему как следует!

Подскакивают озверелые с отвислыми жадами надзиратели. Они избивают всех подряд.

— А ты за что осужден? — продолжает задавать вопросы дежурный помощник.

— За экспроприацию, хотя я вовсе не...

— Что там за "хотя"? Грабить вздумал, чужое добро похищать? Экс-про-при-атор! Собака вшивая! Надзиратели, дайте ему тоже! Не жалеть спины! Бейте по морде, чтобы знал наших.

За политическими следуют уголовники. Их даже не спрашивают, за что они осуждены. Разрывая ворот рубашки, ищут нательный крест, если его нет, то бьют, приговаривая:

— Православный, а креста не носишь? Всыпать мерзавцу.

Если же крест имеется, все равно колотят:

— Крест, негодяй, носишь, а против закона пошел?

После того, как весь этап получил первое "крещение", раздается еще одна команда:

— Отвести всех в главный корпус.

Там происходит главное действие. По обоим сто-

ронам длинного, словно кишка, коридора стоят наготове надзиратели и держат что-то в руках. Дана команда раздеться для обыска. Голый заключенный обязан пройти в другой конец коридора, и в этот момент его начинают бить толстыми резиновыми дубинками, но так, что кожа на теле надувается, а потом лопается. Падающих топчут ногами. Люди растерялись, их, как собак, пинками, руганью, криками загоняют в камеры. Все торопятся устроиться на брезентовых койках. Только улеглись, входит большая группа надзирателей с помощниками.

— Кто сидит за террор? — спрашивает помощник Батурин.

— А кто за жидовские дела, за принадлежность к сионизму? — задает вопрос другой помощник, граф Сонгайло.

— А кто из вас монеты делал? — спрашивает Анников, ощупывая всех колючими глазами.

Подойдя к Моисею Биндеру, он кричит:

— Захарка, взять его!

Подбегает старший надзиратель Захар Козленко, он хватается пожилого человека за шиворот, бьет в лицо, швыряет к остальным надзирателям. Те подхватывают его и тащат куда-то вон из камеры. На другой день у него не было сил встать на поверку. После вторичного избиения Биндера отправили в тюремную больницу.

По заведенному в Орле ритуалу, пощечины доставались заключенным ежедневно. Выходит в коридор за вещами — бьют, вызывают для обязательной стрижки — бьют. Не было дня, чтобы в камеру не заходили два-три помощника с десятком надзирателей. Кобуры растегнуты, лица злые. Достаточно малейшего проступка, чтобы у них зачесались руки. После их ухода всюду стоны и крики.

Эсер Чекнов имел пятнадцатилетний срок. В тюрьме он лишился рассудка. Он "по секрету" сказал надзирателю Дурневу, что его собираются бросить в

клизет и утопить. Козленко спрашивает: "кто?", — и тот показывает на всех, кто попадаетея ему на глаза. Человек пять тут же было избито, потом их выпороли и бросили в темный карцер. Когда выяснилось, что это вздор, надзиратели принялись за умалишенного Чекнова. Его перевели в одиночку, напустили голодных крыс и там он вскоре умер.

Зимой в камерах ужасный холод. В баню пускают один раз в две недели. Не успеешь смыть грязь, как раздается оглушительная команда:

— Выходи!

И мы, как угорелые, часто с мылом на теле, бежим одеваться. Наволочек к соломенным подушкам не полагалось, полотенца и портянки никогда не менялись. За малейшую попытку выстирать что-нибудь из белья — затрещина. За пылинку на стене — битье.

Утром встаешь грязный, неумытый, голова трещит, во рту засохшая от пыли и духоты слюна, с нетерпением ждешь, чтобы, наконец, выпустили на opravку, а тут тебя заставляют громко, во "весь голос", петь молитву "Отче наш".

Надзиратели строго следят за соблюдением правил православной веры. За отказ от говения, исповеди, полагалась кулачная расправа. Некоторые каторжане для того, чтобы задобрить надзирателей, покупали на последние гроши в пользу церкви — свечи. Иной раз дядька, заботившийся о благолепии храма, сам обходил арестантов, требуя деньги на церковные свечи, половину которых присваивал себе.

— Ты почему не идешь в церковь? — кричит Захарка.

— Я сектант, господин старший надзиратель, штундист.

— Штундист! Гм... Ну, а ты? — подходит он к другому.

— Я еврей, господин старший...

— Ишь, жидюга, погибели на тебя нету. Ну, а ты? —

обращается он к третьему, человеку, которого никогда не покидал юмор.

— Я тоже сектант-вегетарианец, господин старший надзиратель.

— Что ж это, так вашу мать, — свирепеет Козленко, щедро отпуская стоящим ближе к нему пощечины, — куда же это православные девались? Сговорились, что-ли, сволочи? Скоро обедня, кого же я в церковь пошлю? Марш! Выходи десять человек, и чтоб без никаких! Живо, сволочи!

II

Летом подъем в 5.00, зимой на час позже. Раздаются четыре коротких удара в колокол — сигнал, означающий приказ вставать. Прошла утренняя проверка, надзиратели выпускают арестантов на opravку. Наскоро прибирается камера, прислушиваемся к тому, что делается в коридоре. Там царит ужасный шум и гомон. Звон от кандалов, хлопанье с треском открываемых и закрываемых дверей, нецензурная брань и похабные реплики надзирателей, стоны избиваемых, — все это сливается в адскую какофонию. В этом хаосе производится раздача хлеба и кипятка. Не успеваем проглотить кусок черствого хлеба, как с шумом открывается дверь камеры, и отделенный надзиратель Богомоллов кричит хрипловатым, пропитым голосом:

— Выходи-и!

Дежурный по камере хватает переполненную парашу и выскакивает в коридор. Там уже ждут три человека.

— Шагом м-марш! Живо! Ну! — надрывно кричит надзиратель.

Вся четверка устремляется к клозету, стараясь удержать парашу. Отделенный нарочно начинает что-то говорить, чтобы его лучше расслышать, слегка поворачиваешь назад голову, но тут же несколько силь-

ных ударов связкой ключей по шее заставляют нагнуться вперед.

— Ты чего отстаешь? — крикнул Богомолов, ударяя ключами по спине. — Ты глухой, что ли, говно собачье!

Вбежав в уборную, двое опорожнили посуду, другие бегут к умывальнику. Какой-то старик с интеллигентным лицом, в кандалах и со следами от очков на переносице и возле ушей, не может сразу нащупать стержень от умывального крана⁴.

Надзиратель, стоящий на пороге уборной, с размаху ударил старика связкой ключей в спину.

— Куда смотришь, ирод! — кричит он. — Не видишь, харя, где кран? Мойся, сволочь. Чтоб живо мне!

Не успели провести мокрой рукой по лицу, как раздается новая команда:

— Кончай! Бросай мыть морды! Шагом марш! Бегом, паразиты!

Мы схватываем параша и бежим в свои камеры.

О мыле не приходится говорить. Не только новички, которым в течение первого месяца воспрещается выписывать что-либо на собственные деньги (так было только в Орловском центральном), но и старожилы не могли в то время думать о такой роскоши, как пользование мылом при утренней оправке, — до того ничтожно было время, которое давалось на уборку.

Одиночный корпус построен по последнему слову тюремной техники, но кипяток приносили из кухни в тех же ушатах, что и щи с кашей, и раздавали по камерам в медных кувшинчиках, так что скоро он остывал. Кухонные котлы редко чистились, и поэтому кипяток всегда был мутный от разваренной накипи.

Обед — жидкая водичка с промерзшей капустой и двумя микроскопическими кусочками мяса, вырезанными из бычьего уха или губы. Это варево даже здоровыми зубами прожевывать было невозможно. Каша дается каждый день в мизерном количестве.

Порция — рассчитанная на сытого воробья. По средам и пятницам — обед "постный" — полагается рыба, но от нее в бачке оставался только дух, а материя, согласно закону превращения вещества, оседала в широких карманах тюремного начальства.

Ужин — белая или черная каша из крупы — питательное значение которой немногим выше нуля. Два раза в неделю выдавалась кружка кислого кваса.

В Орловском центре разрешалось выписывать продукты на сумму 4 руб. 20 коп., дополнительно можно было купить сливочное масло и молоко. Эти обстоятельства, почти неизвестные во многих каторжных тюрьмах со сравнительно сносными порядками, не гармонировали с общим духом центра. Так же каторжане имели право один раз в две недели посылать и получать письма. Одно время даже разрешалось выписывать книги из библиотеки, пользоваться чернилами и бумагой.

Новоприбывшие на протяжении целого месяца лишены прогулки. Происходит умышленное *оглушение*, чтобы обессилить человека, истощить его энергию, притупить чувство протеста. Их держат изолированными в одиночной камере. Даже бессрочные, которым свежий воздух нужен больше, чем другим, выпускались не более двух-трех раз в неделю.

На прогулку всегда возлагалось много надежд. До тошноты прискучило одиночество, хочется пройтись, вдохнуть в легкие свежий воздух, поговорить с товарищами, узнать новости, сориентироваться и определить свое поведение.

Только на 27-й день после моего прибытия в Орел открылась дверь одиночки, надзиратель Маслобенко зычно крикнул:

— Бери шапку! Гони на-низ! Живо!

Внизу у левой стены уже выстроилась партия каторжан в затылок по два человека. Стоят, не шелохнувшись, вытянув руки по швам и упорно глядя перед собой в одну точку. Стараясь не быть замечен-

ным, осторожно озираюсь по сторонам, приглядываясь к арестантам, высматривая кого-нибудь из знакомых.

Любая историческая эпоха и каждая страна создает особый тип людей, отличающихся друг от друга даже по внешнему облику и по манерам. Точно так же и каждая тюрьма вырабатывает свой особый тип арестанта. Там, где порядки хоть немного похожи на человеческие, там и арестанты похожи на людей. В Орловском центральном на всех лицах выражение подавленности, отпечаток несправедливого положения и безнадежности протеста. Не только все уголовные, но и многие политические, люди, много раз сидевшие в тюрьмах, здесь особенно *принижены и запуганы*.

Отделенный Богомоллов и старший надзиратель Маслобоевко важно расхаживают по коридору и без всякого повода отпускают направо и налево пощечины. Один не так держит руки, другой, спускаясь по лестнице, не придерживает кандалов, третий на какой-то неожиданный вопрос взял да и выпалил "да", вместо "так точно".

— На прогулке ходить по два человека. Расстояние — на протянутую руку. Пара от пары — на три шага. Без разговорчиков! Слушайся команды!

Держа руки в передних карманах брюк и величественно покачиваясь торсом, Богомоллов гаркнул:

— На-а-кройсь!

Все сразу надели шапки. Выждав паузу, он снова кричит:

— На л-е-во!

Заключенные, в такт позванивая кандалами, поворачивают налево.

— Ша-го-м, — тянет господин отделенный, зорко оглядывая всю линию, и вдруг сразу выпаливает, — м-марш!

По команде "шагом марш" — мы поворачиваем к выходу.

— Раз, два, три, четыре! Левой, левой! Не отста-
вать! Ногу держи! Сволочь! Раз, два, три, четыре!
Раз, два, три, четыре! — кричит надзиратель, когда
все проходят по длинному коридору.

Наконец, мы на тюремном дворе. Посередине име-
ется круг, по которому и совершается короткая
прогулка. Кроме старшего, мы окружены целым
кольцом надзирателей, которые не спускают с нас
настороженных взглядов.

— Первые ряды на месте! — раздается новая ко-
манда, как только последняя пара вышла из кори-
дора. — Дистанция! Не налезай! Помни расстояние.
Шагом марш!

Надзиратели следят, чтобы арестанты ходили в
ногу. Ножные кандалы затрудняют движение. Осо-
бенно тяжело старикам, прибывшим с Кавказа и го-
родов Средней Азии. Они по-восточному прижима-
ют руки к бокам, русского языка не знают, то и де-
ло путают команду. За это тут же на месте следует
расправа кулаками или ключами.

— Ты чего ногой болтаешь? Ходи как следует!
Короче шаг! Прямой держи! Не налезай, вшивый
ирод! Раз, два, три, четыре! Левой, левой!

Мечтая в течение целого месяца о прогулке, ра-
считываешь с кем-то поговорить из близких тебе лю-
дей, наметить план борьбы за изменение ненавистно-
го режима. Но куда там. Не до обсуждения тут было.

III

Как и во всех крупных тюрьмах России, в Орлов-
ском центре имелись мастерские по изготовлению
арестантских штанов и котов^б, кандалов и гробов.
Портняжная, сапожная, столярная и переплетная
мастерские обслуживали бесплатно или за ничтож-
ную плату всю тюремную администрацию, а также
членов губернской тюремной инспекции, и в первую
очередь семью губернатора. Мастерские находились

на обще-тюремном бюджете и составляли часть самодовлеющего, замкнутого в себе тюремно-крепостнического хозяйства. Но, кроме них, в центре были еще и мастерские, принадлежащие частным подрядчикам, пускающие на вольный рынок обувь, кровати, багетные рамы, бумажные кульки, картонажные изделия. Для подрядчиков мастерские давали большую выгоду. Этому содействовали не только нищенская оплата труда, но и отсутствие расходов на санитарию и гигиену. Ловкие дельцы умело превращали арестантский пот в звонкую монету.

Вот неожиданно открывается обитая железом дверь камеры и в нее молча входит изможденный, с серо-желтым лицом каторжанин. В руках у него большая холщевая простыня с соломой. Не здороваясь, избегая смотреть в лицо товарища, он молча ставит на железный столик деревянную бутылку и вынимает из-за пазухи пучок толстых серых ниток. Нарочито громким голосом, чтобы стоящий тут же господин надзиратель ни в чем "предосудительном" его не заподозрил, он начинает объяснять, как из пучка соломы приготовить колпак для винной бутылки. Работа заключалась в следующем: заранее заготовленную на особом станке солому надевают на деревянную бутылку и специальной иглой обшивают низ, серединку и верхушку. Солома грязная, пыльная, каждый пучок приходится вертеть десятки раз, в результате пол, стены камеры, где находишься почти круглые сутки, уши, нос, рот, — полны перетертой соломенной пыли.

В первые дни с этой работой не очень торопили, но потом отделенный каждое утро стал обходить всех работающих, записывал число сшитых колпаков, и, если кто-то отставал от нормы, то провинившегося наказывали побоями.

Зимой мы начинали трудиться в шесть часов утра, летом в пять. В месяц нам платили от 10 до 14 ко-

пеек. Когда кончился подряд на шитье соломенных колпаков для винных бутылок, нас, сидевших в одиночках, заставили щипать гусиные перья.

IV

В Орловском центре карцеры помещались в одиночном корпусе, занимавшие два крайних угла на каждом этаже. Карцер представляет собой урезанный треугольник, одна сторона которого выходит в сени, которые ведут на прогулочный двор, другая — в коридор, а третья примыкает к соседней одиночке. Пол покрыт асфальтом. Карцер круглый год не отапливается. Стены толщиной в метр. На полу, вплотную к стене, устроен крошечный помост — ложе для спанья. Матрац, подушка и одеяло — отсутствуют. В углу, возле дверей, стоит маленькая параша, надтреснутая и протекающая, ее никогда не промывают, и она насквозь пропитана ароматами, от которых делается тошно. На помосте лежит паек — кусок черного хлеба, рассыпано немного соли и тут же медная позеленевшая и проржавевшая кружка с холодной водой. В карцере никогда не просыхает сырость. Воздух затхлый, тяжелый, везде грязно, заплесано, загажено, намочено. Состояние карцеров не было тайной для высшего начальства. Особенно плохо тем, кто закован в ручные и ножные кандалы. Ремень и подкандальники отбираются, и цепи приходится при малейшем движении влачить за собой по скользкому полу. Многие каторжане провели в карцерах по 100 суток.

Темно... Тошно...

Дни тянутся с тоскливой, однообразной медлительностью. Пожуеть черный хлеб, запьешь его холодной, сырой водой с противным, застоявшимся запахом нечищенной меди, пробуешь сделать несколько шагов, потом сядешь и начнешь в тысячный раз думать о давно уже *передуманном*. Когда надоест копаться в области фактов, мысль перелетает в

царство мечтаний. Фантазируешь о том, чего никогда не было и никогда не будет, строишь один воздушный замок за другим, расцветиваешь их в радужные цвета своих желаний и уносишься мыслями далеко-далеко от неприглядной действительности своего бытия. Или же, очнувшись от сна, наяву, ощупью подползешь к двери, приложишь ухо к какой-нибудь щелочке и станешь с лихорадочной жадностью ловить малейшие звуки, доходящие до коридора, стараясь по ним восстановить то, что сейчас творится за пределами карцера. Когда и это занятие надоест, уляжешься на досках, сожмешься в комочек и пробуешь уснуть. С нетерпением высчитываешь, когда же, наконец, переведут в светлую камеру, дадут кипяток и обед, разрешат поспать хоть одну ночь на брезентовой койке. Этого ждешь, как чего-то необыкновенного и соблазнительного, заранее предвкушая удовольствие.

На четвертый день полагается свет, горячая пища, прогулка. Но это только "по закону", — на бумаге. В Орле прогулки карцерному совсем не давали, даже если он приговорен на целый месяц, — *максимальный срок*, который разрешалось давать в один прием.

Не решаясь зимой спать на голом асфальтовом полу, я четыре ночи провел в сидячем положении, устроившись на коротенькой и узенькой скамеечке, прибитой к стене подле железного столика, возле самой параши. Подушкой служил железный столик. Из карцера я вышел измученный, с воспаленными глазами и шатающейся походкой, бледный, грязный, с растрепанными волосами.

V

Доктор Рыхленский — не редкое исключение человеческого приспособления к гнуснейшему режиму. От надзирателей он отличался тем, что носил пенсне, изысканно одевался, стриг бороду не лопатой, а в

виде эспаньолки, курил не махорку, а дорогие папиросы. Доктор никогда не бил заключенных, но зато больных чахоткой он помещал в одну камеру со здоровыми.

Уважением и любовью пользовался его заместитель, доктор Абрам Соломонович Лисохин. Он всеми доступными средствами пытался облегчить наши страдания. На свою скромную зарплату Лисохин покупал дорогостоящие лекарства и раздавал нам их бесплатно, многих подкармливал, приносил лук и чеснок.

Тюрьмы всех времен и народов, была ли то глубокая яма, кишевшая крысами, каменный ли мешок, где заключенных приковывали к стене, средневековый ли русский острог, где арестантов даже не кормили, а в цепях под охраной заставляли выпрашивать милостыню на площадях, была ли то Тауэрская башня в Лондоне, Шильонский замок на Женевском озере, Бастилия в Париже или наши отечественные — Петропавловка или Шлиссельбург, — все тюрьмы причиняли своим "питомцам", заключенным-каторжанам, физический и морально-нравственный ущерб.

— У меня нет каторжан с плохим поведением, — писал начальник Псковского централа П. И. Черлениовский. — Про каждого, кто от меня уходит, я даю такой отзыв: тих, почтителен, скромен. Неисправимых я просто уничтожаю.

В делах архива Орловского централа мы нашли несколько папок с бумагами, относительно отправки каторжан в Казанскую и Московскую окружные психиатрические лечебницы. Их отправляли не для лечения, а ради проверки, не симулируют ли они.

САМОУБИЙСТВА

В Орле их было больше, чем в любой каторжной тюрьме. Политического Мирошниченко, прибывшего из Новочеркасска, страшно избили, на следующий день он пытался повеситься. Его сняли с петли живым, но он вскоре умер. В одиночной камере сжег себя Яковенко. Помощник Анников, прибежав по тревоге, бил его лежащего и полуобнаженного. На третий день Яковенко умер, не приходя в сознание. Сергей Кудрявцев, профессор Харьковского университета, снятый с петли и потом сошедший с ума, и Петр Лютиков, накинувший на себя петлю и зверски избитый, — умерли в тюремной больнице. "Удачно" повесились и были сняты с петли холодными трупами: петербургский студент-медик, сионист Альберт Борисович Сапотницкий, осужденный на шесть лет; Маларчук, Грибанов, Гутин, Эскин, Курагин, Сикорский, Петр Судик — ночью повесился в шестой камере четвертого отделения. Степан Чередников — надел на шею веревку и закрутил ее деревянной ложкой, Бальцеровский, Фатеев, Михаил Новиков — чахоточный, выпоротый за участие и обструкции, Шубович, Грабов — бросились с лестницы и разбились насмерть. Абрам Хинчук сбросился с верхней площадки, то же самое сделал Зуев. Чудом уцелел Хинчук. Его расстреляли в 1939 году. Невинно осужденный на бессрочную каторгу А. Розен, нещадно избиваемый, бросился через перила третьего этажа на асфальтный пол, разбился, впал в тихое помешательство и через год умер, не приходя в сознание.

С 1908 по 1916 гг. САМОУБИЙСТВОМ ПОКОНЧИЛИ — 2710 ЧЕЛОВЕК.

У политического Петра Мамонтова нашли во время обыска порошки от кашля.

— Зачем так много? — закричал на него отделенный. — Ты что, больницу решил открыть, или аптекарский магазин? Выходи!

Мамонтов вышел в коридор, звеня кандалами. Надзиратель ударил его кулаком, он поднял крик, это еще больше разъярило дядьку. На помощь к нему подоспели надзиратели.

— Ты чего церемонишься с этим говном? — подзадоривали они. — Ишь, черт, еще царапается. Дай-ка ему под бока!

Мамонтова били до тех пор, пока он не свалился на вонючий пол. Из горла у него пошла кровь. Послали за фельдшером, но пока тот удосужился прийти в карцер, Мамонтов умер.

НЕМАЛО КАТОРЖАН УМЕРЛО ОТ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ.

— Мы, — по суворовски, говорили орловские надзиратели, — четырех уничтожим, но одного непременно исправим.

VII

Это событие произошло 9 августа 1910 года. С утра солнце почти не светило. Небо заволочло тучами и днем казалось, что наступили сумерки. Воздух был душный, давил, словно густой туман, и вызывал у всех раздражение. Люди огрызались по самому ничтожному поводу.

В тот день на хлопковой машине № 10 работал Иван Трофимович Богданов. Недалеко от него, в углу, под навесом трудился Иван Васильевич Ионов. Друзья имели длительные сроки — 15 и 20 лет. Обоим нередко попадало от старшего надзирателя Ветрова. В три часа дня в машине произошла поломка, послали за плотником. Богданов схватил топор, которым "на хлопках" рубят в куски старые канаты, догнав Ветрова, он в один прием уложил его на месте. Ионов сорвал с убитого револьвер и бросился к

кузнице. Стоявшие поблизости надзиратели стали стрелять в Богданова и Ионова, но от волнения их револьверы все время давали осечку. Встретив надзирателя Андреева, Ионов выстрелил в него, потом побежал в кузню:

— Нате, ребята, револьвер, стреляйте в остальных гадов! Все равно так жить нельзя, они нас всех перебьют не сегодня, так завтра.

Размахивая топором, Богданов бросился искать остальных надзирателей. Все дядьки попрятались, кто куда. Двое постовых остались на месте, один забился в угол ограды. Богданов, размахнувшись, бросил в него топор, но не попал. В нескольких шагах от него находился надзиратель, он выстрелил и попал в лоб. Кто-то из охранников успел нажать кнопку тревожного сигнала. Все свободные от дежурства надзиратели и караульные, во главе с помощником начальника Симашко, устремились к месту происшествия. Побелевшие от неожиданности и ужаса каторжане ("на хлопках" находилось человек 90), моментально бросили работу и, словно загипнотизированные, смотрели на ворота, через которые входили вооруженные солдаты и надзиратели. Увидев их, Ионов и другие каторжане схватили валявшиеся возле кузни куски железа.

— Смирно... На колени! Руки вверх! — крикнул старший надзиратель Захар Козленко.

Став возле дверей мастерской, он стал палить из револьвера. Едва показался Ионов, державший в руках кирпич и железину, заметивший его помощник начальника тюрьмы Симашко приказал надзирателю Гусеву стрелять. Тот в один прием убил Ионова. Вслед за этим Козленко выпалил из револьвера в первого попавшегося. Василий Ляшко упал, обливаясь кровью. Заметив старика Юдина, Козленко два раза выстрелил ему в живот. Надзиратели до того обезумели, что прибежавшему начальнику тюрьмы пришлось с шашкой удерживать их от дальнейшей расправы. Надзиратели выстроились в две ше-

ренги и, действуя прикладами, рукоятками револьверов, кулаками, сквозь строй прогнали всех каторжан, работавших в мастерских. На помощь примчались граф Сонгайло, Мацевич, Ротов, Маслобенко. Затем прибыл губернатор с помощником тюремного инспектора. После того, как убрали раненых и убитых, губернатор приказал отобрать 20 зачинщиков, которых на рассвете выпороли розгами. Каждый получил по 50 ударов. 93 человека отправили в одиночные карцеры. Кроме работающих, брали наиболее активных, внушающих подозрение.

17 человек следователь предал суду. Тюремное начальство было убеждено, что суд приговорит "главных зачинщиков" к смертной казни через повешение, в крайнем случае, к бессрочной каторге. Но даже ЦАРСКИЙ СУД не считал возможным так поступить и ОПРАВДАЛ ВСЕХ ПОДСУДИМЫХ.

1. Иосиф Генкин, один из главных редакторов серии "Жизнь замечательных людей", издательство "Молодая Гвардия". Расстрелян в 1938 году. Его сын, Бенъямин, старший лейтенант, талантливый журналист и прекрасный пианист, погиб на фронте в 1944 году.

2. В камерах Орловского централа. Воспоминания политкаторжанина. Партийное издательство ЦЧО, Воронеж, 1934. Тираж 5.150. Редактор И. А. Сафонов.

3. Сафонов расстрелян в 1939 году.

4. По всей России действовали военные и военно-полевые суды, быстро рос лес виселиц, еще быстрее наполнялись каторжные тюрьмы. Если в 1905 г. число осужденных на каторгу доходило до 6150 человек, то в 1906 г. каторжан насчитывалось 7800, в 1907 – 9720, в 1908 – 16500, в 1909 – 23100, в 1910 – 28450, в 1913 – 33000 человек...

5. В Орле очки у вновь приходящих отбирались; чтобы их получить, нужно было заручиться специальным разрешением тюремного врача.

6. Род обуви.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОВЕТСКАЯ КАТОРГА

I

Меня арестовали 27 сентября 1930 года. Восемнадцать месяцев я находился под следствием в одиночных камерах Лубянки и Бутырской тюрьмы.

Главным следователем была Мариана Герасимова¹. С ней мне доводилось встречаться в писательских и журналистских кругах, в Доме Печати, на различных конференциях, хозяйственных активах, театральных премьерах. Тогда мы не знали, что она старший следователь ОГПУ. В обществе Герасимова была обаятельной, умной, тактичной и даже застенчивой. Ее образованность и знание языков открывали дорогу к большой карьере. На всю жизнь запомнилась первая встреча в подвале Лубянки. Когда меня ввели, она сидела за столом и небрежно курила сигару. Приветливо поздоровалась. Пуская дым кольцами, спросила:

— Когда-нибудь надо начинать?

Кокетничая, предложила подписать чистые бланки протоколов допросов, а потом идти... домой.

За собой я не чувствовал никакой вины. Самое большое ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ Я СОВЕРШИЛ ПЕРЕД ЖЕНОЙ И ДЕТЬМИ, ЭТО ТО, ЧТО ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ В РОССИЮ, поверив лживым уверениям Ленина и его прихлебателю Луначарскому. Они ответственны за мою поруганную жизнь.

Посмотрев на меня большими серыми глазами, Герасимова вторично спросила:

— Евгений Исаакович, подписывать будете?

— Подписывать ничего не буду, заранее отказываюсь от дальнейших показаний.

Герасимова переменялась на глазах. Обаятельность и благородство в миг исчезли, глаза, злобно сверкнув, выкатились на меня. Выговаривая каждое слово, она отчетливо проговорила:

— Нам все известно. Мы знаем, что во время командировок в Казахстан вы встречались с Троцким, что, находясь в Америке, переписывались с ярым врагом большевистской партии Жаботинским, вы — активный член подпольного сионистского движения, вы стоите за экономический раскол молодого советского государства! В Общество Политкаторжан вы пролезли для того, чтобы еще больше вредить нашей партии. Обо всем этом подробно сказано в служебной записке товарища Ярославского, который по-партийному успел нам вовремя сигнализировать.

Я рассмеялся.

Герасимова осеклась, поняла, что переборщила. После недолгой паузы решила перейти к прямым угрозам:

— Будете отпираться, играть в молчанку, тогда придется, помимо моей воли, применить насилие. Здесь некому жаловаться. Неужели, Евгений Исаакович, вам не жалко детей и жены, старой матери, Брайны Ароновны? Еще раз взгляните на фотографии своих близких! Мне вас жалко, Гендлин, идите в камеру, подумайте, что вас ожидает.

Моральная экзекуция продолжалась несколько дней.

По ночам я слышал крики и стоны подследственных.

На допросы вызывали в полночь. Яркий свет слепил глаза. Следователь велела раздеться. Я часами стоял обнаженный перед женщиной. Мариана Герасимова, одетая в теплый дубленый полушубок, сидела в мягком кресле, курила неизменную сигару, пила крепкий, душистый чай с лимоном. А я, давно

небритый, невымытый, измученный, вынужден был давать показания о несуществующих в природе преступлениях. В одну из таких ночей следователь взяла в руки железную палку с острым наконечником, накалила ее на огне и стала делать *прижигание*. Я закричал. Боль нестерпимая. Улыбнувшись, Герасимова показала белые, ровные зубы. Все происходило точно так же, как в романе Шарля де Костера "Тиль Улиеншпигель".

— Ну, сволочь, будешь ты, наконец, отвечать, когда тебя спрашивают? Будешь подписывать то, что от тебя требуют? Начнешь говорить, ирод проклятый? В последний раз к тебе обращаюсь, да или нет? Я продолжал молчать.

— Все вы такие, жицы проклятые! Как я вас ненавижу!!!

Она снова схватила железную палку, накалила на огне и с остервенением стала наносить удары по всему телу. Я потерял сознание. Несколько раз надзиратели обливали меня холодной водой. Но это не помогло. Видавшие виды тюремщики испугались. Идти я не мог. Старший надзиратель Кулаковский и фельдшер Лапшин² на носилках отнесли меня в лазарет. Удобная кровать, свежий воздух, компрессы и мази постепенно вернули к жизни. В палате находилось девятнадцать человек. Многие были "пациентами" Герасимовой.

Как я завидовал Федору Михайловичу Достоевскому. Ему, просидевшему несколько лет на царской каторге, было, повидимому, ГОРАЗДО ЛЕГЧЕ, у него был БОГ, и все ЕГО чаяния, мечты и надежды были связаны ТОЛЬКО С НИМ.

В Орловском центре у меня все-таки были книги, чернила, бумага в неограниченном количестве, я получал письма с воли. Там, за решеткой, я прошел самостоятельный курс гимназии и университета, сносно изучил пять языков: английский, иврит, испанский, немецкий и французский. Выйдя из тюрь-

мы, я умел говорить, писать и читать на этих языках. И все это за четыре года. А что меня ожидало на СОВЕТСКОЙ КАТОРГЕ, или в лучшем случае в КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ? РАБСКИЙ, ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД?

С Лубянки меня перевели в Бутырскую тюрьму. Поместили в общую камеру. Рядом были живые люди. Соседями оказались профессора Боголюбский — энергетик, Ясензон — нефтяник, Говоров — физик-математик, Рощин-Инсаров — специалист по синтаксису и русской грамматике. Некоторые из них в молодости знали Ленина, были товарищами Сталина по царским тюрьмам и революционному подполью. У них было безупречное прошлое. После перенесенных пыток их отправили в больницу. Они написали "личное" письмо в Кремль — Сталину.

В лагере я узнал, что их РАССТРЕЛЯЛИ.

В тюремной больнице провалялся сто дней. После "выздоровления" снова подвал центрального корпуса внутренней тюрьмы на Лубянке.

Как-то в камеру надзиратели толкнули избитого человека. Широколобый, сытый "товарищ", с влажными с поволокой глазами и мокрыми губами, мне не понравился. Незнакомец назвался доктором Гусаковым. Говорить с ним не хотелось. Все беседы "сосед" пытался повернуть на политические темы. Притворившись глухим, я хранил молчание. "Примитив-наседка" посоветовал "во всем" чистосердечно признаться, подписать протоколы допросов и просить следователей ускорить отправку дела в суд. Ничего не добившись, "доктор" постучал в двери, он пожаловался на сильные боли в желудке. Больше я его не видел. "Наседок" продолжали подсаживать на этапах, пересыльных пунктах, в тюрьмах, лагерях.

Снова вызов к Герасимовой. Обворожительно улыбаясь, она участливо справилась о моем здо-

ровье, сказала, что насильственных допросов больше не будет.

— Евгений Исаакович, — мягко проговорила она, — позвольте вам предложить стакан кагора и бутерброды?

— От вас мне ничего не нужно. Ваш пряник не слаще жгута.

— На пищу не следует обижаться, — сказала Герасимова. — Поймите меня правильно, я хочу облегчить вашу судьбу, избавить вас от лишних страданий. Об этом меня просили ваши друзья и товарищи. Признайтесь во всем, подпишите протоколы, которые я набросала во время вашей болезни, и мы тут же мирно закончим ваше дело. Обещаю приложить все усилия, чтобы приговор был как можно мягче.

В такой, казалось бы, трагический момент я вспомнил шуточное стихотворение неизвестного автора: "У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил, и на камне написал, что у попа была собака, он ее любил..." и т. д. Разница между мной и собакой попа была в том, что хозяин убил собаку за съеденный без разрешения кусок мяса, а меня без всякой причины обрекли на многолетние страдания.

В допросах стали принимать участие старшие следователи: Милованов, Кудышкин, Брянцев-Костяков. Слышал, что их расстреляли в 1939 году.

Меня перевели в камеру с ярким освещением. Свет горел круглосуточно. Путались мысли. Участились головные боли. Лекарства не давали. Очки запрещены. Ночные допросы. Днем спать не разрешалось. Койка запиралась. В уборную выводили два раза, утром и вечером. Появились зрительные и слуховые галлюцинации. Во время первых трех допросов следователи проявили вежливость и корректность. Но это была только видимость. Снова начались избиения. Били остервенело, методически-продуманно — кулаками, ремнями, топтали сапогами,

наносили удары железной палкой. После вторичного двухмесячного пребывания в тюремной больнице меня 92 дня продержали в камере *смертников*. Старший надзиратель, Розвальнев, ежедневно приносил завтрак. Потом приходили военные, приказывали без вещей спуститься вниз, затем завязывали темной повязкой глаза. Каждый раз другой голос скороговоркой читал *"приговор"*:

"...за подрыв экономической мощи советского государства, за сионистскую и контрреволюционную деятельность Гендлина Евгения Исааковича приговорить, согласно (таких-то статей), к высшей мере наказания — *расстрелу*. Настоящий приговор обжалованию не подлежит..."

Давалась команда:

"Приговор привести в исполнение! По врагу народа — огонь!!!"

Пули летели мимо, но я каждый раз терял сознание, падал замертво.

Мои некогда черные, курчавые волосы стали белыми. Заболели зубы, кровоточили десны, ухудшилось зрение, по ночам одолевала слепота. После очередных *"расстрелов"* я по ночам истерически кричал. В чувство приводили ведра холодной воды. Два месяца я находился в карцере сырого подвала. Крысы, мрак, вода — навеки сделали меня инвалидом.

МУЧИТЕЛЬНО ПРОШЕЛ ГОД В КАЗЕМАТАХ ЛУБЯНКИ.

Следователи переменили тактику допросов. Они потребовали, чтобы я сделал для них список знакомых сионистов и троцкистов. Предложили *"контрольную цифру"* — пятьдесят человек. Я сказал, что среди моих товарищей нет сионистов, и тем более троцкистов. Но, если даже таковые имеются, то я их не знаю. За угрозами последовали новые побои.

19 сентября 1931 года мне было приказано собраться с вещами. От свежего воздуха закружилась голова. Я зашатался. Меня втолкнули в клетку "черного ворона". Снова знакомый двор Бутырской тюрьмы. Надзиратель отвел в общую камеру. Среди заключенных-сокамерников встретил старых знакомых: профессоров, философов, преподавателей литературы целого ряда институтов, ведущих работников крупнейших издательств, редакций газет и журналов.

Никто из нас не забыл морзянки. По ночам мы перестукивались с соседними камерами. Тюрьма была набита политкаторжанами. В общей камере жилось намного легче. Из библиотеки нам приносили книги, газеты, журналы. Мне возвратили очки. Кто-то пустил слух, что библиотекой Бутырской тюрьмы заведует эсерка-террористка Фанни (Дора) Каплан, которая стреляла в Ленина во время его пребывания на заводе Михельсона в Москве. Надзиратель, бывший жандарм Иннокентий Боровиков, сказал, что Каплан собственноручно застрелил коменданта Московского Кремля Мальков.

Мариану Герасимову заменил следователь с красным, опухшим от пьянства лицом — Федор Черновяз. Говорил он тихо, его вкрадчивый, приглушенный, с хрипотцой голос я узнаю и через сто лет. На первом допросе он прямо сказал:

— Нам надоело с вами возиться, вы у нас не один. Предлагаю немедленно, по-хорошему, подписать протоколы допросов. Иначе выколем глаза, потом вырвем язык, затем — расстреляем, а семью вашу сотрем в порошок.

На втором допросе следователь торжественно произнес:

— Сегодня с вами будет беседовать видный деятель большевистской партии и советского государства товарищ Емельян Михайлович Ярославский.

Еще раз я убедился, какую РОЛЬ сыграл в моем

”деле” ”псевдореволюционер”, которому Луначарский в недалеком будущем прочил звание академика.

По молчаливой договоренности со следователем, Ярославский протянул мне руку, но она неподвижно повисла в воздухе.

Ярославский сердито сказал:

— Отпираться бесполезно. Как бывший ваш товарищ по Обществу Политкаторжан, рекомендую чистосердечно во всем признаться.

— Почему вы меня оскорбляете? Разве вы когда-нибудь были моим товарищем? Вы напрасно теряете время.

Меня отправили в камеру.

Потом узнал, что Емельян многих ”напутствовал”. Он мастерски играл роль ”исповедника”. Некоторые стали ”сознаваться” и ставить свои подписи под протоколами допросов. Писали клеветнические доносы — заявления на себя, друзей, товарищей, родных и близких, а потом следовало незамедлительное возмездие — расстрел или длительная отсидка в концентрационном лагере. Политкаторжанин Павел Шуб написал донос на жену, старшего сына, сестер и братьев. Их всех — *расстреляли* на глазах у Шуба, — отца-доносчика. Клеветника отправили в лагерь. В 1937 году он сошел с ума. Его расстреляли.

Меня перевели к уголовникам. За то, что я читал им популярные лекции по литературе, знакомил с поэзией, о которой они не имели никакого понятия, говорил о живописи, рассказывал про Америку, Палестину, Японию, Францию, Германию, Италию, Китай, про жизнь в царских тюрьмах, — они прозвали меня ”профессором”. Их все интересовало. Более благодарной аудитории мне не приходилось встречать. Они щедро делились со мной продуктами, мыли за меня пол, выносили парашу. На нарах второго ”этажа” отвели самое удобное место. После сви-

дания с женой и детьми я на короткое время воспрянул духом.

II

В марте 1932 года особое совещание приговорило меня к 10-летнему заключению в исправительно-трудовых лагерях. Приговор прочитал начальник Бутырской тюрьмы Привалов. Он пробурчал:

— Приговор обжалованию не подлежит. Можёте жаловаться, но все равно — бесполезно!

Мои друзья-уголовники посоветовали набраться терпения и ждать вызова на этап. На душе стало спокойней. Перестала мучить неизвестность. Разрешили передачи. Жена принесла туалетное мыло, теплое белье, куртку, свитер, зубную щетку с порошком, носки, рубашки.

Четырех инженеров, Берту Липштейн, Юрия Богаткова, Наума Петкера, Ашота Ованесова, проходящих по одному делу, следователи забили насмерть. Допросами руководила Мариана Герасимова. Об этом убийстве узнала вся тюрьма. Заключенные, политические и уголовники — объединились. Тюрьма поголовно объявила голодовку. Решения по камерам принимались стихийно. Надзиратели боялись заходить в камеры. Заключенные требовали следователей-насильников предать суду и запрещения допросов с применением побоев и различных пыток. Трое суток никто из нас не притронулся к еде. Тюремное начальство забило тревогу. Новый начальник Бутырок — Афанасий Бахтин бежал со своим штатом по камерам, униженно причитал в глазок:

— Братцы, родненькие, надо кушать! Клянусь здоровьем, что меры непременно будут приняты.

Начальнику никто не верил.

Разнесся слух, что в тюрьму прибыли начальник ОГПУ Ягода и начальник отдела тюрем Тапуридзе. В нашу камеру они вошли в сопровождении Бахтина,

старших надзирателей и военных, которые на поводках держали откормленных немецких овчарок. Услужливые надзиратели подали начальству стулья. Старший надзиратель Онуфриев протер табуретки чистым носовым платком. Бахтин приказал всем встать. Мы построились шеренгой вдоль нар. Тапуридзе обвел нас тяжелым взглядом выпуклых, стеклянных глаз. С сильным грузинским акцентом он гаркнул:

— Если сегодня же не прекратите голодовку, каждый пятый в присутствии своих товарищей будет расстрелян. Этот грех я готов взять на себя. Все! Разговор окончен! Приступить к еде!

Впервые я так близко увидел Генриха Ягоду. Один его взгляд мог поведать о многом. Он раскрыл целую гамму настроений этого человека: властолюбие, похоть, алчность³.

В камере раздался шорох. Расталкивая товарищей, на середину вышел маленький, близорукий, невзрачный человек, — профессор химии Томского университета Модест Танеев, родственник прославленного композитора.

— Гражданин начальник! — обратился он к Ягоде, интуитивно считая его старшим. — Разрешите задать вам только один вопрос?

Натренированные псы, рыча, стали рвать поводки. По первому сигналу хозяев, таких же свирепых, как и они, собаки готовы были разорвать на куски говорившего.

— Обращайтесь! Назовите свою фамилию, — благосклонно улыбаясь, разрешил всесильный начальник ОГПУ. Очевидно, Ягода подумал, что профессор представляет камеру, возможно, и всю тюрьму, и что он, наверняка, начнет каяться, будет просить о снисхождении. Сидящие у власти всех времен и народов любят принимать покаяния у нижестоящих, — повергнутых врагов.

— Благодарю вас. Моя фамилия Танеев. Сорок

пять лет я преподавал химию. Образование получил в России, Берлине, Париже. Мне шестьдесят девять лет. Я беспартийный. К партиям не принадлежал. Я давал людям знания, мечтал, чтобы в России было как можно больше интеллигентных людей. Полтора года я нахожусь в тюрьме.

Ягода заерзал на табуретке.

Тапуридзе визгливо крикнул:

— Прекратите болтовню!— из кармана брюк он вытащил револьвер.

— Простите, гражданин начальник, для чего такая предосторожность против безоружных людей? Надеюсь, что вы позволите закончить прерванную мысль?

Уголовники властно прошипели:

— Начальник, убери револьвер, а то мы тебе и твоим собакам глотки перегрызем! С нами не следует шутить. Старика не трогать! Пусть договорит.

Танеев продолжил:

— В тюрьмах вы уничтожаете лучших людей России. Я знал Юрия Богаткова и Наума Петкера. На каком основании вы убили их молодость? Я не хочу больше жить, не хочу стать мишенью вашего произвола. Вам все равно не миновать Высшего Суда. Я кончил.

Модест Григорьевич Танеев проглотил таблетку. Через секунду он упал. Тело его обмякло, глаза закатились, он был мертв.

Потрясенная камера, увидев рядом смерть, молчала.

Молчали задумавшиеся Ягода и Тапуридзе.

Молчал временщик Бутырской тюрьмы Бахтин.

Молчали надзиратели.

Только собаки вытягивали длинные, влажные языки и злобно щелкали зубами.

Выдавшая виды тюрьма не испугалась угроз Тапуридзе. Голодовка продолжалась. Начальника тюрьмы Бахтина арестовали. Его сменил великан Рогожин, племянник Михаила Ивановича Калинина. По

всем камерам читались выдержки из приказа, в котором говорилось, что старший следователь Мариана Герасимова и следователи, повинные в убийстве четырех инженеров, из органов уволены, исключены из рядов ВКП/б/, и в ближайшее время предстанут перед военным трибуналом.

Испугавшись голодной забастовки, которая молниеносно охватила все московские тюрьмы, руководители ОГПУ приняли срочные контрмеры. Заключенных, кроме подследственных и смертников, стали готовить на этапы. Об этом нам по секрету сообщил библиотекарь Сергей Витальевич Буреломов, один из старейших музейных работников России, крупнейший испанист, прекрасно знавший литературу, историю и искусство этой великой страны. По рекомендации Луначарского, студенты Московского университета пригласили Сергея Васильевича прочитать лекцию об испанской культуре XVII — XVIII веков. Буреломов назвал испанскую литературу одной из ведущих в мире. За такое высказывание он получил — ДЕСЯТЬ ЛЕТ. В 1938 году мы встретились с ним в Карелии. Буреломов умер от истощения.

Сообщение библиотекаря относительно этапа разносилось по всем камерам. Этапа мы ждали, как избавления. Тогда мы еще не знали, что такое ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ. Уголовники лагерей боялись, как огня. Работать они не хотели и не умели. Понимали, что вольготной жизни там не будет.

Раннее весеннее утро. Накрапывает мелкий, холодный дождик. Защелкали засовы. В камеру вошли надзиратели Полканов, Ножнов, Онуфриев, Зверюгин, Маслобоев. Раздается команда:

— С вещами на этап, собирайся!

Ко мне подошел Феофан Бенедиктович Калашников:

— Тридцать восемь лет я был настоятелем Собора.

Против верующих они объявили крестовый поход. Евгений, ты хороший, душевный человек. Помни, что с нами всегда Бог. Веру в него ничем нельзя убить, — ни тюрьмой, ни каторгой, ни расстрелами. Вот тебе на память нательный крестик, может быть, он поможет тебе перенести неволю, а мне, родной, на погост пора.

По русскому обычаю мы троекратно расцеловались. Калашников осенил меня своим большим крестом.

Надзиратели подгоняли. Двор Бутырок заполнило разношерстное население. Кого здесь только не было! Знаменитые на всю Россию актеры, известные художники, писатели, журналисты, ученые с мировым именем, врачи, адвокаты, угрюмые партийные работники, разжиревшие следователи ОГПУ, служители культа, воры-рецидивисты, медвежатники, профессиональные проститутки, директора фабрик и заводов, начальники главков, дипломаты, учителя, военные спецы, любовницы чекистов... Переключка. Нас разбивают по группам, одна за одной подъезжают грузовые машины, кузова которых переделаны в клетки, словно для перевозки хищных зверей. На пересыльном пункте, на окраине Москвы, нас поджидают "столыпинские" вагоны.

В нашем вагоне около двухсот человек. Нам предстояло спать на сырых досках. От вонючего пота, слепящего махорочного дыма, грязи, истлевшей одежды стало дурно. В Бутырках выдали "сухой паек" на пять дней пути — три килограмма черного хлеба, две ржавые селедки и по одной луковице. За два дня припасы были уничтожены. Мы умирали от голода и нестерпимой жажды. Некоторые заключенные свою скромную еду разделили на несколько дней. Нам, политическим, еще не приходилось видеть озверевших от голода урок. Урки — звери! Звери на воле, звери в лагере, звери в любых измерениях и в любом пространстве. Такова их природная сущность. За корку

хлеба они задушат человека. Урки — негласные хозяйка блатного мира, хозяйка тюрем и лагерей. Воры славятся единством и взаимопониманием.

Крошечное оконце под самым потолком забито железными прутьями. Урки шарят по вагону. У политических они отнимают хлеб и одежду. Инженер из Воронежа, Соломон Файвыш, чемпион города по боксу, схватил двух воругов и со всего размаха стукнул их лбами. Раздался душераздирающий крик. Урки сделали вид, что утихомирились. Утром Файвыша нашли мертвым с кляпом во рту. На остановке мы подняли крик, изо всех сил стучали в стены вагона. Начальник конвоя Молованов приказал уголовников перевести в другой вагон.

“ПУТЕШЕСТВИЕ” В СТРАНУ НЕИЗВЕСТНОСТИ ПРОДОЛЖАЛОСЬ.

Двадцать суток нас везли до Петрозаводска.

По нужде выводили оправляться на полустанках один, редко два раза в сутки. Люди в вагонах — спрессованы. Нас нещадно поедали вши и блохи. От сырой воды рвало, мутило, тошнило. Из 200 обитателей только нашего вагона в пути умерло 110 человек. Люди умирали от дизентерии, брюшного и сыпного тифа. Конвойные умерших выбрасывали в поле. В актах же писали: “Смерть наступила от разрыва сердца”.

В столицу Карелии прибыли ночью. Ноги онемели от сидячего положения, недоедания, общей слабости. До каторжной петрозаводской тюрьмы конвойные хотели погнать нас пешим строем. Начальство заколебалось, побоялись привести мертвецов. Через четыре часа прибыли грузовые машины. Снова перекличка. Из списков вычеркивают умерших. На сорок вагонов их более, чем ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. От ледяного ветра сильное головокружение. Здесь же, на тюремном плацу — повальный обыск. Крики, ру-

гань, побои. Начальник тюрьмы, похожий на царского фельдфебеля, заявил:

— Письма, конверты, фотографии, ручки, карандаши, перья, часы, чернила, бумагу, книги, газеты, журналы, ремешки от часов, портсигары, брючные ремни, золотые и серебряные вещи — сдать. У кого найдем недозволенные предметы, пойдет на отсидку в карцер.

Отдельно от нас сбились женщины — молодые, старые, беременные. После обыска — долгожданная баня. Мы не мылись около месяца. У многих этапников на теле вздулись чесоточные волдыри. Баня крошечная. На табуретке, почти как на троне, важно восседает парикмахер. Он орудует тупой бритвой и заржавленными ножницами. Всех подряд стригут наголо. Ощущаю нестерпимую боль, когда тупым лезвием, без мыла, он сбрасывает на лобке волосы. Истлевшую одежду, обувь, белье — сжигают. Мы получаем взамен старенькое, но чистое белье. Больных — отправляют в тифозный барак, огороженный проволокой. Живыми оттуда не возвращаются.

В камере 60 человек. На царской каторге в таком же помещении находилось — 16 человек.

ВОТ ВАМ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ЕЩЕ ОДНА ПАРАЛЛЕЛЬ...

Утром завтрак — 300 граммов черного хлеба и миска каши.

Седовласый надзиратель, подстриженный под "бобрик", он же секретарь партийной ячейки, Пров Бабоня по прозвищу "Лапоть", прогнусавил правила. После трапезы нас под усиленным конвоем погнали на работу копать рвы для труб и телефонного кабеля, а слабосильных — подметать улицы и чистить уборные.

ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ НОВЫЙ ЭТАП.

Восемь суток добирались до Медвежьегорска. На

сей раз в вагоне было 115 человек. По дороге в пути умерло 38 человек. Из Медвежьей Горы мой путь лежал в Кондопогу, затем в Кандалакшу и в Соловки.

III

Карелия — изумительная страна. Сопки, озера, сосны, чистый прозрачный воздух напоен ароматом, природа — девственна. Зимой ослепительно-белый искрящийся снег, многокрасочное северное сияние. Здесь имеются залежи нетронутой рыбы, девственные леса, в которых так хорошо собирать землянику, чернику, дикую малину, голубику, грибы, мед. Страна благоденствия, она воспета народными сказителями в эпосе "Калевала". Ее руны поют о некогда смелых и бесстрашных карелах, покорителях стихии, и гордом женском сердце.

Нас привезли в самый отдаленный, 14-й лагерный пункт 10-го отделения. У вахты — белобрысый, с крестьянским румяным лицом — начальник Евстигнеев; сухой, с выпирающими ключицами, высоченный гигант, — комендант с редкой фамилией Бородавка, и прочие "ответственные" работники. После проверки — обыск. Затем распределение рабочей силы, — формирование бригад. Впереди меня плечистый, дородный священник-богослов, архиепископ Серафим, в миру — Вольнский.

— Профессия, статья, срок, возраст, — спрашивает нарядчик, сверкая золотыми зубами, как правило, выходец из блатных.

— Известно какая, — проговорил с грустью в голосе отец Серафим, — 58-я с хвостиком, целая десятка, а лет нам совсем немного, всего шестьдесят восемь.

— Почему бороду не сбрил? — кричит визгливо комендант.

— Не положено, гражданин начальник, священнослужителю ходить без бороды. Уж лучше убейте, но

бороду брить не дам. Мои отец, дед, прадед тоже были людьми духовного звания. Борода, как и сан, передаются по наследству.

— Ты, поп, лучше заткнись, а то я тебе покажу наследство и традицию! — зло процедил комендант.

— Что, батюшка, умеете делать? — рявкнул нарядчик. — Какое у вас ремесло имеется?

— Я обыкновенный русский священник. Кроме молитв, умею плотничать, кухарничать, столярничать.

— Ладно, так и быть, мы тебя в дневальные определим. Но помни, чтобы в бараке завсегда было чисто и кипяточек. За порядок собственной бородой отвечаешь. Одно нарушение, отправим на лесоповал. И до женского барака не смей ходить, коли на бабу потянет, заяви письменно, подыщем тебе подходящую старушку, а молодых трогать запрещается.

Плоская шутка понравилась. Начальство весело заржало. Такой диалог был только с внушительным отцом Серафимом. Объяснить его можно тем, что в глубинных местах России люди не могли жить и существовать без Бога. В их глазах ОН единственный помогал им переносить лишения, печаль, одиночество. Почти у всех вольных, которых мне довелось встретить, в боковых карманах курток, гимнастеров, пиджаков хранились партийные или же комсомольские билеты, на нагрудных карманах висели привинченные на винтиках значки с изображением Ленина и Сталина, а дома у них в укромных местах непременно светится лампадка, на стенах из теса, в уголочке накрепко прибиты лики святых и всегда Николай Чудотворец или Святая Божья Мать.

Подошла моя очередь. Назвал себя. Начальник лагпункта назначил меня секретарем-делопроизводителем. Я вел переписку, составлял деловые бумаги, готовил ответы на запросы, писал справки и заявления, заодно проверял отчеты планово-финансового и производственного отделов. Малограмотный Евстигнеев сразу смекнул, какой клад попал к нему в

руки. В отчетах я каждый раз находил "липу". С одной стороны, не хотелось подводить товарищей, а с другой, в любой день могла нагряться управленческая ревизия. Приходилось лавировать и все время ломать голову.

В этом лагерном пункте жилось сравнительно спокойно. Приходили редкие, один раз в три месяца, письма от жены и детей. Но благополучие ведь долго не бывает. Мирной жизни пришел конец.

У начальника лагпункта Евстигнеева была 35-летняя сестра, рябая, хроменькая фельдшерица, которую мы почтительно величали — "доктором" Пелагеей Никифоровной. От нее многое зависело: лекарства, спиртик, очки, освобождение от работы, иногда — мечта всех э/к — "стационарное лечение" до десяти суток. Как-то занозил палец. Пошел в медпункт. Хроменькая Пелагея проявила необыкновенное внимание. Ловко сделала прокол, бережно надела повязку, без просьбы дала освобождение на четыре дня. Прощаясь, ласково сказала:

— Евгений, зайди ко мне вечером, поговорить надобно о твоём здоровье.

Освобождением я не воспользовался. Работа была легкая. Выполнял ее с удовольствием. Вечером отправился к фельдшерице. Пелагея вела себя довольно странно. На окна повесила цветастые занавески. Стол в процедурной накрыла чистой накрахмаленной с петухами скатертью. На середину стола поставила бутылку водки, рыбные консервы, отварной картофель, репчатый лук, чеснок, малосольные огурчики собственного изготовления, сливочное масло и, в довершение ко всему, белый, румяный пшеничный хлеб.

Удивился, почему мне оказана такая честь? Был я провокацией. Мы, ээки, не имели права общаться с вольнонаемными работниками, и, тем более, встречаться с ними в интимной обстановке. Послед-

ствия могли оказаться самыми ужасными. Хозяйка широким жестом пригласила к столу. После ужина Пелагея тихо сказала:

— Давай нынче поговорим начистоту. Я ко многим присматривалась, ты, Евгеньич, больше всех пришелся по душе. Будешь со мной жить, я для тебя все сделаю — кормить, поить буду, обстирывать, штопать; женой и матерью для тебя стану. Гляди, и братишка поможет срок скостить. Смотри какой седой стал, вся голова ватой обсыпана, а годков-то тебе не так уж много.

Хроменькая, поблекшая и очень усталая женщина подошла ко мне, поцеловала в лоб. Боясь, что я ее перебыю, лихорадочно заторопилась высказать самую затаенную мысль своей жизни:

— Одинокая я. Судьбинушка, проклятая, забросила в этот дремучий, нелюдской край. Пойми, каждый ээк на-раз готов предложить свои услуги. За кусок хлеба любой, самый поганый урка, всю ночь напролет, без передыха станет пользоваться козу или корову, а ведь я баба, не какая-нибудь подзаборная сука. Мне любовь ответная надобна. Хоть маленько, чуть-чуть, но любовь. На, посмотри, как груди поднялись, подойди, пощупай, не бойся! Этим грушам ласка нужна. Скажи, для кого ты себя бережешь?

Исповедь Пелагеи потрясла меня до глубины души. Хотелось от души пожалеть эту несчастную, с такой горькой и несправедливой судьбой, женщину. И самое страшное было то, что Пелагея понимала свою вечную консервацию в глухомани, где никогда не будет просвета. Но что я мог сделать — з/к с 58-й статьей?

— Милая Пелагея Никифоровна, — осторожно начал я, — и здесь, за колючей проволокой, человек обязан оставаться — человеком. В Москве у меня жена и двое детей. Разве я имею право их забыть? Зачеркнуть все, что было?

— Дурак ты, Евгенийч, и все тут. А еще говорят, что ты ученый! Дурак и весь сказ! Я-то посчитала тебя умным, толковым мужиком. Да как же ты без бабы проживешь столько лет? Прости меня, грешную, у тебя же яйца скоро штаны рвать будут. Я что, тебя силком на себе жениться заставляю? А если твоя баба, верная московская женушка, от тоски с другим закрутит, что тогда, профессор, скажешь? Ты что думаешь, у нее силенок хватит вытерпеть одной в кровать десять годков ложиться и одиноко кромсать мокрую от слез подушку? Про это хорошо в книжках читать, да в кино смотреть.

— Пелагея Никифоровна, — сказал я, — вы добрая женщина, извините меня, но я не имею права нарушить однажды данный обет. Не могу пойти против совести и своих убеждений. Еще раз великодушно простите за причиненное вам страдание. Большое спасибо за угощение.

Достоинство женщины было ущемлено. Рябое, некрасивое лицо Пелагеи Никифоровны исказилось от душевной боли.

— Дура я бессовестная, любви захотела! Все вы, контрики, хриstopродавцы проклятые! Правильно делают, что вас под замок сажают. Пошел вон, сучье племя! Не смей больше на глаза показываться! Заболеешь, проклятый, лечить не стану. Запомни это!

Повалившись на пол, она по-бабьи протяжно заголосила.

Понурился голову, я вышел. Мне было больно, стыдно и страшно. Всю ночь я не сомкнул глаз. Рано утром меня вызвали в контору к Евстигнееву, начальнику лагерного пункта.

— Не ожидал я от тебя, Евгенийч, такого поступка! Ты что ж, на мою сестренку-инвалидку охотку заимел? Сказал бы сразу, что баба нужна, я бы тебе из женского барака любую кралю за уши привел. Хошь городскую, хошь деревенскую. — Начальник перевел дух. — Вот, Пелагея Никифоровна на тебя ра-

порт написала. Утверждает, что ты ее намеренно к сожительству склонял, а еще просил у нее угощение. Это верно?

Я молчал. Возражать бесполезно.

Меня отправили на общие работы, — лесоповал.

Через месяц списали на этап.

IV

До Кандалакши нас везли на открытых грузовых машинах. Мы углублялись в глубь Карелии.

Четвертый лагерный пункт. Поразились количеству утепленных бараков. Это был один из самых больших лагерных пунктов Беломорско-Балтийского Комбината. Население лагерное составляло 4 тысячи человек. Рабочая сила использовалась разумнее, чем на других пунктах. По инициативе начальника, инженера Комарова, силами з/к строились бумажный комбинат и огромный лесозавод.

Иван Комаров понимал, что для того, чтобы заставить з/ков интенсивно работать, их надо хорошо кормить и необходимо создать сносные бытовые условия. Он ежедневно проверял, как и чем заваривается котел. Врач в его присутствии снимал пробу. За короткое время он сменил одиннадцать поваров, пока не нашел такого, который отвечал бы всем его требованиям. Александр Цакория до срока работал шеф-поваром модного тифлисского ресторана. Его кулинарное искусство благотворно отразилось на наших желудках. Круглый год мы ели свежие овощи, летом — ягоды и фрукты. Больные и слабосильные получали настоящее диетическое питание. Лагпункт имел свое подсобное хозяйство. Все шло в общий котел. На столах в столовой всегда были свежие цветы. На нарах шерстяные одеяла, подушки с наволочками. Раз в декаду обязательная баня и смена постельного белья. Специальное помещение было отведено для курения. Два раза в месяц показывались

художественные и документальные фильмы. Культбригада давала эстрадные концерты.

Первая беседа с Комаровым состоялась у него в кабинете.

— Садитесь, пожалуйста, — начальник протянул мне руку. — Я не люблю, когда стоят в моем присутствии. Я о вас много слышал. Знаком с вашими трудами по экономике. Читал также вашу книгу "Записки рядового революционера" и статью "Из мира заживо погребенных"⁴. Предлагаю вам работу по специальности, возглавить наш плановый отдел. Жить будете в отдельной кабинке. Рабочий день постараемся сделать ненормированным, чтобы вы за свою работу смогли получать скромную зарплату. Через полгода разрешу свидание с женой и детьми. Дорогу оплатим в один конец. Завтра утром дадите ответ.

— Гражданин начальник! — проговорил я взволнованно, — заключенные не имеют права выбирать себе работу. С благодарностью принимаю ваше предложение.

Когда я уходил, начальник просто сказал:

— У меня к вам имеется просьба личного порядка, в дальнейшем называйте меня по имени и отчеству — Иваном Тимофеевичем.

Лагерное население боготворило Ивана Тимофеевича Комарова. Лодырей и больных почти не было. Наш лагпункт давал самые высокие производственные показатели.

Многие из нас боялись, что наша жинь — сказка с плохим концом.

В тот день я находился в конторе, проверял отчет. В кабинет вбежал перепуганный, глухой дневальный, учитель из Рязанской области, Сергей Никандрович Пантюхов. Волнуясь, проглатывая слова, он выпалил залпом:

— Из Москвы и Медвежки понаехало большое начальство. Всем велено оставаться на своих местах.

По выражению моего лица сотрудники догадались, что нагрянула беда. Никто не решился задавать вопросы.

Новая беда не заставила себя ждать.

В бухгалтерию в сопровождении начальника ГУЛАГа и УЛЛП⁵, а также нашего начальства ББК НКВД вошли худощавый Молотов, сутулый Калинин, мой старый знакомый Емельян Ярославский. С ними еще была Елена Стасова и большая группа незнакомых людей.

Слегка заикаясь, Молотов жестко сказал:

— Санаторий в лагере развели? Цветочки, простынки, идиотский либерализм? Скатерти в столовой? Мерзавцы, мы еще узнаем, кто дал вам право злоупотреблять доверием партии, транжирить государственные средства? Обо всем придется лично доложить товарищу Сталину.

Калинин, щурясь, пряча улыбку в пепельные с проседью усы, поблескивая стеклами пенсне, с волжским говорком на "о", проговорил:

— Не понимаю, как можно допускать в исправительно-трудовом лагере показательный дом отдыха с санаторным режимом?

К счастью, подслеповатый Ярославский меня не заметил. Маститый "революционер" прошипел:

— Ну и дела!

Стасова глухо проворчала:

— Вячеслав Михайлович, я давно предлагала вытаскать на бюро ЦК ВКП/б/ руководство ОГПУ и ГУЛАГа. Уж слишком много развелось в стране преступников, и больше всего политических вредителей и различных шпионов, весьма опасных для нашего социалистического государства.

Начальник ГУЛАГа униженно и раболепно, заглядывая в глаза Молотову, умолял простить и не докладывать о замеченных безобразиях лично товарищу Сталину.

— Клянусь партийным билетом, мы исправимся.

Вот увидите! Простыни, цветочки, скатерти, одеяла — отберем, пайки отменим, переписку с родными и посылки запретим до особого распоряжения. Вячеслав Михайлович, пожалейте нас, не губите!

Молотов брезгливо посмотрел на говорившего. Комаров был бледнее полотна.

Родственница инженера-изобретателя Рамзина, Ольга Рамзина, бухгалтер-счетовод, сидела за то, что написала письмо в ЦК ВКП/б/ относительно раскулачивания "кулаков" в средней полосе России. Она заведовала отделом в наркомате земледелия. Рамзина писала, что крестьянство РСФСР не готово к коллективизации, и что только зажиточные крестьяне в состоянии как-то решить проблему хлеба в стране. За это ее осудили на десять каторжных лет.

— Что же теперь с нами будет? — спросила Рамзина.

— После либерализма и демократии обычно на смену приходит реакция, — тихо сказал я.

Начальника лагпункта Комарова, начальника ВОХРа⁶ Петрухина, коменданта Любушкина исключили из партии, сняли с работы и каждого осудили на десять лет. Докладчиками на партийном собрании были Ярославский и Стасова.

Прислали нового начальника Васина, бывшего командира взвода, свирепого, кривоногого буденновского кавалериста. На первых порах он приказал законсервировать строительство бумажного комбината и лесозавода. Быт наш сразу же изменился. Будку с киноустановкой забили. Овощи и диетическое питание — отменили. Повара и заведующего медпунктом профессора-хирурга Александра Моисеевича Разумовского отправил на общие работы. Меня определил в возчики.

После сердечного приступа я несколько дней провалялся в лазарете. Фельдшер вынужден был дать освобождение от тяжелого физического труда. Перевели в кухонные рабочие. Как-то вечером прибежала заплаканная Ольга Рамзина:

— Я не знаю, что мне делать? Меня вызвал Васин. Тупо уставившись, сказал: "Ты красивая баба, я таких еще не имел. В этом дерьме твоя красота испарится, словно табачный дым. Станешь со мной сожительствовать, создам легкую жизнь. Соглашайся, дура! Мужик я здоровый, видный, да и тебе удовольствие устроим. Ну? По-рукам, что ли!?" В ответ я мотнула головой. Васин надулся, как индюк, побагровел, злобно, со свистом, прошипел: "Ну, ладно, паскуда, я тебя до такого состояния доведу, что никто из урок на тебя глядеть не захочет".

Я посоветовал Рамзиной по-прежнему держаться с таким же достоинством. Вскоре Васина сняли за развал работы. Он — рядовой стрелок воензированной охраны другого лагпункта. Лагпункт возглавил сельский ветеринар, партийный выдвиженец районного масштаба, татарин Ибрагим Мустафаев.

Зимним утром меня погнали на новый этап. Уголовники сказали, что везут в Соловки.

V

Я много слышал о Соловецком монастыре, о "Божьем Храме", куда на протяжении почти трехсот лет ссылали непокорных замаливать грехи.

Трое суток мы ехали в телячьих вагонах, затем на грузовиках. Сотни людей отморозили уши, носы, руки, ноги. А потом нас гнали по ледяному полю. Больных подвозили на телегах, в которые были вмонтированы железные клетки с перекладинами из стальных прутьев, с автоматическими замками и клеймом Московского машиностроительного завода имени Ильича. Можно предположить, что в такой же, слегка видоизмененной клетке везли русского бунтаря Емельяна Пугачева.

КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ — НЕПОБЕДИМ.

Северное Сияние освещало наш каторжный путь.

Почти до самого Соловецкого монастыря наш "обоз" преследовала неутомимая стая волков. Конвоиры нашли для себя "оригинальную забаву". На съедение волкам они выбрасывали из клеток — умерших. Назову фамилии нескольких людей, закончивших на той дороге свой безрадостный, последний путь: профессор Исаак Рогинский; ленинградский певец и художник Юлий Калашников; математик, ученик Эйнштейна, Вахтанг Людвиговский — они погибли на этапе Кандалакша — Соловки.

Разве можно назвать поименно всех рабов, сложивших головы в ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ, НА ЭТАПАХ И ПЕРЕСЫЛЬНЫХ ПУНКТАХ необозримой России. ЛЮДИ, ИХ ЛЕГИОНЫ, ПОЛКИ, ДИВИЗИИ, АРМИИ.

Шесть с половиной лет я провел в одном из самых жутких застенков Союза Советских Расстрелянных Республик — в Соловках.

Огрызком карандаша, при тусклом свете коптилки, изредка удавалось на измятых страницах старой тетрадки вести эти короткие записи. Один стрелок оказался — человеком. Этот добряк, отец пяти детей, кормилец большой семьи, на протяжении всех лет проявлял к нам, заключенным, удивительное благородство и незаурядную смелость.

Как только приходил очередной этап с женщинами, начальство оживлялось.

Вот что рассказал мой друг профессор, доктор медицины Корн:

— Однажды ночью меня вызвал начальник конвоя. Пришел этап с женщинами. Приказал осмотреть "новый товар". Лагерное начальство боялось венерических заболеваний. Средний возраст этапниц 18—25 лет. Контингент — родственницы кулаков. Все молодые, здоровые, красивые. Осмотр происходил в помещении КВЧ (культурно-воспитательной части). Я попросил всех раздеться. В этот момент в комнату

без стука ворвалась орда пьяных охранников во главе с начальником отделения Фомкиным. Женщины встrepенулись, они стали похожими на птиц, у которых хотят отнять детенышей. Девушки и женщины пытались защититься, прикрывали груди рваным бельем, но это им не помогло. Женская стыдливость разожгла похоть этих чудовищ. Мне приказали остаться. Женщины рыдали от бессилия, пробовали оказать сопротивление, кусались, дрались, но все это вызывало у насильников усмешки. Бандиты нарушили самое великое Таинство на Земле, они надругались над женской честью. Измываясь, тяжело сопя от усилий, они насильовали женщин на заплеванном полу, не пожалев беременных. Утром их повели в баню. Затем отправили на "местожительство". Опустошенные, опозоренные женщины предвидели свою дальнейшую судьбу. Они не плакали, а выли. Финал был страшный.

СЕМНАДЦАТЬ ЖЕНЩИН ОДНОВРЕМЕННО ПОКОНЧИЛИ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ...

Случайно в зоне находился управленческий инспектор санитарного отдела. Когда он вошел в женский барак, дневальная старуха, урожденная графиня Расторгуева-Ростопчина, беззубым, цынготным ртом прошамкала о происшедшей трагедии. Ее рассказ Нефедов записал в рабочий блокнот. Инспектору подали сани. Из Соловков он выехал в сопровождении охраны, двух вооруженных стрелков, Киртoева и Бубенцова, которые через час вернулись в зону с блокнотом Нефедова. Деньги и одежду убитого инспектора они поделили между собой. Бывшую графиню расстреляли во время утренней поверки. Распустили слух, что она пыталась бежать. Алексей Нефедов оказался близким родственником Ворошилова. По указанию последнего началось расследование. Следователи быстро обнаружили виновных.

Сапоги Нефедова носил сам начальник ВОХРа. Узел раскрутился.

Со свитой прибыл в Соловки Ворошилов.

Обитатели бывшего монастыря взбунтовались. Уголовник, уркаган Пашка Нечистый крикнул во время завтрака:

— Братцы, мы что, скоты? Суки—охранники чистых марух трогать стали! Баб в положении в карты разыгрывают! Не пойдем нынче на работу!

Лагерное начальство всполошилось. Начальник отделения дал сигнал первой боевой готовности. Дула ружей и пулеметов были направлены на бараки. Стрелки запаслись ручными гранатами.

Ворошилов остановился в доме начальника отделения. О БУНТЕ он узнал от заключенной "домработницы", периферийной драматической актрисы Наси Кирсановой. Хитрый стратег предложил выстроить всех заключенных на плацу. Мы, наивные люди, думали, что народный комиссар приехал, чтобы облегчить нашу участь, что его послал сам гражданин Сталин узнать, как живут заключенные в Соловках. Бывший луганский слесарь пообещал наказать виновных. Трудно передать обиденными словами, с какой жадностью обреченные рабы смотрели ему в рот и ловили каждое слово вождя. Думаю, что в первый и в последний раз живой нарком говорил с заключенными.

Климент Ефремович, любитель хорового пения, в знак примирения затянул "Интернационал". Оборванные, грязные, голодные, лишенные рода и племени, мы драли глотки на потеху народному комиссару.

ХОР СОЛОВЕЦКИХ РАБОВ — ОДИН ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ ПАРАДОКСОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, И ОДИН ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ ПАРАДОКСОВ ДВАДЦАТОГО ВЕКА...

Закрытый суд состоялся в городе Медвежьегор-

ске. 32 человека были приговорены к различным срокам. Семь человек к высшей мере наказания — расстрелу. Наших бывших начальников отбывать срок привезли в Соловки. Уголовники били их смертным боем.

В полуразвалившийся барак загнали евреев. Жизнь в "гетто" продолжалась год. С этапом пришло девятнадцать раввинов. Начальство приказало сбрить им бороды и наголо остричься. Раввины отказались. Тогда их по одному стали вызывать в КВЧ, где несколько здоровенных стрелков тяжелой канатной веревкой привязывали служителей культа к стульям, а верующий еврей-парикмахер Хаим Зальмарсон в прошлом комик Еврейского Театра, со слезами на глазах вынужден был проводить эту беспрецедентную "санитарную обработку". Невозможно забыть, как рыдал херсонский раввин Соломон Шапиро.

Как и всех з/к, раввинов заставляли по субботам работать. Но не так легко было сломить их дух. В одну из пятниц раввины объявили голодовку. Уговоры, окрики, ругань — не помогли. Раввинов заперли в холодный подземный карцер, но они и там продолжали бунтовать. В карцер пустили из пожарного шланга холодную воду. Не выдержав подобного издевательства над пожилыми людьми, профессор Корн написал жалобу начальнику отделения. Старого врача отправили в карцер к раввинам.

НА ПЯТЫЕ СУТКИ ИХ УВЕЗЛИ.

НА РАССТРЕЛ РАВВИНЫ ШЛИ С МОЛИТВОЙ НА УСТАХ.

Самоубийство женщин и расстрел раввинов угрожающе подействовали на психику заключенных. Люди стали терять рассудок. Тех, кто сходил с ума, — убивали. В личном деле писали: — "Убит при попытке к бегству".

Как только уменьшалось количество заключен-

ных, начальник отделения посылал зашифрованную телеграмму в Управление. На такую просьбу там быстро реагировали. Приходили этапы с новыми рабами.

VI

В конце 1938 года к нам привезли видных московских большевиков: Олега Воропаева (секретариат Куйбышева), Тамару Бобруйскую (секретариат Зиновьева), Тенгиза Дугадзе (референт Орджоникидзе по тяжелому машиностроению), Евгения Курского (двоюродный брат Курского, секретариат Пятакова), Никиту Чевалдышева (аппарат маршала Тухачевского), Игоря Бердянского — сотрудник наркомата иностранных дел...

Со мной на нарах разместился молодежавый, сухощавый, подтянутый человек с военной выправкой — Петр Романович Довский. Когда-то он был слушателем Института красной профессуры, бывал на моих лекциях в Московском университете, и вот новая встреча в концентрационном лагере, за колючей проволокой. Довский рассказал, что несколько лет работал старшим следователем следственного управления НКВД. Он на многое открыл глаза. Приведу наиболее важные факты из его устного повествования:

— Начну с того, что Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян и другие, проходившие по этому процессу, сидели в подвале внутренней тюрьмы Лубянки. На некоторых допросах присутствовал Сталин. Он непрерывно курил и все время ругался площадной бранью. Я обязан был следить за юридическим "оформлением" допросов, принимал также непосредственное участие в судебных заседаниях. Подследственных нещадно избивали и страшно мучили. Видел, как Сталин плевал в лицо своему бывшему товарищу по партии — Зиновьеву. На протяжении нескольких месяцев довелось наблюдать за Сталиным. На его рябом лице

выделялся большой, приплюснутый, висячий нос с черными, прокуренными, широкими волосатыми ноздрями. Поразил маленький рост "великого вождя". Взгляд его желто-зеленых глаз в злобе был страшен. "Грязная, вонючая свинья!" — кричал он на Зиновьева. "Вы все паразиты, вас надо живьем в помойную яму кинуть!" Плёткой он бил Зиновьева по лицу. Пятакова приказал посадить на сутки под ледяной душ. Иногда на допросы приезжали "развлекаться" любители "острых ощущений" — Молотов, Каганович, Микоян. Президент России, Калинин, любовался "виртуозностью" хирургов, которые абсолютно здоровому Рыкову, председателю Совнаркома, ампутировали пальцы на правой руке. Секретарь московских большевиков, Никита Сергеевич Хрущев, больше всех ненавидел образованного, интеллигентного Бухарина. Он наносил ему удары здоровенной палкой, а когда она сломалась, потребовал новую, покрепче. На допросах военных присутствовали "командармы", Ворошилов и Буденный. Вряд ли я когда-либо забуду, как небольшой Ворошилов и коренастый, широкоплечий Буденный били Тухачевского, Блюхера, Якира, Дыбенко, Ковтюха, Эйхе...

Все это происходило в разные годы.

Завистливый командарм первой конной Семен Михайлович Буденный посоветовал следствию выколоть глаза Тухачевскому. Пятаков, Радек, Серебряков понимали, что они заочно приговорены к расстрелу. Попытки их сломали.

Помню процесс Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца, Иванова, Чернова, Гринько, Зеленского, Икрамова, Ходжаева. Первым начал "признаваться" Карл Радек. Он подписывал все, что от него требовали. Адвокаты И. Д. Брауде и Н. В. Коммодов просили его не топить других. Тогда защитникам полуофициально пригрозили скамьей подсудимых. Радек умолял, чтобы его не били. Только по

его личным показаниям арестовали в разных городах сотни людей, возможно, и тысячи. За "открытие новых заговоров" Сталин разрешил заменить Радеку расстрел — 10-летним тюремным заключением, но потом он свое слово, как всегда, нарушил. Гнусно вел себя Зиновьев. Он также все подписал, плакал, ползал на коленях, целовал следователям сапоги, умолял простить. Зрелище — омерзительное. Бухарин от показаний отказался. На процессе он железной логикой бил прокурора Вышинского. Довелось работать и на процессе Косиора, Чубаря, Постышева, Рудзутака. На всех этих допросах вера моя в партию пошатнулась. Сталин в моем воображении перестал быть неземным существом — "живым богом". Следственный аппарат перестарался. Большинство подследственных потеряли всякую возможность двигаться, как-то мыслить, говорить. Их превратили в живые трупы. Такой "работой" Сталин был взбешен. За несколько дней до первого процесса он сказал на особом совещании:

— Если процесс сорвется, то сами замените подсудимых...

Микоян предложил Вышинскому и Ульриху загримировать артистов под "врагов народа", а потом их отправить "куда следует". План изворотливого армянина был единогласно принят. Режиссерами процессов были Вышинский, Каганович, Микоян. Артистов "типажно" подбирал Шкирятов, Сольц, Донько, Кирсанова (лектор ЦК ВКП/б/, жена Е. Ярославского). На других процессах к ним присоединились Ежов, Поскребышев, Маленков. Репетиции проходили на Лубянке. После утверждения на роли, артистам выдали аванс, равный их годовому жалованью. У каждого исполнителя была взята подписка "о неразглашении государственной тайны". Процессы закончились. Артистов, изображавших бывших людей, осудили на длительные сроки. За годы сидения в лагерях особого режима они с лихвой от-

работали полученный "гонорар". Я узнал, что многих участников процессов, в том числе и следователей, расстреляли в лежащем состоянии на тюремном дворе Лубянки. Меня арестовали за то, что я отказался ехать резидентом советской разведки в Англию и подал заявление об уходе из органов...

Рассказ Олега Воропаева:

— В конце 1933 года меня выдвинули на государственную работу — в Ленинградский городской совет. За два дня до убийства Кирова я видел Сталина на правительственной даче и на спектакле в оперном театре. В тот же день и в те же часы его видели в Москве. Серго Орджоникидзе в узком кругу проговорился, что у Иосифа Виссарионовича Сталина имеется несколько двойников. Потом меня перевели в Москву...

VII

Верю и надеюсь, что когда-нибудь наступит время, когда во всех странах, больших и малых, люди узнают правду о ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ СССР, О ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ, О РУДНИКАХ И ШАХТАХ, О ПОДЗЕМНЫХ ЗАВОДАХ, ГДЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПРИКОВАНЫ ЦЕПЯМИ К ТАЧКАМ. Для того, чтобы им не умереть от голода, тюремщики два раза в день на канатах спускают им пищу-помои, от которой, наверняка бы, отвернулись свиньи. Эти заключенные считаются ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ. Им запрещено подниматься на землю, видеть солнце, звезды, дышать свежим воздухом, встречать восход и провожать заход солнца. Они спят в шахтах, оправляются в шахтах, умирают в шахтах. Они лишены права писать письма и лишены права получать посылки, они давно уже отделены от внешнего мира глубоким рвом, они *живые трупы с номерами на спине*.

Для меня будет величайшим праздником, если

мой сын поведаёт о том, что перенесли миллионы граждан, живущих в ИМПЕРИИ СОЦИАЛИЗМА, в ИМПЕРИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА. Прошу не путать СССР и РОССИЮ.⁷.

1. Герасимова покончила жизнь самоубийством. Интересно проследить генеалогию этой семьи. Валерия Герасимова, сестра Марианы, — писательница. Родилась в Саратове в 1903 году. Умерла в Москве. Кроме посредственных произведений, вместе с Люсечевским регулярно писала доносы на писателей. С 1926 г. она член КПСС. Сергей Герасимов, двоюродный брат сестер Герасимовых. Родился в Челябинске в 1906 году. Кинорежиссер, член КПСС с 1943 г. Один из столпов советской киноиндустрии. Яркий сталинист. Сфальсифицировал историю строительства на Дальнем Востоке города Комсомольска (фильм "Комсомольск"). Этот город построен на костях миллионов заключенных. Герасимов многократный лауреат сталинских премий, народный артист СССР, профессор, зав. кафедрой ВГИКа, Герой Социалистического Труда, Депутат Верховного Совета.

2. Кулаковский и Лапшин из Читы переведены в Москву.

3. Мне рассказали, как в разное время на допросах Сталин бил Ягоду; как в Караганде пытали карлика-недоноска Ежова; как жгли тело огромного, малограмотного Абакумова, которого после пыток расстреляли; как голодом морили Крутлова и выкалывали, по личному приказу Сталина и Молотова, глаза холемому аристократу, генерал-лейтенанту Серову.

Сколько в тюрьмах и концентрационных лагерях сидело бывших чекистов? Надо было видеть, с каким подбострастием смотрели они в рот тупому лагерному начальству! Они добровольно становились сексотами, лагерными крысами-осведомителями, верными помощниками кумов-оперуполномоченных. Любой ценой они пытались спасти свою шкуру. Уголовники неплохие психологи и физиономисты. Они все быстро узнавали. За колючей проволокой и за каменными решетками работал "беспроволочный" телеграф, который почти никогда не ошибался. Если бывший чекист попадался с поличным, то он приговаривался к смерти. Я не помню такого случая, чтобы приговор был когда-нибудь отменен.

4. Е. И. Гендлин. Записки рядового революционера. Госиздат., Москва, 1926 г. Статья "Из мира заживо погребенных", посвященная Орловскому централу, помещена также в сборнике "По тюрьмам", М., 1925 г.

5. Управление лагерями лесной промышленности.

6. Военизированная охрана.

7. У отца бывали просветы, и он с перерывами возвращался к данной рукописи-запискам. Иногда диктовал. Фактически, она писалась с 1933 года по 1955. Глава дается со значительными сокращениями. Примечания Е. И. и Л. Е. Гендлин.

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ИЗОЛЯТОР

В первых числах января 1935 года в нашу квартиру постучал соседский мальчик Виктор Гутальников. Я был один дома. Ничего не подозревая, открыл дверь. Без приглашения в коридорчик протиснулись две женщины и один мужчина. С "проникновенной речью" ко мне обратилась седая, исполинского роста, усатая дама:

— Мальчик, мы приехали за тобой на автомобиле, чтобы отвезти тебя в самый лучший детский санаторий. Нам известно, что твоя мама целыми днями занята на работе и за тобой некому присмотреть. А в санаторных условиях, под наблюдением опытных педагогов и врачей ты сумеешь продолжить учебу.

Вначале я растерялся. Придя в себя, сказал, что без мамы никуда не поеду. Тогда мужчина схватил меня за руку. Я вырвался, побежал в уборную. Пришельцы взломали дверь. Дядя достал из кармана тугой белый шнур, которым обычно хозяйки перевязывают белье для прачечной. Женщины вдохновенно ему помогали. От чрезмерных усилий у одной дамы, которая говорила речь, сползло пенсне и упало, разбившись на мелкие кусочки. Троица с силой вытащила меня из квартиры, втолкнула в карету "скорой помощи". Мои рыдания их не тронули.

Через полчаса меня ввели в приемный покой детской психиатрической больницы имени Кащенко. Адрес: Москва, Загородное шоссе, напротив Даниловского кладбища. Неправда ли, какой заманчивый вид открывается детскому взору? Меня измерили, взвесили, остригли наголо, вымыли, затем повели в третье отделение, где окна с решетками находятся под самым потолком, деревянные столы и

скамейки привинчены к полу, еда подается в мисках, пищу надо есть гнуцимися ложками. Отделение состоит из шести палат, двух врачебных кабинетов, ванной, процедурной и *изолятора*.

Маму увидел через три недели. Она хотела забрать меня домой, сказала врачам, что я совершенно здоров, и что в домашней обстановке мне будет гораздо легче перенести временное отсутствие отца. Разговор с доктором происходил на улице, потому что врачи боялись сестер, а медицинские сестры — врачей. Заведующая отделением, Фаня Яковлевна Кацнельсон¹, мягко проговорила:

— Белла Исааковна, вы — настоящая мать. Вам единственной я обязана сказать правду. Ваш сын Леонард действительно абсолютно здоров, никаких отклонений от нормы. Консилиум признал его нормальным ребенком. Но я ничего не могу сделать. У нас имеется предписание держать вашего сына на строгом режиме до особого распоряжения. Основание — *сын репрессированного*. Но это сугубо между нами.

Мама заплакала. Сдержанность ее покинула. Фаня Яковлевна продолжала:

— Пожалуйста, не волнуйтесь! Обещаю приложить все усилия, чтобы Леонард не отстал от школы.

Сестры и санитарки — сущие ведьмы. За малейший проступок — побои, наказание — изолятор. Запирали в крошечную, без света и окон, холодную комнату, где кроме привинченной койки ничего не было. Кормили плохо. Меню однообразное: каша, селедка, рыба, рубленые котлеты, солянка из кислой капусты и кусочков жесткого, как подошва, мяса. Быт бесправно-унизительный.

Борис Левит учился в музыкальной школе. Его родители отбывали срок в дальневосточных тюрьмах: отец — в Читинской, мать — в Благовещен-

ской. Как-то вечером медицинская сестра Маргарита Гусева, ширококостная женщина лет 45-ти, попросила красивого тринадцатилетнего подростка зайти в процедурную. Через некоторое время оттуда раздался душераздирающий крик. Мы бросились спасать товарища. Двери оказались запертыми. Санитарки и сестры пытались загнать нас в палаты. Но не так легко справиться с разбушевавшимися подростками. Мы все-таки прорвались в процедурную. На полу, в кровавой луже, лежал избитый Боря Левит. Мы осторожно перенесли его в палату. Ночью он рассказal о том, что произошло в процедурной.

— Я думал, что сестра хочет дать лекарство. Она велела раздеться и лечь. Сказала, что сделает безболезненный укол. Я лег на кушетку. В это время Гусева скинула халат, сбросила трико и голая повалилась на меня. Я закричал. Придвигаясь ко мне, Маргарита Ивановна зашептала: "Иди ко мне, миленький, хорошенький! Не бойся тетю Риту, я научу тебя любви, и за это вкусно, вкусно будут тебя кормить..." У нее как-то странно блеснули глаза. Я испугался. Стал вырываться. Маргарита Ивановна схватила ножницы и острый нож. Она злобно прошептала: "Я тебя все равно поймаю и сделаю тебе обрезание!" После этих слов она дико захохотала. На столе лежала коробка с медицинскими инструментами, я понял, что в ней мое спасение. Я схватил ее и изо всей силы бросил ненавистной бабе в лицо. Озверев от боли, Гусева повалила меня на пол, стала наносить удары и топтать ногами.

После этой печальной истории Гусеву повысили в должности. Ее ввели в состав партийного бюро и назначили заведующей моргом больницы Кащенко.

В Москву с дружеским визитом приехал немецкий писатель Лион Фейхтвангер. Ему показали достопримечательности советской столицы и повезли в Подмосковьe. В Кремле с ним беседовал Сталин.

Фейхтвангер заинтересовался лечением детей, больных нервным расстройством. Любопытство привело его в детскую психиатрическую больницу им. Кащенко, в наше третье отделение.

Няньки, сестры, врачи целыми днями мыли и скребли стены, натирали полы. В палатах и коридоре появились ковры и ковровые дорожки; на кроватях — новые, стерильной белизны простыни и шерстяные верблюжьи одеяла. Нам выдали пижамы и даже носовые платки — роскошь доселе невиданная. Состоялось знакомство с "врачами", которые неумело носили белоснежные накрахмаленные халаты. Это были работники НКВД. Они проводили с нами многочасовые "репетиции", давали уроки "хорошего тона", как вести себя и, главное, как отвечать на вопросы знаменитого писателя-антифашиста.

Накануне визита Фейхтвангера старую мебель заменили новой. В отделение привезли плетеные качалки, игрушки, книги, журналы, настольный бильярд. Впервые за всю историю больницы на окнах зашелестели ажурные тюлевые занавески. Мы с удовольствием погружались в мягкие удобные кресла, с любопытством рассматривали замечательные картины русских художников, полученные из музеев на временное пользование. Вместо огромного обеденного стола появились миниатюрные столики, накрытые разноцветными скатертями. На полотняные салфетки дежурные няньки поставили хрустальные вазы с фруктами и вазочки с шоколадными конфетами.

Наступил "ВЕЛИКИЙ" день.

Наши глаза заблестели при виде зернистой икры, ветчины, копченой рыбы, осетрины, семги, балыка, холодного мяса, голландского сыра, жареных кур. Общий восторг вызвали бутылки с лимонадом, шампанским, портвейном, кагором.

Рябой "доктор" Губин злобно прошипел:

— Предупреждаю, на столах ничего не трогать!

Угощение только для гостей.

Как все это похоже на сцену из романа Диккенса "Оливер Твист", когда в приют с многочисленной оравой приезжает попечитель "отведать" приютскую пищу.

В нашем богоугодном заведении нам не приходилось жаловаться на отсутствие аппетита, каждодневно мы ощущали в своих желудках волчий голод.

7 января 1937 года в двенадцать часов дня главный врач больницы Каганович² со свитой пришел в наше отделение встречать именитого гостя. Фейхтвангера сопровождали: заместитель народного комиссара здравоохранения Каминский³, писатели Алексей Толстой⁴, Ольга Форш⁵, Лев Кассиль⁶. Нас всех поставили по стойке "смирно", словно нам предстояло идти на парад молодых дарований. Высоких гостей пригласили к праздничному столу. Писатель, улыбаясь, сказал:

— Я буду рад, если сначала позавтракают дети, а я в это время сделаю несколько снимков.

Губин смешался. Это не было запланировано. Вероятно, он начал в уме подсчитывать убытки. Он все еще надеялся на нашу воспитанность.

Мы ринулись к столам. Дружно заработали ложками, вилками, ножами — столы мгновенно оказались пустыми. Мы выпили всю воду и вино, и подобрали крошки от нежно-хрустящего хлеба.

— Меня радует, — проговорил Лион Фейхтвангер, — что больные дети так хорошо питаются и содержатся в таких замечательных условиях. Должен сказать, что ваша страна все больше и больше притягивает к себе западный мир, который о вас, фактически, так мало знает.

Алексей Толстой молча курил неизменную трубку. На его одутловатом бабьем лице ничего нельзя было прочесть. Он только присутствовал.

Наступило неловкое молчание.

Мы не знали, что интеллигентный, воспитанный,

всегда выдержанный Саша Пятаков знает немецкий язык. Мальчик крикнул на чистейшем немецком языке:

— Господин Фейхтвангер! Не верьте им! Это для вас устроили оригинальный маскарад. Скатерти, икра, конфеты, вино, картины, кресла-качалки — только ради вашего приезда. Мебель, салфетки — тоже специально для вас. Декорацию и бутафорию привезли вчера. Мужчины — работники НКВД. Посмотрите внимательно, и вы увидите, что под халатами у них спрятаны мундиры и револьверы...

Губин истерически закричал:

— Сейчас же заткните мальчишке глотку! Воткните ему в задницу сульфазол!⁷

Нам, несчастным, обездоленным детям, нужен был только повод. Горе и безжалостная судьба *расстрелянного поколения* объединили нас. Мы взорвались. Стали рвать белоснежные скатерти, бить посуду, нянек и сестер втолкнули в самую большую палату. Начальство с Фейхтвангером моментально ретировались. Потом мы узнали⁸, что писателю сказали, что его по ошибке привели в наше отделение. Он просил снисходительно отнестись к неосознанным поступкам больных детей.

Сашу Пятакова увезли в Даниловский приемник, затем его отправили в Караганду. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, как и судьбы многих, которые были моими скорбными товарищами по заключению в детском ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ИМЕНИ КАЩЕНКО.

Заведующая отделением Ф. Я. Кацнельсон получила строгий выговор с предупреждением и новую помощницу — сухую, злую женщину, психиатра Ксению Алексеевну Новлянскую⁹. Всем без разбора, вне зависимости от диагноза, она велела делать болезненные, разрушающие организм уколы, а самым непослушным — *пункцию*. На ее личном счету немало

искалеченных детских душ. На моих глазах потерял навсегда рассудок Роман Панизовский¹⁰, сын одесского журналиста.

В нашем отделении находились Саша Пятаков, Борис Собельсон (племянник Карла Радека), Наум Эйдеман, Андрей Бухарин, Натан Зиновьев, Саша Чубарь, Витя Егоров, Миша Горьковатый, Арнольд Эйхе. Это были дети расстрелянных руководителей советского государства и видных военачальников, которые свою храбрость и преданность Ленину—Сталину—партии большевиков доказали еще в предреволюционные годы.

По ночам мы вели нескончаемые разговоры. Каждому хотелось поведать свою историю. Несмотря на то, что с тех пор прошло более четырех десятилетий, память не в состоянии вырвать из сердца события, перевернувшие наши души. Рубцы не заживают. Далекое прошлое стоит перед глазами.

Натан Зиновьев рассказал об обыске, который длился 18 часов.

— В час ночи к нам позвонили. Двери открыла домашняя работница, Пелагея Кирилловна Норд¹¹. В квартиру ворвалось несколько человек. Обыском руководили Джакоев и Киряковский¹². Из кабинета вышел бледный отец. Сотрудники НКВД одновременно начали ворошить во всех комнатах, а также в ванной, кухне, уборной. Книги отца увязывали в пачки, посуду бережно упаковывали в наши же чемоданы. Тогда я еще не знал, что означает зловещая фраза "...с полной конфискацией имущества". Суда и приговора еще не было, а вещи забирали без стыда и совести. И как при этом еще ссорились между собой! Обыск закончился в семь часов вечера. Джакоев на плохом русском языке спросил у отца, где находится его личная переписка с Троцким. Рассмеявшись, отец ответил, что такой вообще не существует в природе, что это дешевый шантаж. Тогда Джакоев, размахнувшись, ударил отца по лицу. Силь-

ный удар пришелся в переносицу. Из носа пошла кровь. Мать кинулась на палача с кулаками. Кто-то из чекистов грозно повысил голос:

— Кто здесь собирается оказывать сопротивление представителям советской власти?

Мать связали канатной веревкой.

У меня в ящике письменного стола хранился перочинный ножичек. Незаметно я подкрался к матери. Чекист из Джакоевской банды ударил меня сапогом в живот.

Пелагея Никифоровна Норд крикнула срывающимся голосом:

— Вы разве советская власть? Вы бандиты с большой дороги! Нынче я напишу о вашем произволе товарищу Сталину.

Отцу на руки надели наручники.

Мать и Норд связали одной цепью.

Все комнаты, кроме кухни и подсобных помещений, чекисты опечатали сургучными печатями.

Родителей и Норд увели.

Я все еще корчился от боли, когда раздался повторный звонок. С трудом дополз до двери. На пороге стояли три женщины и двое мужчин. Не много ли на одного безоружного мальчишку? Главной была психиатр Вера Федоровна Подряскина. Без лишних слов она приступила к делу:

— Натан Зиновьев¹³, слушай нас внимательно! Родители твои оказались недостойными людьми. Они арестованы. Мы обязаны подумать о твоём будущем, и решили поместить тебя в больницу санаторного типа. Потом, если ты захочешь, я устрою тебя в один из лучших детских домов.

Сказал, что никуда не собираюсь ехать. Попытался забаррикадировать кухонные двери. Им удалось меня схватить, как и родителям, мужчины в медицинских халатах одели на мои руки металлические кольца-наручники. В закрытой без окон машине меня привезли в детский изолятор, который в Ленин-

граде помещается на Васильевском острове, потом поездом отправили в Москву и заперли в третье проклятое отделение больницы Кащенко.

Страшна история Андрея Бухарина.

Когда в их квартиру ворвались чекисты, Николай Иванович писал статью для газеты "Известия" — "Большевики во главе движения ударников". Обыск длился до поздней ночи. Имуущество было вывезено на нескольких грузовых машинах. Уникальную коллекцию бабочек чекисты растоптали сапогами. Вместе с избитым Бухариным и его молодой беременной женой Лариной был арестован усыновленный племянник, 13-летний Андрей. Сначала Бухарина били в присутствии жены, затем Ларину избивали в присутствии Н. И. Бухарина. Палками с железными наконечниками били Андрея. 55 суток продержали его в изоляторе Даниловского приемника. Обессиленного мальчика привезли в больницу имени Кащенко.

Навечно запомнились слова Андрея Бухарина:

— Я, конечно, не выживу. Но если кто-нибудь из вас выберется из этой проклятой страны, РАССКАЖИТЕ ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СССР И ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ...

Когда Андрей узнал, что его приемный отец расстрелян, он повесился в уборной. Мальчик предвидел свою раннюю, преждевременную смерть. Из простыней он скрутил веревку. Мы видели, как перепуганные санитарки и сестры, крестясь на ходу, выносили обмякшее, посиневшее тело нашего товарища по заключению. В отделении начался переполох. На полную мощность заработала юридическая машина. Нас по очереди стали вызывать к следователям. На допросах присутствовали врачи-психиатры: Кащельсон, Новлянская, А. А. Александрова, И. В. Шур и главный врач детской больницы Марк Осипович Лapidус¹⁴. После смерти Андрея Бухарина режим в отделении стал более облегченным.

Мне довелось познакомиться с Лариной, вдовой Н. И. Бухарина. Эта смелая женщина наизусть выучила предсмертное письмо мужа, обращенное к коммунистам нового поколения. Я не стану его цитировать, оно достаточно хорошо известно зарубежному читателю.

Ларина рассказала, что "враги народа" Зиновьев, Каменев, Рыков, Пятаков, маршал Тухачевский и многие другие не присутствовали на "открытых процессах". Еще до начала судебных заседаний их замучили в подвалах следственных камер.

В 1957 году из магаданских лагерей возвратился Александр Моисеевич Розанов, который "сыграл" роль Рыкова. Артист Сергей Коренков за "изображение" Зиновьева семь лет проработал на лесоповале в Кеми, там он заболел цынгой. У него выпали зубы, он умер от истощения. Его жена, актриса Инга Никольская (Рудакова) умерла в бараке для сумасшедших в Магадане.

Самым старшим из нас был Андрей Пильняк, высокий подросток с седыми волосами. Его отец, замечательный русский писатель, автор "Голого Года", был расстрелян. Зубы Андрею выбили на Лубянке. Он рассказал, что 10 дней находился в *камере смертников*. Несколько раз его выводили на имитированный расстрел, ставили к стенке с завязанными глазами, солдатам приказывали стрелять, но мимо... "Гуманисты" из НКВД пытались запугать юношу, подавить его волю к сопротивлению, поработить мозг, сделать из него послушного робота, чтобы он оговорил отца, мать, друзей, товарищей. Там, на Лубянке, он стал совершенно белым — *седым*. Андрей оказался сильнее своих мучителей. Он отказался говорить и отвечать на вопросы. Спустя много лет мне рассказали, что Андрея Борисовича Вогау-Пильняка, не по возрасту старого человека, видели в одном из северных лагерей.

Борис Собельсон, племянник журналиста и политического деятеля Карла Радека, оказался наивным, простодушным мальчиком. Он предложил написать большое, "откровенное" письмо товарищу Сталину, а копию послать в редакцию газеты "Пионерская правда". Мы ему сказали, что "товарищ" Сталин — самый большой бандит в советском государстве и что когда-нибудь он, живым или мертвым, попадет на скамью подсудимых. Я слышал от друзей, что в 1957 году, после реабилитации, Боря Собельсон покончил жизнь самоубийством.

В шесть часов утра няньки поднимали нас с криками и руганью. Мы рано познакомились с русским матом, который был завезен в Россию еще во времена татарского нашествия.

Два часа в день с нами занималась учительница, бывшая княгиня, Надежда Прохоровна Белохвостова-Воздвиженская. Она вела все предметы. На вопросы не отвечала "по принципиальным соображениям".

Старшие медицинские сестры вели дневник. В толстую клеенчатую тетрадь записывались не только назначения врачей, температура, но фиксировалось поведение, а главным образом — *разговоры "больных" детей*. Эти записи внимательно изучались врачами и сотрудниками НКВД, прикрепленными к нашему отделению. Нам удалось перехитрить медицинский персонал. Из кусочков проволоки мы сделали отмычки. Таким образом, нам удалось проникнуть в процедурную, где хранился дневник, и время от времени его похищать. Дело кончилось тем, что врачи стали прятать дневник в несгораемый шкаф.

В нашем отделении находился сын врача-писателя Выгодского. Обливаясь слезами, Алик рассказал нам в уборной, что его вызывали какие-то люди, обещали сытно кормить, но за это он *должен стать провокатором*, каждую субботу подробно их информиро-

вать о том, что происходит в отделении. Мы пошли на хитрость. Алик давал подробнейшую информацию. Он их ловко дезинформировал, говорил совершенно обратное тому, что было на самом деле. Выгодский, захлебываясь, сообщал, какие мы хорошие ребята, что в свободное время декламируем стихотворения Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Безыменского. Что многие из нас готовы публично отречься от родителей и что после выхода из больницы мы все решили вступить в пионеры, а некоторые записаться в комсомол. Все, что он говорил, принималось за чистую монету.

1. Ф. Я. Кашнельсон, чем только могла, помогала детям репрессированных родителей. Для нас она была – Матерью. Ф. Я. написала замечательный научный труд, который послужил ей для диссертации "О проблемах и лечении шизофрении у детей". В 1952 году ее изгнали из больницы им. Кащенко, где она безупречно проработала 25 лет. Она умерла от инфаркта. Мы, бывшие ее пациенты, оставшиеся в живых, собрали деньги на памятник. На ее могиле всегда живые цветы.

2. Родственник Л. М. Кагановича.

3. Григорий Каминский, бывший секретарь Тульского обкома ВКП/б/, народный комиссар здравоохранения. Расстрелян.

4. А. Н. Толстой (1883–1945).

5. О. Д. Форш (Комарова) (1873–1961).

6. Л. А. Кассиль (1905–1970).

7. Сульфазол – сера, очень болезненный укол, температура доходит до 40 градусов по Цельсию, вызывает страшную головную боль, тошноту, головокружение.

8. Писатель Лев Абрамович Кассиль рассказал автору, что Л. Фейхтвангер подробно описал свое посещение нашего – 3-го специализированного отделения больницы им. Кащенко. Его статьи были опубликованы в американских газетах. По цензурным "соображениям" этот материал не попал в его документальную книгу "Москва 1937 года".

9. К. А. Новлянская, врач-психиатр, доцент, кандидат медицинских наук, осведомитель НКВД. Впоследствии получила звание "майора". Умерла в 1972 году.

10. Панизовского перевели в Вятскую психиатрическую больницу. Дальнейшая его судьба неизвестна.

11. Норд умерла на Лубянке. Два с половиной месяца ее истязали. Сын ее, Борис Норд, после длительного заключения уехал в Австралию.

12. Джакоев и Кирыковский проходили по делу Зиновьева. Расстреляны.

13. Натан Зиновьев год пробыл в психбольнице. Два года его держали в Белых Столбах (психиатрическая колония, Подольский район, Московской области). В 1941-ом он был призван в армию. Получил два ранения. Награжден орденами и медалями. Погиб 5 мая 1945 года под Берлином. Длительное время переписывался с доктором Кацнельсон и с автором книги.

14. М. О. Лапидус – профессор, работает в научно-исследовательском институте детской психиатрии и в детской психиатрической больнице им. Кащенко.

ПОДВИГ РУССКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

После больницы мне трудно было догнать своих товарищей по школе. Кроме того, я продолжал заниматься в Театральной Студии, которой руководили артист Московского Художественного театра Борис Добронравов¹ и режиссер-педагог Иван Елагин. Руководители Студии знали о моей судьбе. От них я никогда не слышал ни одного плохого слова, ни одного упрека. А в школе все было гораздо сложнее. Старался учиться лучше других, но это не всегда удавалось.

На целые десятилетия стала моим близким другом педагог русского языка и литературы, русская учительница Елизавета Афанасьевна Макарьева. Она привила мне любовь к литературе, научила понимать и ценить творения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Достоевского, Блока. В свою очередь я знакомил ее с произведениями Бялика, Бабеля, Шолом-Алейхема, Менделя-Мойхер Сфорима, Шолома Аша.

На классных собраниях Елизавета Афанасьевна, никого не боясь, раскрывала природную сущность антисемитизма и юдофобства. Она рассказала нам о делах Бейлиса и Дрейфуса. Познакомила с письмами и статьями Владимира Галактионовича Короленко. Елизавета Афанасьевна отстаивала меня перед директором школы, когда он не хотел давать разрешение на перевод в следующий класс; навещала в больницах; прорывалась через заградительные отряды сестер, санитарок, врачей; приезжала ко мне в госпитали, писала сердечные письма на фронт.

В 1947 году она в своей маленькой квартирке прятала моего отца, которому было запрещено жить в

Москве. Она была в числе тех, кто стоял в почетном карауле у гроба величайшего артиста современности, Соломона Михайловича Михоэлса. В связи с "делом" врачей, Е. А. Макарьева написала гневное письмо в "Правду", которое, конечно, не было опубликовано².

В 1971 году, в знак протеста против дискриминации евреев в СССР, русская учительница Елизавета Макарьева возвратила Президиуму Верховного Совета правительственные награды — ордена, медали, Почетные грамоты.

7 марта я пришел проститься с любимой учительницей. В подарок принес ей томик стихотворений Бялика, на первой странице которого когда-то сделал надпись Борис Леонидович Пастернак:

"Бялик — это жизнь!

Бялик — завтрашний день Палестины.

Бялик — гордость и символ еврейского народа!
Моему другу и товарищу Леонарду Гендлину — сердечно.

Борис Пастернак".

Я подарил Елизавете Афанасьевне открытки с видами Израиля, альбомы с репродукциями художников Рубина и Беренштейна. Старая учительница пожелала нам счастья на Земле Израильской и по-сердечному благославила. 18 марта 1972 года 95-летняя женщина приехала в аэропорт Шереметьево. Прощаясь с нами, она сказала:

— Родные мои, я горжусь вами! Пусть всегда хранит и оберегает вас Бог!

Горько сознавать, что я ее никогда больше не увижу.

1. Добронравов Борис Георгиевич — народный артист СССР. Родился в 1896 году. Умер 27 октября 1949 года на сцене во время исполнения роли царя Федора в спектакле "Царь Федор Иоанович".

2. Копия хранится в архиве автора.

ШКОЛА

Так построена жизнь, что учителя почти всегда находятся в заговоре с тихонями против нелюбимых учеников. В своем арсенале мои товарищи имели достаточно средств, чтобы ущемить мое достоинство. Они виртуозно изобретали всевозможные пакости. "Нечаянно" на мои тетради проливались пузырьки с чернилами, из учебника кто-то выдирает нужные страницы, мочились в мой портфель, скромный завтрак — ломтик черного хлеба, луковицу и несколько картофелин, со смехом выбрасывался в окно...

Самыми верными друзьями стали книги и театр.

Я подружился с контролерами, билетерами, администраторами — они бесплатно пускали на утренние, а иногда и на вечерние спектакли. Артист Добронравов помог записаться в закрытые взрослые библиотеки Всероссийского Театрального Общества, Дома Работников Искусств и Дома Кино.

В школе наверстать пропущенное помогли студенты-математики Лазарь Файвыш и Борис Натанзон¹. Гуманитарные предметы давались мне легко.

Однажды мне поручили пригласить на школьный вечер молодых артистов. Я поехал в консерваторию. Там нашел лауреатов международных конкурсов музыкантов-исполнителей Бориса Гольдштейна, Эмиля Гилельса, Елизавету Гилельс, Розу Тамаркину. Уговорил их выступить в нашей школе. После концерта отношение переменилось.

Мы организовали КИВ — Клуб Интересных Встреч. В гостях у нас побывал Максим Горький. Он рассказывал о своей жизни в Сорренто. Артисты московских театров сыграли сцены из его пьес и прочитали нес-

колько рассказов. Запомнились слова Горького, сказанные им на вечере:

— Пьесы я написал скучные. Играть их трудно. Герои говорят и думают сложно. По-настоящему люблю две свои пьесы "На дне" и "Егор Булычев и другие".

Я прочитал отрывок из повести Горького "Мои университеты", который помог сделать Борис Добронравов. Писатель расчувствовался. Большим синим платком он вытирал мокрое от слез лицо. Через три дня Алексей Максимович прислал мне книги "Детство", "В людях" с надписью:

"Лене Гендлину на добрую память. Храните и берегите дружбу. Максим Горький"².

К нам приезжали участники арктических экспедиций, Иван Папанин, Отто Юльевич Шмидт, летчик Водопьянов, радист Кренкель. Знаменитый шахматист Михаил Ботвинник дал сеанс игры на 50-ти досках. Второклассник, крошечный Изя Давидсон, обыграл чемпиона. Ботвинник подарил мальчику автоматическую ручку с золотым пером. Изя стал сенсацией, ему завидовала вся школа. После приезда летчиков Чкалова, Байдукова, Белякова, совершивших в июле 1936 года беспосадочный перелет Москва—Земля Франца Иосифа—мыс Челюскин—Петропавловск-на-Камчатке—остров Удд—Ванкувер, мои акции поднялись еще выше. Новый директор школы, Алексей Павлович, стал со мной демонстративно здороваться за руку. Такой чести удостоивались многие.

Совмещать учебу в школе и в театральной студии было сложно. Кроме того, я еще по четыре часа в день работал в слесарной мастерской завода "Лифт", а по ночам умудрялся печатать на машинке мамину сверхурочную работу. А еще надо было заниматься, готовить уроки, принимать участие в школьных и студийных вечерах, отправлять отцу посылки и, пожалуй, самое сложное — быть в доме — ЕДИНСТВЕН-

НЫМ МУЖЧИНОЙ. При таком жизненном темпе спать удавалось каких-нибудь три-четыре часа.

Мы пригласили в школу писателей Бориса Пильняка, Сергея Третьякова, Владимира Киршона. Интереснейшая беседа затянулась до поздней ночи. Пильняк рассказал о своих путешествиях в Китай, Японию, Германию, Палестину. Третьяков читал стихи о далеких африканских островах.

Владимир Киршон говорил о работе над пьесами, сказал, что ему хочется написать лирическую драму о юности и называться она будет "Восьмиклассники". Прообразом героини он предполагает сделать первую ученицу Москвы, дочь Сталина, Светлану.

После этого вечера директора школы Алексея Павловича Самарина, секретарей партийной и комсомольской организаций вызвали в НКВД. Работников наркомата внутренних дел интересовало, по чьей инициативе приглашались в школу писатели — "враги народа"³. Самарин обладал редким умом и находчивостью. Он сказал, что все делалось по рекомендации Союза писателей. Это его спасло.

Теперь несколько штриховых портретов учителей и учеников.

Самыми колоритными фигурами были великовозрастный Костя Буланов, вертлявый сын сапожника Изя Малкин, бездарный тихоня Дормидонт Долотин и худосочная, двухметровая каланча Аграфена Вандрикова.

Буланов облюбовал себе место на "камчатке" — в среднем ряду на последней парте. В каждом классе он просиживал по два-три года. Давно уже курил. В бумажнике носил переснятые порнографические открытки. На переменах с упоением рассказывал похабные анекдоты. Его любимым занятием было сидеть на высоком заборе, наблюдать в бинокль, как в бане моются женщины. У Кости имелась под-

руга, буфетчица соседней школы. Частенько Буланов приходил в класс, изрядно покачиваясь. Его без конца вызывали к директору. Небритый детина срывающимся баском всегда отвечал одно и то же.

— Я лимонад пил, если не верите, вам и Нюрка Душастина подтвердит. Хотите, я ее пригоню? А что, лимонад тоже пить запрещается? Если нельзя, товарищ директор, значит мы больше не будем, честное слово дадим и поклянемся вашим драгоценным здоровьем.

Великовозрастному Буланову все сходило с рук. Его отец работал заместителем начальника районного отделения милиции.

Изя Малкин на уроках вертелся, как заведенный волчок. Он подсказывал, выскакивал, перебивал учителей, шутил, на ходу придумывал всяческие небылицы.

Самой тупой была длинноногая, плоско-худая Вандрикова. Она никогда ничего не знала, уроков вообще не готовила. В школу Аграфена приносила обильный завтрак: молоко, сыр, белый пшеничный хлеб, домашнюю колбасу. С товарищами она не делилась, сама все поедала. Зато любила говаривать:

— Что, покушать захотелось? Пойди в колхоз, подой коровушек, ножками потопчи поля, потряси ручками навозец — тогда тоже будешь вкусно есть, маслицем хлебушек мазать.

Ее отец Пров Вандриков — главный бухгалтер колхоза и секретарь партийной организации, конечно, коровушек не доил, ручками навозец не тряс, колхозное поле ножками не топтал.

Когда учителя вызывали к доске Дормидонта Долотина, он пугливо озирался по сторонам, нехотя поднимался, монотонно отвечал:

— Можете ставить любую отметку, уроков не учил, ничего не помню.

Иногда на него находил столбняк. Он неделями не

произносил ни одного слова. На его лице всегда было тупое, идиотское выражение.

Забегу вперед.

С Долотиным мы случайно встретились на Северном — Карельском фронте. Он имел звание капитана. Работал следователем контрразведки. О делах "тихого" садиста офицеры и солдаты говорили шепотом. Сотни людей он отправил на голодную смерть в концентрационные лагеря и тюрьмы, многих приговорил к расстрелу, любил процедуру расстрела и зачастую *сам расстреливал*. На допросах Дормидонт Долотин истязал людей. Кончил он мерзко. В одном из боев под Кондопогой его убили обозленные солдаты. Родителям сообщили, что их сын "погиб смертью храбрых".

Грубым и смешным был учитель физкультуры Александр Александрович Жандармин. Его грубость граничила с хулиганскими выходками. Отставной вояка своего предмета не знал.

Как-то Жандармин пришел в класс в хорошем расположении духа. В тот день занятия проводились в физкультурном зале.

— Ну, пусть наши еврейчики-спортсмены Малкин и Гендлин первыми полезут на канат, — ухмыляясь, проговорил Жандармин.

Изя крикнул:

— Идиот, лезь сам на канат и оттуда помаши нам ручкой, прокуренной пятерней! Я с тобой не желаю иметь дело.

Физкультурник бросился на ученика. Изя побежал. Жандармин, дымя дешевой папироской "Бокс", ринулся вдогонку за Малкиным. Началась игра "в салочки", в которую с удовольствием включился весь класс. Одна девочка не успела убрать туфли, Жандармин, поскользнувшись, растянулся во весь рост. При падении он сильно поранил колено. Мы загрохотали. Жандармин показал нам кулаки.

Больше всего шумели на уроках рисования, чер-

чения и немецкого языка. Немецкий преподавала Марта Германовна Гарро. Ей было 72 года. Свой возраст скрывала, молодилась, красила губы, подводила глаза, в черный цвет красила брови, делала маникюр. Часто из-за рассеянности теряла парик, который соскальзывал с ее лысины. Помимо учебников, в стареньком портфельчике она носила тоненькие бутерброды и крошечный термос с желудевым кофе "Здоровье". Однажды мы поймали Долотина, который, спрятавшись за последней партой, сидя на корточках, с жадностью уничтожал завтрак нашей учительницы. За этот проступок его бил весь класс.

Учитель рисования и черчения Михаил Аристархович Снегиревич до самозабвения любил свой предмет. Он знал, что на его уроках никто не хочет работать. Главным он считал не знания, а отметки. Лучше всех рисовали и чертили Тамара Мотылева и Галина Полякова. Они первыми получали высокие оценки. После того, как Тамара садилась на место, она свой чертеж или рисунок передавала мне. Я осторожно стирал ее фамилию и вместо нее вписывал свою. Близорукий Снегиревич ставил хорошую отметку. Затем тетрадь переключивала к Изе Малкину. И тогда лицо учителя расплывалось в широкой улыбке:

— Вот видите, товарищи, как хорошо, что Малкин стал серьезно и вдумчиво работать! За это я ему ставлю высший бал!

Самым последним относил чертеж Костя Буланов. От чрезмерного стирания злополучный лист был весь в дырках. Буланов получал "тройку" с минусом.

Появился новый учитель физики. Молодой человек с редкой фамилией Кирявый. На пятый день он объяснился "в любви" хорошенькой Мотылевой. Об этом сенсационном событии моментально узнала вся школа. С нашего ведома Тамара назначила ему свидание на Калужской площади, около кинотеатра "Авангард". В назначенный час появился физик

Киравый. В руках он держал огромный букет цветов. Влюбленный физик не заметил, что находится в окружении мальчишек и девчонок. Тамара Мотылева незаметно отошла в сторону. На ее месте оказался Изя Малкин, который для такого случая облачился в мамин сарафан.

На другой день Киравого выгнали из школы.

С теплотой вспоминаю историка Андрея Михайловича Пыжова и Макарьеву, о которой говорил выше. На их уроках всегда стояла тишина, они умели заинтересовать даже самых бездарных. Буланов, Долотин, Вандрикова получали у них удовлетворительные отметки.

Так проходило время, летели дни, месяцы, годы...

Взросло наше поколение. Мы стали интересоваться искусством, поэзией, литературой; бегали в музеи, по воскресным дням посещали театры: Большой, Художественный, Малый, им. Вахтангова, Большой Зал Консерватории, устраивали диспуты, в спорах пытались найти Истину.

После посещения музея Красной Армии Изя Малкин сказал:

— Не понимаю, почему во всех музеях выставлены картины и скульптурные портреты Сталина? Неужели он действительно такой уж великий? И разве он один за всех все делает?

О его высказываниях кто-то донес комсору школы Юрию Кошкину. Из-за этого случая Изю долго не принимали в комсомол.

Первым комсомольцем нашего класса стал тихоня Долотин. Ему помогло сугубо пролетарское происхождение. Дормидонта остерегались, дружить с ним никто не хотел.

Мы получили задание написать сочинение на свободную тему. Я придумал заголовок — "Жизнь за колючей проволокой". Вечером к нам домой пришла перепуганная учительница. Собравшись с духом, Елизавета Афанасьевна проговорила:

— Леонард, разве можно играть с огнем? За такое сочинение тебя исключат из школы с "волчьим билетом", а меня уволят. Опомнись, мальчик! Прошу тебя, напиши что-нибудь другое.

Я упрямо возразил:

— Если дана вольная тема, значит, можно писать о чем хочешь?

Мама заплакала. Начались уговоры.

Написал новое сочинение — "Скорбь еврейского народа в произведениях Шолом-Алейхема".

1939 год.

Мне исполнилось шестнадцать лет.

Для получения паспорта нужны справки из домоуправления, школы и метрическое свидетельство. В милиции со мной беседовал заместитель начальника по паспортному режиму Буланов, отец моего соученика. Массивный, волосатый дядя с отвислыми усами строго спросил:

— Давай, мы тебе в паспорт напишем национальность "русский"? Согласен? Тебе так легче будет жить.

— Мама моя, — ответил я, — еврейка, Белла Исааковна, папа тоже как будто еврей — Евгений Исаакович, дедушка и бабушка — евреи. В таком случае получается, что я тоже еврей? А вы хотите меня превратить росчерком пера в русского! Товарищ Буланов, вы, очевидно, решили пошутить?

— Дурак ты, парень! — со вздохом изрек Буланов-старший. — Ну, ладно, так и быть, давай документы.

Сказал, что потерял метрику.

— Тогда ходи без паспорта, дадим временный. Пись в город Владивосток, пусть пришлют дубликат.

Получена долгожданная копия. Снова неувязка. Оказалось, что в моем имени буква "н" похожа на букву "п". Буланов придрался и велел паспортистке написать в моем паспорте не "Леонард", а "Леопард".

— Львы имеются, тигры тоже, а теперь пусть будет Леопард, — сострил Буланов.

Пришлось вторично обращаться во Владивостокский ЗАГС. Только через год мне поменяли паспорт.

У нас дома хранилась маленькая, истрепанная Библия на русском языке. Мне подарила ее бабушка, мать отца — Брайна Ароновна. Библия читалась нами ежедневно, в какой-то степени она стала путеводителем жизни.

Бялик и Библия — основные учителя моей юности.

В нашем подъезде, на пятом этаже, проживала старенькая женщина Алексеева. Возраст ее определить трудно. Она всегда ходила в черном, монашеском одеянии и была настолько богомольна, что два раза в месяц ездила исповедываться в Троице-Сергиеву Лавру (Загорск). Потом мы узнали, что "божья" старушка — староста церкви, на протяжении целого ряда лет являлась штатным сотрудником органов НКВД. В те голодные годы Анастасия Николаевна приносила с рынка самые дорогие продукты. По всей вероятности, Алексеева считалась неплохим осведомителем. Малограмотная старуха по церковно-славянской орфографии строчила на жильцов доносы. Иногда Алексеева заходила и к нам. Посидев однажды минут пятнадцать, она вкрадчиво спросила:

— Лексей, какую нынче книгу читаешь?

Не ожидая подвоха, я с гордостью показал истрепанную, с вклеенными страницами, Библию. Похвалив за ученость, старуха, перекрестившись, ушла. Через неделю к нам пришли милиционеры. Они сказали, что в моем паспорте имеется одна незначительная неточность, которую надо выправить. (Такой же эпизод повторится через 33 года, перед отъездом в Израиль). С провожатыми вышел на улицу. У подъезда — закрытая машина "черный воронок". Там уже находилось несколько человек. Милиция помещалась рядом с нашим домом, а меня повезли куда-то дале-

ко. Затем карета остановилась, меня вытолкнули, и я очутился на тюремном дворе. Это была знаменитая московская тюрьма с экзотическим названием "Матросская Тишина". Меня обыскал усатый дядька, принесли поношенную арестантскую одежду. Идем по длинному коридору. Надзиратель втолкнул в камеру, где дым стоял коромыслом. Кроме дыма, я ничего не видел. Кто-то из обитателей крикнул:

— Ой, хлопцы, умора! Смотрите, живого еврейчика привели!

Два типа в допотопных халатах предложили сыграть в очко.

Подошел одноглазый парень, сплевывая сквозь зубы, спросил:

— А ты, Шлема, знаешь, что такое параша?

Я попал к уголовникам. Еще от отца слышал, что люди они жестокие, в злобе беспощадны, что они никого не боятся, что у них свои законы, обычаи, нравы, язык и даже песни.

Ко мне подсел молодой человек с квадратной челюстью. На его перебитой щеке зиял огромный желтый рубец.

— Говори, за что тебя сцапали? С кем работал? Нас не бойся! Свои в доску, не лягавые.

Их жаргона я не понимал.

— Какая у тебя кличка на воле была? — допытывался обладатель квадратной челюсти.

— Меня зовут Леонард, сокращенно можно называть Леня.

Послышалось лошадиное ржание.

— Ха-ха-ха! — истерически гоготала камера.

— Ле-о-нар-д! Ле-ня! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Валяясь на каменном полу, уголовники корчились от душившего их смеха.

Камера единогласно окрестила меня "Чарли".

Люди преступного мира любят сказки, часами они могут слушать таинственные истории о добрых, великодушных разбойниках. Я им пересказывал ро-

маны Дюма, Гюго, Диккенса, Вальтер Скотта. Больше всего им понравилась история Графа Монте-Кристо и Тарзана. За это соседи щедро со мной делились обильными продуктовыми запасами. "Дамы" сердца приносили друзьям громадные передачи со съестным.

В довоенные годы в тюрьмах советской России уголовникам жилось вольготно, хотя неволю они переносили тяжело.

По ночам я кричал, плакал, звал маму. Но все было напрасно. По вечерам уголовники пели блатные надрывные песни, декламировали Сергея Есенина, многие стихи которого знали наизусть. От этого становилось еще тоскливее.

Вызвали на первый допрос. Молодой следователь спросил, где сидит отец, кем работает мать, какие имею отметки. Затем перешел на товарищей по классу. Поинтересовался, что читаю. Сказал, что инт ресуюсь пушкинской эпохой.

Перебив, следователь крикнул:

— Зачем врешь!? Вот эта книга у тебя откуда?

Под самый нос он протянул Библию, подарок бабушки.

— Врешь, сука! — взревел добродушный на вид следователь. — Я тебе покажу пушкинскую эпоху и бабушкин подарочек! Смотрите, какой благородный внучек попался!

От сильного удара я упал со стула. Следователь бил меня Библией по голове. Из рта пошла кровь. Я потерял сознание. Следователь вылил на меня графин холодной воды.

— Бить не имеете права! — крикнул я. — Напишу на вас жалобу прокурору и начальнику тюрьмы.

— Слушай, вонючая морда, если хочешь домой, к мамочке под юбку, подпиши вот эту бумагу. Только разборчиво напиши свою фамилию и имя. На, читай! Здесь написано, что твой учитель-историк, Пыжов, дал тебе эту Библию. Подпиши и проваливай ко всем

чертям. Мы его все равно судить будем.

— Подписывать ничего не буду!

Счастлив, что не принес лишних страданий любимому педагогу.

В камере уголовники заботливо делали примочки и компрессы. Через две недели разрешили свидание. С мамой пришли писатель Юрий Карлович Олеша и режиссер Камерного Театра Александр Яковлевич Таиров. Только через два с половиной месяца им удалось вытащить меня из "Матросской Тишины".

Уголовники прощались, как с родным братом. Надавали несметное количество поручений, которые я постарался выполнить. Главари их, Васька Бобрик, нацарапал карандашом "охранную грамоту":

"Хто тронет Леньку Чарли и ещо Лианарда, тому ниемдла воткну в бок пиро. К сему Васка Бобрик".

Эту памятную записку я хранил много лет.

Из тюрьмы я шагнул в юность.

1. В 1943 году погибли под Сталинградом.

2. Архив автора.

3. Борис Пильняк (Вогау), Сергей Третьяков, Владимир Киришин – расстреляны. Все они посмертно реабилитированы.

4. Директор школы, майор Самарин, комиссар стрелкового батальона, погиб зимой 1943 года.

ЮНОСТЬ

Получен аттестат об окончании средней школы. Закончена учеба в Театральной Студии.

Я очутился на перепутье. Какую дорогу выбрать? Театр или журналистику? Дадут ли дорогу сыну репрессированного? Говорят, риск — благородное дело. Подал заявление на факультет журналистики. Экзамены сдал прилично. Кое-кто мне даже позавидовал. После экзаменов пригласили для собеседования. За овальным столом — номенклатурные столпы, бессердечные инженеры человеческих душ (кавычки опустил умышленно) Всеволод Вишневский¹, Давид Заславский², Владимир Ставский³ и руководители кафедры. Все подобострастно смотрели в рот Ставскому. Понял, что от него зависит моя судьба, и в предположении своем не ошибся. Никак меня не называя, Ставский сказал:

— Не могу понять одного: как вы, товарищи, могли допустить к экзаменам молодого человека, у которого отец репрессирован за контрреволюционную деятельность? Нам нужны журналисты с чистой душой, с незапятнанной репутацией и, простите меня за матку-правду, с неозлобленным сердцем. В данном случае нельзя обращать внимание на способности и даже на талант.

Вишневский и Заславский молча кивнули.

Я встал со стула и попросил разрешение сказать два слова.

Ставский злобно взглянул на меня.

— Для чего нам терять время на пустые разговоры?

Руководитель кафедры заерзал, ему было не по себе:

— Пусть абитуриент выскажется, я не возражаю.

— Вот сталинская конституция — основной закон нашей страны, — Союза Советских Социалистических Республик. Здесь сказано, что *дети за родителей не отвечают*. Почему вы нарушаете конституцию и не хотите меня зачислить в университет?

Руководитель кафедры попросил ответить Заславского.

— Мы рекомендуем вам, юноша, забрать документы и попытаться счастья в каком-либо другом институте. Всего вам хорошего. Жаловаться бесполезно, все равно ничего не выйдет.

Отправился в Театр им. Евг. Вахтангова. Документы приняли. С душевным трепетом предстал перед внушительной экзаменационной комиссией — Захава, Орочко, Москвин, Алексеева⁴⁻⁷. Прочел "Девушку и смерть" Горького, сонеты Петрарки, две басни Лафонтена, рассказ Зощенко "Случай в трамвае". Вольное сочинение называлось "Почему я решил стать актером".

Через две недели секретарь приемной комиссии меня поздравила:

— Вы зачислены в нашу Студию. Приходите завтра, получите удостоверение.

Трудно было поверить своему счастью. Быстро пролетела бессонная ночь. В семь часов утра я уже был около Студии. Секретарь комиссии пришла в девять. Она сделала вид, что меня не узнала. Вся ее любезность испарилась.

— Вам надо пройти к директору училища. Борис Евгеньевич сегодня не будет. Позвоните мне по телефону, я скажу вам, когда он сумеет вас принять.

Только через неделю попал к Захаве. Со мной пошел Борис Георгиевич Добронравов.

— Ничего не могу поделать, — сказал директор. — Повремените годик, авось, все перемелится.

Просьба ведущего артиста Художественного театра не помогла.

Мы, бывшие студийцы-”неудачники”, в порядке самодеятельности, подготовили концертную программу. Нас потянуло на юг, к Черному морю, в сказочно-легендарную Одессу. Приняли нас радушно. После первых концертов в газетах появились доброжелательные заметки. Концерты давали в домах отдыха и санаториях, рабочих клубах и домах культуры, в красноармейских частях и матросских общежитиях. За это нас бесплатно кормили, поили, предоставляли транспорт и давали немного денег. Мне поручили вести программу. Кроме того, я писал конферансы и вел административные дела. На эстраде читал Пушкина, Блока, Чехова, Зощенко.

Самостоятельная жизнь нравилась.

С концертами мы проехали всю Украину.

Как дороги те далекие, беззаботные дни! Разве можно забыть базары Полтавы, Харькова, Николаева, Херсона, Днепропетровска? Какие краски! А тихие безоблачные ночи на берегу седого, исполинского Днепра? Протяжные песни украинских девчат, их чудесные наряды, хороводы, замысловатые гопаки и польки до утра? А гостеприимство? Знаменитую украинскую горилку, борщ с галушками, уху, жареную рыбу, которую мы ели на берегу, у самого Днепра, ночные прогулки по Киеву? Нас узнавали по афишам, наперебой приглашали в гости.

В Киеве на прощальный концерт пришел украинский поэт, добрейшей души человек — Павло Тычина⁸. Он пригласил нас к себе на ужин. Павло Григорьевич пел нам старинные украинские песни, читал лирические стихотворения, подарил несколько своих книжек. Более четверти века продолжалась наша дружба, освещенная ясным светом. Рад, что узнал душу этого человека. Вынужденный занимать высокие государственные и общественно-политические посты, он никогда не делал людям зла.

Быстро прошумело лето. Мы повзрослевшими вернулись в Москву. Никто из нас не знал, что это

было последнее довоенное лето — лето 1940 года.

27 сентября 1940 года от отца пришла телеграмма с лаконичным текстом: "ОСВОБОЖДЕН ПРИЕЗЖАЙТЕ МЕДВЕЖЬЕГОРСК ЦЕЛУЮ ПАПА ЖЕНЯ".

Мы с мамой начали собираться. На сборы ушло семь дней. По телеграмме кое-как удалось получить билеты на поезд до Ленинграда. Там предстояло сделать пересадку. На вокзале тысячи людей компостировали билеты. Родственники — армада советских граждан с бледными лицами и провалившимися глазами — торопились, мчались, сломя голову, к своим родным, ОСВОБОЖДЕННЫМ. Три дня ночевали на вокзале. Посадка жуткая. Люди буквально давили друг друга. Носильщики обирали, торопили, воровали вещи, присваивая себе чемоданы. Метровые тюки и самодельные деревянные чемоданы загораживали проходы. Какой-то человек помог нам с мамой влезть в окно сидячего вагона. Всю ночь мы сидели, не шелохнувшись, на лавке, встать некуда, на полу впритык — женщины, малые дети, старики. Чая нет и в помине. Смельчаки на остановках бежали за кипятком, многие отставали от поездов, теряли билет, драгоценное барахло, и главное — документы.

Поздно ночью прибыли в лагерную столицу ББК НКВД СССР — Медвежьегорск. К нашему вагону подбежал седой, небольшого роста человек — мой отец. Вещи погрузили в кузов грузовой машины. Мама села в кабинку. Такси и наемного транспорта в *городе заключенных не было*. Зато имелось несколько "присутственных" зданий: управление Беломорско-Балтийского комбината, пятиэтажная комфортабельная гостиница, основные жители которой — ответственные работники управления, Дом Красной Армии и помещение, где дружно соседствовали НКВД, прокуратура, милиция, суд, военкомат, отдел народного образования.

Вернуться в московскую квартиру отец не мог. Со своим паспортом он не имел права на местожитель-

ство в областных городах и столицах союзных республик, включая Москву и Ленинград. Е. И. вынужден был остаться в лагере вольнонаемным работником. Он получил место начальника диспетчерского отдела.

В гостинице мы сели на диван, тесно прижавшись друг к другу. Мама без конца вытирала платком счастливые слезы.

— Наконец-то, Женечка, ты стал свободным человеком!

По телефону вызвали Москву. Сообщили Элеоноре, моей сестре, которая занималась в медицинском институте, о нашей счастливой встрече.

Е. И. познакомил меня с артистом и режиссером Приваловым⁹.

Театр помещался в деревянном, одноэтажном здании сарайного типа. В нем ставились оперетты, водевили, комедии, драмы, оперы. Половина труппы — заключенные профессиональные артисты. На репетиции, концерты, спектакли их приводили под конвоем. В антрактах они грызли черные корки, пили кипяток без сахара и заварки. После очередного представления меняли театральные костюмы на заношенную форму з/к. Под усиленным конвоем стрелков и своры немецких овчарок их отводили в зону — в бараки, где их ожидали прожорливые крысы, тараканы, клопы. Гремя засовами, их запирали на ночь. За малейший проступок начальник театра Курасов¹⁰ имел право отправить любого артиста на общие работы.

Привалов меня прослушал. Для дебюта предложил сыграть Григория Незнамова в драме Островского "Без вины виноватые"¹¹. Родители были против моего желания работать в театре. Но я настоял на своем. Роль помогли готовить Привалов и знаменитый московский конферансье, замечательный режиссер Алексей Алексеев¹². Премьера состоялась в кон-

це ноября. По городу расклеены афиши. За два дня до спектакля я ничего не мог есть. Голос стал глухим, хриплым, непослушным. В пять часов вечера к гостинице подкатили сани, запряженные отборными рысаками. Артисты успокаивали, давали советы. И вот первый звонок, второй, третий... Мой первый выход на профессиональную сцену. С материнской добротой благословила меня Ольга Федосеевна Дровосекова, заключенная актриса, играющая Кручини-ну¹³. Вернулось самообладание. Мне было очень трудно, я еще не постиг всех тонкостей актерского мастерства, трудоемких законов сцены, недостаточно хорошо владел нюансами своего голоса. Закончилось первое действие. Раздались жидкие аплодисменты. Где-то в десятом ряду сидят родители, их знакомые, товарищи, друзья. Интересно, как они реагируют на мою игру?

Звонок. Вызов на сцену. Торопливо выпиваю бурдистую жидкость — чай. Помощник режиссера, он же заведующий труппой, в прошлом профессор философии Гозенгляд¹⁴, наливает мне рюмку водки. Просит выпить "для бодрости". Настроение поднялось. Я вошел в роль. Пришла она, долгожданная вдохновенная волна. Стал слушать партнеров. Голос обрел нужную гибкость. По тишине зрительного зала почувствовал, что наконец-то началось общение со зрителем.

Произношу последний заключительный монолог. В ответ буря невиданных и неслыханных в моей жизни аплодисментов. Пятнадцать раз выходили артисты на поклон.

В кабинете начальника театра устроили скромный ужин. Для того, чтобы заключенные артисты могли с нами спокойно посидеть, пригласили и конвой.

Мне очень хотелось сыграть юного Рафаловича в "Блуждающих звездах" Шолом-Алейхема. Самостоятельно начал работать над инсценировкой романа.

— Ты не должен обижаться, сыночек, — глухо проговорил отец после премьеры, — меня вызывал на-

чальник управления ББК Тимофеев. Пока он сделал "вежливый" выговор. Ему не понравилось, что ты работаешь в театре и целыми днями общаешься с заключенными, которые, как правило, имеют политические статьи...

Так закончилась моя карьера в Медвежьегорском Музыкально-драматическом театре.

Незабываемое впечатление осталось в памяти от драмы Леонида Андреева¹⁵ "Дни нашей жизни", блестяще поставленной заключенным режиссером Сергеем Радловым¹⁶. Героиню играла бывшая актриса театра имени Вс. Мейерхольда. В эпизодической роли проститутки мастерски выступила в прошлом провинциальная актриса Клара Евгеньевна Радомысленская. После освобождения ей удалось уехать в Одессу, через какое-то время она вышла замуж за дальнего родственника — бельгийского капитана...

Меня приняли на работу младшим статистиком санитарного отдела. В обязанности входило по поступающим из лагерных отделений сводкам регистрировать специальным шифром заболевания заключенных. Журналы хранились в сейфах с секретными замками. Подчинялся я доктору медицинских наук профессору Моисею Наумовичу Экземплярскому.

Работа в санитарном отделе угнетала, давила.

Е. И. уходил в управление к девяти часам. На обед давали один час. С работы мы приходили в шесть часов. В восемь снова возвращались и приходили в гостиницу после двенадцати часов ночи. Так каждый день, из месяца в месяц, включая воскресные дни.

Е. И. задумал написать две книги: неосуществленный замысел молодости — "Достоевский и история царской тюрьмы" с привлечением документальных и нигде не использованных материалов¹⁷. По ночам он делал наброски рукописи "Моя Одиссея"¹⁸.

Е. И. премировали месячной командировкой в

Москву. После десятилетней изоляции он снова увидел этот город, где столько пришлось пережить. Страх настолько проник в его существо, что когда он шел по улицам, весь сжимался и все время оглядывался. Начались приемы, всевозможные приглашения на завтраки, обеды, ужины. Всем хотелось увидеть человека, вернувшегося с того света. Трогательны были встречи со старыми и верными друзьями: А. Ахматовой, К. Чуковским, Б. Пастернаком, А. Коонен, А. Таировым, С. Михоэлсом, В. Качаловым, И. Москвиным, Гр. Яроном, Ю. Олешей. За столом вспоминали безвременно ушедших. Особенно тяжело Е. И. пережил арест Всеволода Эмильевича Мейерхольда и Исаака Эммануиловича Бабеля, которых знал, любил и чтит.

К нам, в Сиротский переулок пришли повидаться с отцом супруги Асеевы — Николай Николаевич и Оксана Михайловна. Небольшой Асеев не говорил, а лаял. Е.И. и Н.Н. были знакомы еще по Владивостоку.

— Женя, скажи мне прямо, за что тебя посадили? — спросил отца Асеев (20). — Почему меня не тронули, Пастернака, Эренбурга?

Беседу прервала мама.

— Умоляю вас, давайте не будем касаться политических и остро-сюжетных тем.

Асеев не унимался:

— Женя, ты совсем приехал в Москву? Ты реабилитирован? У тебя уже имеется чистый паспорт?

Мы с сестрой попросили Асеева оставить отца в покое и не задавать ему дурацких вопросов.

Когда супруги Асеевы уехали, Е.И. сказал:

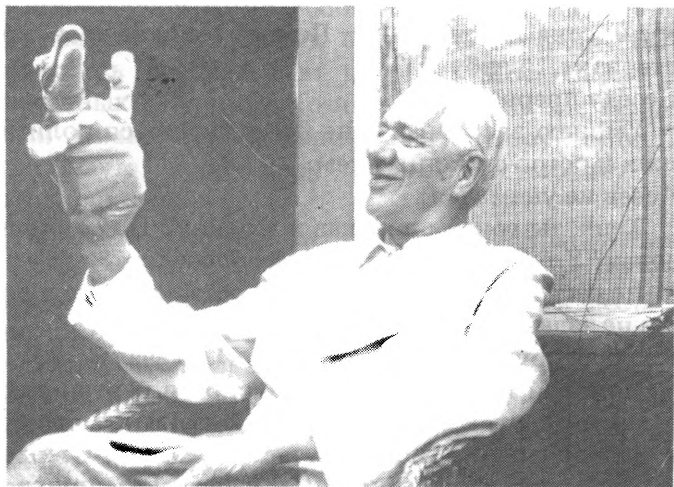
— Николай Николаевич, с молодости вертун-рифмач, он не поэт, а ма-я-ко-ве-дец. Поэзия его вычурная, но вот сумел приспособиться, нахватался вершук, культуры внутренней не имеет. Таким прихвостням всегда везло.

Начальник санитарного отдела Цимберов познакомил меня со своей некрасивой, угловатой дочерью Полиной. Ее мать, Матильда Карловна, стоматолог, женщина необъятных размеров, после ужина по еврейскому обычаю хотела разбить тарелку. Она считала, что помолвка — дело решенное. В кабинете Цимберова состоялся "мужской" разговор.

— Если вы женитесь на Полине, я сразу же подвину вас в должности. Из младшего статистика переведу в старшие, выхлопочу приличный оклад, позабочусь о военном звании, сделаю прописку в Ленинграде. У нас на броне имеется там отдельная трехкомнатная квартира¹⁹.

Сказал, что жениться мне еще рано.

Упитанный, надутый, как индюк, Цимберов понял, что ему отказали.

К. И. Чуковский на даче в Переделкино

В гостиницу ББК к нам часто приходили бывшие эски, товарищи и соседи отца по камерам, этапам, пересылкам, лагерям — профессора, доктора наук, видные инженеры: Тюльберт, Шапиро, Изаkson, Бабкин, Резник-Соломатин, Давидович, Самойленко, Вронский, Крутихин, Беспрозванный. Священники о. Радонежский, о. Бордзалеvский, о. Пурятников. Желанными гостями были артисты: Привалов, Никитский, Княжнин, Кириллова, Радлов, Алексеев, Войтеховская, Вергинская. Запомнились некоторые рассказы. Врачи-хирурги Шапиро и Давидович принимали участие в лечении В. И. Ленина. Они сказали, что у него было незначительное ранение, что в него стреляли *обыкновенными пулями* и что он умер из-за паралича позвоночника, связанного с заболеванием *сифилиса*. Резник-Соломатин поделился воспоминаниями о строительстве Турксиба — железной дороги, связывающей Среднюю Азию с Сибирью. Бабкин — о поездках в Америку, Скандинавские страны, Австралию, про встречи с Эйнштейном. Изаkson рассказывал об архитектуре Мексики, Испании, Англии, Италии, где подолгу жил, Привалов — о цыганских хорах и музыкальных театрах, Алексеев — театральные анекдоты, в которых неизменно присутствовали артисты эстрады, цирка, балета и непременно конферансье. Борис Онегин пел цыганские романсы и старинные таборные песни, сам себе аккомпанируя на гитаре. Во время больших праздников начальство просило Онегина выступить для них в ресторане гостиницы. Борис всегда отказывался:

— Настоящий артист во мне давно умер. Я обыкновенный, рядовой шофер грузовой машины. Мое дело — сидеть за баранкой. В свое время Николай Иванович Ежов запретил мне петь, сказал, что за песни язык вырвет.

До ареста Борис работал в Московском цыганском театре "Ромэн". Потом перешел на эстраду. Он выступал на "капустниках", играл на гитаре, пел на

писательских свадьбах, композиторских, правительственных банкетах — у Микояна, Калинина, Маленкова, Поскребышева; принимал участие в артистических вечерах. Карлику-недоноску Ежову, народному комиссару внутренних дел, показалось, что Онегин заигрывает с его партийной женой Тоней. Этого было достаточно, чтобы Борису Онегину припаяли десять лет по 58-й статье.

1. Вишневецкий В. В. (1900–1951). Писатель-драматург, журналист, политический и общественный деятель.

2. Заславский Д. И. (1880–1965). Журналист, критик, публицист. В прошлом — меньшевик, редактор петербургской газеты "День", активно сотрудничал в меньшевистской "Рабочей газете", на страницах которой темпераментно поносил большевиков. Член ВКП/б/ с 1934 года.

3. Ставский (Жирпичников) В. П. (1900–1943). Писатель-чекист, посредственный журналист. С 1936 по 1941 гг. возглавлял писательский союз. Так же, как и Фадеев, Сурков, Симонов, Вс. Вишневецкий — повинен в уничтожении многих советских писателей.

4. Захава Б. Е. (1896–1976?). Нар. арт. СССР, режиссер, педагог, профессор, директор Театрального института им. Щукина при театре им. Евг. Вахтангова.

5. Орочко А. А. (1898, умерла в конце 60-х годов). Народная артистка СССР. Режиссер, педагог, профессор. Вместе с Юрием Любимовым принимала участие в создании Нового Театра на Таганке в Москве. Совместно с Ю. П. Любимовым осуществила постановку пьесы Брехта "Добрый человек из Сезуана".

6. Москвин. Актер и педагог. Сын И. М. Москвина. Умер совсем молодым.

7. Алексеева Е. Г. (род. в 1901 г.). Режиссер, педагог, народная артистка СССР.

8. Тычина П. Г. (1891–1967). Украинский поэт, общественный и политический деятель.

9. Привалов А. С. (1895, дата смерти неизвестна). Артист, режиссер. В концентрационных лагерях просидел 12 лет. После освобождения был приписан к театру как вольный раб.

10. Курасов. Прославился звериной жестокостью и гнусным отношением к людям. Каждая новенькая актриса должна была пройти через его постель. Впоследствии — комиссар-подполковник.

11. Островский А. Н. (1823–1886). Русский драматург.
12. Алексеев (Лифшиц) А. Г. (род. в 1887 г.). Артист эстрады, режиссер, драматург. Автор оперетты "Людовик ... на двадцать" и книги "Серьезное и смешное", М., Искусство, 1972.
13. Дровосекова О. Ф. Умерла в магаданских лагерях.
14. Гозенгляд – умер от дистрофии в 1943 году. Жена и дочь проживают в Аргентине.
15. Андреев Л. Н. (1871–1919). Русский писатель, драматург.
16. Радлов С. Э. (1892–1958). Режиссер, педагог, театровед.
17. Архив автора.
18. Вначале отец предполагал написать двухтомный труд своих воспоминаний, к сожалению, этот замысел не был осуществлен.
19. Многие номенклатурные работники высоких рангов имели право работать в самых отдаленных уголках России и держать (т. е. бронировать) свою квартиру. Такое положение существует до сих пор.
20. Асеев Н. Н. (1889–1963). Поэт. Прославился песней "Марш Буденного". Был членом литературной группы "Лирика" и "Центрифуга". За поэму "Маяковский начинается" награжден Сталинской премией.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В тот день — 22 июня 1941 года в городском парке Медвежьегорска намечался большой спортивно-комсомольский праздник. Мне поручили вести по радио репортаж. Я сидел в будке, ожидая сигнала открытия. Неожиданно ко мне подбежала Клавдия Антохина — помощник начальника политотдела по комсомолу ББК НКВД. Эта женщина с мужским скуластым лицом ходила вразвалку, курила махорку, носила неизменную кожаную куртку, кирзовые сапоги, потому что хромовые не полагались. Она была похожа на даму времен военного коммунизма. Антохина протянула две страницы текста, написанного малопонятным почерком.

— Немедленно включитесь в городскую радиосеть! — прокричала она.

— Дорогие товарищи! Внимание! Внимание! Внимание! Передаем важное сообщение! — рокотали репродукторы, установленные на площади, центральной улице, около театра и у почтамта. — Войска гитлеровской Германии без предупреждения перешли границы Союза Советских Социалистических Республик, вероломно напав на мирные города и села нашей Родины...

Сообщение повторялось каждые десять минут. Началась мобилизация. Организовывались отряды народных патрулей. На второй день были задержаны подозрительные люди, которые в вечерние часы фотографировали объекты секретного назначения. Это были первые десантники, сброшенные с самолетов.

На крыше гостиницы имелась башня, там соорудили наблюдательный пункт. Мы с Е. И. дежурили

по очереди. Как только появлялся какой-либо самолет, мы немедленно докладывали по телефону.

У заключенных Е. И. считался большим начальником. Он часто совершал инспекторские поездки по лагерным пунктам и отделениям, разбросанным по всей Карелии, включая город Беломорск. Иногда мне удавалось приурочить свои командировки к его поездкам. Зимой у отца была прикрепленная лошадь с удобными санями.

Однажды мы поехали в село Римское, где строился бумажный комбинат. Начальник лагерного пункта передал Е. И. заявление от уголовника Лиферова. Бывший "медвежатник" — взломщик несгораемых шкафов-сейфов, гроза блатного воровского мира, имевший за многочисленные преступления и побеги пожизненный срок, просил направить его с товарищами в действующую армию, на фронт, хотя бы в штрафной батальон.

Отец задумался. Было о чем подумать. Десятки тысяч молодых людей, вместо того, чтобы воевать, осели, правда, не по своей воле, в глубоком тылу и ведут "мирную—размеренную" жизнь.

Начальник управления ББК Тимофеев¹ находился с отчетом в Москве. Начальник отдела кадров и Е. И. связались с ним по телефону. Михаил Михайлович Тимофеев разрешил отправить желающих заключенных-уголовников на фронт только в том случае, если городской военкомат согласится принять и соответственно обмундировать такое "пополнение".

Военком Буряк был счастлив. Улыбка не сходила с его красного, мясистого лица. Ему надоело все время выискивать новых людей, согласно разнарядок, получаемых из "центра". Огромное количество откормленных начальников сидело на вечной броне. А тут добровольное, "внеплановое пополнение". С его легкой руки 212 уголовников-блатарей получили новое с иголки обмундирование. На площади состоялся короткий митинг. Бывших воров, вчераш-

них "эзков" величали "дорогими товарищами", "солдатами-воинами", "защитниками отчизны". Духовой оркестр торжественно проводил "новобранцев"... Через сорок дней на имя начальника управления пришла шифрованная телеграмма: "Полученное пополнение разбежалось, принимаем меры розыска, виновные формирования данного подразделения предстанут перед военным трибуналом. Военный прокурор Федосов".

Е. И. отстранили от работы. Ему грозил расстрел. Начальник отдела кадров всю вину свалил на отца. Постановления или письменного разрешения на освобождение заключенных не было. Тимофеев дал устное распоряжение. В любой момент он мог отказаться от своих слов. Через Ларису Никитину, секретаря Бурыка, мне удалось достать копию военкоматовского распоряжения о принятии "добровольцев".

Уголовники прибыли в действующую армию. За неделю их кое-как обучили стрельбе. После учебы направили в стрелковый штрафной батальон, который базировался в районе Ладейного Поля. Там шли ожесточенные бои. Предприимчивый Лиферов предложил ребятам, "корешам" своим, плюнуть на военные баталии, — "не зевать, а собирать в ранцы разбросанные по матушке-земле гостинцы, посланные Господом, драгоценности разные. Ведь такой случай может представиться раз в жизни". "Коллеги", умудренные жизненным опытом, с полуслова поняли пахана. Ползком, как удавы, подбирались они к убитым и раненым, к своим и чужим. Брезгливость была им чужда. Ранцы и полевые сумки быстро наполнялись часами, кольцами, золотыми зубами, коронками, челостями. Все, что имело малейшую ценность, оседало у марадеров.

КРОВОПРОЛИТНЫЕ БОИ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ, ВОЛХОВСКОМ, СЕВЕРНОМ ФРОНТАХ ШЛИ НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ...

Профессиональные воры, кадровые уркаганы не

могли остановиться. Они вошли в азарт, не покладая рук, "работали" несколько суток. В живых остались Лиферов и его друг-напарник Парфен Решетов. Но друзья не сумели поделить награбленное и в злобе Лиферов воткнул нож в бок лучшему побратиму. Следствие продолжалось несколько часов. Военный трибунал приговорил Лиферова и умирающего Решетова к расстрелу.

Несмотря на то, что Е. И. оправдали, прокурор Мальков ежедневно вызывал отца на допрос. Он требовал, чтобы Е. И. подписал бумагу, в которой было написано, что заключенные-уголовники направлены в армию по его инициативе, и что в частной беседе он посоветовал им отбирать у раненых русских и немцев часы и кольца, а у мертвых вырывать изо рта золотые зубы, коронки, челюсти с золотыми прокладками. Отец ничего не подписал и это вторично спасло ему жизнь.

Работники Оборонстроя КФССР совместно с саперными войсками готовили линию заграждений. Началась эвакуация гражданского населения. Оборонстроем командовал генерал-майор Сергеев. По распоряжению Ставки руководство переехало в Петрозаводск. Меня назначили сотрудником для особых поручений при начальнике оборонстроя, через некоторое время я стал его личным адъютантом. В короткие часы отдыха сотрудничал на радио, читал информационные сообщения ТАСС, Информбюро, передовицы центральных газет, приказы военного коменданта.

Е. И. — беспартийный и бывший эск, выполнял важнейшую работу по диспетчеризации Оборонстроя Карелии. Около его дверей круглые сутки дежурила охрана. Для того, чтобы я мог пройти к нему в кабинет, мне надо было у заведующего канцелярией Полозова получить специальный пропуск с красной и синей полосами. Каждый раз меня спрашивали, зачем я к нему иду.

Рядом шли бои. Все время поблизости раздавалась канонада. А Петрозаводск продолжал бездумно веселиться. В рестораны попадали только военные. Театральные билеты доставались с боем. Спекулянты трудились в поте лица. Через коменданта города мне удалось попасть на оперетту "Сильва". Перед началом второго действия на сцену поднялся представитель военной комендатуры. Он объявил:

— Граждане! Просим вас соблюдать спокойствие и порядок. Бои ведутся на окраине города. Мы должны срочно провести эвакуацию гражданского населения. К театру поданы грузовые машины, все зрители организовано отправляются на вокзал. Вагоны стоят на станции. Кто из граждан откажется выполнить распоряжение военного коменданта и командования, без суда и следствия будет расстрелян на месте. Дети города уже отправлены в тыл.

Поднялся страшный крик. Женщины выли, как затравленные волчицы. У многих остались дети, престарелые родители, чемоданы с вещами.

Благодаря удостоверению, подписанному Сергеевым и военным комендантом Пустовойтовым, мне удалось выбраться из театра через черный ход. Бегом помчался в гостиницу. Там уже никого не было — ни работников, ни постояльцев. Двери нашего номера оказались открытыми. На письменном столе лежала записка:

"Дорогой сыночек! Ждал тебя до последней минуты. Приказали уехать. Я нахожусь в штабном вагоне. В Вологде будем стоять трое суток. Не знаю, куда нас везут. Целую, папа. Постарайся догнать".

На вокзале нашли дрезину. Полозов распорядился перевести стрелки. На площадку забралось человек тридцать. Вооруженные молодцы прикладами отталкивали людей. На коленях я держал трех дрожащих ребятишек. К утру догнали эшелон. Отец лежал с сердечным приступом. После того, как он меня увидел, ему стало легче. В Вологде стояли десятки эше-

лонов с солдатами и военной техникой. Станция и вокзал были загажены брикетами человеческих испражнений. Эшелоны, смонтированные из столыпинских вагонов с узенькими железными решетками, рассекая воздух, мчались на Север. Они везли живой груз, эвакуированных заключенных — государственных преступников, рабов великой социалистической державы, *где человек человеку — волк.*

ВСЯ МНОГОМИЛЛИОННАЯ РОССИЯ ПЕРЕШЛА НА КОЛЕСА. ВОЙНА СО ВСЕМИ УЖАСАМИ БЕЗ СТУКА И ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ ВОШЛА В КАЖДЫЙ ДОМ.

Е. И. получил новое назначение. Вольнонаемного раба приписали к Вятлагу НКВД СССР, станция Лесная, Кировской области.

Самыми страшными днями в Москве были пятнадцатое, шестнадцатое и семнадцатое октября 1941 года. Паника достигла неслыханного апогея. На вокзальных площадях и центральных улицах открытыми оказались канализационные колодцы. Дети и взрослые, падая, ломали руки, ноги, кости. По распоряжению Сталина, основные предприятия заминировали и в любую минуту они могли взлететь в воздух.

В нашем доме проживал профессор-хирург Евсей Яковлевич Эпштейн. Тысячам людей он спас жизнь. В один из вечеров к нему постучали. Он думал, что почтальон принес заказное письмо от эвакуированной дочери. Ничего не подозревая, старый врач открыл дверь. На другой день профессора сняли с петли. Тетя моя позвонила в милицию. Ее спросили, кто говорит. После того, как она себя назвала, ей сказали:

— Гражданка Гуревич? Так вам, жидам, и надо. Мы вас всех скоро перевешаем.

Тетя вторично набрала номер милиции — она думала, что ошиблась и нечаянно попала в квартиру какого-то хулигана. Но тот же голос повторил:

— Жидам в России нечего делать. Или мы вас уничтожим, или немцы придут вас убивать, резать, вешать. Каждый дурак понимает, что лучше умереть от своих...

Мама и тетя сдали ключи от квартиры в домоуправление. Тетин муж в первых числах октября ушел пешком в Саратов. Их сына эвакуировали в Маркштадт. Сестру мою мобилизовали на работу в военный госпиталь, в Кировскую область. За несколько дней до ухода из Москвы, профессор-окулист Авербах сделал у нас на квартире глазную операцию маме. У нее на нервной почве прогрессировала глаукома. Отправляясь в Неведомое, они взяли с собой два небольших чемодана с нательными вещами. С трудом две женщины добрались до Кирова (Вятки). На главном почтамте произошла случайная встреча нашей разрозненной семьи. Е. И. пришел дать маме телеграмму, тетя с мамой — послать телеграмму отцу, сестра — отправить телеграммы отцу и маме.

Встреча мгновенная.

Этот эпизод лучше всех волшебных сказок.

Сестра уехала в госпиталь, а мы — в ВЯТЛАГ.

Как военнообязанного, меня направили в Львовское пехотное училище, находящееся в Кирове. Наша команда состояла из 164 человек. С пересыльного солдатского пункта нас строевым маршем погнали в баню. Там наголо остригли. После мытья — распаренных, пешим строем повели в училище. Сразу же разделили на группы. Одни шли к начальнику училища, полковнику Кривоколенову, другие — к его заместителю по политчасти, майору Каткову. Нам выдали чистое белье, обмундирование, ботинки с обмотками, рукавицы, шапку-ушанку, портянки. Волнуясь, вхожу в кабинет Кривоколенова. Рапортую:

— Кандидат в курсанты Львовского пехотного училища Гендлин Леонард Евгеньевич, 1923 года рождения, прибыл в ваше распоряжение.

— Отставить! — заревел багровый, с голым черепом человек. — Как стоишь, еврейское вымя? Перед кем стоишь? — гаркнул он.

Я растерялся, вспомнил прыщавого следователя из тюрьмы Матросская Тишина. В военном училище со мной точно так же разговаривал старший военачальник, офицер советской армии.

— Оскорблять не имеете права. Буду на вас жаловаться в партийные организации.

— Молчать! Ты у меня узнаешь, что такое армия! Что такое человеческое достоинство! Запомни, мальчик, ты единственный ЕВРЕЙ на все училище. Представь себе на минуточку, что ожидает тебя в этих стенах!

Он говорил что-то еще, но я не расслышал. Мне сделалось дурно. Врач, майор медицинской службы, Мэри Лазаревна Войтецкая, постаралась облегчить мои страдания. Потом узнал, что перепуганный начальник училища часто звонил, справлялся о моем здоровье. До него дошло, что он малость перестарался в отеческой любви к евреям. И все-таки Кривоколенов сдержал слово. По его приказу меня не допускали к занятиям, заставляли на кухне чистить картошку, убирать и вычищать уборные, подметать двор. Одним словом, возвели в ранг чернорабочего.

Курсантам стали давать увольнительные записки в город. Мне тоже дали. Я пошел в областной комитет партии. Из комендатуры позвонил в приемную первого секретаря. Очевидно, это был редкий случай в обкомовской практике, когда солдат настойчиво добивался приема у первого секретаря. Меня проводили по второго этажа и сразу же провели к секретарю обкома. У него в кабинете находился симпатичный полковник.

— Ну, солдат, каким попутным ветром занесло тебя к нам? — добродушно проговорил секретарь обкома. — Рассказывай, брат, а то времени у нас с тобой маловато.

Секретарь обкома напомнил мне учителя истории Пыжова. Такой же покатый лоб, выразительные голубые глаза, редкие седые волосы зачесаны на затылок. Высокий, широкоплечий человек излучал добро. Дежурный молча принес чай с бутербродами. Ему я поведал обо всем, что накопилось у меня на душе. Рассказал о начальнике училища, о том, что вместо учебы приходится подметать двор и чистить уборные. Секретарь обкома попросил помощника соединить по телефону с полковником Кривоколеновым. Через минут тридцать я ушел.

— Если за ближайшие сутки что-то произойдет, позвоните или приходите, — проговорил хозяин Кировской области.

В коридоре меня остановил черноволосый военный.

— Полковник Донецкий. Мы собираемся поручить вам одно ответственное задание. С ответом не торопитесь, подумайте. Мы предлагаем вам следующее. 31 декабря состоится традиционная встреча Нового года. Здесь, в тылу, необходимо поднять настроение у офицеров и солдат нашего гарнизона. Нужен не стандартный, очень теплый концерт художественной самодеятельности. Для организации такого вечера надо отдать душу и сердце. Вы смогли бы написать сценарный план оригинального представления с участием имеющихся сил?

Я согласился.

На машине моты подвезли к училищу. Нарочно замешкался, чтобы дежурный не видел, как я вышел из автомобиля. В тот же вечер командир роты отвел меня к старшине. Я получил новое обмундирование, сапоги, удобную по росту шинель, шапку. Предоставили отдельную комнату, где имелся письменный стол с настольной лампой, пишущая машинка, а в шкафу стопка книг — эстрадные сборники, выпущенные "Военкнижторгом".

Полковник Донецкий утвердил сценарный план концерта.

31 декабря 1941 года.

Областной драматический театр. В первых рядах важно расселось военное командование, руководители областных, городских и партийно-хозяйственных организаций.

Вся дальнейшая судьба зависела от этого вечера. Волнуясь, вышел на сцену. Боковые софиты освещают лицо. В зале наступила тишина. Смолкли голоса. В конферанс вставил притчу-монолог о нерадивом полковнике и усердном солдате.

В антракте полковник Донецкий сказал, что все идет хорошо. Я был на седьмом небе от счастья.

Начальника училища откомандировали на фронт, в действующую армию. Я стал адъютантом Алексея Георгиевича Донецкого. В первые дни января 1942 года мы вылетели на Северный фронт. Стояла лютая зима. Мы замерзали в обледенелых землянках. Продуктов не хватало. СОЛДАТЫ УМИРАЛИ ОТ ИСТОЩЕНИЯ. За самый невинный анекдот расстреливали перед строем. Следователи контрразведки были завалены делами. Тысячи солдат под конвоем направлялись в штрафные батальоны. Большинство солдат и офицеров, воевавших на Северном фронте в Заполярье и Карелии, получили хронический конъюнктивит. Снег ослеплял, темные очки выписывались только для высшего командования.

Донецкий добился разрешения вылететь в Москву к Щербакову². Главный идеолог ЦК ВКП/б/ решал также вопросы снабжения. Нас он принял под землей в своей резиденции на станции метро "Кировская" (самая глубокая станция). Военные занимали также станции метрополитена "Маяковская" и "Белорусская". Алексей Георгиевич коротко доложил обстановку. Мне довелось присутствовать при "интимном" разговоре. Привожу диалог Щербакова с Донецким, который в тот же вечер записал по памяти.

ЩЕРБАКОВ. Донецкий, кто санкционировал ваш приезд в Москву?

ДОНЕЦКИЙ. Командующий фронтом и лично товарищ Штеменко, заместитель начальника генерального штаба.

ЩЕРБАКОВ. На каком основании взяли с собой адъютанта? Вам что, нянька нужна? Мы его на передовую отправим. Все евреи в тылу окопались, никто из них воевать не хочет. Попрытались в Ташкенте, Куйбышеве, Алма-Ате, Челябинске.

Донецкий весь потемнел. Глаза сузились. Я за него испугался.

ДОНЕЦКИЙ. Товарищ Щербаков, я тоже еврей. В нашей армии много храбрых солдат и офицеров — евреев. Я сам подписывал приказы об их награждении. Нескольким присвоено звание Героя Советского Союза.

ЩЕРБАКОВ (перебивая). Прошу не читать мне лекции, полковник. Что вам нужно? Поскорее объясните мне цель вашего приезда в Москву.

ДОНЕЦКИЙ. Солдаты нашей армии плохо одеты. Обмундирование истрепано. Питание ужасное. Люди гибнут от голода. Нам надо помочь. У нас нет медикаментов. Если вы не решите этот вопрос положительно, я вынужден буду обратиться лично к товарищу Сталину. Последствий не боюсь. Человек умирает один раз.

ЩЕРБАКОВ. Донецкий, мы вас расстреляем за паникерство, за злостные слухи, которые вы распускаете. По сведениям, полученным от товарища Голикова, у вас все обстоит благополучно. Вы, полковник, давно не были в театре и вам просто захотелось немного проветриться, подышать столичным воздухом, взглянуть на хорошеньких женщин, которыми все еще продолжает изобиловать Москва.

ДОНЕЦКИЙ. Если у вас имеется право меня расстрелять, угрозу свою можете немедленно привести в исполнение. Но прежде, убедительно прошу снаб-

дить армию необходимым продовольствием, боеприпасами, военной техникой, медикаментами, зимним обмундированием.

ЩЕРБАКОВ. (По телефону соединился с начальником тыла генералом Антиповым.) Прилетел полковник Донецкий — Северный фронт. Товарищ Сталин приказал оказать им помощь...

В главном управлении тыла Донецкий выбил обмундирование, технику, медикаменты. В продовольствии отказали.

Алексея Георгиевича принял заместитель начальника генерального штаба Штеменко, очень похожий на гоголевского Тараса Бульбу. Усатый Штеменко торжественно, с пафосом плохого трагического актера, мощно изрек:

— Вы, Донецкий, самый беспокойный генерал.

— Простите, но я еще полковник.

— Нет, вы уже генерал. Товарищ Сталин подписал постановление о присвоении вам звания генерал-майора. Поздравляю! Не зазнавайтесь. Скажите, генерал, только откровенно, как на духу, куда вы деваете неиспользованные ресурсы продовольствия?

Донецкий хотел объяснить, но Штеменко резко перебил:

— У нас, генерал, вы ничего не добьетесь, потеряете драгоценное время.

Несмотря на голод и холод, мы в нашей армии организовали небольшой эстрадный коллектив из восьми человек — бывших артистов, музыкантов, литераторов. Мы предложили Донецкому командировать нас в Узбекистан. Он ни чем не рисковал. Проезд литерный, бесплатный. Политотдел дал согласие.

Из холодного полюса мы попали в южный.

В столице Узбекистана война не ощущалась. Ташкент жил обычной, будничной жизнью. На перекрестках шашлычники крутили неизменные шампуры. В

переполненных театрах шли спектакли. На базаре можно было купить все, что хочешь: любые ордена и медали, золотые звезды Героя Советского Союза, серебро, слитки золота, поддельные и неподдельные дипломы высших учебных заведений, парчевые халаты, ковры, доллары и стерлинги, фунты и гульдены, рахатлакум и черную икру, шелк и редкие книги, прижизненные издания Пушкина и в золоченных любительских переплетах Ежегодники Императорских театров, гончаровский фарфор и старинные французские гобелены, рисунки Федотова и картины Левитана, скрипки и ковры ручной работы, куклы и детские игрушки, хрусталь и бронзу... Тысячи людей продавали и покупали. Торговал каждый второй...

Нас приняли в ЦК партии Узбекистана. На совещание пригласили председателей самых зажиточных колхозов. Мы составили маршрут поездок по республике. Ежедневно приходилось давать по три-четыре концерта. Колхозники за это нас щедро отблагодарили. Мы привезли целые вагоны продовольствия — дар колхозников Узбекистана армии, предварительно все документально оформив. Специальным приказом командующего фронтом наша группа была награждена орденами, медалями, ценными подарками.

На фронт прибыл Мехлис³, представитель Ставки Верховного командования. Этот невысокий человек наводил ужас на всю армию. В военной стратегии он не разбирался. Говорили, что он не имеет законченного среднего образования, хотя в молодости был слушателем Института красной профессуры, затем попал в ЦК ВКП/б/ — в секретариат Сталина. Ему доставляло удовольствие повелевать и властвовать. Права он имел неограниченные. По своему усмотрению Мехлис смещал опытных военачальников, на их места назначал бездарных кадровиков. Тысячи людей приговорил он к смерти, десятки тысяч от-

правил в тюрьмы и концентрационные лагеря. Мехлис вызвал Донецкого:

— Вы были в Москве у товарища Щербакова, требовали продовольствие? Вам отказали в дополнительных фондах. Обманным путем вы послали в Узбекистан самодеятельных артистов. С вашего согласия они выманили у колхозников вагоны с продуктами. Я отправлю вас в военный трибунал, а краснобаев-бездельников, ваших говеных артистов, в штрафной батальон. Там как раз нуждаются в пополнении, — сострил самодовольный генерал.

Свою угрозу Мехлис не успел выполнить. Армию подняли по тревоге.

Донецкий сказал Мехлису:

— Начинается тяжелейший бой. Сколько он продлится — не знаю. У нас нет времени отвечать на ваши дурацкие вопросы. Дать гарантию на то, что вы останетесь живы, не могу. Лучше всего уезжайте в более безопасное место. Беседу продолжим после окончания войны.

Рассказать о том, что такое ПЕРВЫЙ БОЙ — невозможно. Ничего не может быть страшнее войны, когда гибнут молодые люди — недолголюбившие, безусые, нетронутые первым поцелуем женихи и невесты; отцы семейств, семьянины, — те, кто должен пахать Землю, ловить рыбу, учить детей прекрасному; живописцы и ваятели; люди интеллектуального труда; производители материальных благ — рабочие и мастера Труда. Я видел, как разрушаются города, строившиеся десятилетиями. И весь этот титанический пот в одну минуту превращался в руины. Я смотрел на умирающий в агонии городок. Дерево, у которого я остановился, чтобы немного передохнуть, было еще молодо, а листья на нем стали белыми от пыли, седыми. Многие пришлось ему повидать за последние дни. Оно одиноко стояло у самой развилки дороги, по которой некогда везли мое-

го отца, Евгения Исааковича Гендлина, на советскую каторгу. Казалось, что эта прожеванная Земля уже никогда не узнает покоя. Подумал, ведь непременно придет Час и День, — когда и пыль, поднятая войной, вновь ляжет на землю, что непременно настанет тишина, угомонятся пожары, осядет пепел, рассеется дым, станет горестным прошлым то, что мы называем — историей.

Бои на этом участке фронта длились 22 дня. Взрывной волной меня отбросило куда-то в сторону. Сколько пришлось пролежать в куче щебня — не помню. Очнулся на больничной койке, ощущая тяжесть в теле. В ушах стоял гул. Я почти ничего не видел. Товарищи рассказали, что два дня находился под обломками, меня случайно обнаружили саперы. Первые десять часов я находился в полевом госпитале, потом самолетом отправили в Москву. Сколько я видел раненых, изуродованных, искалеченных войной людей! Старался терпеть, многим было еще тяжелее. С каждым днем ухудшалось зрение, лишился слуха, без посторонней помощи не мог двигаться. Находясь в положении живого тупа, все время ощущал чье-то доброе, заботливое внимание. Меня брили, кормили из ложечки. Только мозг продолжал лихорадочно работать. Непрерывно сверлила мысль: неужели останусь таким на всю жизнь? Что делать? Как дальше жить? Для кого и для чего? Кому нужен лежащий до самой смерти инвалид? Кто захочет со мной добровольно возиться? Нацарапал несколько слов: "Если вы человек, умоляю вас, помогите мне избавиться от дальнейших мучений, чтобы не быть ни для кого обузой. Умоляю, дайте безболезненный яд. Хочу уйти из жизни — добровольно, в этом никого не виню". Чья-то добрая душа сжалилась на свою голову. Мне дали что-то проглотить. Начались жуткие боли в желудке. От непрерывной рвоты сотрясался весь организм. Совсем юная медицинская сестра Ольга Груздева откликнулась на мою просьбу. В

компот всыпала большую дозу мышьяка. Произошло отравление организма. Соседи по палате подняли шум. Сбежались врачи. Химический анализ показал, что в пище — мышьяк. Груздеву арестовали. Она попала в руки военной прокуратуры. Профессора и врачи — Лобачев, Менделевич, Мухина, Вайнтрауб — вернули мне силы. Через пять месяцев я был выписан из госпиталя в удовлетворительном состоянии. Ольгу Груздеву приговорили к шести годам тюремного заключения. Я поехал к гарнизонному прокурору Краснухину. К счастью, сохранилась моя записка, она сыграла немаловажную роль. Оказалось, что Павел Иванович знал моего отца. Он сказал, что невозможно отменить приговор военного трибунала. В борьбу за освобождение медсестры вмешалось много хороших людей. Она отсидела семь месяцев. Ее оправдали условно и сразу же направили на фронт, в медсанбат. Сегодня Ольга Груздева — видный невропатолог. Она была в числе тех, кто провожал нашу семью 18 марта 1972 года в Израиль. Наша дружба продолжалась почти тридцать лет. Пусть читатель извинит за то, что не назвал ее подлинной фамилии.

Командование направило меня на специальные курсы военных корреспондентов, организованные при Центральном Доме советской армии. Руководили ими Илья Эренбург и старый "знакомый" Давид Заславский. Собеседования вели главный редактор газеты "Красная Звезда" Д. Ортенберг, работники Информбюро, ведущие журналисты. Мои очерки и репортажи публиковались во фронтовой печати, в газетах: "За Родину!", "Подвиг", "Отчизна". В очерке "Подвиг нерукотворной юности", о семнадцатилетнем солдате-добровольце, татарине Умаре Магометове, я рассказал, как после ранения в правое плечо храбрый воин продолжал стрелять из ручного пулемета. Его вторично ранило. Истекая

кровью, теряя последние силы, юноша-солдат как бы воедино слился со своим стареньким пулеметом. Когда у него кончилась пулеметная лента, он упал. Этот очерк обошел мировую печать.

Начальник политотдела полковник Разумовский предложил мне вступить в коммунистическую партию. Он сказал:

— Несмотря на то, что вы, Гендлин, еврей, я готов дать вам рекомендацию. Уверен, что не подведете.

В кабинете, кроме нас двоих, никого не было. Я ответил:

— До тех пор, товарищ полковник, пока в партии будут такие антисемиты, как вы, мне в партии делать нечего.

К счастью, Разумовского выгнал Мехлис. Говорят, нет худа без добра.

Вспоминается первая беседа Ильи Эренбурга:

— Мои будущие коллеги, — говорил он, — запомните, что не всякий желающий может стать художником-журналистом. Многолетняя усидчивость на университетской скамье не сделает из вас газетчика, если у вас в душе нет журналистского дыхания, таланта, нет внутренней теплоты для этой, пожалуй, самой сложной, но прекрасной профессии. "Мои университеты" — жизнь и книги, города и страны, поезда и пароходы, велосипед и перекладные, музеи и театры, люди и кинематограф...

Лекции Давида Заславского были скучны и неинтересны. Мы знали, что Заславский плохой человек. Четверть века он боролся с Борисом Пастернаком, тиранил Юрия Олешу, писал пасквилы на Анну Ахматову и Бориса Пильняка, затравил Артема Веселого. Этот черносотенец раскрыл свое нутро во время убийства главного режиссера Еврейского Театра народного артиста СССР Соломона Михайловича Михозлса, и в смутные дни, когда гремело "дело врачей". Он — один из пламенных борцов-радетелей против "космополитизма" в науке, искусстве,

литературе. Ярый противник генетики. В печати не раз публично оскорблял академика Капицу. Приветствовал насильственное переселение крымских татар, автор погромных статей против издательства и работников "Дер эмес", еврейских писателей, артистов, композиторов, художников, кинематографистов. Но *Бог его покарал*. Несмотря на абсолютную слепоту, Заславский продолжал диктовать свои "классические" пасквили молодой жене, которую никогда не видел. Могилу Давида Заславского неоднократно раскапывали те, кому он принес столько горя.

По воскресным дням занятий не было. Режиссер Иван Хрусталеv приглашал меня на радио, я принимал участие в радио-монтажах и радио-спектаклях.

После окончания курсов вернулся в свою часть, которой командовал Донецкий. Мехлис его понизил в должности, перевел в Мячиково, Московской области. Пришло сообщение, что семья Донецкого — родители, жена, дети — погибла. Несмотря на столь трагическую судьбу, Алексей Георгиевич продолжал оставаться таким же чутким и порядочным.

И все-таки история иногда повторяется. В нашу часть прислали полковника Кривоколенова. Я узнал своего бывшего начальника по Львовскому пехотному училищу. При вручении назначения, Кривоколенов заявил с апломбом:

— Товарищ генерал, я счастлив служить с евреями!

Мы с Донецким переглянулись. Алексей Георгиевич сухо проговорил:

— Ваша подчеркнутая любовь к еврейству меня не интересует. Свои чувства оставьте при себе, они вам еще пригодятся.

Кривоколенов ответил с наглой усмешкой:

— Генерал, ругаться не рекомендую. О наших отношениях станет известно генерал-полковнику Льву Захаровичу Мехлису. Вы, кажется, знакомы? Мне говорили о вашей с ним дружбе.

Потеряв самообладание, Донецкий крикнул:
— Вон отсюда, негодяй!

Донецкий⁴ вызвал начальника штаба Чевеля. Через два дня полковника Кривоколенова отправили снова на фронт. Мехлис ему не помог.

Большая группа генералов направила Сталину письмо о поведении его любимца Мехлиса. Верховный главнокомандующий его сместил. После окончания Второй мировой войны ему удалось выторговать для себя пост министра государственного контроля. Этот человек снова повелевал, смещал, уничтожал.

Снова — фронт, бои, атаки. Один бой страшнее другого. Видел ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ХАОС, РАСТЕРЯННОСТЬ, ЛЮДСКОЕ ГОРЕ, СМЕРТЬ ДРУЗЕЙ, АРЕСТЫ БЕЗВИННЫХ. ВОЙНА НАБИРАЛА ТЕМП.

Госпиталь. На сей раз — долгая больничная койка. Медицинская комиссия признала меня годным к нестроевой службе в тылу.

1. Тимофеев М. М. — начальник Главного Управления лагерей лесной промышленности. Персональный пенсионер. Дожил до глубокой старости.

2. Щербаков А. С. (1901–1945), — первый секретарь МК И МГК ВКП/б/. С 1941 — кандидат в члены Политбюро. В годы Второй мировой войны — начальник Главного политического управления Красной Армии и по совместительству начальник Информбюро. Умер скоропостижно 10 мая 1945 года. Считают, что был отравлен Маленковым.

3. Мехлис Л. Э. (1889–1953) ., генерал-полковник. Член военных советов армий и фронтов. На XIX съезде избран членом ЦК КПСС. В последние годы жизни министр государственного контроля.

4. Донецкий А. Г. умер от гангрены в 1948 году.

ВЯТЛАГ НКВД СССР

Как нестроевого меня направили в военкомат по месту жительства родителей. Из Москвы поездом доехал до Кирова (Вятки). Там сделал пересадку и доехал до узловой станции Яр. Предстояла еще одна пересадка на станции Верхнекамская, которая была последней в этом районе гражданской станцией. Далее следовали границы огромного концентрационного лагеря, именуемого Вятлаг НКВД СССР.

Для того, чтобы попасть в столицу страны заключенных, необходимо иметь особый пропуск.

Начальник железнодорожной станции Каика¹ решил по служебному телефону позвонить в Управление отцу. Оттуда незамедлительно последовал звонок начальнику охраны Бобичеву². В поезде — проверка документов, чемоданов, корзинок. Станция Лесная имеет еще одно название, совершенно не оправданное: "Социалистический городок". Строения деревянные. В двухэтажных домах проживают вольнонаемные, приписанные рабы, бывшие каторжане. На десятки километров растянулись лагерные вышки, колючая проволока. Советскую власть представляет триумvirат: начальник управления Левинсон³, начальник политотдела Колков⁴ и начальник второго отдела Гендельман, впоследствии замененный Кузнецовым⁵.

Грузного, малоподвижного Левинсона боятся даже дети. Как-то он шел из управления домой на обед. В это время ребяташки переходили улицу, говорили они тихо, чтобы не услышал "хозяин":

— Смотрите, слон Ной идет!

— У него даже хобот есть!

Дети громко засмеялись.

Шестилетняя Роза Кац весело запела:

Уронили Ноя на пол,
Оторвали Ною лапу,
Брошу его, брошу,
Поломаю, растопчу,
Потому что слон Ной
Очень злой и нехороший...

Девочка перефразировала стихотворение поэта Агнии Барто. За такое оскорбление мать Розочки — доктор Кац, была переведена в санитарки. Злопамятный Левинсон все помнил и никому ничего не прощал. Еврей, по духу ярый шовинист, по призванию — злодей, по духовной нравственности — человеконенавистник, Ной Соломонович и вольнонаемных, и заключенных евреев ненавидел, и при всяком удобном случае отравлял им существование. Этот тучный помещик — полновластный хозяин ВЯТЛАГа, имел право увеличивать сроки. За малейшую, самую незначительную провинность, отправлял вольнонаемных сотрудников в лагерь. Росчерк пера — дело состряпано. На территории лагеря имелся и "свой" прокурор Мовшович со "штатными" — присяжными — "народными заседателями".

Заключенные жили впроголодь. Живые тени, обтянутые кожей, искали в мусорных ямах корки хлеба, шелуху от овощей, кости от мяса и рыбы.

Портной Рабинович пригласил на обед трех эков. Озираясь по сторонам, словно загнанные звери, люди зашли в квартиру. Старик выложил на стол все, что у него было. На прощание завернул им буханку черного хлеба, пакет пшена, несколько луковиц, свеклу, морковь. Кто-то донес об этом Левинсону. Прокурор Мовшович на процессе Рабиновича говорил два часа. "За связь с заключенными" Рабиновича приговорили к пяти годам каторги. Его партийные дочери Рима и Лиза — технологи пошивочной мастерской, не могли спасти отца.

На Лесозаводе директором работал Кацнельсон⁶, секретарем у него была молодая, очень красивая девушка, Галя Тихонова⁷. Она полюбила з/к композитора Поля Марселя⁸, который ходил без конвоя (его зачислили музыкальным руководителем культбригады и, кроме того, заставляли давать бесплатно уроки музыки внучке Левинсона). Галя забеременела. "За близорукость" Кацнельсон получил шесть лет, Галя — десять, Поля Марселя перевели на общие работы. Внучка умоляла дедушку Ноя простить дядю Поля; ни уговоры, ни слезы, ни нервное потрясение не взволновали насквозь прогнившую душу слона Ноя.

Машинистка Лиза Беренштейн вместо слова "главнокомандующий" по рассеянности написала "гавнокомандующий". Несчастливая женщина была отправлена на судебно-медицинскую экспертизу. Главный врач санитарного отдела ВЯТЛАГа Кутовский⁹ и профессор-психиатр Красусский в акте обследования написали, "что такой случай может произойти с любым человеком, и что со стороны психики это вполне допустимо". Ошибку обнаружил Левинсон. Он настоял, чтобы Лизу осудили на десять лет.

Я возвращался вечером домой. Около подъезда увидел заключенных. Вольных они называли "начальниками". Ээки попросили кусочек хлеба. Пригласил их домой. Это были киевский инженер Захар Новаковский, в прошлом строитель Днепрогэса, и профессор из Харькова Владимир Хамзин. Они стали у нас бывать. Мы с мамой знали, что играем с огнем, но есть в жизни моменты, когда трудно вступить в единоборство с собственной совестью.

По праздникам в клубе устраивались концерты. Культбригадой руководил наркоман-фальшивомонетчик Леонид Лео, в миру Леня Подкопаев, — "автор и исполнитель сатирических куплетов". Он потчевал вольнонаемную публику такими "перлами": "Горе братцу моему, он без пицци мается, зубы вста-

вили ему, рот не закрывается”, или: ”Шла по улице старушка, а за ней мотоциклет, мотоцикл цикал, цикал, и старушки больше нет...” Зрители восторженно принимали своего ”кумира”. В ”мастерах художественного слова” числился бывший прокурор Эстонии. В своем мирке Леонид Лео был тоже ”хозяином”. Каждая новенькая, поступающая в культбригаду артистка, не могла миновать постели Подкопаева.

Лагерные пункты имели отделения КВЧ. Над культурно-воспитательной частью, как черное облако, висел политотдел в лице старой знакомой — помощника начальника политотдела по комсомолу Клавдии Антохиной (ее перевели в Лесную из Медвежьегорска). Она почти не изменилась, только расплзлась в ширину. По-прежнему курила махорку, ходила в галифе, теперь, наконец, получила разрешение носить хромовые сапоги и снова облачалась в неизменную кожаную куртку. Эту даму всегда сопровождала свита — инструктора ”добровольцы”: кадровая проститутка Аделаида Кулебякина и двое блатных — Прямыков и Ручкин. Оригинальный ”квартет” носился по лагпунктам, выискивая молодых девушек, которых Антохина ”устроивала” на работу в больницу для начальства. Самых красивых она направляла в служанки к Левинсону. Грузный, капризный Ной неплохо разбирался в присылаемом ”товаре”. Он часто менял девушек, которым начальство сулило ”легкую жизнь”, либо мрачные перспективы лагеря. Девушки шли на сближение с ”сильным мира сего”. Перед тем, как их снова отправить в лагерь, устраивался суд, где им ”за связь с вольнонаемными” (конечно, без свидетелей) прибавляли новый срок. Фамилии начальства, совратителей и насильников, в делах не фигурировали. Старая, перезрелая комсомолка Антохина себя тоже не забывала. Она оказывала предпочтение сытым нарядчикам и не брезговала ”фартовыми” уркаганами.

Сын начальника политотдела Юрий Колков на

шестнадцатом году жизни изнасиловал в школе тринадцатилетнюю Зою Ханукову. Юный растлитель отделался легким испугом. Семью доктора Ханукова выслали из Лесной. Несмотря на то, что все письма проходили свирепую цензуру, друзьям родителей Зои Хануковой удалось связаться с редакцией газеты "Комсомольская правда". В Лесную для разбора дела приехал корреспондент газеты по Кировской области и помощник областного прокурора. Началось следствие. На девочку стали давить, запугивать, угрожать, предупредили, что она подлежит отправке в колонию для малолетних проституток. В день суда Зоя повесилась. Мать лишилась рассудка. Колков остался на прежней должности начальника политотдела.

Меня вызвал начальник второго отдела ВЯТЛАГа, Иван Иванович Кузнецов, подполковник государственной безопасности. После проверки документов галантный начальник предложил написать донос на отца. Я отказался выполнить его "просьбу".

— Тогда мы вас отсюда не выпустим, — сказал он, сощурив близорукие глаза. — В Лесной будете до самой смерти. Мы на ветер слова не бросаем. Да и статью подходящую можем подыскать.

Из комнат отчетливо слышались крики, стоны избиваемых. Меня нарочно привели в такой кабинет, чтобы я мог все слышать и все правильно воспринимать.

Дома мама проговорилась, шепотом сказала, что лапу утром тоже вызывал Кузнецов и требовал, чтобы он написал донос на меня...

На седьмом лагерном пункте заключенные объявили голодовку. Несколько раз на обед им давали тухлое мясо. Кто-то сказал, что видел в котле собачью голову. Начальник лагеря Левинсон поручил расследование Колкову, Кузнецову, Антохиной и начальнику отдела снабжения Сайко. Начальник лагпункта с почетом встретил высокую комиссию. В своем особняке он устроил торжественный обед.

Повара работали, не жалея сил. Красивые официантки подавали изысканные блюда, приготовленные из свежего, парного мяса, фрукты, овощи, коньяк, пирожные, кофе с ликером.

Члены комиссии подписали акт, в котором говорилось, "что питание на седьмом лагерном пункте вполне удовлетворительное и достаточно колоритное". Участники голодной забастовки получили дополнительные сроки.

Из ГУЛАГа пришло секретное предписание: вольнонаемные обязаны безвыездно отработать в лагере ДЕСЯТЬ ЛЕТ. Мы отказались подписать такой документ. Отца уволили. Он получил место начальника плано-финансового отдела Верхне-Камских рудников. Зарплата для того времени небольшая.

На базаре буханка черного хлеба стоила 300 рублей, коробка спичек — 25, ученическая тетрадка — 40, килограмм мяса с костями от 500 до 800. Родители продавали последние вещи. Весь поселок работал на рудниках; наравне со взрослыми, не разгибая спины, работали подростки и дети. Стены домов и потолки были черны от копоти. Люди никогда не видели синеву неба. В этом безрадостном крае отцу и матери пришлось прожить ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ДНЕЙ.

1. Каика — начальник ж. д. станции Верхне-Камская, Кировской ж. д. Бывший каторжанин, отсидел 12 лет. Дочь Зинаида — актриса. Спилась. Сделала попытку продать своего ребенка бездетной паре в г. Воркуте. Арестована.

2. Бобичев Андрей, в 1919–1920 гг. военный комендант Херсона; начальник Днепропетровской тюрьмы. Растлитель малолетних. Расстрелян в 1949 году.

3. Левинсон Н. С., полковник в отставке. Карьеру начал в ББК НКВД. Смотри книгу Марголина "Путешествие в страну з/к". Далее начальник ВЯТЛАГа. Живет в Ленинграде, пенсионер союзного значения. Длительное время работал заведующим управления вагонно-ресторанного хозяйства в Ленинграде. О прошлом старается не вспоминать.

4. Полковник Колков спился, неоднократно помещался в псих. больницы.

5. Кузнецов за присвоение крупных сумм был разжалован. По неподтвержденным данным расстрелян в 1951 году.

6. Профессор, доктор технических наук, крупнейший лесовик страны, до получения второго срока отсидел 10 лет. Умер в лагере.

7. Тихонова Галина за связь с Полем Марселем арестована. Была осуждена прокурором Мовшовичем на 10 лет. Отсидела 4 года.

8. Поль Марсель – композитор и пианист. После освобождения работал дирижером Ленинградского цирка.

9. Кутовский – терапевт, доктор медицинских наук. Отсидел 10 лет. Дважды спасал жизнь Левинсона. Работая в лагере, получил гангрену. После того, как ему ампутировали правую ногу выше колена, Левинсон распорядился его изгнать. Умер в нищете.

ГОРОД ВОТКИНСК

Районный военкомат направил меня на трудовой фронт в город Воткинск, Удмуртской АССР. Команда наша состояла из 19 человек. Ночью приехали в Пермь (тогдашний Молотов). Документы зарегистрировали в военной комендатуре, которая бодрствовала круглые сутки. Крошечный майор Попринько сразу же предложил заработок. Спросили, что от нас требуется.

— Ничего особенного. Надо разгрузить два вагончика с овощами. За это получите хороший харч, а на закуску рюмочку водки.

Мы с радостью согласились. К вечеру наши лица и руки почернели от непосильного труда. Только к утру закончили адскую работу. Направились в столовую. Оказалось, что Попринько забыл выписать талоны на обед, но повара над нами сжалились и, утолив голод, мы отправились на пароход. До Воткинска шли по Каме сутки. Провинциальный, заолустный Воткинск не понравился.

Меня направили на военный завод, начальником которого по совместительству был Устинов, будущий министр вооружения, после смерти Гречко — министр обороны.

На каждого рабочего заполнялась персональная карточка. Документы отбирались. Взамен выдавали единое удостоверение, заменяющее паспорт и военный билет. Словом, *навечно приписывали к заводу*.

Получил ордер на койку в бараке. Вонючий затхлый воздух. На нарах чуваша, удмурты, мордовцы, калмыки — давили вшей, сушили насквозь прогнившие портянки, резались в карты, вопили блатные песни; в углах, завешанных грязными простынями, женщины и мужчины — молодые и средних лет, на

голых лавках стонали в любовной истоме. То, что казалось великим таинством, бессердечно, без стыда и совести, опошлялось.

В первую же ночь какой-то чуваш попытался стянуть с меня новые сапоги. Я закричал. В ответ послышалось злобное шипение:

— Молчи, харя! Твоя сапога теперича моя сапога, моя в карты проиграла. Не будешь отдавать, горло резать будем, живот резать будем, нос оторвем.

В руках у него сверкнул кривой нож. Состязаться с ним в силе бесполезно. На выручку подошел мой товарищ, Виктор Бруннер¹. Несколько лет он занимался в спортивной школе, хорошо знал приемы бокса и борьбы. Ударом кулака он свалил нахально-го чуваша. Подбежали защитники. Виктор, не растерявшись, швырнул их к стене. Грабители с воплями полетели на нары. К нам перестали лезть.

В Воткинске рано наступают сумерки.

Однажды я шел по улице Ленина. От голода мутило. Мимо проехал возок с грязной капустой. Незаметно унес три, случайно упавших, кочана. Радовался, что держу в руках витамины. С первых дней войны я не видел, как выглядит обыкновенная сырая капуста. Тут же впился зубами в промерзший кочан. В это время со мной поравнялась незнакомая женщина. Услыхал едва различимый голос. Взглянув на женщину, отшатнулся — пергаментное лицо, обтянутое морщинистой кожей, бескровные губы, провалившиеся глаза, тронутые базетом. Она медленно выговаривала слова:

— Товарищ, не откажите в любезности, дайте мне, пожалуйста, капусту? Я тоже голодная...

С готовностью протянул ей два кочана. Женщина с трудом проговорила:

— Простите великодушно, но у меня нет сил донести это богатство до дома.

— Вы позволите вам помочь?

Она благодарно кивнула головой.

Мы вместе направились к ее дому, который находился на окраине города, рядом с мусорными свалками.

Женщина спросила:

— Товарищ, а вы не боитесь идти рядом со мной? Я зачислена в самую низшую человеческую категорию. Имею пожизненное клеймо. Я — сестра маршала Тухачевского.

— Но вы же женщина! Вы — человек! — крикнул я на всю улицу, — к счастью, там не было прохожих.

В ответ она горько улыбнулась.

Мы пришли в ее жилище.

Я наколот дров, зажег керосиновую лампу, вскипятил воду. В хозяйстве у нее была крупная поваренная соль, головка заплесневшего лука, черствые черные сухари, головки кормовой свеклы. Мебель состояла из небольшой тумбочки, колченогой табуретки, заржавленного допотопного примуса, коптящая, с отработанными фитилями, керосинка.

— Извините за забывчивость, мы не успели познакомиться, — промолвила Тухачевская. — Когда-то, очень давно, меня называли Софьей Николаевной. Так вот мы и живем, дорогой солдатик. На лохмотьях, которые валяются около печки, я сплю. Простите, когда-то все было иначе. Каждый четверг я обязана являться для отметки в милицию. Паспорт отобрали, документов не имею. Взяли подписку о невыезде. Предупредили, что в любую минуту могу получить пулю. Зачем живу, сама не знаю...

Я часто навещал сестру опального маршала.

1959 год. 19 мая. Вечер. У нас дома, в Москве, раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

— С вами говорит племянница маршала Тухачевского. Дорогой друг, вспомните город Воткинск, возок с капустой, печку в старой удмуртской хате. Про вас мне поведала покойная Софья Николаевна. Вы, очевидно, знаете, что Михаила Николаевича,

его жену Нину Евгеньевну, мать и братьев РАССТРЕЛЯЛИ ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ СТАЛИНА. Посылаю за вами машину, приезжайте ко мне. Я при- му вас так, как завещала мне сестра Михаила Нико- лаевича Тухачевского.

Мы с женой — в квартире родственницы Туха- чевского. К нам подошла женщина средних лет. Мы обнялись. От охватившего волнения оба заревели. Это были необыкновенные, редкие слезы радости. На портрете маршала Тухачевского его племянни- ца — Инна Викентьевна, написала:

”Дорогому Леонарду Евгеньевичу за любовь к людям, за чистую совесть и прекрасную светлую душу. С огромной нежностью, Инна Тухачевская. Москва, май, 1959 год”².

* * *

Впервые в жизни ходил я по огромным цехам под- земного завода. Спертый воздух вызывал кашель и тошноту. Мучила жажда. Продовольственной рабо- чей карточки хватало лишь на одну неделю. Вольно- наемные и заключенные рабы одинаково умирали от истощения. У нас не было в достаточном количестве хлеба, не было одежды, не было обуви, не было ру- башек. Мы носили лохмотья, которые не поддава- лись починке. Заработная плата ничтожная. Нас, го- лодных, заставляли работать по 12-14 часов в сутки. Заболевших отправляли в лазарет, умерших хорони- ли на *подземном кладбище* — загрязненной речке, которая с ревом несла свои мутные воды в Каму. Местные рыбаки часто вылавливали там обезобра- женные трупы. Родные умершего получали из отдела кадров завода короткое стереотипное письмо: ”Со- общаем, что такой-то или такая-то погиб или погиб- ла на боевом посту при исполнении служебных обя- занностей. Похоронен с воинскими почестями”. Ро- дителям умерших на подземном заводе города Вот-

кинска Удмуртской АССР — пособий и пенсий не полагалось.

Я попал в сборный цех. Увидел угрюмые, изуверенные худобой лица. Мастера, откормленные здоровяки, били обессиленных рабочих палками или пускали в ход кулаки. Тех, кто плохо работал, загоняли в квадратную, без окон, восьмиметровую "душевую" комнату, пол которой был покрыт цементными плитами. Для несчастной жертвы включался пар, из всех кранов шла горячая вода. Минут через десять-пятнадцать, после отчаянных криков, пускалась ледяная вода. После такой пытки рабочий надолго становился инвалидом.

Воткинский военный завод — многокилометровая каторжно-рабочая тюрьма. Гигиены и санитарии никакой. Техника безопасности — бездействует. На моих глазах стали инвалидами Яша Цапкин и Олег Бурмейстер. Из-за неисправности машинной ленты, их руки попали в конвейерный пресс. Яше ампутировали четыре пальца на левой руке, Олегу все пять пальцев на правой. В судебных инстанциях их тяжба разбиралась семь раз. Только после вмешательства Красного Креста им была назначена мизерная пенсия, и каждые шесть месяцев надо было идти на комиссию — *перееосвидетельствование*. Члены высокой медицинской комиссии считали, что у инвалидов могут вырасти новые пальцы.

В Воткинской подземной тюрьме было несколько "квадратов" — зашифрованных цехов. Там работали *обреченные заключенные*, прикованные к тачкам. Надо было видеть, с какими усилиями волочили вчерашние люди железные цепи. Там же, под землей, они жили и умирали. Кто-то проговорился, что их более *пятнадцати тысяч*... Там, под землей, я встретил закованного в цепи каторжанина, бывшего морского офицера Лиона Иофиса. Безымянный герой Второй мировой войны был осужден военным трибуналом за Сионизм, за Мечту о еврейской земле.

Сегодня Иофис живет и трудится в Израиле. Он один из его смелых и отважных борцов.

Мою Судьбу решил случай.

Проходя мимо здания драматического театра, я обратил внимание на афиши, извещавшие "почтенную публику" о гастролях музыкально-драматического ансамбля под руководством и при участии Рувима Курицкого. Заглянул в театр. В фойе сидела полная, красивая дама. Не торопясь, с аппетитом она уничтожала жареную курицу с помидорами, отварной картофель, белый пшеничный хлеб, который густо мазала сливочным маслом. Меня выдали глаза. Женщина предложила разделить с ней трапезу. Она спросила, как я попал в Воткинск, чем занимаюсь, какую имею профессию. Сказал, что имею некоторое отношение к театру, радио, журналистике. Внимательно выслушав меня, дама представилась:

— Екатерина Валевская — жена главного режиссера Курицкого и по совместительству актриса на ампула героинь. Подождите, товарищ, не уходите, я сейчас позову мужа. Он заканчивает репетицию. Сообща мы что-нибудь придумаем.

К нам подошел высокий, интересный человек. Рядом с ним стояла миловидная девушка — его дочь Анна, начинающая актриса.

— Молодой человек, — сказал Курицкий, — время дорого. Нам нужны "штаны". Идемте на сцену, посмотрим, что вы умеете делать.

Волнуясь, прочитал рассказы Чехова, Зощенко и с детства запомнившееся стихотворение Мережковского "Сакья Муни". Курицкий предложил баснословную зарплату. Смутившись, я сказал, что не сумею приступить к работе, так как числюсь за военным заводом. Через два часа всемогущий Рувим Давидович привез увольнительный листок. В тот же день, благодаря его усилиям, я получил в отделе кадров свои документы: паспорт и военный билет нестроевого.

Я снова стал полусвободным человеком.

Лучший портной города Конь-Коневский сшил мне концертный костюм.

Воткинск завалили красочными афишами и лентами, транспарантами и листовками: "Большой эстрадный концерт. Программу ведет Леонард Гендлин..." Далее крупным шрифтом стояло слово: "Москва". Такой рекламы я, естественно, испугался. Курицкий успокоил:

— Не волноваться! Это мой город, здесь я хозяин! За несколько часов проданы билеты на 25 рядовых концертов. А вы, молодой человек, испугались Москвы?

По субботам и воскресным дням мы давали два, иногда три концерта. Публика валила валом. Клубы не работали. Единственное развлечение: кинотеатр, танцы в Доме офицеров — вот и вся культура. Других зрелищ не было.

Дебютом Курицкий остался доволен.

Публике особенно нравилась песенка, которую я исполнял речитативом под гитару "Разве можно забыть эти дни":

Разве можно забыть эти дни?
Дни, которых теперь не вернешь.
Безвозвратно промчались они,
Я боюсь, ты меня не поймешь.

Сколько мук без тебя вынес я,
Лишь одна ты мне счастье вернешь,
Понял я, что люблю лишь тебя,
Но боюсь, ты меня не поймешь.

Я вернусь, расскажу все, поверь,
И во мне ты другого найдешь.
Постарела душа, и теперь,
Я боюсь, ты меня не поймешь.

Мы начали репетировать "Без вины виноватые" Островского. Я снова — Незнамов, Валуевская — Кручинина. Премьера прошла с триумфом. Об этом как-то неловко говорить. Роль знал недостаточно хорошо, путался в мизансценах, играл под суфлера. Пуб-

лика все простила. Она была снисходительна. Ей хотелось поплакать над чужим горем, забытья от страшной холодной-голодной повседневности.

Я жил у Курицких. Эти благородные люди отнеслись ко мне, как к родному, близкому человеку. У нас состоялся интимный разговор. Рувим Давидович начал издавека. Он говорил о моем одиночестве, что при его помощи я сумею стать настоящим артистом, что когда кончится война, он заберет меня в Одессу и мы будем вместе жить в самом центре этого волшебного города. Незаметно к нам подседа его жена. Она сказала:

— Вы нам понравились. Мы говорили с Анной. Она вас полюбила, мечтает стать вашей женой. Будем жить одной дружной семьей.

Я им сказал о своей молодости, что живы родители, что я по возможности обязан быть с ними. Курицкие³ поняли, что это отказ.

После того, как были сыграны прощальные спектакли, Курицкие меня отпустили. Вся труппа пришла провожать на пристань несостоявшегося актера. Пришли поклонницы. Меня завалили подарками. Удалось вырваться и друзьям-рабочим, моим скорбным товарищам по Воткинскому подземному заводу, с которыми все время поддерживал связь. Проводы навсегда остались в памяти. До тех пор, пока за горизонтом не скрылся пароход "Л. П. Берия", Анна Курицкая стояла на пристани и все время махала влажным платком. Я всегда с глубокой благодарностью вспоминаю этих замечательных людей.

1. Бруннер Виктор Оттович (род. 1921 г.). Внук немецких колонистов. Отец Виктора расстрелян. Вторую мировую войну закончил лейтенантом-гвардейцем. В 1951 г. вместе с матерью выслан в Канский район Красноярского края.

2. Архив автора.

3. Курицкий был арестован по ложному обвинению в 1949 году.

В 1956 реабилитация застала его в Енисейске. Умер в 1957 году. В Одессу его не пустили, жена умерла в Вологодской тюрьме. Анна Курецкая проживает в Казахстане. Вышла замуж. Имеет одного ребенка, талантливого музыканта.

*Маршал М. Н. Тухачевский
незадолго до своей гибели.
(Редкий снимок.)*

КЛИНЦЫ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Из Верхне-Камских рудников отец уволился, там начинался голод. Люди пожирали кошек, собак, съели всех мышей и крыс. Воробьи и голуби считались изысканным деликатесом.

Бывший узник ББК НКВД Михаил Кипнис¹, старый товарищ отца, помог ему перебраться в небольшой провинциальный городок Клинцы Брянской области, который все еще находился на военном положении. Отец получил работу начальника планово-финансового отдела Текстильстроя.

Прямо с вокзала я пошел отмечаться в военную комендатуру и в милицию для временной прописки. В тот же день вызвали на беседу в городской комитет партии, хотя членом партии я никогда не был. На приеме присутствовали: секретари горкома Кривошапкин и Зайцев, инструкторы отдела агитации и пропаганды Сотникова и Кухаркина. Они просили поработать диктором городского радио.

Примерно через месяц инструктор горкома партии Кухаркина принесла срочный материал, залитованный горлитом (цензура местного значения), в котором говорилось, что в одно из воскресений на центральной площади "СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ КАЗНЬ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ, ФАШИСТСКИХ НАЙМИТОВ". Среди русских и украинских фамилий значились две еврейские — Рувим Борисов и Ной Нехамкин. Сообщение сразу же было передано в эфир. Буквально через минут двадцать во все общественные организации города посыпались телефонные звонки. Клинчане — русские и евреи, украинцы и татары, в устной и письменной форме, просили, умоляли, наконец, требова-

ли, пощадить невинных людей. Секретарь партийной организации камвольной фабрики имени Дзержинского Соловьев сказал, что Рувим Борисов замечательный человек, что он никогда не мог сотрудничать с немцами, что он был партизаном, а до Второй мировой войны преподавал русский язык и литературу в учительском институте и в школе-десятилетке. Николай Зинов, первый секретарь Клинцовского городского комитета комсомола, подтвердил:

— Рувима Борисова знаю с 1937 года. Мы с ним вместе начинали трудовую деятельность на Бежицком машиностроительном заводе. Он хороший, честный парень, был лучшим студентом учительского института. Произошла роковая ошибка. К сожалению, исправить ее будет тяжело. Сейчас военное время, кто захочет нас слушать.

Александр Вольдемаров, артист Клинцовского драматического театра:

— Ной Нехамкин мой ровесник. Ему шестьдесят лет. Он талантливый артист и прекрасный поэт. В Клинцы Ной приехал из Биробиджана. Это недоразумение, что его обвиняют в предательстве и называют карателем. Он честный человек. Я не боюсь об этом говорить открыто. Нехамкин всегда приносил людям радость.

Собрав необходимые материалы в защиту Нехамкина и Борисова, я записался на прием к первому секретарю горкома партии Кривошапкину. "На помощь" он пригласил начальника МГБ Скрипкина и старшего следователя городской прокуратуры, невзрачную, с пустыми глазами и заячьей губой Воронихину. Кривошапкин в прошлом инженер, секретарь партийной организации Киевского университета. В ноябре 1940 года выступил в Киеве по радио с погромной речью о засилии евреев в университетах и институтах Украины. Не поздоровавшись, он резко выпалил:

— Вам лучше обратиться отсюда. Мы играем с вами

в открытую. Вы, гражданин, суете нос не в свое дело.

Скрипкин сверлил меня бегающими совиными глазками. Его жена, певица Антонина Скрипкина, в девичестве — Акулина Занозьева, принимала участие в сборных концертах. В рецензии, опубликованной в газете "Брянский рабочий", я назвал ее "посредственностью без голоса".

— Кто вам дал право защищать фашистских убийц? — прошипел Скрипкин. — Нам безразлична их национальность.

Два государственных мужа, облаченных властью, не стали меня слушать. Зинов оказался прав. Они предложили немедленно уехать из города. Я не мог сказать отцу и матери, как меня приняли "избранники" народа. В тот же день выехал в Москву. О клинцовской трагедии рассказал артисту Михозлсу. Он обещал с кем-то поговорить. С "боем" прорвался к Алексею Николаевичу Толстому. Автор "Петра" и "Хождения по мукам" промычал:

— Поймите, еще Алексей Максимович Горький сказал: "Если враг не сдается, его уничтожают". Вдумайтесь в эти пророческие слова. Пойманных преступников непременно надо казнить. В советском отечестве не виновных не судят. Не понимаю, чего вы от меня хотите?

Снова вернулся в Клинцы.

Наступило кровавое воскресенье — ДЕНЬ КАЗНИ.

В приказном порядке на площадь согнали "представителей трудящихся".

Прокурор прочитал постановление военного трибунала. Семь человек приговаривались к смертной казни через повешение. Борисову и Нехамкину Верховный Совет СССР заменил смертный приговор двадцатью пятью годами каторжных работ, первые десять лет они должны были отсидеть в тюрьме.

* * *

1970 год. Жаркое лето. С женой и сыном мы проводим отпуск в Злынке Брянской области. Во время купания случайно разговорились с сыном Ноя Нехамкина — Соломоном. Вот его рассказ, который я тут же записал.

— Мой отец добровольно вступил в партизанский отряд, который попал в окружение. Всех партизан отправили в концентрационный лагерь, расположенный недалеко от города Гомеля. Товарищи по лагерю знали, что отец еврей. Они помогли ему бежать. Оборванный, голодный, изнуренный притащился он в Речицу. Там прятался. Ему удалось добраться до Клинцов. Он не знал, что в городе установлена советская власть. Комендантский патруль задержал отца во время очередной облавы. У него не оказалось документов. Отца доставили в милицию, потом в военную комендатуру. На Брянскую область пришла "РАЗНАРЯДКА" на преступников-изменников родины, национальный состав: четверо русских, трое украинцев, два еврея. Область переслала разнарядку в Клинцы. Первым кандидатом оказался Ной Нехамкин, вторым Рувим Борисов. Мой отец умер в 1955 году в урановом руднике города Навои Узбекской ССР. Борисов скончался в 1956 году. В 1960 году, через семь лет после смерти Сталина, пришла смертная реабилитация. Теперь имена Ноя Нехамкина и Рувима Борисова занесены в списки партизан Брянской области. Русские и украинцы, казненные в Клинцах, никогда НЕ БЫЛИ ПОЛИЦАЯМИ, они просто ОБЫКНОВЕННЫЕ ОКРУЖЕНЦЫ. Их нашли под Добрушем. Так они попали в список "предателей и изменников". Я помню Олега Евстигнеева. Он работал на текстильной фабрике имени Ленина, был у нас в школе старшим пионервожатым.

* * *

Кривошапкин и Скрипкин про меня забыли, перед ними стояли более важные задачи.

Один сезон я проработал актером и ассистентом режиссера городского театра. Труппа была сформирована из эвакуированных актеров. Театр возглавлял Александр Демерт, ученик знаменитого русского актера Давыдова. Демерт был стар и возиться с актерами у него не было сил. В репертуар включили "Без вины виноватые", две комедии Шкваркина—"Чужой ребенок" и "Страшный суд". Для театрального помещения власти предоставили капитально отремонтированный сарай. Декорациями служили раскрашенные задники. Зал имел шестьсот мест. Для детей-подростков я инсценировал роман Шарля де Костера "Легенда об Уленшпигеле". Из Клинцов уехал в Москву. Пошел работать на киностудию "Мосфильм". Кроме основной работы, начал серьезно заниматься журналистикой.

1. Михаил Кишнис, крупнейший хозяйственник. В общей сложности просидел 16 лет. В 1963 году, забитый насмерть следователями и надзирателями, умер во время допроса в Бутырской тюрьме.

НА ПРИЕМЕ У МОЛОТОВА

В конце 1945 года моей сестре посчастливилось отсудить нашу московскую квартиру, которую самовольно заняла управляющая домами коммунист Василюк. Эта партийная дама продала две комнаты за наличные деньги интимным друзьям, монтеру и дворнику, а в третью въехала сама.

После вселения в квартиру мы возобновили хлопоты относительно проживания в Москве большого отца. Меня принял заместитель министра государственной безопасности генерал-лейтенант Серов. Красивый, высокий, элегантный, Серов сухо сказал:

— Ваш вопрос сугубо личный, он находится не в моей компетенции. Его могут решить лично товарищи Сталин, Молотов, Берия. Попробуйте им написать, хотя заранее уверен, что из вашей затеи ничего не выйдет. На меня прошу не ссылаться.

Писатели Корней Иванович Чуковский и Константин Георгиевич Паустовский написали от своего имени письмо на имя заместителя Председателя Совета Министров СССР Молотова. Через десять дней позвонили из секретариата. Один из его приближенных, Паровский, сообщил, что Вячеслав Михайлович дал согласие меня принять. Предупредили, что визит продолжится *три минуты*. При себе я должен иметь паспорт, удостоверение личности, военный билет, производственную характеристику, подписанную директором киностудии "Мосфильм", секретарем партийной организации Семиным и председателем фабкома. Я сказал, что характеристика без официального запроса на руки не выдается. Помощник Молотова раздраженно пробурчал:

— Как вы будете получать характеристику, нас не касается. Когда необходимые документы будут у вас на руках, позвоните моему секретарю.

Он скороговоркой продиктовал номер телефона.

Кинорежиссер Сергей Эйзенштейн¹ и писатель Юрий Олеша² пошли к директору киностудии "Мосфильм" Головне доказывать, что в данном случае характеристику можно выдать на руки. Я получил ее через полторы недели. Ее адресовали в секретариат Молотова. Счастливый, я набрал номер правительственного присутствия. Паровский спросил:

— Кем подписана характеристика?

Я назвал фамилии.

— Мы обо всем доложим Вячеславу Михайловичу, ответ сообщим позже.

Словно в лихорадке пролетела неделя. Хожу, как помешанный. На всякий случай в нотариальной конторе снял три копии. После ноябрьских праздников телефонный звонок:

— Говорит Паровский, товарищ Молотов примет вас 15 ноября в 23 часа в Кремле. Пропуск заказан на Боровицкие ворота. Рекомендуем взять с собой паспорта матери, вашей сестры, отца.

Стало ясно, что против больного отца затевается новая провокация. Гебисты знают, что отцу запрещен въезд в Москву. Если бы я принес паспорт Е. И., следовательно, он находится в Москве, и ему можно припаять новый срок за нарушение паспортного режима. Я вошел в здание бюро пропусков. Худой офицер важно изрек:

— Рано пришли. Пропуск начнем оформлять минуточек через двадцать. Идите погуляйте.

В назначенное время протянул в окошко требуемые документы. Меня обнюхивали со всех сторон. С ревом и шквалом пронеслись по России десятилетия, облитые морями крови, а система оставалась той же. Наконец, пропуск в руках. У Кремля снова проверка. В здании Совета Министров, около гарде-

роба, меня встретили — без особой радости — два "товарища". Провели в дежурную комнату, там обыскали. Проверяли брюки, носки, трусы, туфли, рубашку. В пиджаке вспороли подкладку, зашить — отказались. Все делалось с таким важным видом, что можно было подумать, что именно сейчас взорвется граната замедленного действия, а, возможно, в моих трусах спрятан портативный пулемет американо-английского производства. Затем меня передали в руки лысеющего блондина с манерами рафинированного приказчика.

Приемная Молотова.

Добротная, на века мебель. Портреты Ленина, Сталина, Берия, написанные знаменитым придворным мазилой-живописцем, лауреатом-академиком Герасимовым. Пожилая секретарша, поблескивая стеклами золотого пенсне, попросила подождать. Лысеющий блондин еще раз проверил документы.

Раздался звонок. Он показался долгим и пронизывающим. Секретарша бесшумно скрылась за дубовыми дверьми. Выйдя, она торжественно объявила, что я могу пройти к товарищу Вячеславу Михайловичу Молотову.

Таких огромных кабинетов мне еще не приходилось видеть. Я весь сжался, растерялся, было одно желание — раствориться, превратиться в неодушевленный предмет. Необходимо двигаться, говорить, действовать; дорого каждое мгновение, каждая доля секунды.

За большим письменным столом, покрытым зеленым сукном, увидел малоподвижную фигуру Молотова. Вначале показалось, что это манекен. После Сталина (для народа) — Молотов считался вторым человеком в государстве. Из его правительственных уст мне предстояло услышать **о к о н ч а т е л ь н ы й П Р И Г О В О Р Н А Ш Е Й С Е М ь Е, П Р И Г О В О Р О Т Ц У, З А К О Н С Е Р В И Р О В А Н Н О М У К А Т О Р Ж А Н И Н У.**

Не поднимая головы, Молотов просматривал бумаги. На меня он не обратил никакого внимания. Я приблизился к его письменному столу. Молотов пробуравил меня острым взглядом остекленных глаз. Снял пенсне. Не спеша протер запотевшие стекла. Залпом выпил стакан боржома. Заикаясь, тихо, но внятно сказал:

— Дело вашего отца изучено. Несмотря на то, что он отбыл десятилетний срок наказания, мы его простить не можем (???), *он все равно продолжает оставаться государственным преступником в потенциальном смысле. Повторяю, в Москве, а также в столицах союзных республик и в областных городах ему запрещено жить. Все! Вы свободны, гражданин, мы вас больше не задерживаем.*

— Вячеслав Михайлович, объясните пожалуйста, для чего вам нужна была характеристика с моей работы?

— Без нее мы бы вас не приняли.

Молотов посмотрел на часы.

— Гражданин, я уже вам сказал, что вы свободны. Не советую в дальнейшем ходатайствовать. Всевозможными заявлениями повредите себе и близким.

— Позвольте забрать характеристику?

— Нет. Она находится в деле вашего отца.

Молотов нажал на кнопку звонка.

Лысеющий блондин довел меня до Боровицких ворот. Там он возвратил документы, конечно, без характеристики.

В Центральном Доме кино меня познакомили с дочерью Молотова — Светланой. Девушка занималась в Институте международных отношений, увлекалась поэзией, любила Гумилева, Пастернака, Ахматову. Тайком почитывала Ницше. После просмотра английского фильма "Мост Ватерлоо", я отправился ее провожать на улицу Грановского, где она жила с отцом и матерью. Мы знали, что за нами кто-

то неотступно топает. Светлана просто сказала:

— На шпика не обращайтесь внимания. Они как надоедливые мухи. Я к ним с детства привыкла.

Дочь Молотова пригласила зайти к ней домой поужинать. Сославшись на головную боль, я вежливо отказался. Ко всем моим бедам не хватало случайно встретиться с "товарищем Молотовым" в домашней обстановке.

Светлана назначила свидание. Нам удалось спрятаться от бдительных "сторожей-товарищей". Мы долго ходили по вечерней, залитой огнями Москве. Дочь сталинского вассала поинтересовалась моим грустным видом. Поведал о трагедии отца. Сказал, что три минуты со мной говорил ЕЕ отец, но ничего не сделал, чтобы хоть как-то облегчить нашу жизнь. Доверившись, Светлана проговорила, что с Молотовым бесполезно говорить, что он, как сухарь — черствый. Попросил у нее совета, как нам дальше действовать.

— Срочно напишите письмо на имя товарища Сталина, я постараюсь приложить все усилия, чтобы оно попало к нему в руки. Одним словом, он может все *перечеркнуть*...

На другой день меня вызвали в производственный отдел киностудии. В приказном порядке отправили в длительную командировку в район Крайнего Севера. Как видно, всевидящее Око не дремало.

Со Светланой Молотовой (Скрябиной) мы больше не встречались.

* * *

1970 год. 28 декабря.

Москвичи готовятся к встрече Нового Года. Центр Москвы — Гоголевский бульвар. Детишки чинно прогуливаются с толстыми няньками (как не вспомнить Кустодиева?). На лавочках отдыхают пенсио-

неры, им теперь райское житье, особенно старым большевикам, теперь их называют "ветераны партии". Рядом с ними хорохорятся, бьются в шашки и домино подстриженные "под бобрик" отставные военные, терпеливо выжидающие своего часа, бравые, верноподданные наследники Сталина.

Вдруг какая-то женщина истошно завопила:

— Бабоньки, подружки дорогие, смотрите, вон живой Молотов идет! Ей-Богу, не вру! Вот потеха-то!

Загорелый, сытый, широкоплечий человек поравнялся с орущей нянькой. Маленькая девочка, балуясь, валялась в снегу. Ее сердитая бабушка, одетая во все черное, хрипло проговорила:

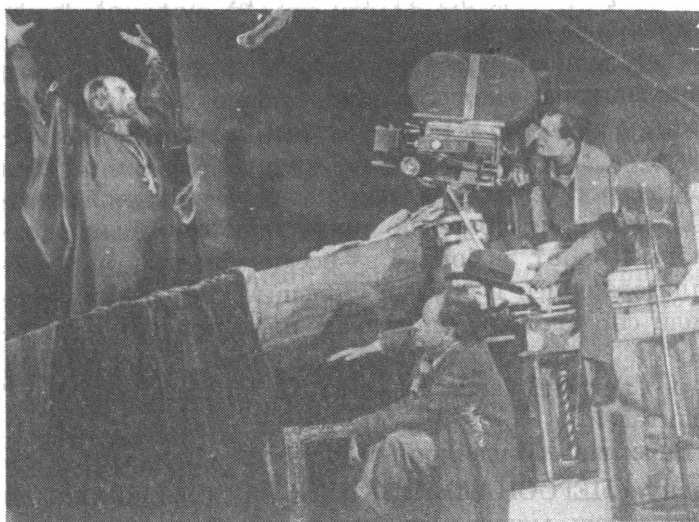
— Деточка, будешь безобразничать, тебя унесет Молотов. Этот ворог-злодей многих хороших людей отправил на тот свет.

Тщеславный, отставной вождь подумал, что его появление в многолюдном сквере вызывает радость и что его с былым почетом *нелегально приветствует население*. Он важно кивнул. Теперь он был без заместителей, без секретарей, без личной охраны, без прихлебателей. Властолюбивый, малоспособный робот, в борьбе за всемогущество он растерял товарищей и друзей; большинство из них положили свои головы на плахах, иные погибли в тюрьмах и концентрационных лагерях. Единственная дочь Светлана навсегда ушла от "номенклатурных" родителей.

Вячеслав Михайлович Молотов получает безбедную ПЕРСОНАЛЬНУЮ ПЕНСИЮ (бывшие вожди всегда ведь могут пригодиться, их надо держать на привязи). Говорят, что он в тишине работает над мемуарами. Вопрос, прочтут ли их современники и поведаст ли он *правду* о той зловещей роли, которую ему пришлось добровольно исполнять все годы в правительстве Сталина?

1. Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948), выдающийся кинорежиссер и теоретик киноискусства. Народный артист СССР, доктор искусствоведения.

2. Олеша Юрий Карлович (1899–1960). Писатель, автор романа "Зависть", повести-сказки "Три толстяка", рассказов, киносценариев, пьес и незаконченной книги "Ни дня без строчки".

*Сергей Эйзенштейн на съемках фильма
"Иван Грозный". (Снимок из архива автора.)*

ЛАЗАРЬ КАГАНОВИЧ

Лазарь Моисеевич Каганович¹ выдвинулся в годы строительства метрополитена, которому присвоили его имя. Властный, малограмотный Каганович ведал промышленностью страны. Он вмешивался и в дела архитектурные. Лазарь Каганович приказал снести Чудов монастырь и Красное Крыльцо в Московском Кремле. Храм Христа Спасителя был построен в Москве на средства христиан в честь одержанной победы русских людей над войсками Наполеона. Это монументальное сооружение и дивный по красоте Храм были Гордостью, Честью и Символом русского народа. Деньги на Храм собирались по всей Руси. Каганович *лично руководил разрушением изумительного собора*. Этот варвар приказал также снести Сухареву Башню, построенную в XVII веке, Иверские Ворота вместе с Часовней, редчайшие по своей красоте Памятники Старой русской архитектуры.

1947 год.

Съемочная группа фильма "Марите"² собиралась в длительную экспедицию в Литву. Шофера готовили автотранспорт, операторы — съемочную аппаратуру. Лимитировал бензин. Для того, чтобы его получить, нужны дополнительные фонды, которые никто не хотел давать.

Директор киностудии "Мосфильм" Антонов подготовил письмо на имя министра кинематографии Ивана Большакова³ и проект письма на имя Кагановича за подписью того же Большакова. Такая сложная "операция" проделывалась за три месяца до выезда в киноэкспедицию. Целый месяц письма

мариновались в многочисленных канцеляриях. Затем письма отправили в Совет Министров, там их зарегистрировали в экспедиции "товарища Кагановича". Через полтора месяца сообщили: "Товарищ Каганович примет представителя "Мосфильма" в два часа ночи такого-то числа". Почему-то выбор пал на меня. Иван Смирнов⁴, помощник и душеприказчик Большакова, критически осмотрел костюм. Дал директивное указание, чтобы ботинки блестели — "Лазарь Моисеевич любит красивую обувь".

В центральном подъезде здания Совета Министров СССР проверка документов. С сопровождающим "товарищем" поднимаюсь на лифте. На этаже (весь этаж занимает товарищ Каганович) вторичная проверка документов и личных вещей. Эту ответственную миссию выполняет полковник госбезопасности. Секретарь — молодая, красивая, дородная Людмила Павловна попросила подождать. В пять часов утра Людмила Павловна, зевая, проворковала, что я могу войти. Просторный кабинет. На полу вышитый туркменский ковер. За полированным письменным столом, под портретом улыбающегося Сталина — барственно-толстый, массивно-надменный, розовый, как поросенок, Каганович.

— Что, малютка, спать захотел? — заржал заместитель председателя Совета Министров. — Небось, в кино так не работают? Привыкли режиссеры-выскочки сосать государственное вымя и на народные деньги ставить плохие фильмы.

Меня начал душить смех. Мне вторил Каганович. Он смеялся громко, раскатисто, закрывал глаза, волосатые ноздри, словно кузнечные меха, то и дело расширялись. Он был похож на кота Мурлыку. Из его глаз потекли слезы. Большим платком, всемогущий Лазарь вытер лицо. Потом до него дошло, что смеяться с простым смертным грешно. Возможно, что и на этот счет имелась особая, *секретная инструкция*, — *когда и где, и с кем можно смеяться.*

Великодержавный еврей насупился, строго взглянул на меня.

— Говори, какой у тебя вопрос?

— Необходимы дополнительные фонды на три тонны бензина для съемочной киногруппы "Марите", киностудия "Мосфильм", письмо подписано министром кинематографии товарищем Большаковым.

— Бензин у вас, небось, шофера налево загоняют? — Каганович снова заржал. — Не дам вам бензина. Вот начнете снимать фильм про железнодорожников, тогда без ограничения дадим любое количество горячего.

Пошел на хитрость:

— Лазарь Моисеевич, разве вам не сообщили, что в скором времени начнутся съемки полнометражного документального фильма "На Сталинских магистралах"?

Каганович улыбнулся:

— Бензин даю за находчивость. Если от Большакова не получу такой ленты, пусть на себя пеняет. Сегодня же доложу об этой идее товарищу Сталину.

Синим карандашом Каганович поставил подпись и дату на письме Большакова. Потом он спросил о заработной плате. Удивился, что так мало платят работникам кино. Он сказал, что в кинематографе работает много бездельников. Поинтересовался, сколько имеется на киностудии кружков по изучению "биографии товарища Сталина" и "истории коммунистической партии".

Вошла Людмила Павловна:

— Приехал товарищ Косыгин.

— А мы его не вызывали. Узнайте, что нужно этому тихоне. И пусть перестанет морочить голову. Мы устали от куратора легкой промышленности. Он так хорошо работает, что скоро из легкой она превратится в тяжелую.

Снова раздалось его смеющееся рыканье.

— Ну, а ты чего сидишь? — обратился он ко мне. — Бензин получил? Проваливай!

Он протянул тяжелую, волосатую, потливую руку.

1948 год.

В первых числах января с группой кинооператоров мы вылетели в Улан-Удэ, столицу Бурят-Монгольской автономной республики РСФСР. В помещении Дворца культуры локомотиво-вагоностроительного завода состоялся партийно-хозяйственный актив. Ожидалось выступление Кагановича. Никто из присутствующих не знал, когда на трибуне появится живой вождь. Ораторы произнесли заранее написанные речи. В закрытом буфете были съедены и выпиты все запасы. Портфели наполнены бутербродами с икрой, красной рыбой, воблой и прочими деликатесами, которые бывают только по особым праздникам. В книжном киоске по талонам можно было получить двухтомник Дюма "Граф Монте-Кристо", подарочное издание "Консуэло" Жорж Занд, "Дон-Кихот" Сервантеса. Каждый делегат имел право приобрести только один комплект. Книги и бутерброды брались с боем. Во время показа двухсерийного художественного фильма "Падение Берлина" республиканский партактив дружно храпел. Затем состоялся концерт художественной самодеятельности. Объединенный хор республиканских профсоюзов исполнил несколько песен о Сталине, Ленине, коммунистической партии. Сопровождавшие пришли приветствовать усталые, с воспаленными глазами, пионеры и октябрюта. В час ночи на сцене появился маленький, грузный бурят — первый секретарь обкома. Шуря косые, близорукие глазки-щелочки, он с пафосом произнес:

— Товарищи, позвольте предоставить слово нашему дорогому другу — славному соратнику знаменосца всех наших побед, — все встали, — товарищу Лазарю Моисеевичу Кагановичу! Ура, товарищи!

ОДНА ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ АКТИВИСТОВ ПОЛЧАСА СТОЯ ПРИВЕТСТВОВАЛИ ПОЯВИВШЕГОСЯ ВОЖДЯ.

Каганович резко обрушился на партактив республики. Говорил, что завод не выполнил государственный план, что виновные за срыв производства будут строго наказаны.

В наступившей тишине раздался выстрел. Директор завода, недавно награжденный орденом Ленина, участник Второй мировой войны, — *застрелился*.

Каганович продолжал:

— Малодушным трусам нет места в нашей партии, нет места в социалистическом обществе. — Свое выступление он закончил здравицей в честь Сталина:

— Да здравствует великий вождь пролетариата, вдохновитель и организатор всех наших побед, великий товарищ Сталин!

ОДНА ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ АКТИВИСТОВ ЕЩЕ ПОЛЧАСА ОТБИВАЛА ЛАДОНИ.

Потом стало известно, что после отъезда вождя Кагановича в республике было арестовано около шести тысяч человек. Среди приговоренных к смертной казни был первый секретарь Бурятского обкома КПСС, тот самый, который восторженно назвал Кагановича "дорогим другом".

1969 год.

Для документального телевизионного фильма мы снимаем кадры заснеженной Москвы в районе Фрунзенской набережной. Греемся в домоуправлении. Начальник ЖЭКа предложил нам "заснять" открытое партийное собрание. Ради любопытства мы зашли в "красный уголок", чтобы послушать, о чем говорят на собрании "простые" люди. Коммунисты и беспартийные говорили нудно и долго. Мы уже собирались уходить, когда секретарь партийной организации, одномогиль слесарь, сказал:

— Слово пенсионеру союзного значения товарищу Лазарю Моисеевичу Кагановичу.

Нам показалось, что мы ослышались. Неужели сейчас заговорит некогда всеильный вождь Лазарь Каганович, которого так боялись директора заводов, фабрик, министры и начальники главков? Мы его сразу узнали. Он почти не изменился. Такой же толстый, только усы поседели, глаза потускнели. Свое историческое выступление он посвятил озеленению дворов и по этому "важнейшему вопросу" предложил принять развернутое решение. Комсомольский вожак ЖЭКа, румяная дворничиха Клава Пончина, спросила пенсионера-вождя:

— Товарищ Каганович, расскажите собранию без утайки, каким полезным трудом вы занимаетесь?

Лысый Каганович был похож на провинившегося ученика. Прокуренным баском ответил:

— Труженикам ЖЭКа я прочитал три лекции о строительстве коммунизма в нашей стране, кроме того, я уже много лет работаю над своими воспоминаниями.

— А как людей расстреливал, тоже напишешь, краснобай поганый? — взревел пенсионер-коммунист, горбатый почтальон Приходько.

Каганович побледнел. Назревал скандал. Секретарь партийной организации поторопился его замять:

— Товарищи, повестка дня исчерпана. Собрание считаю закрытым.

Каганович пережил свою жену, которая была старше его на двадцать лет. Сталин не разрешил ему развестись. К себе в дом он взял соседку по лестничной клетке, преданную Людмилу Павловну. Теперь она "ветеран" партии. Дуэтом они оплакивают ушедшие "золотые годы", когда можно было безнаказанно вершить.

1. Должности Кагановича: народный комиссар путей сообщения СССР, заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, зам. пред. Совета Министров СССР. Депутат Верховного Совета СССР и РСФСР всех созывов, включительно до снятия – (1953 г.).

2. Марите Мельникайте (Мельник) – литовская партизанка, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Автор сценария фильма Федор Кнорре, режиссер-постановщик Вера Строева.

3. Большаков Иван Григорьевич, пенсионер союзного значения, кандидат искусствоведения.

4. Иван Смирнов к Большакову был направлен из органов КГБ.

*Автор на съемках фильма в Усть-Илиме,
Красноярский край. Зима 1970 г.*

ПИСЬМО СТАЛИНУ

Познакомился с молодой актрисой Л. из театра им. Евг. Вахтангова. В те годы она много снималась в кино, принимала участие в концертах. Написал для нее несколько скетчей, которые Л. с удовольствием исполняла на эстраде. Мы подружились домами. Узнав о нашей двойственной жизни, она сказала:

— На днях я должна встретиться с одним человеком, мы постараемся вам помочь.

Л. пригласила меня на премьеру в театр. В антракте мы с мамой зашли за кулисы, в ее артистической комнате находилась незнакомая женщина. Л. тихо проговорила:

— Я вас оставлю одних, вы должны поговорить без свидетелей.

Наступило неловкое молчание, которое нарушила мама:

— Простите меня, но я извелась. У нас нет сил жить на два дома. Взгляните на мои глаза. Я почти слепая. Нам не от кого ждать помощи. Везде формальные отказы.

Мама заплакала, она стала просить, умолять. Сквозь слезы снова заговорила:

— Мужа нигде не прописывают. Дети не могут уехать из Москвы, из города, в котором они прожили целую жизнь.

Молодая женщина мягко сказала:

— Меня зовут Светлана. Я дочь Иосифа Виссарионовича Сталина. Напишите заявление на имя отца и передайте его моей подруге¹.

Мы много раз переписывали письмо-заявление на имя Сталина. Знакомый адвокат нам его отредакти-

ровал. Старый большевик, работник Союза писателей, на отдельном листочке сделал приписку:

”Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Е. И. Гендлин талантливый ученый, журналист, писатель, философ. Он много сил отдал России и молодому советскому государству. Он узник Орловского каторжного централа. За свои ошибки понес суровое наказание, — 10 лет находился в ИТЛ ББК НКВД СССР. В настоящее время Е. И. Гендлин тяжело болен, у него начинается общий паралич. Ему необходимо помочь. У Е. И. Гендлина имеется жена, она страдает хронической глаукомой. Его сын — Л.Е. Гендлин — участник Великой Отечественной войны, военный корреспондент, награжден боевыми орденами и медалями. На фронте он получил две тяжелые контузии.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас, в порядке исключения, разрешить Евгению Исааковичу Гендлину оставшиеся годы прожить с семьей, среди близких ему людей. Зная Ваше доброе сердце, надеюсь, что Вы не откажете в моей просьбе.

С уважением

Михаил Аплетин²”.

С актрисой Л.³ мы встретились на киностудии ”Мосфильм”. Когда никого не было, я передал ей запечатанный конверт.

Прошло несколько дней. Я находился в павильоне на съемочной площадке. Курьер попросила срочно зайти к товарищу Дудину, начальнику Первого Отдела⁴. Крошечный, похожий на карлика, капитан государственной безопасности Дудин принял меня с сухой вежливостью:

— Елки-палки, что ж ты натворил, братец? Отец-то у тебя, оказывается, сидел по 58-й статье? Елки-палки, а ты нас, своих старших товарищей, об этом главенствующем факте твоей жизни не поставил даже в известность? Елки-палки, видишь какая петрушка

получается? Ты обманул партию, обманул советскую власть, обманул наше государство, елки-палки.

Хотел его перебить, но это оказалось невозможным. Он гудел, как ржавая тарелка включенного репродуктора на базарной площади провинциального городка. Исчерпав словесный запас, Дудин вынул из массивного сейфа бумажку. После того, как я расписался в исходящей книге, Дудин, преодолевая некоторые усилия, сполз с увесистых подушечек, подошел ко мне, важно пропел тоненьким фальцетом:

— Вручается вам, Гендлин, повесточка в Главную прокуратуру СССР. Опаздывать туда нельзя. Потом зайдешь ко мне, проинформируешь о беседе. Елки-палки, если, конечно, не посадят, — и он гаденько захихикал, обнажив желтые, давно не чищенные, прокурорские зубы.

Пушкинская улица. Железные ворота с пиками. В глубине возвышается мрачное серое здание. *В который раз* проверка документов. *В который раз* за мной пришел *сопровождающий*. Провели в приемную. Вежливо попросили сдать портфель. Еще раз *вежливо с извинениями обыскали*. Предупредили, что со мной будет говорить прокурор СССР Руденко⁵ и сам — товарищ Вышинский, который "по доброте душевной" продолжает негласно курировать (опекать) органы "правосудия". Меня уже столько раз вызывали и мучили ответственные товарищи, что я перестал испытывать страх. Конечно, интересно посмотреть на самого "видного" прокурора, "знаменосца-победоносца", как его прозвал впоследствии Микоян. Вспомнилась его *доктрина*, которую даю в вольном пересказе: — "Возможно, подсудимый не виновен, но его нельзя оправдать, потому что он все равно мог совершить то или иное преступление, поэтому его надо судить."

Хмурый, мрачный, дородный Вышинский спросил:

— Вы писали заявление на имя товарища Сталина?

— Заявление писала моя мама.

— Кто помог вашей семье составить заявление?

— Мама сама написала, а я отредактировал.

— Простите, но вы же не юрист? По архитектонике фраз, это не ваша лексика. Еще раз спрашиваю, кто готовил заявление? Гарантируем, что этому человеку ничего не грозит.

— Я уже сказал вам, что нам никто не помогал. Какое имеет значение, с чей помощью писалось письмо на имя товарища Сталина, руководителя советского государства? Разве трудящиеся не имеют права обращаться к своему вождю? Это что, криминал?

Вмешался худой Руденко:

— Здесь мы задаем вопросы, а вам, гражданин, надлежит только отвечать.

Вышинский:

— По существу вопроса, вы правы. Писать заявления руководителям партии и советского правительства не возбраняется. Но вы, гражданин, воспользовались запрещенным приемом. Надеюсь, что вы меня достаточно хорошо поняли? Вам уже неоднократно говорили, что советское правительство не может сделать *исключение для вашего отца, разрешить ему проживание в Москве.*

— Почему? На каком основании? Он больной, почти не ходит. Скажите, товарищ Вышинский, где гуманизм советской власти? — нервы сдали. — Он десять лет был рабом, сколько можно его терзать? Сколько можно над ним издеваться? По конституции СССР дети за родителей не отвечают. На каком основании начальник первого отдела киностудии "Мосфильм" Дудин припугнул меня увольнением за то, что я отказался написать донос на своего отца? Почему вы называете меня гражданином, а не товарищем???

Вышинский перебил:

— Беседу считаю законченной. Продолжайте работать на вашем "Мосфильме". Товарища Дудина

поправим. Прекратите писать заявления относительно прописки вашего отца. Портфель и документы вам возвратят в приемной. Вы свободны. Многое будет зависеть от вас, чтобы с нами больше не встречаться.

Дудин спросил, для чего меня вызывали в союзную прокуратуру. Юмор меня редко покидал. Сказал, что товарищи Вышинский и Руденко предложили работу у них в секретариате, но я отказался из-за любви к искусству. Карлик Дудин изменился на глазах. Несколько раз он отвозил меня домой на своей "персоналке". При встречах всегда шумно приветствовал, долго тряс руку, с подобострастием заглядывал в глаза. При дальнейших встречах "с начальством" просил его не забыть. Через месяц случайно увидел его в городе. Он был темнее тучи:

— Забрали меня, елки-палки, с "Мосфильма", — печально улыбаясь, сказал карлик-капитан КГБ. — Перевели на завод начальником военизированной охраны. Елки-палки, Гендлин, поговори с товарищем Вышинским, чтобы меня взяли в прокуратуру. Я могу им *еще пригодиться. Елки-палки, я — контрразведчик. В армии в СМЕРШе служил. Устроишь, так и быть, поставлю пару бутылок армянского коньяка!*

К счастью, Дудина больше не видел.

1. Светлана Алпилуева живет в США, воспитывает дочку-американку. В ноябре 1978 года получила долгожданное американское гражданство. Теперь — Лана Питерс.

За годы эмиграции С. А. издала книги "Двадцать писем к другу", "Только один год", "Письмо к Б. Л. Пастернаку" — написанную под впечатлением его романа "Доктор Живаго". Одна часть читателей-почитателей называет дочь Сталина "героической" женщиной, считает ее "праведницей", сравнивает чуть ли не с Жанной д'Арк, другие называют авантюристкой, третьи просто не знают, как к ней относиться.

Во все времена человеческой истории были мракобесы, но такого ЛЮДОЕДА, как отец Алпилуевой, — Иосиф Сталин, не было на Земле

и вряд ли будет. Этот ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИК затмил ВСЕ И ВСЕХ.

Можно допустить, что у Аллилуевой не хватило душевных сил, чтобы с ПОЛНОЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ поведать людям зловещую правду о своем отце и окружающих его людях.

Спрашивается, для чего тогда писать книги?

Не понятно, почему Светлана умолчала, что после инсульта Сталин долгое время был прикован к постели, что его разбил паралич, и что никакие медицинские силы не могли поставить на ноги угасающего диктатора. Всю мировую печать обошла фотография – немощный, дряхлый Сталин на трибуне XIX съезда КПСС. Но мало кто знает, что к тому времени Сталин давно уже потерял вкус к жизни, что его перестали интересовать политические дразги, бесконечные "заговоры", и что на XIX съезде КПСС Сталина вообще не было, что его "РОЛЬ" мастерски сыграл артист Малого театра Борис Федорович Горбатов, который за этот "высокий труд" удостоился почетного звания – "народного артиста РСФСР".

В последние годы жизни Сталина все дела, большие и малые, вершили в Российском государстве – Маленков, Сулов, Хрущев, Берия. Этот всемогущий "квартет" боялся и ненавидел начальника секретариата Сталина – генерал-лейтенанта Александра Николаевича Поскребышева, с которым они вынуждены были считаться до определенной поры.

В книге "Двадцать писем к другу" Светлана Аллилуева пишет:

"Но искренние слезы были в те дни у многих – я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Маленкова, и Н. А. Булганина, и Н. С. Хрущева. Что говорить, помимо общего дела, объединяющего их с отцом, слишком велико было очарование его одаренной натуры, оно захватывало людей, увлекало, ему невозможно было сопротивляться. Это испытали и знали многие, и те, кто теперь делает вид, что никогда не испытывал, и те, кто не делает подобного вида". (стр. 10).

Хрущев и искренние слезы? Не правда ли, звучит несколько парадоксально, как в плохом сентиментальном романе? Никита Сергеевич Хрущев самолично выдвинул свою кандидатуру в ПРЕДСЕДАТЕЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН СТАЛИНА. Пройдет совсем немного времени, и ОН, Хрущев, на целое десятилетие сядет на российский трон. Первое, что ОН сделает для укрепления власти и поднятия личного авторитета, всенародно развенчает культ Сталина, по которому проливал "искренние слезы". Набальзамированное тело "любимого" генералиссимуса по его приказу выберут из мавзолея, ночью сожгут, а пепел развеют, но символически похоронят на Красной площади, – необходимый комплимент грузинской республике.

Как примерная дочь, Светлана несколько глав отводит матери, которая, по ЕЕ СЛОВАМ, покончила жизнь самоубийством 8 ноября

1932 года, когда автору книги "Двадцать писем к другу" едва минуло семь лет.

Надежда Аллилуева в молодости работала в секретариате Ленина (Ульянова). Она регистрировала поступающую корреспонденцию и отвечала за нее. Без ведома Владимира Ильича, Аллилуева, по просьбе симпатизирующего ей Сталина, давала ему на прочтение *сугубо личную* переписку председателя Совнаркома. Став женой Сталина, Аллилуева постепенно прозрела. От близких друзей она узнала, что в стране происходят чистки, что тысячи людей арестованы, что в тюрьмах они ожидают бесчеловечных приговоров, что к ним применяются самые изощренные пытки, что сотни тысяч ни в чем не повинных людей томятся за колючей проволокой в концентрационных лагерях.

Фрагмент из речи первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года.

"Сталин 20 января 1939 года отправил шифрованную телеграмму секретарям областных и краевых комитетов, ЦК коммунистических партий республик, народным комиссарам внутренних дел и руководителям органов НКВД. В этой телеграмме говорилось: "ЦК ВКП/б/ поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, (безбожно лгут – Л. Г.) было разрешено ЦК ВКП/б/... Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и при том применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам (которых никогда не было – Л. Г.) буржуазии и заключеным врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП/б/ считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным (?? – Л. Г.) и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод". (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1959, стр. 30).

Мне приходилось встречаться с Еленой Дмитриевной Стасовой, которая с 1917 по 1920 гг. была секретарем ЦК ВКП/б/, потом она попала в опалу, некоторое время Стасова находилась под домашним арестом. Бог миловал, в тюрьму не села. Несмотря на преклонный возраст, у Стасовой до последних дней сохранилась превосходная память.

Фрагмент из беседы с Еленой Стасовой, записанный в ее квартире осенью 1963 года в Москве, на Софийской набережной.

"Беседу разрешаю опубликовать полностью только после моей смерти. В большевистскую партию я вступила в 1898 году по личному убеждению. Ленина и Сталина знала очень хорошо. Я сразу обратила внимание на их положительные стороны и быстро разобралась в недо-

статках. У обоих честолюбие возвышалось над идеями. Ленин и Сталин были далеки от идеалистов-революционеров. Все их помыслы и надежды поглощала борьба за власть. Кто кого!?

В 1928 году ко мне на день рождения пришли "вечные оппозиционеры" Бухарин, Зиновьев, Каменев. Разгоряченный от выпитого вина, всегда сдержанный Николай Иванович Бухарин повел меня на кухню и там доверительно сказал, что к СМЕРТИ ЛЕНИНА, ЯКОБЫ, БЫЛ ПРИЧАСТЕН СТАЛИН. Я боялась верить его словам. С того памятного дня прошло почти три с половиной десятилетия. Из тюрем и концентрационных лагерей стали возвращаться мои старые однополчане – товарищи и друзья. От их устных рассказов леденела кровь и проваливалось сердце. Такие люди, как Лиза Драбкина, Моисей Черток, Александр Тодорский, Ида Липштейн, Розалия Тарло никогда не станут ИЗВРАЩАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Ленин и Сталин часто произносили фразу, ставшую крылатой: "Революция без жертв не бывает". Она могла бы стать эпиграфом, прологом и эпилогом к последнему российскому тридцатилетию.

Хорошо помню семью старых большевиков Аллилуевых. С симпатией относилась к их дочери Надежде, с которой часто встречалась в Коминтерне и МОПРе, где я тогда работала, иногда перезванивались по телефону. В моем архиве хранятся ее письма, которые отказалась отдать Сталину.

Зимой 1932 года я отдыхала под Москвой в санатории старых большевиков. Рано утром 11 ноября ко мне постучался Серго Орджоникидзе. По его лицу поняла, что стряслась беда. Мы с ним давно уже были на "ты". Я спросила:

– Говори скорей, что случилось?

– Сталин убил Надю, – так мы ее все называли.

– Не может быть! Как это произошло? Я должна знать подробности.

– Мы сидели за столом. Без стука вошла разгневанная Аллилуева.

– Пора кончать это безобразие! – сказала она Иосифу Виссарионовичу. – В государстве царит беззаконие. Ежедневно происходят массовые аресты. Иосиф, прошу тебя, посмотри мне в глаза! Неужели тебе не жалко невинно обреченных? Остановись, ведь ты когда-то был другим!

Надежда жадно затянулась папироской. Она стояла около сидящего Сталина. Пепел нечаянно попал ему на лицо. Потеряв над собой контроль, Сталин крикнул:

– Брысь отсюда! Уйди по-хорошему! Иначе будет плохо!

Аллилуева тихо проговорила:

– Если в стране не прекратятся репрессии, я напишу открытое письмо в "Правду", расскажу всему миру, что ты чудовище!

Сталин молча вынул из френча маленький револьвер, который всегда был при нем. Он злобно крикнул:

– Замолчи, сука!

Не повышая тона, Аллилуева сказала:

– Сегодня же я передам письмо в "Правду". Знай, что я навсегда вычеркиваю тебя из моей жизни. Ты негодяй и мерзавец...

Это были ее последние слова. Надя направилась к дверям. Раздался выстрел. Повернувшись вполборота, сплевывая сгустки пены, Сталин сказал мне и вошедшим Ворошилову и Кагановичу:

– Унесите это дерьмо...

Я как могла успокоила Серго. За обедом никто не мог говорить. Мы были подавлены. Знали, чувствовали и понимали, что на партию надвигается страшная, непоправимая катастрофа, словно вулканическая магма, она задавит всех, КТО ПОСМЕЕТ ДУМАТЬ ИНАЧЕ...

Орджоникидзе продолжал рассказ:

– Сталин приказал тело Аллилуевой положить на кушетку в ее комнате. Когда мы это сделали, он безразличным голосом произнес:

– Моя жена, Надежда Аллилуева, покончила жизнь самоубийством. Хоронить будем со всеми почестями на Новодевичьем кладбище. Председатель правительственной комиссии Серго Орджоникидзе...

Я спросил Елену Дмитриевну, как она теперь относится к Сталину.

– Можете меня считать фанатичкой-шизофреничкой, но все равно Иосиф Виссарионович на века остался великим человеком. Несмотря на жертвы, партия монолитна, как сталь. —

Я не делаю из Стасовой ангела, показываю ее такой, какой она была на самом деле: холодной, упрямой, жесткой.

Надежду Сергеевну Аллилуеву похоронили на Новодевичьем кладбище. Кто из москвичей не видел этого памятника, сделанного из самого лучшего белого мрамора? Двадцать лет около могилы Аллилуевой круглосуточно во все времена года дежурили безмянные солдаты. В могиле она тоже не могла спокойно лежать.

Светлана Аллилуева романтически описывает свое чувство к писателю-кино-драматургу Алексею Яковлевичу Каплеру, который случайно в компании познакомился с Аллилуевой. В первый же вечер А.Я. сказал Светлане, что он женат и что ему неудобно встречаться с девушкой, которая по возрасту годится ему в дочери, кроме того, он боялся широкой огласки. Понимал, что за Светланой неотступно "топают". Каплер также знал, что самодержец земли русской органически не переваривает евреев, а только временно их терпит. Упрямая Светлана настаивала на встречах. И когда А. Я. отказался придти на очередное свидание, дочь Сталина, прежде, чем оборвать разговор, крикнула в телефонную трубку:

– Ты меня еще узнаешь!

Каплер отсидел в концентрационном лагере десять календарных лет. Его жена, Т. Златогорова, пройдя через тюрьмы и этапы, покончила жизнь самоубийством.

КТО В ЭТОМ ВИНОВАТ, — ПУСТЬ РАССУДИТ ЧИТАТЕЛЬ...

Без тени застенчивости повествует Аллилуева о дружбе Сталина с Бухариным (казнен в Москве 15 марта 1938 года). Светлана вспоминает дни, когда Николай Иванович бывал у них в гостях в Кремле, и что она *хорошо знала* Светлану Бухарину и ее мать Эсфирь Гурвич.

Фрагмент из беседы с Лариной – вдовой Бухарина:

“..Несмотря на то, что Николай Иванович Бухарин был главным редактором газеты “Известия”, у него со Сталиным и Молотовым отношения были весьма натянутые. Однажды Бухарин назвал Сталина и Молотова “псевдореволюционерами”. На одном из приемов Сталин взял Бухарина под руку. Со стороны могло показаться, что два закадычных друга мирно беседуют. Прощаясь, Сталин мимоходом заметил:

– Будущее, дорогой Николай Иванович, покажет, кто из нас настоящий революционер, а кто псевдореволюционер!

Только в самых редких случаях Бухарин ездил в Кремль. На званые обеды и ужины, как правило, он не ходил. Уже тогда Н. И. чувствовал прикосновение меча”.

Фрагмент из беседы с писателем Ильей Эренбургом:

“Бухарин пришел ко мне с молодой женой, студенткой экономического факультета – Лариной. С Эсфирь Гурвич они давно разошлись. Ларину боготворил, относился к ней с необыкновенной нежностью, возможно, из-за возраста. Ларина значительно моложе Бухарина. В партию Николай Иванович верил свято. Он был ее теоретиком, ее интерпретатором, ее философом. Сталина боялся, но не любил. Мы с ним встретились незадолго до его ареста, в Барвихе, в правительственном санатории. Бухарин открыто назвал Сталина “реваншистом”.

– Пройдут годы, – сказал Бухарин, – и Сталин зальет Россию морем крови. Он никого не пощадит, его руки запачканы кровью самого близкого человека – жены.

От него я узнал, что Сталин убил Надежду Аллилуеву. Как-то Николай Иванович высказал затаенную мысль:

– Убежден, что ведомство, основанное Дзержинским, в скором времени станет во главе государства. Ленин беспрекословно подчинялся Феликсу Эдмундовичу и всецело зависел от ВЧК-ГПУ. Владимир Ильич предупреждал партию, что темперамент Сталина, необузданное тщеславие Орджоникидзе, Енукидзе, Микояна надо уметь вовремя сдерживать...”

Светлана Аллилуева называет “добрыми людьми” Ворошилова и Микояна, распространяется о дружбе с ними, тепло отзываясь о Маленкове и Хрущеве.

Сын командарма Ковтюха (писатель Серафимович в романе “Железный поток” Ковтюха вывел под именем Кожуха), – машинист Московского железнодорожного узла, отсидел около *двадцати лет*. Брату его в концентрационном лагере строгого режима выбили глаз, он навсегда остался инвалидом. О порядочности и доброте красных

сталинских маршалов Ворошилова и Буденного говорит Валентин Ковтюх:

"Малограмотный Ворошилов понимал, что образованные военачальники Тухачевский, Блохер, Якир сведут на нет "героев гражданской войны" — его и Семена Буденного. Красный конник был тенью Ворошилова и во всем ему помогал. Они оба служили Сталину с собачьей преданностью. Ворошилов и Буденный присутствовали на допросах "военных преступников", которых и в помине-то не было. Они принимали участие в избиваниях, пытках, убийствах. Ворошилов подписал и утвердил —

СМЕРТНЫЕ ПРИГОВОРЫ ТЫСЯЧАМ ВОЕННЫХ, КОТОРЫХ ДВА ДНЯ РАССТРЕЛИВАЛИ В МОСКОВСКИХ ТЮРЬМАХ. Из-за этого несколько дней был закрыт московский крематорий. Там сжигались трупы расстрелянных командиров Красной Армии, среди них был и мой отец, командарм Ковтюх, который первую конную армию Буденного назвал "Армией бандитов и убийц", а Климу Ворошилову дал прозвище "Красного палача".

А новоиспеченные идеологи, братья Медведевы, один в Москве, другой в Лондоне, истошными голосами вопят о социализме; недавно выпущенный из психушки Плющ кричит о своей приверженности к коммунизму. Не утопия ли это???

Аллилуева доверительно сообщает:

"Семья Маленкова была, пожалуй, наиболее интеллигентной..."

Голубцова — жена Маленкова, с незаконченным средним образованием, но с большим партийным стажем, была назначена директором Московского энергетического института имени Молотова. До прихода в Институт ученых степеней она не имела. Без защиты диссертаций ей присудили степень доктора технических наук. Многие видные ученые были вынуждены приглашать эту партдаму в соавторы. С первых дней своего появления, "интеллигент" Голубцова-Маленкова стала "наводить порядок".

Фрагмент из записной книжки писателя Юрия Арбата:

"Мне довелось присутствовать на партактиве в Энергетическом институте имени Молотова. Голубцова в своей речи резко обрушилась на бывшее руководство. Ее раздражало, что среди профессорско-преподавательского состава имеется большой процент евреев.

— Мы будем избавляться от "лишних людей" скоростными методами, — сказала она.

На первых шагах своей деятельности Голубцова-Маленкова вызвала доктора технических наук профессора Гимельфарба. Между ними произошел следующий диалог, фигурировавший в материалах, представленных парткомиссией ЦК XX съезду КПСС.

ГОЛУБЦОВА. Мы ознакомились с вашими научными трудами. Нам

не понятно, почему вы, советский ученый, пользуетесь в своих работах терминологией, заимствованной из иностранных источников? За догму берете псевдо-научные труды разных там американцев, англичан, французов, немцев. Неужели нельзя использовать материалы советских ученых?

ГИМЕЛЬФАРБ. Простите, но я не могу понять и принять ваши претензии. Вы, товарищ Голубцова, по всей вероятности, недостаточно хорошо знакомы с современной технической мыслью?

ГОЛУБЦОВА. Зря потратила на вас время. Думала, что вы из понятливых. В таком случае пишите заявление об уходе по собственному желанию или же по болезни. В нашем институте нет места космополитам и сионистам.

ГИМЕЛЬФАРБ. На каком основании вы приклеиваете мне ярлыки?

ГОЛУБЦОВА. Нам стало известно, что в рабочее время вы с подчиненными разговариваете по-немецки и даже по-английски. Если вас не устраивает мое решение, можете жаловаться куда угодно...

В институте уволили евреев-профессоров, евреев-преподавателей, евреев-научных работников. Под разными предлогами отчислили и евреев-студентов".

И все это сделала *интеллигент Маленкова*.

На очереди Анастас Иванович Микоян. В Энциклопедическом словаре о нем сказано: "...В сентябре 1918 года был арестован английскими интервентами, сидел в тюрьме вместе с 26 бакинскими комиссарами и лишь случайно избежал расстрела..." (Энциклопед. словарь, М., 1954, том II, стр. 384).

Во время своего пребывания в Москве (1965 год) писатель и художник Давид Бурлюк рассказал, что у него в архиве имелись черновые наброски поэмы Маяковского "26". Речь шла о двадцати шести бакинских комиссарах. Когда Владимир Владимирович узнал, что бакинцев предал Микоян, он расторгнул с издательством договор и прекратил работу над поэмой.

Я познакомился с художником Мартиросом Сарьяном. Последний раз был у него в гостях в Ереване в 1970 году. Он подарил нам с женой свои работы. Старый мастер с грустью вспоминал пролетевшую юность. Мы спросили его про Микояна. Мартирос Сергеевич неохотно стал говорить:

— Ничтожные люди не стоят нашей энергии. Нельзя впустую тратить слова. Микоян резал армян, приложил руки к грузинскому народу, безжалостно расправлялся с азербайджанцами, много зла причинил евреям. Он погубил бакинских комиссаров, свободу купил ценой предательства. Изворотливый лысец умеет сладко улыбаться. Он был также в числе тех, кто занимался переселением крымских татар. В сталинские времена он позвонил мне из Москвы, посоветовал сжечь

картины, "несоответствующие эпохе". Самое страшное для художника уничтожить свои произведения, которые создавались годами. Пойдемте лучше в сад, я угощу вас сочными персиками, а потом будем вместе обедать, слушать музыку и пить солнечные армянские вина...

Анастас Иванович Микоян – старый "разоблачитель". В многотомных мемуарах он скромно умалчивает об этой стороне своей деятельности. Зачем ворошить то, что забыто и давно уже поросло мхом? Микоян разоблачал Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова. Он один из тех, кто предал Сталина, продал Хрущева, из-за смерти не успел предать Брежнева.

Светлана Аллилуева, как бы вскользь, упоминает имя Андрея Андреева. Жизнь этого "штатного" вождя для историков и советологов Запада прошла почти незаметно. На протяжении полувека он как бы находился в тени. Но это не верно. С 1924 по 1953 годы Андрей Андреевич Андреев официально негласный политический комиссар ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ. Он уполномоченный Сталина по "разгрому" антипартийной зиновьевской группы в Ленинграде.

У Лины Соломоновны Штерн, – действительного члена Академии медицинских наук, – для всех страждущих был открытый дом. Два раза ее арестовывали. Мужественный врач стойко перенесла лишения и тяжкие годы изоляции. Она рассказала, что во время следствия-допросов часто видела "товарища" Андреева.

– Этот человек, – сказала Лина Штерн, – только в одном Ленинграде санкционировал тысячи арестов. В свое время он подписал приказ об аресте Льва Гумилева – сына Анны Андреевны Ахматовой и Николая Степановича Гумилева. Андреева необходимо привлечь к уголовной ответственности за преследование и преждевременную гибель прекрасного поэта Осипа Эмилевича Мандельштама. Мне известно, что в разные годы Андреев проводил "беседы" с руководителями Союза советских писателей – Ставским, Фадеевым, Сурковым, Симоновым относительно ареста еврейских писателей. После реабилитации я была приглашена на прием в Кремль. За столом меня посадили рядом с Андреевым и его женой Дорой Моисеевной Хазан. Андреев произнес тост: "За здоровье замечательных советских врачей", – затем обратился ко мне, – "за вас, дорогая Лина Соломоновна Штерн!" Он сделал движение, чтобы со мной чокнуться. Мне сделалось дурно. На своей машине Дора Моисеевна отвезла меня домой. Когда пришла в себя, спросила:

– Как вы могли прожить жизнь с таким негодяем, как Андреев?

Вытаращив глаза, Хазан побежала к телефону, вызвала из Кремлевки машину "Скорой помощи". Чтобы я не слышала, она тихо сказала дежурному врачу:

– Лину Соломоновну Штерн, нашу большую приятельницу, придется срочно госпитализировать в нервное отделение Боткинской больницы. У нее тихое помешательство, и думаю, что надолго.

Лина Соломоновна поднялась, она долго ходила по кабинету, одернув на окне занавески, прошептала:

– Счастлива, что с супругами Андреевыми больше не довелось встретиться.

Немало строк отводит Аллилуева дружбе Сталина с Кировым. Она пишет:

“Но Киров жил у нас в доме, он был свой друг, старый товарищ. Отец любил его, он был к нему привязан”.

Далее:

“В причастность отца к этой гибели я не поверю никогда”.

Фрагмент из беседы с критиком и кинодраматургом Михаилом Юрьевичем Блейманом:

“В юности кинорежиссер Фридрих Маркович Эрмлер служил в органах ГПУ. Я же работал в контрразведке и в ЧК. Фильм “Великий гражданин” – посвящен Кирову, его жизни и борьбе. Мы умели добывать необходимые материалы и осторожно ими пользоваться. Знали, что играем с огнем. Во время работы над лентой Сталин вызывал Эрмлера и авторов сценария – Большинцова и меня, для личной беседы. За эту картину режиссер-постановщик Эрмлер, авторы сценария и ряд актеров удостоились сталинской премии. Сталин умышленно заставил режиссера пойти на извращение фактов, фальсификацию, подтасовку событий. Мы знали, что Сталин не любил Кирова, завидовал ему, боялся, что он в один прекрасный день займет его место. У рабочего класса, народных масс Киров пользовался неизменным авторитетом. Население страны не интересовало его прошлое. Люди верили, что только Киров в состоянии что-то изменить в лучшую сторону. Люди хотели вдоволь поесть, немного приодеться, выспаться, поменьше вкалывать у станков и в поле, мечтали об улучшении жилищных условий и чтобы каждое воскресенье на столе стояла заветная бутылка водки, а еще люди России мечтали забыть, что такое страх. Сталину показалось, что самолюбивый Киров рвется к власти. Сергей Миронович хорошо знал Берия. Когда-то они вместе работали в Закавказье. Старая вражда переросла в обоюдную ненависть. Возможно, лет через сто вышлывут подробные факты убийства Сталиным Кирова. Консерваторы из ЦК КПСС Суслов, Андропов, Шелепин, Тралезников не дали Хрущеву довести до конца расследование этого загадочного убийства. Все годы жена и сестра Кирова находились под строгим домашним арестом”.

Аллилуева доверительно сообщает, что ее брат, Василий Сталин, генерал-лейтенант авиации, умер в Казани.

По личному указанию Никиты Хрущева, Василий Сталин был водворен в Казанскую психиатрическую лечебницу-тюрьму (Казань 82, почтовый ящик УЭ 148) специального типа со строгим тюремным режимом. Рассказывает старший научный сотрудник института судебной психиатрии имени профессора Сербского, кандидат медицинских наук, доцент, Екатерина Степановна Гайдай, которая несколько лет проработала в Казанской психиатрической тюрьме.

– Василия Сталина привезли в Казань из Владимирской тюрьмы в очень тяжелом состоянии. С невероятными трудностями мы приводили его в клиническое состояние. Сын Сталина страдал хроническим запоем, который почти не поддавался лечению. Из Грузии приезжали "паломники", его друзья-собутыльники. Особенно осаждали больницу женщины. К нашим пациентам посторонние не допускались, исключений никому не делали. Василий сильно тосковал. Он был похож на бескрылого горного орла. Утром 19 марта 1962 года Василий Иосифович попросил устроить ему свидание с начальником больницы. Мы обрадовались, думали, что он идет на поправку. Для нас Василий Сталин был больным человеком, нуждающийся в серьезной медицинской помощи и кроме того, в нравственном душевном покое. На дворе по-весеннему грело солнце. Большие, незарешеченные окна кабинета начальника больницы были открыты настежь. Василию разрешили сесть в кресло. Для многих он был сыном Сталина, которого втихомолку продолжали почитать. Пока начальник разговаривал по телефону, Василий мгновенно вскочил на подоконник и выпрыгнул из окна. Когда мы к нему подбежали, он был мертв. При падении удар пришелся на затылочную часть. Как лечащий врач, я присутствовала при беседе первого секретаря Татарского обкома КПСС, который докладывал Хрущеву о трагической смерти Василия Сталина. На это сообщение Никита Сергеевич коротко ответил:

– Собаке – собачья смерть!..

Примеров и сопоставлений достаточно.

2. Михаил Ашплетин, персональный пенсионер, ему более 80 лет, живет в Москве, пишет мемуары. Копия письма хранится в архиве автора.

3. Актриса Л. занимает главенствующее положение в театре, имеет звание народной артистки РСФСР.

4. Специальный, секретный отдел, который имеется во всех государственных учреждениях, иногда заведывание первым отделом совмещает начальник отдела кадров.

5. Руденко по-прежнему – и в правительстве Брежнева – генеральный прокурор СССР.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР С РЮМИНЫМ

Начальник производственного отдела киностудии "Мосфильм" — Михаил Осипович Левин попросил меня подежурить в его кабинете, пока он пообедает.

Производственный отдел — сердце и пульс киностудии. Непрерывно звонят телефоны городские и внутренние. Очередной звонок. Снимаю трубку. Чей-то елейный голос:

— Кто с нами говорит?

— Производственный отдел слушает. Кто у телефона?

Одновременно раздались звонки на других аппаратах. В трубке злобное шипение, нецензурная брань, затем опять сладковато-приторный голос:

— У телефона Рюмин, заместитель председателя государственной безопасности...

Телефоны продолжали атаковать кабинет Левина. Снова хватаю первую трубку:

— Слушаю вас, товарищ Рюмин.

— Вы что, не желаете с нами говорить!? — далее с иронической злобностью, — с кем имею честь беседовать? Небось опять у телефона кто-то из дотошных евреев?

Подумал, что, возможно, кто-то из московских бездельников решил поразвлечься. Повесил трубку. Снова звонок. Опять тот же голос:

— Слушай, еврей! Я тебя все равно достану. Мы с тобой поговорим в моем кабинете на площади Дзержинского. Тогда назовешь себя, но будет поздно.

Пришел Левин. Рассказал о злополучном телефонном звонке. Бледный, как полотно, Михаил Осипович схватился за сердце.

— Что вы наделали? Нас ждет неслыханная беда.

На следующий день мы улетели в Красноярский край.

Свершилось чудо — мы остались целыми и невредимыми. Пострадал Левин, его понизили в должности. Он стал директором картины.

Анна Ахматова 1964 г.

БЕЗРОДНЫЕ КОСМОПОЛИТЫ¹

1946 год.

Опубликовано постановление ЦК ВКП/б/ о журналах "Звезда" и "Ленинград". Секретарь ЦК ВКП/б/ А. Жданов выступил на собрании ленинградского партактива. Он изничтожил творчество русских писателей Михаила Зощенко и Анны Ахматовой. В многочисленных выступлениях тогдашнего идеолога Г.Ф. Александрова на газетных и журнальных полосах была провозглашена с коммунистической истеричностью "борьба против низкопоклонства перед Западом". Писатели — "инженеры человеческих душ" — АРМИЯ СОВЕТСКИХ ДУШЕГУБОВ-РАСТЛИТЕЛЕЙ без колебания проголосовали за исключение ЗОЩЕНКО и АХМАТОВОЙ из писательского союза.

1948 год.

Посыпались публичные обвинения против писателей, критиков, поэтов, композиторов, художников, кинорежиссеров. Потом взялись за ученых, работающих в различных областях науки и техники. Под огонь бесчинствующего мракобесия попали: писатели — Борис Пастернак, Илья Сельвинский, Семен Кирсанов, Леонид Гроссман, Ольга Берггольц, Борис Эйхенбаум, Александр Борщаговский, Виктор Шкловский, Абрам Гурвич, Иосиф Юзовский, Борис Алперс, Виктор Жирмунский; кинорежиссеры — Сергей Эйзенштейн, Александр Довженко, Всеволод Пудовкин, Григорий Козинцев, Сергей Юткевич, Илья Трауберг; композиторы — Сергей Прокофьев, Дмитрий Шостакович, Николай Мясковский; художники — Давид Штеренберг, Роберт Фальк и многие другие.

В начале февраля 1948 года директор картины киностудии "Мосфильм" Н. М. Слиозберг пригласил меня в гости к Сергею Сергеевичу Прокофьеву. За ужином композитор рассказал:

— Жданов в беседе с композиторами официально объявил, что самое ценное в музыке — МЕЛОДИЯ, КОТОРУЮ МОЖНО НАПЕВАТЬ. Первым попросил слова Николай Яковлевич Мясковский, один из самых порядочных русских музыкантов:

— А как же в таком случае быть с симфоническими произведениями, ораториями, с концертами для фортепиано с оркестром и концертами для скрипки с оркестром? Их тоже, по-видимому, надо уметь напевать?

Лицо вождя покрылось красными, багровыми пятнами; глаза, как у быка, наливались кровью. Он посмел орать на нас, композиторов, словно управляющий домами на провинившихся дворников. Жданов предложил брать пример с Тихона Хренникова, Ваню Мурадели, А. Александрова, Исаака Дунаевского, Дмитрия Покрасса.

Участник Второй мировой войны, офицер, — писатель Эммануил Казакевич за повесть "Звезда" получил Сталинскую премию. Затем вышла его повесть "Двое в степи", встреченная шквалом необоснованного огня. Больше всех постарался БУДУЩИЙ ДРУГ мертвого писателя, Константин Симонов. Казакевич случайно не загремел кандалными цепями.

С Казакевичем я познакомился в Пскове. В единственную гостиницу вселяли только с разрешения хозяина города, — председателя облисполкома. Совершенно случайно мы оказались в одном номере. Нас объединили увлечение поэзией, любовь к Пушкину. Мы вместе отправились к нему в гости, — в Михайловское.

"Московская правда" напечатала гнусную статью о Казакевиче. На собрании литераторов, вместо покаяния, Эммануил Генрихович сказал:

— Ежедневно, из месяца в месяц, меня продолжают клевать, терзать, издеваться. Несмотря ни на что, буду работать над романом.

Эммануил Казакевич знал, что он тяжело болен. Рак безжалостно грыз его тело. В 1950 году ему вторично присудили Сталинскую премию за роман "Весна на Одере". Добрейший человек, он помогал неимущим литераторам, подкармливал бедных студентов, которые у него дневали и ночевали. Будучи совсем больным, прикованным к постели, Казакевич взялся за редактирование на русском языке романа Давида Бергельсона "На Днепре". За несколько дней до смерти Казакевич уничтожил часть своего архива — переписку военных лет, записные книжки, дневники.

В декабре 1948 года был закрыт Еврейский Антифашистский Комитет. Запретили издание еврейской газеты "Эйникайт". Работники НКВД и "добровольцы"-рабочие по собственной инициативе, с молчаливого согласия милиции, разгромили помещение, где находилось издательство "Дер Эмес".

28 января 1949 года "Правда" в статье "Об одной антипартийной группе театральных критиков" писала:

"Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека, если он пишет, "что в благодушном юморе и наивно-доверчивом оптимизме пьес Погодина, в которых якобы выразился "национальный характер мироощущения драматурга", зритель видел свое отражение и испытывал радость узнавания", ибо дескать русским людям не чуждо благодушие..."

И далее:

"Это поклеп на русского советского человека. Гнусный поклеп. И именно потому, что нам глубоко чуждо благодушие, мы не можем заклеить этой попытки оболгать национальный советский характер".

Авторы, спрятавшие свое рыло под крыло редакционной статьи, — А. Суров, Н. Грибачев, А. Софронов.

Затем последовало разоблачение "БЕЗРОДНЫХ

КОСМОПОЛИТОВ”, укрывшихся под русскими псевдонимами. Инициатор, будущий Нобелевский лауреат, псевдо-казак Михаил Шолохов. Газета “Культура и жизнь” (редактор А. Фадеев) громогласно объявила, что фамилия театрального критика, члена редколлегии журнала “Театр” Евгения Холодова — Меерович.

12 февраля 1949 года “Литературная газета” (редактор В. Ермилов) оповестила читателей, что писатель Юрий Яковлев — Хольцман, Мельников — Мельман.

6 марта 1949 года “Комсомольская правда” в статье Б. Иванова и Е. Родикова — “Блуждающие космополиты в спортивной литературе” разоблачила: Ясного — Финкельштейна, Викторова — Злочевского, Светлова — Шейдлина...

По всей стране вспыхнула эпидемия повальных арестов. Сотрудники органов безопасности выбивались из сил, работая круглосуточно. По данным генерал-майора Тодорского с 1945 по 1953 годы в Союзе Советских *Расстрелянных* Республик было арестовано **НЕСКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК**.

“Правда” 1 мая 1949 года в передовой статье назвала Лиона Фейхтвангера — “литературным торгашем”, Эрнста Хемингуэя — “потерявшим совесть снобом”, Льюиса Синклера — “грязной душонкой”.

Писатель Василий Семенович Гроссман напряженно трудился над первой книгой романа “За правое дело”. Роман не понравился Сталину, он назвал его “жалкой пародией на боевую советскую литературу”. Немедленно откликнувшись на слова вождя, Фадеев в “Литературной газете” облил помоями светлое имя художника.

В Киеве Александра Корнейчука и Ванду Василевскую обвинили в искажении исторических фактов, связанных с образом Богдана Хмельницкого в либретто одноименной оперы.

Поэт Вероника Тушнова рассказала, как в годы

Второй мировой войны бывшая польская коммунистка, полковник, комиссар Красной Армии В. Василевская в упор расстреливала солдат и офицеров. Она *ненавидела* русских, мстила украинцам, издевалась над евреями, измывалась над поляками. Характерная деталь, — руки у нее всегда почему-то были влажно-ледяными. Когда Василевская умерла, никто из писателей "братской" Украины не хотел стоять у ее гроба в почетном карауле. Александр Корнейчук недолго оплакивал смерть любимой женщины. Когда-то Иосиф Сталин скрепил этот брачный союз — "украинской и польской литературы". Подругой драматурга стала секретарша, которую за глаза называли "внучкой Корнейчука".

Поэт Владимир Сосюра в 1947 году получил Сталинскую премию. В 1951 году он опубликовал стихотворение, которое вызвало персональный гнев у самодержца. До самой смерти Сосюра и его семья находились в опале, влача нищенское существование.

Максим Рыльский, дважды лауреат Сталинской премии, "за вредные, националистические стихотворения" продолжительное время содержался под домашним арестом, потом... больного старика избрали... *в академики*.

Два десятка лет подвергался преследованиям самобытный поэт Леонид Мартынов. К семидесяти годам правда, наконец, восторжествовала, его сделали лауреатом, теперь взахлеб называют "старейшим русским поэтом" — "основоположником".

Комитет по делам искусства (председатель Н.Н. Беспалов) в специальном приказе рекомендовал театрам страны принять к постановке пьесу молодого драматурга Анатолия Сурова "Зеленая улица". За этот спектакль автор, режиссер-постановщик, артисты Московского Художественного Театра были награждены Сталинской премией. Суров автбмати-

чески попал в ряд "маститых". Но вот за его подписью в газетах и журналах стали появляться антисемитские выпады против отдельных литераторов и деятелей искусства. Неожиданно на писательском небосклоне грянул гром. В секретариат писательского союза поступило заявление критика Я. Л. Варшавского, который жаловался на Сурова, что тот отказался разделить с ним на равные доли Сталинскую премию. В качестве вещественных доказательств он представил комиссии рукописи-черновики. Варшавский вынужден был признаться, все, что выходило на-гора из-под "пера" Сурова — пьеса "Зеленая улица", вереница погромных статей, наветы на еврейских писателей, художников (статья против Фалька), кинематографистов, — писал литературный негр, ЕВРЕЙ-ИУДА Яков Львович Варшавский, член КПСС с 1943 года, ныне спокойно здравствующий заместитель главного редактора журнала "Советский экран". Анатолий Суров, отделившись легким испугом, продолжает членствовать в писательском союзе.

Сын священника Василий Ардаматский писательскую карьеру построил на доносах и клевете. У него много общего с Фаддеем Булгариным. В журнале "Крокодил" (орган ЦК ВКП/б/) он опубликовал фельетон "Пиня из Жмеринки", в котором шла речь о народном артисте СССР, лауреате Сталинской премии, главном режиссере Еврейского театра — Соломоне Михайловиче Михозлсе.

Вспоминается, как на одном собрании Ардаматский подсел к А. А. Ахматовой. Он попросил у нее автограф.

— Простите, незнакомым людям автографов не даю, — с суховатой вежливостью проговорила Ахматова. — Хоть и говорите, что вы писатель, но ваших книг нигде не встречала и, простите за прямоту, никогда не читала.

Рядом с Ахматовой сидел ее большой друг, Виктор Ефимович Ардов, он кратко, с присушим ему

юмором, прокомментировал деятельность этого выродка.

Ардаматский — один из "разоблачителей" Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Он числится в писателях-приключенцах. Раньше его излюбленной темой были шпионы и диверсанты, теперь он строчит повести, киносценарии, романы о "разведчиках". Тем у него сколько угодно, с 1928 года Василий Иванович Ардаматский — штатный агент-стукач.

У Советского Союза испортились отношения с Югославией. В печати появилась серия карикатур на Тито, Ранковича, Карделя и других руководителей Союза коммунистов Югославии. Авторы-художники Борис Ефимов, Ганф, Кукрыниксы — будущие академики живописи.

Многие журналисты Москвы присутствовали на "ТРАУРНОМ" собрании в Театре имени Ленинского комсомола. Было грустно смотреть на то, как артисты во главе с главным режиссером народным артистом СССР Николаем Берсеневым сдавали представителям министерства иностранных дел и Свердловского райкома партии ордена и медали, полученные "За успешные гастроли в Югославии, за творческое содружество и сближение народов СССР и братской Югославии". Так же заставили поступить и съемочную группу фильма "В горах Югославии" (киностудия "Мосфильм") — режиссера-постановщика, народного артиста РСФСР Абрама Матвеевича Роома и его сотрудников.

Осенью 1952 года в Праге состоялся процесс над видными коммунистами и общественными деятелями. Судили первого секретаря ЦК компартии Чехословакии Рудольфа Сланского. Бывший следователь и начальник следственного управления прокуратуры СССР, писатель-драматург, Лев Романович Шейнин на встрече литераторов, работающих в приключенческом жанре (октябрь 1965 год), рассказал о своих творческих планах:

— Сланского, как в свое время Каменева, Зиновьева, Рыкова и других, зверски избивали. На процессе Рудольфа Сланского НЕ БЫЛО, ЕГО "РОЛЬ" исполнил малоизвестный артист, которого затем навечно изолировали. В 1964 году Верховный Суд Чехословакии отменил приговор и посмертно реабилитировал Сланского. На эту тему я собираюсь написать роман, пьесу и киносценарий.

Народы России продолжали непосильно трудиться во имя "коммунистического завтра". Появились новые указы Президиума Верховного Совета СССР. За опоздание на работу можно было угодить в тюрьму и в лагерь. Материально народ жил бедно. Серп и Молот, КГБ и КПСС давили на мышление и пытались на корню уничтожить всяческое пробуждение.

1. "Космополитизм – реакционная проповедь отказа от патриотических традиций, национальной независимости и национальной культуры. В современных условиях агрессивный американский империализм пытается использовать лживую идеологию космополитизма для морального разоружения народов и установления своего мирового господства. Космополитизм является оборотной стороной и маской агрессивного национализма".

Энциклопедический словарь в 3-х томах.
Том II, стр. 163., Москва, 1954 год.

БЕРИЯ

1952 год.

Вынужден был некоторое время работать в Закарпатском украинском хоре, приписанном к Закарпатской областной филармонии — город Ужгород, Украинская ССР.

1 июля мы выехали на гастроли в Москву. В столице три концерта, — в концертном зале им. Чайковского и в Колонном зале Дома союзов.

7 июля.

В антракте ко мне подошли два бравых полковника с манерами вышколенных аристократов.

— Давайте знакомиться! Смирницкий Степан Андреевич и Погодин Федор Федорович. Мы из секретариата товарища Лаврентия Павловича Берия.

На нервной почве разболелась голова. На лице выступила испарина.

— После концерта, — сказал Смирницкий, — Лаврентий Павлович изъявил желание послушать у себя дома ваш хор.

Сразу отлегло от сердца. Я снова почувствовал себя администратором.

— Выступление хора в составе 100 человек стоит по государственным расценкам — 5500 рублей (исчисление дается в старых ценах до девальвации). За ночное время надбавка 30%. Сам решить этот вопрос не могу, надо связаться по телефону с председателем комитета по делам искусств Беспаловым. Номер его домашнего телефона я не знаю.

— Не беспокойтесь, — улыбаясь, проговорил полковник Погодин. — Сейчас мы его добудем.

Жена Беспалова министерским тоном спросила, кто в такой поздний час осмеливается звонить на квартиру члену правительства. Пришлось назвать

себя. Председательница стала кричать. Я молча передал трубку Смирницкому. Через секунду по отводной трубке услышал окаящий говорок хозяина советского искусства.

— Какая честь нам оказана! — сказал Беспалов, — я сам буду представлять этот замечательный коллектив. Передайте артистам, что они выполняют прavitельственное задание.

Артисты хора относились ко мне хорошо. Пообещал, что они получают дополнительное денежное вознаграждение. Ставки у артистов скромные. Солисты получали — 1200 рублей в месяц, независимо от количества концертов, хористы от 450 рублей до 900 рублей (суммы даются в старом исчислении).

У подъезда нас ждали два комфортабельных автобуса с зеркалами, ковровыми дорожками, накрахмаленными занавесками. За десять минут автобусы довезли до Малой Никитской, затем они свернули в Вспольный переулок, где помещался особняк Берия. Серый высокий забор. К нам подошли гебисты. Внимательно изучались паспорта и удостоверения личности. Цепко вглядывались "товарищи" грузины в лица артистов и музыкантов, танцоров и костюмеров. В маленькую калиточку пропускали по одному. В глубине сада серый особняк — знаменитая усадьба графа Орлова. Кругом молчаливая охрана. Небольшой уютный зал. Мягкие удобные кресла. Бесшумно работают кондиционеры. Компактная сцена. Акустика — первоклассная. Стены зала отделаны красным деревом. До начала концерта в зал вошел крепкий, спортивного вида, Берия; рыхлый, с бабьим одутловатым лицом, Маленков; гучно-толстый Хрущев; придворный композитор Тихон Хренников и наш "хозяин", коренастый Беспалов. Когда открылся занавес, Берия с сильным грузинским акцентом сказал:

— Спасибо, товарищи, что откликнулись на нашу просьбу.

За всех ответил Беспалов:

— Слава великому Сталину! Да здравствует советское искусство, самое прогрессивное в мире!

Мы видели, как поморщился министр государственной безопасности.

Берия кивнул. Беспалов дал команду начинать. Загремела "Песня о Сталине" украинского композитора Майбороды в обработке Задора¹. Артисты не жалели глоток. Громче всех аплодировал Хрущев. После концерта нас пригласили в голубой банкетный зал. Столы ломились от яств — изысканные блюда, дорогие вина, выдержанный коньяк. Обслуга — молодые, стройные грузины. Часы пробили полночь. Я забеспокоился. Вечером у нас концерт в Киеве. Беспалов² сказал об этом Берия. Рассмеявшись, тот ответил:

— Николай Николаевич, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы дали соответствующее указание министру путей сообщения и предупредили товарища Кагановича.

Всем артистам выдали по индивидуальному пакету с продуктами и гонорар.

Арендованные вагоны находились у перрона Киевского вокзала. Как только закончилась посадка, два вагона с артистами прицепили к мощному электровозу. Короткий сигнал, небольшой состав взял направление на Киев.

Я обошел вагоны. Отсутствовала юная солистка, красавица Т. К.³. Пропавшая солистка появилась только на втором концерте. В присутствии всего коллектива сделал ей выговор. Ночью меня вызвали к заместителю министра госбезопасности Украины.

— Интересы государства и партии, — важно проговорил сверхноменклатурный чиновник, — для нас, коммунистов, важнее всего.

Спросил:

— Почему этот вызов связан с таким серьезным вопросом, как государство и партия?

— В вашем хоре имеется солистка Т. К. Зарубите на своем носу, что ее и впредь будут вызывать в Москву на правительственные концерты. Предупреждаю, что если с ее головы упадет хотя бы один волосок, вам придется иметь дело с нами. А мы вас, гражданин, найдем даже под землей.

* * *

1967 год.

Москва, площадь Маяковского, концертный зал имени Чайковского. Мы с женой приглашены на концерт Закарпатского государственного хора. В антракте к нам подошла красивая женщина. Узнал Т. К. Она заслуженная артистка Украинской ССР. Несколько смутившись, Т.К. мягким грудным голосом тихо сказала:

— Если у вас есть время, давайте встретимся после концерта? Мне надо с вами поговорить.

Мы долго гуляли по Москве. Т. К. рассказала:

— Хочу доверить вам самую страшную тайну моей жизни. Если бы вы знали, что со мной делал Беррия! Он заставлял меня мыться в ванне. В спальне у него стоял огромный экран, как я потом узнала, он видел мое изображение во всех интимных подробностях. После ванны меня массировали, натирали мазями, словно я была гаремной женщиной. Заставляли одевать легкую, просвечивающую одежду и каждый вечер делать новую прическу. Потом толкали в объятия этого похотливого зверя. В нетерпеливом ожидании он сидел в кресле в парчевом халате, дымил сигарой. Спальню занимала огромная низкая софа. Когда в первый раз этот человек ко мне приблизился, я закричала, потеряв сознание. Очнувшись, все поняла. Он мучил часами. Рассказать все невозможно. Покорилась, потому что не видела другого выхода. Прощаясь, дарил кольца, перстни, отрезки на платья, костюмы, пальто. Насильно давал деньги. Меня к нему доставляли каждую неделю. Если пом-

ните, даже из Владивостока привозили, у него везде были свои люди. Простите меня, что по глупости доставила вам столько огорчений...

Молодая женщина перевела дух.

— Потом я вышла замуж. Родила детей. Поверьте, что у меня за все годы не было ни одной спокойной ночи. Я навечно проклята Богом и людьми...

Мы тепло простились. Разве я мог найти для нее слова успокоения, чтобы хоть как-то помочь изломанной душе обрести покой...

1. Задор Дезидерий — композитор, пианист, педагог. В 1934 г. с отличием окончил Пражскую консерваторию (факультет ф-но, органа, дирижерско-хоровой). В 1938 г. закончил школу высшего мастерства при консерватории. Как солист-пианист, концертировал в различных странах мира. Последние годы жил в Ужгороде. Во время оккупации советами пытался эмигрировать в Америку, не пустили. Доцент Львовской консерватории.

2. Беспалов вышел на пенсию. Продолжительное время работал директором музея Л. Н. Толстого в Москве (Хамовнический переулок).

3. Инициалы вымышленные, имеет звание заслуженной артистки Украинской ССР.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО

Возвращаюсь к первым числам января 1952 года. С Закарпатским Венгерским ансамблем Песни, Музыки и Танца мы приехали на гастроли в Ленинград.

В газете "Ленинградская правда" прочитал сообщение ТАСС об аресте группы врачей-отравителей. Видные московские профессора были названы "агентами международной еврейской БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ДЖОЙНТ". Авторы передовых статей — в "Правде" — В. Ардаматский, О. Четчикова¹, Е. Кононенко²; в "Известиях" — Н. Грибачев³, В. Полторацкий⁴. В статье "Отравители" (журнал "Крокодил") Ардаматский писал:

"Священный гнев и беспощадная кара советского народа обрушатся на банду врачей-отравителей. Черная злоба против нашей великой страны объединила в одном стане американских и английских банкиров, владельцев колоний, пушечных королей, битых гитлеровских генералов, мечтающих о реванше, ватиканских заместителей, адептов сионистского кагала..."

В один из таких безрадостных дней администратор гостиницы "Европейская" в два часа ночи по телефону справился о моем здоровье. На мой удивленный вопрос, сказал, "что это контрольный звонок". Минут через пятнадцать в двери номера деликатно постучали. Вошли два человека.

— Здравствуйте, товарищ Гендлин! — сказал высокий, очевидно, старший. — Мы из органов, вот наши удостоверения. Вам придется одеться.

— С вещами?

— Если вещи понадобятся, вам их привезут.

В машине, кроме шофера, находился еще один человек. Я оказался на заднем сиденье. Мы подъехали на Литейный проспект к Большому Дому (Ленинградская Лубянка). Длинные кишкообразные коридоры. В провалы между этажами вмонтированы огромные предохранительные сетки. В таких "домах" жизнь подследственных тщательно оберегается.

Прокуренный кабинет, приглушенный говор. Кто-то включил яркий свет, чтобы я не мог разглядеть и ЗАПОМНИТЬ ЛИЦА ЛЮДЕЙ.

— Я, — сказал полный, крупный человек со звездой Героя Советского Союза, — Соловьев⁵, начальник управления ленинградской милиции. Ваше дело будет вести старший следователь товарищ Нырдоев.

Появилась безмолвная старуха, стенографистка-машинистка. Нырдоев спросил:

— Леонард Евгеньевич, где проживает ваш отец?

— Вам лучше знать, — ответил я.

— Если правдиво ответите на вопросы, тогда мы вас быстро отпустим. Лгать и играть в молчанку — бесполезно.

— Слушаю вас.

— Ваш отец — государственный преступник. Он — сионист, эсер и немецкий шпион, возглавлял группировки против советской власти. За это его на десять лет изолировали от общества. К сожалению, мы сделали непоправимую ошибку, что его и тысячи ему подобных преступников выпустили на свободу. Этот либерализм нам обошелся слишком дорого. Мы их снова загоним в Сибирь, Магадан, в Якутию.

Обладатель раскосых глаз, Нырдоев имел сходство с калмыком. Он повысил голос и правой рукой стал рассекать воздух. Внезапно осекся, закурил.

— Кто пытался завербовать вас в подпольную сионистскую организацию?

— Простите, но я не имею никакого понятия о сионизме.

— Вчера вы ужинали с артистом Черкасовым.

Почему он оплатил счет? На какую тему вы с ним беседовали? Что у вас с ним общего?

— С Николаем Константиновичем мы знакомы по съемкам фильма Эйзенштейна⁷ "Иван Грозный"⁸. Я ему сказал, что вторая серия этой картины заново пересматривается, что кинооператоры Эдуард Тиссэ⁹ и Николай Москвин¹⁰ неустанно об этом хлопчут.

— Ваши мемуары нас не интересуют. Подпишите протокол допроса и можете идти.

Следователь протянул чистый бланк.

— Смело подписывайте, коммунистам надо верить. Протокол заполним после того, как все сказанное вами расшифрует стенографистка.

— Сначала расшифруйте, впишите в протокол то, что считаете нужным, я его внимательно прочту, возможно, тогда и подпишу. Пустые бумаги я не подписываю.

— Хорошо, Гендлин, на сегодня хватит. Вас сейчас доставят в гостиницу. Продолжайте заниматься конфиденциальными делами.

18 января два концерта. Настроение подавленное. Уверен, что слезка продолжается. На Невском проспекте затерялся в Пассаже. Взял такси. Поехал к Анне Андреевне Ахматовой. Она пообещала позвонить маме в Ригу, предупредить об опасности, грозящей отцу. Просил ее также связаться с Черкасовым. Ахматова меня троекратно поцеловала в лоб.

В гостинице принял ванну. Немного успокоился. Начал перечитывать "Бориса Годунова" Пушкина. Ночью опять пришли вчерашние "товарищи". Они попросили вина. Налил им по стакану водки. С ними не стал пить. Снова Литейный. Тот же кабинет. Нырдов без лишних слов приступил к допросу:

— У нас имеется список людей, которые пытались вас завербовать в сионисты.

Называю фамилии, которые запомнились. Писатели: Анна Ахматова, Михаил Зощенко, Вера Кетлин-

ская, Ольга Берггольц, Юрий Герман; артисты эстрады, театра, кино — Аркадий Райкин, Николай Черкасов, Юрий Толубеев, Лидия Атманаки; режиссеры кино и театра — Николай Акимов, Георгий Козинцев, Иосиф Хейфиц; художники — А. Каплан, Т. Эвенбах... В списке значилось более шестидесяти фамилий.

— Вам знакомы эти имена? — спросил Нырдов.

— Конечно. Мне приходилось читать книги Юрия Германа, у меня имеется его роман "Наши знакомые", читал Кетлинскую, хорошо знаком со стихами Ахматовой и Берггольц. Хотите, я вам прочитаю отрывок из поэмы Ольги Федоровны Берггольц "Февральский дневник"? Много времени это не займет.

— Перестаньте балагурить! — крикнул Нырдов. — Говорите по существу дела.

Стенографистка, безмолвная старуха, и то не выдержала, улыбнулась.

— Артистов эстрады Райкина и Атманаки видел на концертах. С картинами Каплан и Эвенбах познакомился на выставке.

— Они все мракобесы и сволочи! — прорычал Нырдов, — агенты проклятого "Джойнта".

Он закурил. Промчался по кабинету. Подошел ко мне. Схватил за волосы, клочок остался у него в руках. Ладонью ударил по шее. Боль нестерпимая. Следователь наклонился к самому лицу:

— Ты в синагоге встречался с Ахматовой; около Петропавловской крепости беседовал с Райкиным, его женой, Ромой, писателем Зощенко. Мы вас всех засекали. В столе лежат фотографии и стенограмма вашего разговора.

— Ознакомьте меня с ними? Покажите фотографии, чтобы я мог удостовериться в том, что вы говорите правду, а не мистифицируете?

Нырдов гаркнул:

— Ты не на курорте, сволочь! — глаза его посере-

ли. — Рекомендую по-хорошему подписать заявление на имя начальника управления ленинградской милиции, что поименованные лица пытались вас завербовать в сионистскую организацию, филиал американского "Джойнта". Не подпишите, будет хуже. Так просто мы вас не выпустим.

— Подписывать ничего не буду. В списке стоят фамилии честных людей. Я не стану причиной их гибели, — даже косвенной. За то, что били — ответите.

Нырдов выдал улыбку. Показал оскал бульдожьей челюсти.

— На сегодня вы еще свободны.

Служебная машина отвезла меня в гостиницу "Европейская". Машина имела другой номер, а шофер тот же. Долго ходил по Ленинграду. На Невском всегда толпы людей. Ночью из нор выползают проститутки всех возрастов, наркоманы, пьяницы, бездомные.

Днем встретился с товарищем Б., корреспондентом молодежной газеты "Смена", с которым успел подружиться¹¹. Я доверился этому человеку. Мы пошли в туалет. В уборной рассказал о своих делах. Он дал совет, — срочно уехать из Ленинграда. Целый день провел в Эрмитаже.

Б. дал слово до конца довести гастроли коллектива. Поздно вечером мы сели в машину. Остановились около будки стрелочника, на 32 километре по направлению к Москве. Холодно. Моросит мелкий промозглый снег. Наконец, показались очертания приближающегося локомотива.

— Я договорился с машинистом и начальником поезда, — сказал Б., мой провожатый, — и заранее со всеми рассчитался.

Заскрежетали огромные колеса. Поезд медленно останавливался. У проводников появились красные флажки. Я торопливо простился с товарищем. Неожиданно он шепнул:

— Мы непременно встретимся в Иерусалиме, у Стены Плача.

Тогда я не придавал значения его пророческим словам. С этим напутствием вошел в вагон. Обрадовался, что в купе никого нет. Из портфеля достал пиджаму. Проводник принес крепкий, горячий чай с лимоном. Мирно стучат колеса вагонов. Задумался: что же дальше? Как жить? Куда деваться? Разве можно раствориться в жизненном океане человеческого горя, которое неотступно преследует? Мои размышления прервал сильный стук. Проводник своим ключом открыл двери купе. На пороге старые знакомые.

— Что, Леонард Евгеньевич, не ожидали такого сюрприза? Мы вас целый час ищем по всему поезду. Решили убежать от советской власти? Некрасиво поступили, нетактично, хоть бы попрощались.

Я оделся. Прошли в тамбур. Молодцы из КГБ при помощи стоп-крана остановили поезд. Из ракетного пистолета они подали сигнал. Подъехала машина.

(Мой ленинградский товарищ Б. по-прежнему живет в Ленинграде, работает старшим редактором одного издательства. У него жена и двое детей. Не хочется думать о его предательстве, поэтому не раскрываю его имени. Бог ему Судья.)

Взбешенный Нырдов схватил меня за волосы. Ботинком ударил в живот. Закружилась голова, замутило, началась сильная рвота.

— Убежал, сука? Скрыться захотел? Мы же тебя в порошок сотрем, скотина паршивая!

На мою голову нещадно посыпались потоки отборной брани, которая, конечно, в протокол не попала.

— Слушай, морда! Или ты все подписываешь и мы тебя отпускаем на все четыре стороны и впридачу отвалим денегат, или же загоним в подвал, откуда хорошо видна дорога на тот свет! Чтоб веселее было там сидеть, в соседнюю камеру запрем мамашу с сестрой. Не волнуйся, папашу тоже посадим. В пос-

ледный раз предлагаю подписать протокол, нам надоело с тобой чикаться! Скажи, для чего тебе жалеть эту нечисть? Эти шкуры тебя давно продали.

— На дальнейшие вопросы отказываюсь отвечать. Требую вызвать прокурора.

Нырдов нажал на кнопку звонка. Вошел секретарь, такой же угрюмый, как и его начальник.

— Немедленно вызовите доктора!

Здоровенный дядя с красными волосатыми руками оказался местным "эскулапом".

— Молодой человек, — пробасил он, — пройдемте ко мне! Посмотрим, какую вам надо оказать медицинскую помощь!

Мы спустились на второй этаж. Обыкновенный медицинский кабинет со шкафчиками, всевозможными бутылочками, с кушеткой, весами, телефоном. Стены, пол, потолок отделаны специальным материалом. Кабинет врача на Литейном проспекте в "большом доме" Ленинграда — *звуконепроницаемый*. Понял, что здесь не лечат, а калечат.

— Ну-с, молодой человек? Вам надлежит поставить подпись, получить гонорар и убираться восвояси к чертовой матери.

Я отказался что-либо подписывать.

"Доктор" ударил меня кулаком в челюсть. С кровью выплюнул четыре верхних зуба. На столике лежали большие хирургические ножницы. Я их схватил и бросился с ними на палача в белом халате. Не помню куда пришелся удар. Взревев от боли, "доктор" тупым предметом стукнул меня по голове. Я упал, потеряв сознание. Холодная вода и нашатырный спирт вернули силы.

— Если не подпишешь, стерва, мы тебе вот что сделаем!

Он взял в руки ШПРИЦ.

Я слышал, что многим осужденным, приговоренным к смерти, вводят в вены воздух, после чего наступает мгновенная смерть. Доказать, от чего она

произошла, — невозможно. "Доктор"-палач опустил шприц в сосуд, он медленно стал набирать темноватую жидкость. Все, что попадало под руку, я начал швырять в этого страшного человека. Он нажал на невидимую электрическую кнопку. Влетели дядьки-надзиратели. Они привязали меня веревками к кушетке. Один сел на ноги, другой держал правую оголенную руку. Рубашка и брюки были залиты кровью, подошел "доктор" со шприцем:

— Знай, жидовская морда, я тебе в вену ввожу керосин с глицерином, но такую порцию, чтобы ты запомнил нас на всю жизнь!^{1 2}

Повествование продолжает Марина Званцева^{1 3}.

"Я шла в пять часов утра, спешила на работу в "Европейскую" гостиницу. Мела поземка. Серый туман окутал Ленинград. В нескольких шагах ничего нельзя было разобрать. Ногами задела что-то мягкое, липкое. Зацепившись, упала. Достала карманный фонарик. То, что увидела, не подлежит описанию. В луже замерзших испражнений, скорчившись, лежал человек. Запекшаяся кровь лепешками расплзлась по его лицу. Из рта шла желтоватая, маслянистая жидкость. Я направила скользкий луч карманного фонарика на лицо человека. Увидев его, вскрикнула, чуть не потеряв сознания. Это был наш жилец, Леонард Гендлин. Все наши девчонки были в него влюблены. Всегда вежливый, обходительный, он давал нам бесплатные билеты на концерты, дарил шоколад, конфеты, приносил цветы. Сначала я подумала, что он напился, но мы никогда не замечали, чтобы Леонард приходил в гостиницу в нетрезвом виде. Видно, случилась страшная беда, человека надо спасти. Остановила такси, пообещала шоферу хорошо заплатить. Мы быстро доехали до Кировского проспекта. Позвонила в квартиру профессора Этингерда. На мой пронзительный звонок вышел перепуганный, заспанный Самуил Абрамович, затем в дверях показалась величественная, властная Адель

Марковна Оксенкруг, его жена, хирург, бывший военврач — полковник медицинской службы. Моя мать много лет работала в этой семье домашней работницей.

— Что случилось, Мариночка? Для чего мы понадобились в такую рань? — спросил Самуил Абрамович, явно обеспокоенный моим внезапным появлением. Он не умел скрывать своих чувств.

— Говорить некогда, я привезла умирающего, спасите его! Христом умоляю, спасите! Он — мой жених! Он хороший, настоящий. Леонард должен жить! Я заплачу любые деньги, только возвратите ему жизнь!

Поеживаясь от холода, врачи вышли из подъезда. Вернувшись, Адель Марковна тихо сказала:

— Сема, я только что его посмотрела. Мне кажется, что он агонизирует. Будь осторожен. Мы, к сожалению, не в состоянии оказать ему медицинскую помощь. Пусть шофер отвезет товарища в какую-либо городскую больницу, но без нашего вмешательства, а лучше всего в морг.

— Родная, ты сошла с ума? Как ты можешь так говорить? Ты же еврейка! Рассуждать и дискутировать некогда. Мы с тобой врачи и не можем допустить, чтобы на наших глазах погиб юноша, — проговорил добрейший Самуил Абрамович.

Профессор подошел к шоферу такси:

— Товарищ, помогите внести в дом моего племянника!

Потом он что-то написал на бумаге. Отдавая ее шоферу, он проговорил:

— Я написал записку своему товарищу, который даст вам свежую кровь. То, что я делаю — *незаконно, но гуманно*. Если у вас обнаружат кровь, нас с женой ждут большие неприятности.

— Доктор, не стоит оправдываться, — ответил шофер. — Я пережил блокаду. Мои родители двадцать суток пролежали мертвыми в комнатухе на Черной

Речке. В 1949-ом вы вылечили моего сына, он считался безнадежным. Не волнуйтесь, я все сделаю мигом.

Профессор протянул шоферу две сторублевки. Алексей Романович покачал головой:

— Не оскорбляйте мою душу, профессор. Я все понимаю. Деньги спрячьте до лучших времен, они пригодятся мальцу после выздоровления.

Мы втроем начали делать Леонарду искусственное дыхание. Разрезали слипшуюся, промокшую одежду. Как только появились первые признаки дыхания, Адель Марковна сказала, что для очищения желудка необходимо вызвать рвоту. Опытный хирург пальцами правой руки нажала на живот больного. Раздался нечеловеческий, душераздирающий вопль. Мне никогда в жизни не приходилось видеть такой ужасающей картины, чтобы у человека изо рта вышло столько вонючей жидкости, пахнувшей керосином.

На лестничной клетке, напротив, жили две сестры, студентки медицинского института, Рива и Дора, дальние родственницы Адель Марковны. Они добровольно включились в спасение нашего пациента. Шофер такси привез запечатанные ампулы с кровью. Я позвонила на работу, сказала, что заболела.

Одиннадцать дней Леонард находился между небом и землей. В домашних условия мы сделали переливание крови. Он ничего не мог есть. Через зонд вводилось искусственное питание. Ежедневно шофер Алексей Романович привозил свежие овощи, фрукты, которые он доставал у знакомых, работающих на правительственной базе. Для нас наступил праздник, когда больной впервые произнес два таких обычных слова:

— Дайте пить!

Кожа у Леонарда на отдельных частях тела стала покрываться красноватыми пятнами. Термометр показывал высокую температуру. Для консультации Адель Марковна пригласила своего друга, профес-

сора-дерматолога Олега Панфиловича Нащекова. Осмотрев больного, доктор сказал:

— Придется делать подсадку.

Керосин с глицерином сделали страшное дело. Перед нами встала серьезная дилемма, где достать кожу, и в каком медицинском учреждении мы сумеем провести эту сложную операцию? Малоразговорчивый, сдержанный Нащеков предложил следующий вариант, который безоговорочно был принят:

— В нашей больнице на четвертом этаже имеется полузакрытое отделение. Я помещу вашего пациента в отдельную палату, добровольцы будут находиться в соседних палатах. Консервированная кожа имеется в незначительном количестве, но она под строгим контролем. Нужна кожа здоровых молодых людей.

Рива и Дора на такси помчались в медицинский институт, я в университет, где заочно занималась на философском факультете. На полную катушку заработало самое верное, подпольное (устное) радио. Через час студенты знали, что надо спасти человека, попавшего в катастрофу. Имя и фамилия пострадавшего не упоминались.

В больнице появились юноши и девушки спортивного вида. Леонард стойчески перенес эту сложнейшую операцию. Мы поразились его мужеству. В палате у него всегда были свежие цветы. Много людей навещало его по воскресным дням, в часы свиданий. Часто приходила Анна Андреевна Ахматова. На всю жизнь я запомнила благородство и величие этой необыкновенной женщины-страдальицы, Великой Мученицы. Там, около больничной койки, я впервые услышала отрывки из поэмы "Реквием". Ни один поэт меня так не потряс, как Ахматова. В тот день в палату набилось человек сорок. После чтения Поэмы Леонард рассказал нам о своей жизни. Видела, как Михаил Михайлович Зощенко вытирал платком увлажненные глаза, как молча плакала

Анна Андреевна, как судорожно вздрагивали плечи профессора Нащекова. Навсегда запомнила потрясенные лица студентов, своих однополчан. Хочу подчеркнуть, какая у нас была удивительная монолитность, ни одного предателя, ни одного стукача-провокатора...”

Какую цель преследовали мои мучители, работники КГБ, выбросив меня в темную мглу холодной ленинградской ночи? Они были уверены, что произойдет отравление организма и наступит быстрая смерть. Тогда дежурный участковый милиционер вызовет машину “скорой помощи”, тело доставят в морг, КГБ “для опознания” пришлет своего представителя, у которого в кармане будет лежать подготовленный по форме акт летального исхода.

После выздоровления я поехал в Ужгород. Меня провожали десятки людей, которые за короткое время стали родными и близкими. Вот стоит сгорбившийся Самуил Абрамович, рядом с ним его верная спутница, Адель Марковна; высокий Нащеков с гибкими пальцами скрипача-виртуоза. С букетами цветов прибежали жизнерадостные хохотушки Рива и Дора¹⁴, которых мы в шутку называли Добчинский и Бобчинский¹⁵. Отварную курицу с пирожками принесла милая и такая сердечная Анна Андреевна Ахматова; шоколадные конфеты, торт, цветы — запыхавшийся Михаил Михайлович Зощенко.

Мой главный спаситель, Марина Званцева, за свой счет взяла отпуск. Она поехала со мной в Ужгород. Трогательно наше прощание:

— Мариночка, — сказал я ей на аэродроме, — поверьте, что в этой и в той жизни я всегда буду вас вспоминать с чувством глубокого уважения. Спасибо вам за ваше удивительное сердце. Хочу, чтобы у вас обо мне осталась память.

Я одел Марине золотые часы, на внутренней стороне которых гравер искусно написал:

ЗА БЕСКОРЫСТНУЮ ЛЮБОВЬ К ЛЮДЯМ — Л. Г.

Марина Званцева ушла из Ленинградского университета. Она поняла, что ее призвание — медицина, и стала невропатологом. За то, что она отказалась поставить свою подпись под коллективным письмом, осуждающим писателя Бориса Пастернака за его роман "Доктор Живаго", ее изгнали из института, где она преподавала. Ее пытались уволить из больницы. За Марину стеной встали больные.

* * *

В последний раз мы встретились 18 марта 1972 года в аэропорту Шереметьево-2. Прощаясь с нами, она сказала:

— Приложу все усилия, чтобы уехать из России. Как я вам завидую Леонард и дорогие, чудесные Лидочка и Женечка! В этой стране, где я родилась, мне не хочется иметь мужа, не хочется иметь детей. Для чего давать жизнь подневольным рабам? Верю, что наша встреча там непременно состоится.

Мы тоже этому верим, Мариночка!

1-2. О. Четветкина и Е. Кононенко — штатные корреспонденты "Правды", члены КПСС, женщины с затрепанной репутацией. Пенсионерки, номенклатурные стукачки.

3. Н. Грибачев — поэт-публицист, один из лидеров ЧЕРНОЙ СОТНИ.

4. В. Полторацкий — журналист, писатель, поэт-графоман. Заместитель главного редактора газеты "Известия" по вопросам литературы и искусства. Первый главный редактор газеты "Литература и жизнь", впоследствии еженедельника "Литературная Россия".

5. Соловьев вышел на пенсию, стал писать книги про "подвиги" милиционеров. Часто бывает в Москве, пьянствует в Сандуновских банях.

6. Н. К. Черкасов (1903–1966), известный русский артист театра и кино. Прославился исполнением ролей царевича Алексея в фильме В. Петрова "Петр Первый" и царя Ивана IV Грозного в ленте Сергея Эйзенштейна "Иван Грозный".

7. Мне довелось не только знать, но и работать с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном над фильмом "Иван Грозный". Первая часть снималась в эвакуации на казахской земле в Алма-Ата, вторая – на Потьлихе в Москве, в павильонах киностудии "Мосфильм".

Сталин интересовался съемками, настроением артистов, бытом режиссера. Ему не терпелось увидеть ленту на экране, он боготворил царя Ивана 1У.

После упорного, титанического труда съемки закончены. В уютной квартире Эйзенштейна в "жилдоме" на Потьлихе (Мастер жил рядом с киностудией) – торжественный ужин. Неумело хозяйничает Пера Моисеевна Аташева, его жена, ей помогает красавица Бьянка Тиссе, подруга знаменитого оператора. Около двенадцати часов ночи – телефонный звонок:

– Попросите Сергея Михайловича Эйзенштейна, звонят из секретариата товарища Сталина.

В наступившей тишине кинорежиссер произнес одно слово: "хо-рошо". Пера Моисеевна попросила Бьянку, Эдуарда Тиссе и меня остаться.

– Срочно вызывают в Кремль, – боязливо проговорил Сергей Михайлович, – если не очень торопитесь, пойдемте вместе?

Он осунулся, как-то сразу постарел, черты его живого лица поблекли. Мы помогли ему одеться. В машине Эйзенштейн почувствовал себя плохо. Ему срочно нужно было в туалет. Задерживаться нельзя, в Кремле не прощали опозданий. На нервной почве у него началась рвота. Мы с Тиссе довели его до ворот Кремля, дальше нас не пустили. Дежурному офицеру сказали, что Сергей Михайлович плохо себя чувствует, что ему срочно нужна медицинская помощь. На нашу просьбу офицер сухо ответил:

– Там всех вылечивают!

Тиссе уехал. Четыре часа мы с шофером ждали Эйзенштейна. С трудом удалось посадить его в машину. Приехали профессора Коган и Симарцев. Его глухое рыдание перевернуло нам душу. Истерика продолжалась до рассвета. Обессиленный, он уснул. Позже рассказал:

"В тот вечер я медленно поднимался по лестнице, устланной коврами, в приемную Сталина. Сердце у меня слабое. Врачи давно обнаружили грудную жабу. В мире имеются две самые сложные профессии: летчик и кинорежиссер. Встретили меня Поскребышев и Маленков. Я попросил у них разрешения пройти в туалет. Поскребышев велел дожидаться. Через пять минут бесшумно приоткрылись двери, и я был приглашен в кабинет Сталина. У меня забилось сердце. Сталин умел так владеть собой, что никто не мог предвидеть смену его настроения. Повелительно-вельможным тоном он сказал:

– Садитесь, товарищ Эйзенштейн!

На столе хрустальные вазы с фруктами, вина, сладости, бутерброды с разной снедью. Сесть в кресло я не мог. Все время ощущал боль в

желудке, чувствовал, что весь мокрый, пот струился градом. Сталин мастерски сделал вид, что не замечет моего состояния.

— Что, товарищ Эйзенштейн, ехали в Кремль на прием к товарищу Сталину и напустили в штаны, а говоря русским языком, попросту обоссались? Как же так? Нехорошо! Надо быть мужественным! Неужели я такой страшный и меня надо бояться?

Я промолчал. Сталин предложил выпить за "Ивана Грозного". Потом он заговорил о самом главном:

— Мы уже беседовали с министром кинематографии Большаковым и артистом Черкасовым. Они согласились с нашим мнением относительно второй части вашего фильма "Иван Грозный".

Сталин задымил трубкой.

— Ну, что вы стоите, как солдат на параде? Садитесь, садитесь, дорогой Сергей Михайлович, — проговорил он, улыбаясь в жирные усы.

Два с половиной часа я сидел перед Сталиным в дерьме. Он говорил медленно, подчеркивая весомость каждого сказанного слова, и в то же время упивался своей властью.

— Мы хотим, товарищ Эйзенштейн, чтобы вы поняли свою основную ошибку в работе над картиной "Иван Грозный". Русский царь Иван Васильевич по крупицам собирал русскую землю. Если бы он дожил до нашего времени, он стал бы видным деятелем советского государства. Не правда ли? А вы нам что показали? В вашем фильме Грозный спонтный, безвольный хлюпик, слабодушный человек, который дено и ношно скулит о немощи.

Сталин встал. Молча начал ходить по кабинету. У меня начали дрожать колени. В тот момент хотелось умереть и не видеть этого изувера. Боялся, что он прочтет мои мысли. После томительной паузы Сталин вкрадчиво спросил:

— Возможно, товарищ Эйзенштейн, вы устали, малость переутомились? Может быть, переделку фильма поручить другому режиссеру?

Такое решение равносильно творческой смерти. Сталин перехватил мой отсутствующий взгляд. Тонкий психолог, властолюбивый интриган, он прекрасно все понимал. Он ждал моего ответа. Мы все были принципиальными и многоречивыми на трибунах во время творческих дискуссий в Доме кино. В Кремле все старались угодить Сталину. Я не знаю ни одного человека, кроме Владимира Ильича Ленина, который мог бы ему открыто возразить. Я сказал Сталину, что принимаю все его замечания, что достаточно хорошо не разобрался в сложной личности русского царя, что приложу все усилия, чтобы сделать достойный фильм. Когда я уходил, Иосиф Виссарионович руки мне не подал. Он веско проговорил:

— Товарищ Эйзенштейн, еще раз советуем подумать над общей концепцией фильма и нас с ней ознакомить. Ваши кураторы — товарищи Маленков и Поскребышев.

В приемной я слышал, как Сталин гортанно крикнул:

— Уберите вонючее кресло!

Как режиссер я кончился, как человек – тоже...”

Эпоха Ивана Грозного – одна из самых трагических в истории России. За гранью столетий возвышается мрачная фигура царя Ивана. С его богомольями и казнями, с его убийством собственного сына, с печально знаменитой опричниной, которая, словно эстафета, передавалась последующим поколениям.

По указанию Сталина начались переделки фильма. Сергей Михайлович Эйзенштейн написал новый сценарий. Преодолевая сердечные приступы, он продолжал работать. Художник, выполняя указания вождя, лепил образ Грозного со Сталина. И, несмотря на кажущийся парадокс, волшебник кино Эйзенштейн создал шедевр.

Затравленный мастер умер от сердечного приступа в ночь с 10 на 11 февраля 1948 года, он ушел из жизни, не дожив до 50 лет. И последнюю ночь он провел за работой, писал статью “Цветовое кино” и трудился над многоплановым исследованием “К вопросу мизансцены”.

8. Только в 1958 году на экраны мира вышла вторая серия фильма “Иван Грозный”.

9. Тиссэ Эдуард Казимирович (1897–1961), кинооператор, постоянный сотрудник С. М. Эйзенштейна.

10. Москвин Андрей Николаевич (1901–1961), кинооператор, совместно с Тиссэ снимал I и II серии фильма “Иван Грозный”.

11. “Смена”, газета горкома и обкома комсомола г. Ленинграда.

12. До сих пор ощущаю сильные боли в суставах.

13. Имя и фамилия вымышленные. Как только эта смелая женщина выедет на Запад, я о ней напишу большой очерк.

14. Рива и Дора врачи-терапевты, проживают в Австралии.

15. Персонажи из комедии Н. В. Гоголя “Ревизор”.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Пришло долгожданное, всенародное ликование!
Умер Сталин!

Сколько тайных молебнов было отслужено в православных Храмах, сколько тайных богослужений было совершено в Мечетях, как радовались раввины, сколько слез, переполненных Надеждой, было пролито евреями??? Как радовались все народы мученической России.

— Бог, милостивый Бог, наконец-то, услышал наши молитвы! — восклицали они.

Под Вильнюсом, под Ригой, Кишиневом, на запасных путях Минска и Гомеля, Бобруйска и Могилева, Киева и Днепропетровска, Черновиц и Харькова, Ленинграда и Москвы еще не успели остыть рельсы, эшелоны товарных вагонов с бревенчатыми нарами и железными намордниками на окнах, с просверленными дырками в полу для опрвления естественных надобностей, готовы были принять в свои перегороженные клетки **ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ РАССТРЕЛЯННЫХ РЕСПУБЛИК**. Путь составов лежал на Восток, — в далекий Хабаровский край. Только смерть Сталина помешала осуществлению этого черного замысла — **ВСЕНАРОДНОЙ ЭПИДЕМИИ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**.

Вечно сомневающийся западный скептик удивленно пожмет плечами: "Автор придумал! Очередная утка! В стране "восходящего солнца", в стране Ленина и Сталина, где давно наступил рай, где человек человеку друг и брат, такого не может быть!" А выселение крымских татар, господин скептик, и других, так называемых, малых народов? Не буду полемизировать и утомлять читателя.

Но не все радовались смерти выродка рода человеческого.

А как же Сталинизм? Будет ли он когда-нибудь с корнем вырублен? Или же как австралийский кипарис? Дерево вырубается и на том же самом месте вырастает новый...

Раскрываю газету "Правда" от 8 марта 1953 года (№ 67/12635).

Михаил Шолохов в статье "Прощай, отец", пишет:

"Как внезапно и страшно мы осиротели! Осиротели партия, советский народ, трудящиеся всего мира... Мы потеряли отца всех трудящихся, и вместе с чувством навеки незабываемой утраты, великая скорбь неслышными шагами прошла по стране и властно вторглась в каждый дом, в каждую семью... Отец, прощай! Прощай, родной и до последнего нашего вздоха любимый отец! Как многим мы тебе обязаны... Нас миллионы и все мы мысленно прощаемся с тобой, медленно проходим мимо твоего гроба, стремясь запечатлеть в памяти твои черты, низко кланяемся и по-сыновьи целуем тебя, провожая в последний путь..."

Александр Корнейчук; цитирую строки из его статьи "Великий друг украинского народа":

"... С именем Сталина великий русский народ и все народы-братья нашей Отчизны спасли Украину от гибели и рабства, помогли ей в невиданно короткий срок залечить раны войны..."

Анатолий Софронов — автор стихотворения "Полководец коммунизма":

Добрые, хорошие закрылись
Сталина родимого глаза...
Флаги низко, низко наклонились,
Взгляд закрыла горькая слеза!
Спи, родной наш,
наш отец любимый, —
В сердце боль, как море, глубока!..
Мы в рядах стоим неколебимо —
Сталин с нами!
С нами — на века!

Николай Грибачев; строфа из стихотворения "Партия родная держит знамя!":

Трудно нам без Сталина на свете,
Но великий гений не угас —
Сталин вновь из вечного бессмертья
Учит нас и направляет нас.

Это все из одного номера газеты "Правда" от 8 марта 1953 года.

Казалось бы, какая неподдельная скорбь!

А что творилось на ОБОЧИНАХ ДОРОГ — ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ, В ТЮРЬМАХ И КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ???

Миллионы бывших людей с нетерпением в сердце ждали возвращения к теплому очагу, к женам, к сгорбленным старикам-родителям, к повзрослевшим и возмужавшим в беде детям. Сколько изверг лютый отправил на смерть людей? А сколько за эти ДЕСЯТИЛЕТИЯ выросло на Российской Земле безымянных могил? Сколько изломано насильниками крестов православных?

Не могу понять одного — почему бюстители закона, юристы-праведники мира молчат? Главари фашизма осуждены. Международный Трибунал почти год заседал в Нюрнберге. Исписаны тонны бумаги. А Сталин и сталинщина, разве это не современный фашизм в кубе? Тридцать четыре года прошло, как смолкли орудия на полях сражений Второй мировой войны, как успокоилась на Земле дорожная пыль. А в западных странах все еще продолжают выискивать военных преступников не только живых, но и мертвых. Пресловутый Гесс 34 года сидит в немецкой тюрьме, освобождением для него не пахнет. В мире на разных языках выходят книги о Сталине, его биографы на протяжении десятилетий тщетно бьются над дилеммой: был ли Сталин провокатором? Конечно, был, он всю свою долгую жизнь этим занимался. Но разве в этом суть? Преступников — живых и мертвых — надо судить за содеянные преступления против человечества. И среди международных преступников в списке № 1 должен значиться **С т а л и н** (Джугашвили) Иосиф Виссарионович. Тысячи бывших узников советских концлагерей и тюрем вырвались на Запад. Пришло время. Пока мы еще живы, надо немедленно взяться за дело — **СОСТАВИТЬ**

СПИСКИ УБИЕННЫХ И ЗАМУЧЕННЫХ, ТЕХ, КТО ПО ЭТАПАМ ПРОШЕЛ СКВОЗЬ СТРОЙ ШТЫКОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО "РАЯ", — МЫ ОБЯЗАНЫ, НАМ ЗАВЕЩАЛИ ЭТО ОТЦЫ И МАТЕРИ СОЗДАТЬ ЧЕРНУЮ КНИГУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОГО ФАШИЗМА ВСКОРМЛЕННОГО И ВЫПЕСТОВАННОГО ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ЛЕНИНЫМ. Предлагаю создать ИНИЦИАТИВНЫЙ КОМИТЕТ ВО ГЛАВЕ КОТОРОГО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЛЮДИ С КРИСТАЛЬНОЙ СОВЕСТЬЮ И С НЕЗАПЯТНАННОЙ РЕПУТАЦИЕЙ.

Сила русского Зарубежья — монолитна, только единым фронтом мы сумеем поднять общественное мнение и победить раз и навсегда холодную войну советского ревизионизма.

КОМСОМОЛ

Нам пришлось поменять местожительство — Москву на Ригу. Здесь отцу тоже не разрешалось жить. Удалось преодолеть и это препятствие. Пока комендант тянул из бутылки армянский коньяк, в ордер была вписана фамилия и инициалы отца.

В Риге я сотрудничал на радио и телевидении, в газетах и журналах. Отец и мать получали скромную пенсию. Сестра после окончания войны поступила в Московское театральное-художественное училище, она — театральная художница по костюмам. При распределении выпускников предпочтение отдавалось русским и представителям других "братских" народов. Даже в Еврейский театр Михоэлса послали посредственную русскую художницу.

Кормиться только литературным трудом было сложно. Пошел работать главным администратором-культурработником в кинотеатр "Сплendid-Палас". Около здания кинотеатра часто можно было увидеть мальчишек и девчонок, просящих милостыню. Самое удивительное, что дети-подростки более чем средней упитанности просили не на хлеб, а на... кино, мороженое, конфеты, лимонад. Меня заинтересовала судьба этих детей. Стал их задерживать. Выяснилось, что большинство из них — сыновья и дочери высокопоставленных номенклатурных работников ЦК КПЛ, Совета Министров, прокуратуры, КГБ. Я написал письма в общественные организации республики. После этого мне предложили выступить на районной комсомольской конференции Кировского района города Риги. За столом президиума первый секретарь ЦК КП Латвии Ян Калнберзин¹, председатель

Совета Министров Вилис Лацис², председатель президиума Верховного Совета Кирхинштейн³, представители печати — главный редактор газеты "Советская Латвия" Давыдов, главный редактор газеты "Советская молодежь" Белов. Журналисты из молодежной газеты Давид Тимофеев и Елена Розанова⁴ уговаривали отказаться от выступления.

— Старик, тебе придется назвать фамилии отцов и матерей, — сказал веско Тимофеев. — Подумай о последствиях! В этом мире люди жестоки и мстительны. Нанесенных обид и оскорблений, тем более публичных, никто не прощает.

Я говорил о культуре, нравственности, морали, об ответственности родителей, которые являются скульпторами своих детей.

"Великая тройка" — Лацис, Калнберзин, Кирхинштейн долго по-партийному трясли мои руки. Народный писатель Лацис посадил рядом с собой.

После окончания конференции второй секретарь ЦК ЛКСМ Латвии А. Н. Александров⁵ предложил перейти на работу в ЦК комсомола. На переговоры направили к заведующему отделом агитации и пропаганды А. Я. Андерсону⁶. Хмурый, желчно-туберкулезный аскет чистосердечно признался:

— Как хотите, можете обижаться, но я больше всего на свете не терплю евреев. Я их просто боюсь. Они во мне вызывают отвращение. Когда вижу еврея, я в тот день теряю аппетит, плохо сплю, во сне вижу кошмары.

— Неужели евреи нанесли вам такую непоправимую боль?

— Нет, что вы! Я просто органически не перевариваю вашу нацию. У меня ко всем евреям внутренняя антипатия.

Я не стал переубеждать "товарища" Андерсона, чтобы он переменил свои пылкие чувства к евреям. Хотелось поскорее закончить этот неприятный разговор.

Несмотря на антипатию Андерсона к евреям, меня утвердили заместителем заведующего отделом финансово-хозяйственного сектора. Все ЦК было удивлено, на меня смотрели, как на редкое ископаемое⁷.

Молодые, откормленные комсомольские чиновники навечно куплены советской властью. Они получают повышенные оклады, прикреплены с начала своей карьеры к закрытым магазинам-распределителям, где товары отпускаются по себестоимости. Пальто, костюмы, платья шьют в закрытых ателье. Круглый год имеют бесплатные дачи, лечение в лучших санаториях. К их услугам специальные больницы и поликлиники, опекаемые лечебно-санитарным управлением Кремля. После определенного возраста облысевшего и раздувшегося молодца или дебелую, раздобревшую, широкозадую бабу переводят в аппарат ЦК партии, в Совет Министров, но обязательно руководить. За бездеятельность — рафинированное тунеядство — уволить их невозможно. Они автоматически пожизненно прикреплены к категории номенклатурных работников. Самых бездарных посылают учиться в республиканские партийные школы. Более способных направляют в Москву, в Вишняки, в Центральную комсомольскую школу⁸. Секретари горкомов, обкомов КПСС и ЛКСМ учатся в высшей партийной школе при ЦК КПСС. Работники иерархического аппарата обеспечены комфортабельными квартирами. Когда они едут *"проветриваться"* в командировки, чаще всего для *"обмена опытом работы"*; проезд оплачивается в мягком вагоне, а секретарям ЦК — в международном. Секретари ЦК партии союзных республик и первые секретари обкомов партии имеют персональный салон-вагон, личную службу, первые секретари ЦК до недавнего времени — персональные самолеты.

Однажды ко мне зашла жена В. К. Круминьша⁹, первого секретаря ЦК ЛКСМ Латвии:

— Я с детьми собираюсь на машине поехать в Латгалию, навестить родственников. Выпишите мне 300 литров бензина!

— Пожалуйста, подпишите заявку у второго секретаря ЦК, товарища Александрова, он ведает кредитами.

Покраснев, Круминьш сказала, что Александров отказался выполнить ее просьбу.

— В таком случае, я ничем не могу вам помочь.

Круминьш направилась к заведующей организационным отделом Татауровой¹⁰. Рыжая, заляпанная веснушками женщина через курьера попросила срочно к ней зайти.

— Немедленно оформите товарищу Круминьш за счет ЦК 300 литров бензина!

— Наш отдел вам не подчиняется. Ваша подпись для бухгалтерии не действительна.

— В таком случае, мы вас уберем из ЦК.

— Можете пугать, угрожать, но требование на бензин без подписи товарища Александрова оформлять не стану, тем более, что на заявлении тов. Круминьш имеется резолюция: "В бензине отказать! А. Александров".

В коридоре жена Круминьша громко сказала:

— Ты жадный, потому что — еврей. Почему ты, дурак, жалеешь бензин? Ты его пьешь? Он твой собственный?

Попросил ее оставить меня в покое. Разъяренная баба вторично побежала к рыжей Татауровой. От злобы у члена ЦК даже веснушки загорелись, как маленькие лампочки на рождественской елке.

О происшедшем инциденте рассказал Александрову.

— В обиду тебя не дам, все делаешь правильно, — ответил он.

Вилис Карлович Круминьш два месяца отдыхал в Крыму, приехал загорелый, раздобревший. По-русски говорит с сильным акцентом. У него в кабинете состоялось первое знакомство:

— Жену мою выгнал? Отказался выдать казенный бензин? Живешь в Латвии, работаешь в аппарате ЦК, а язык отказываешься учить? Подавай заявление об уходе по собственному желанию. Не напишешь, все равно уволим, у нас тебе больше не работать.

— Заявление писать не буду.

— Твое поведение обсудим на бюро ЦК ЛКСМ. Сегодня же подготовлю "служебную записку". Должность заместителя заведующего финансово-хозяйственного сектора будет аннулирована.

Бюро в пять минут решило мою судьбу. В распоряжении было сказано:

"Гендлина Леонарда Евгеньевича освободить от занимаемой должности в связи с ее временным упразднением".

Я поехал в Москву, записался на прием к первому секретарю ЦК ВЛКСМ. Принял заведующий организационным отделом Гоцеридзе¹¹.

— Пошлем тебя третьим секретарем обкома комсомола в Магадан? Согласен?

— Когда выезжать?

— Погуляй недельку, осмотришься, походи по театрам, гостиницу и командировочные оплатим.

Через неделю снова захожу к Гоцеридзе:

— Магадан отпал. Есть место в Южно-Сахалинском обкоме. Климат там тяжелый, но зато платят "северные", набегит прилично. Три года отработаете, получишь шестимесячный, оплачиваемый полным рублем, отпуск. Ну, как будем оформлять?

— Готов выехать хоть сегодня.

— Зайди через недельку, торопиться некуда!

Пролетела неделька.

— Не везет тебе, старина, — сокрушенно покачав головой, играя в участие, проговорил Гоцеридзе. —

Нам сообщили, что на Сахалине штат полностью укомплектован. Имеется одно место в Якутске, хочешь?

— Хочу в Якутский обком, хочу на Марс, хочу на Луну! А лучше всего, вместе с вами готов ехать в областной комитет комсомола ПРЕИСПОДНЕЙ, говорят, там имеются вакантные места!

Об этом диалоге узнал весь многошерстный аппарат ЦК ВЛКСМ.

Меня принял любимец Сталина, наместник советского комсомола Николай Михайлов^{1 2}.

— Наслышался про тебя, товарищ Гендлин! Говорят, парень ты неплохой, только шуметь любишь, в амбицию лезешь? Тебе предложили приличное место в Якутске, а ты взял, да отказался!

— Не хочу больше работать на комсомольской работе. Хватит!

— Плакать не будем, скатертью дорожка, — ответил Михайлов.

Когда я вышел из мрачно-серого здания, мне захотелось пойти в Сандуновские бани, попариться, навсегда очиститься от комсомола. После бани почувствовал себя обновленным, заново родившимся человеком. Из бокового кармана пиджака достал серенькую книжку с изображением лысого Ильича.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ № 11487596 без сожаления разорвал на мелкие кусочки и вместе с учетной карточкой пустил по ветру.

Я перестал принадлежать к филиалу партийной организации. И вот уже где-то совсем рядом начал ощущать долгожданную, но пока все еще *робкую свободу*.

1. Калнберзин Я. Э. род. в 1893 г. Член КПСС с 1917 года. Его сестра работала в Центральном универмаге. Совершила растрату. Во время следствия повесилась. Калнберзина сняли со всех постов, отправили на пенсию.

2. Лацис В. Т. Больше известен, как писатель. Поддерживал режим Ульманиса. Многие его произведения, написанные в "старой, доброй" Латвии, в советское время не переиздавались. Девятнадцать лет был председателем Совета Министров Республики.

3. Кирхинштейн – председатель президиума Верховного Совета Латвийской ССР, профессор-микробиолог, академик Латвийской ССР. Яркий националист. Возглавлял "делегацию трудящихся", которая прибыла в Москву на поклон к Сталину с верноподданнической просьбой о "воссоединении" Латвии с Советским Союзом. В преклонном возрасте влюбился в молодую красивую актрису Велту Лине, которую заставили стать женой престарелого ученого – общественного деятеля.

4. Критик-публицист Елена Розанова продолжает торговать своим ремеслом. Работает в рижской вечерней газете "Ригас балс", выходит ежедневно на русском и латышском языках, народ называет газету "Сплетницей".

5. Александров А. Н. до больших чинов не дослужился. Работает зав. отделом ЦК КП Латвии. Мастер по шахматам.

6. Андерсон А. Я., второй секретарь ЦК КП Латвии. Начисто задушил свободу в республике. У него в подчинении вся идеология: литература, театры, музыка, живопись, радио, телевидение.

7. Много лет в ЦК ЛКСМ работал еврей "местного значения" Александр – помощник первого секретаря.

8. Центральная комсомольская школа находится в пригороде Москвы. Там сооружен целый комплекс зданий. К услугам курсантов первоклассные профессора – филологи, искусствоведы, философы, литературоведы и прочие веды. Отличная кухня. Стипендия 160–200 руб., в зависимости от занимаемой должности.

9. Круминьш В. К. снят за морально-бытовое разложение. На правительственной даче устроил своеобразный гарем. Его дело попытались замять, ведь он многие годы был депутатом Верховного Совета.

10. Татаурова заведовала отделом ЦК КП Латвии.

11. Гоцеридзе. Несколько лет работал в аппарате ЦК партии Грузии, в "правительстве" Мжаванадзе, курировал отдел административных органов: КГБ, милицию, "правосудие". Дальнейшая судьба его неизвестна.

12. Михайлов Н. А. – главный редактор газет "Правда", "Комсомольская правда". 1938–1952 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ. С октября 1952 года – секретарь ЦК КПСС, с марта 1953 – первый секретарь МК КПСС. В марте 1954 назначен послом в Польшу, затем посол в Индонезии. Поссорился с доктором Сукарно, который хотел посмотреть советский фильм, а Михайлов не разрешил. Далее – ми-

нистр культуры, председатель государственного комитета по печати. Отправлен на пенсию, имеющийся фонд бумаги спустил на выпуск 300 томов Библиотеки Всемирной литературы. Дочь вышла замуж за сына Бобровникова, бывшего мэра Москвы. Так в СССР создаются партийные династии, и дети чаще всего идут по стопам родителей, только бы занять соответствующий пост.

*Сын автора Женя — солдат израильской армии.
1977 г.*

ЗАПОЗДАЛАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

В конце ноября 1956 года я поехал в Тарусы к Паустовскому¹. В подарок привез несколько пачек цейлонского чаю, его любимый хлеб лаваш, крымское сухое вино. Ночью мы долго не могли заснуть. Константин Георгиевич спросил:

— Вы спите?

— Нет, — ответил я.

— Сегодня настоящий мороз. Выпал снег. В лесу сейчас покойно. Пойдемте гулять? Оденьте валенки, у меня имеются запасные.

Мы вышли на улицу. Таруса безмятежно спала. Где-то протяжно лаяли собаки. Пронзительно, призывая подруг на ночной шабаш, кричали столь непостоянные в любви петухи.

— Леонард, — проговорил хрипло Константин Георгиевич, — мы знакомы двадцать семь лет. В дружбе нашей не было трещин. Вы всегда были верным товарищем.

Я впервые увидел писателя таким взволнованным. Мы медленно ходили по зимнему, освещенному лунным сиянием, зимнему лесу. Совсем рядом пробежала лиса. Остановилась. Недоуменно посмотрела на нас маленькими глазками, повертела пушистым хвостиком и засемила по спешным делам. Дружески приветствовали нас добрые, отзывчивые синички. Я пил лесной воздух. С К.Г. было тепло, радостно, легко. Он научил меня любить, понимать и с уважением относиться к природе.

— На днях, — продолжил Паустовский, — я вернулся из Латвии. Работал в Доме Творчества в Дубултах. В Риге навестил вашего отца. Евгений Исаакович очень плох. Боюсь, что он не жилец на этом свете. Его умные глаза потускнели. Е. И. меня не уз-

нал. Только когда уходил, из его глаз поползли слезы. Всегда буду помнить наше безмолвное прощание.

Паустовский задумался. После длительного молчания он сказал:

— Срочно подавайте на реабилитацию, сейчас как раз пришло время. Заявление отнесите в прокуратуру СССР, если нужно будет, пойду с вами.

Шестого декабря мы с женой поздно вечером позвонили в Ригу. Мама сказала, что с отцом плохо. На другой день мы были в Риге. У Е. И. началась агония. На какое-то мгновение его лицо озарило сознание. Он шевельнул правой рукой, приподнял голову и еле слышно промолвил:

— Детки... бросайте все... скорей уезжайте... в Палестину...

Через сутки его не стало. После стольких страданий его **ДУША, НАКОНЕЦ, ПОЛУЧИЛА ВЕЧНОЕ УСПОКОЕНИЕ**. "Дело" Евгения Исааковича Гендлина, которое тянулось за ним всю жизнь, — **ПРЕКРАТИЛОСЬ**, но не **ЗАКОНЧИЛОСЬ**. С грифом "Вечное хранение" оно отправлено в подвал, обитый металлом, архив Комитета Государственной Безопасности.

Мы написали заявление на имя генерального прокурора относительно посмертной реабилитации отца. В приемной меня принял дежурный прокурор Орловская. Эта высокая, седая женщина с жадностью затягивалась папиросами. Так курили только заключенные. Разговорились.

— Меня арестовали в 1937 году, — сказала Елизавета Владимировна. Выпустили в 1955-ом. Муж расстрелян. Остался единственный сын Олег. Где он, не знаю. Во время ареста ему было шесть лет.

— А если начать его поиски?

Женщина благодарно улыбнулась.

— Имеется ли хоть малейшая надежда на реабилитацию отца? — спросил я.

— Пока трудно что-либо сказать. Оставьте открытку, звоните один раз в месяц. Надеюсь, что будет все хорошо.

Я начал поиски Олега Орловского, которому было 27 лет. В успех почти не верил. Но вся наша жизнь построена на парадоксах. Случайно нашел заведующую детским садом, куда был определен маленький Олег. Она сказала, что после ареста матери мальчика направили в Черкизовский детский дом (в то время окраина Москвы). Оказалось, здание детского дома давно снесено. Поиски оборвались. Подготовил передачу для радио. Это была одна из последних передач с оттенками наступившей и так быстро ушедшей "в никуда" "оттепели". Мы просили отозваться радиослушателей в возрасте 27 лет с фамилией "Орловский". Через две недели первые отклики. Сотни писем пришли в адрес Всесоюзного радио. Незнакомые люди делились своими радостями и печальями, приглашали в гости на крестины, свадьбы, юбилеи. В руках у меня заветная пачка писем, адресаты "Олеги Орловские", обратные адреса: Киев, Чита, Минск, Одесса, Челябинск, Саратов, Воркута, Магадан, Владивосток. География самая разнообразная. Наугад посылаю три заказных авиа-письма в Минск, Читу, Владивосток. Журналистов редко подводит интуиция. Дней через пять — ночной телефонный звонок из Читы. Близкий и в то же время далекий голос спрашивает:

— Квартира корреспондента радио?

— Да, — ответил я взволнованно, предчувствуя свершившееся чудо.

— С вами говорит Олег Орловский. Пожалуйста, объясните смысл ваших розысков?

— Прошу ответить на несколько вопросов. Где вы родились?

— В Москве.

— Имя и отчество вашей мамы?

— Елизавета Владимировна.

— После того, как вашу бабушку увезли в больницу, где вы находились?

— В Черкизовском детском доме.

— Поздравляю вас, Олег, мама ваша жива и здорова, запишите ее домашний адрес и номер телефона. Помните, что ее нельзя волновать, она слишком много пережила.

— Постараюсь через день-два быть в Москве. Вы вернули мне нечто огромное, необъяснимое, понимаю, что никакие слова благодарности не могут выразить вам мою душевную признательность.

К нам домой приехала Орловская. Она принесла букет первых весенних цветов. По выражению ее лица мы поняли, что она принесла добрую весть. Сердце сильно забилося. Сколько лет я ждал этого часа???

— Как я рада за вас, — сказала она таким обыденным, тихим, материнским голосом, — ваш отец-многострадалец посмертно реабилитирован. Все в прошлом предъявленные ему обвинения — сняты, как необоснованные.

Позвонили в Ригу. Обрадовали маму и сестру. Сообщили всем нашим друзьям, близким, знакомым.

Заместитель председателя Верховного Суда СССР Морозов вручил нам с женой справку о реабилитации. Грозный страж закона сказал:

— Ваш отец замечательный человек. Вы можете им гордиться. На протяжении всей своей жизни он оставался кристально честным...

Сплошной шаблон. Как не вспомнить мемуары Эренбурга "Люди, годы, жизнь", где он пишет о реабилитации Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Вечером в нашей квартире мы устроили торжественный ужин. Подняли бокалы за трехмесячного сына Женечку, за свободную Россию, за Израиль, куда так стремились наши сердца и души.

1. Паустовский К. Г. (1892–1968). Автор книг "Повесть о жизни", "Золотая роза", "Потерянные романы", "Дым отечества" и других. Похоронен в Тарусах. Тысячи людей приехали с ним попрощаться. На траурном митинге Виктор Шкловский сказал:

"Константин Георгиевич один из самых больших писателей последнего пятидесятилетия. Он многое хотел нам сказать, но не успел. Вина не только эпоха и злое лихолетье, во многом повинны мы сами. Не будем плакать, сожмем кулаки. Время взрывает горы, изменяет русло рек, накладывает на лица людей складки морщин. Время позволит напечатать все что ты писал в стол!"

*К. Паустовский и Р. Фраерман в Тарусах, 1964 г.
Фото автора.*

У МЭРА МОСКВЫ

В каждом райисполкоме Москвы имеется отдел по распределению жилой площади. После того, как мы получили комнату в полуподвальном помещении старого, ветхого дома, нашу семью сняли с очереди "на улучшение жилищных условий". Мать жены впервые получила документ, что она принята на учет по предоставлению жилой площади в 1939 году. И вот мы с женой и сыном выбыли из благодарственного лотерейного списка. Мы писали заявления, нас принимали мрачные, с дежурными улыбками, депутаты районных и городских советов, секретарь и председатель Киевского райисполкома. Писали и в ЦК КПСС. Все вежливо выслушивали, в знак сочувствия кивали головами, но никто ничего не делал.

По заданию АПН¹ я отправился на интервью в Московский Совет к мэру столицы — Николаю Ивановичу Бобровникову. Жена уговорила воспользоваться редкостным случаем и поговорить с хозяином Москвы относительно жилья. Но такая "беседа" могла мне выйти "боком". Использование служебного положения в корыстных целях запрещено. Достаточно телефонного звонка руководству АПН, и журналист, нарушивший "кодекс", выбрасывается за борт.

Много лет председателем Моссовета был Михаил Алексеевич Яснов. Век свой он доживает в кресле председателя президиума Верховного Совета РСФСР. По существующему положению, мэр Москвы автоматически избирается в депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР. Выбираю из колодца памяти одно предвыборное собрание избирателей. На трибуне в импортной, отутюженной тройке долговязый Яснов:

— Мы знаем, дорогие товарищи труженицы, что у

вас нелегкая жизнь. Постараемся ее облегчить. Обещаем вам строительство жилищного многоквартирного массива. Вот решение (Яснов потряс какой-то бумагой, на которую жадно смотрели женщины-работчие, женщины, пришедшие на эту фабрику в 13-14 лет) Московского Совета, Московского городского комитета партии и ЦК КПСС о размещении в вашем районе демобилизованных солдат и сверхсрочников в количестве 20.000 человек (можно подумать, что речь идет о поголовье скота).

Уверен, что ни один гастролер мира ни Шаляпин, ни Рахманинов, ни Чарли Чаплин, ни Карузо, ни Софи Лорен с Элизабет Тейлор не видели на своем веку таких аплодисментов. Толпа женщин от переполнившей радости стала бесноваться. Послышались истерические выкрики:

— Ура, Моссовету!

— Да здравствует и пусть живет долгие годы верный ленинец, товарищ Яснов!

— Ура родному Ленинскому КПСС!

— Слава Никите Сергеевичу Хрущеву, верному борцу за справедливость!

Размещение в городе солдат означало новые семьи, материнство, неизведанное, *долгожданное пробуждение большого чувства*. Толпа работниц всех возрастов ринулась к трибуне. Милиция и солдаты не смогли сдержать возбужденную толпу. Обезумевшие женщины схватили перепуганного насмерть долговязого мэра и начали кидать его вверх. Из соседнего района очень скоро прибыли отряды милиции и солдаты местного гарнизона. Новоиспеченного депутата с трудом вырвали из железных объятий. Какая-то беззубая старуха, проглатывая комочки смеха, крикнула:

— Бабоньки, смотрите, кто-то нашему депутату пинжак весь порвал!

— Вот жене будет работа, — завопила другая, — у него на жопе дырища больше головы.

Женщины миролюбиво спорили:

— Неужто его баба шить будет? Враки! У них, в Кремле, под мавзолеем целый склад тряпья, английского, американского, французского, какого хочешь и все дармовое...

За счет директорского фонда на площадь выкатили бочки с вином и пивом. Лихие гармонисты в смазных сапогах, плисовых штанах, поддевках и красных шелковых рубашках подбадривали общее веселье. Загудели бабы-текстильщицы. В вине глушили тоску и одиночество, в танцах до упада пытались найти душевное успокоение, хоть на мгновение, побороть печаль и боль многострадального женского сердца.

Вечером нарядный, чисто выбритый диктор Центрального телевидения Кириллов, читая "Последние известия", произнес торжественно-бравурным баритоном:

— Вы видите на голубом экране ликующих советских людей на предвыборном собрании в орденоносном Подмоскovie. Так советские текстильщицы встречают своего народного избранника, кандидата в депутаты Верховного Совета товарища Яснова...

Прошло четыре года.

По журналистским делам я снова попал в тот же район писать репортаж о художественной самодеятельности. Мое пребывание совпало с предвыборным собранием. Та же центральная площадь с памятником слегка облезлого Ленина, та же трибуна обтянута красно-бархатным плюшем, те же бочки с цветами и те же упитанные секретари районного и городского масштаба, тот же, почти не изменившийся, продолговато-долговязый Яснов. Только на сей раз изменилась толпа. Она стала другой, настороженно-выжидательной. Зычным голосом председатель собрания торжественно произнес:

— Я с огромной радостью предоставляю слово выдающемуся государственному деятелю, нашему до-

рогому кандидату в депутаты Верховного Совета СССР товарищу Яснову Михаилу Алексеевичу².

В ответ раздались жидкие аплодисменты. Аплодировали в президиуме: работники горкома, райкома, милиционеры, солдаты, дружинники, гебисты.

Толпа женщин молчала.

Самодовольно-растерянный Яснов подошел к микрофонам. Зацелкали камеры кинооператоров и фоторепортеров. Как и в прошлый раз, он держал в руках заранее заготовленный текст речи. Полились из глотки депутата слова обросшие четырехлетней бородой:

— Мы знаем, дорогие товарищи женщины, что у вас сложная жизнь. Мы постараемся ее облегчить. Обещаю строительство...

Разъяренная толпа не дала ему закончить. В президиум полетели яйца, гнилые яблоки, камни, помидоры, соленые, набухшие от долгого "хранения", огурцы. Милиционеры стали хватать разбушевавшихся женщин, вталкивали их в грузовики, которые в таких случаях всегда стоят наготове. Началась потасовка. Вот где нужен был Эйзенштейн для снятия народных массовых сцен.

Толпа смолкла. На трибуну поднялась ткачиха Раиса Коноплева:

— Ты, Яснов, обещал нам райскую жизнь, клялся именем ЦК КПСС, что принято решение построить жилищный массив, что в нашем районе ты разместишь демобилизованных солдат и сверхсрочников. Твои обещания остались на поверхности твоего бесшабашного шершавого языка. А мы, дуры, тебе поверили! Мне тридцать пять, а я еще ни разу не целованная. Пойми, мне мужик нужен, я ласки хочу. Детей надобно рожать. Ты, Яснов, по цехам фабрики пройди, загляни в обеденный перерыв в сортиры, посмотри, как там бабы с бабами по углам срамными делами занимаются. А ты, здоровенный кобел, снова обещаешь нам золотые горы. Лучше скажи, куда

ты совесть свою дел? Я официально заявляю, что отказываюсь за тебя голосовать и всем нашим бабам предлагаю забаллотировать твою кандидатуру. Во всех газетах написано, что выборы у нас добровольные и по-дружески тебе советую в нашем районе больше не появляться. А то плохо будет — з а г р ы - з е м !

Власти не решились в такой день арестовать Коноплеву, лучшую работницу-многостаночницу, награжденную орденом Ленина.

Ткачихи продолжали кричать :

— Бабы, не пойдем голосовать за такую сволоту!

— Бабы, будем бастовать!

— Долой выборы, они насквозь фальшивые!

— Долой Хрущева!

Нарядные трибуны превратились в дрова.

За Яснова проголосовало 15%. Поскольку выборы "тайные", непроверяемые народом, а "доверенными лицами", никто не знает, сколько человек проголосовало за того или иного депутата. Центральная избирательная комиссия, как всегда, показала результат — 98,5%.

Три дня не выходили на работу ткачихи текстильного комбината.

Яснова сместили. Он стал депутатом другого района, где его не знали. Должность в Моссовете унаследовал его первый заместитель Николай Иванович Бобровников.

Помощник председателя попросил ознакомить его с текстом предстоящей беседы с мэром Москвы.

— Неужели в АПН нельзя найти бумагу лучше? — зло проговорил помощник. — Николай Иванович может рассердиться и не завизировать. Вторично вы к нему уже не попадете.

Проект предполагаемой беседы я напечатал на обыкновенной бумаге. Откуда нам было знать, что

качество бумаги может вызвать полемику? Затем "беседа" перекочевала к референту по общим вопросам, затем ее недоверчиво повертел в руках товарищ Зайцев, первый заместитель товарища Бобровникова...

В кабинете мэра свободно можно разместить пять семей. Высокий, здоровый, мордастый, с лицом молотобойца и бывшего крестьянина — Николай Иванович бегло читает "беседу", отпечатанную на "слоновой" бумаге. Он переставляет одно слово и просит помощника отправить "беседу" в секретариат для перепечатки в семи экземплярах.

— Николай Иванович, — осторожно начал я, — разрешите обратиться по личному вопросу?

— Обращайтесь! — милостиво разрешил московский удельный партийный князь, — предупреждаю, если насчет жилья, я такой, что могу и оборвать, да вдобавок выгнать.

На нервной почве ощутил сильные боли в желудке.

— Николай Иванович, позвольте пройти в туалет?

Бобровников вельможно кивнул подстриженной под бобрлик головой.

Личный туалет мэра Москвы размещен рядом с комнатами отдыха — царскими палатами. Попробую его описать. Сидение сделано из самого благородного металла, говорили, что из белого золота. По специальным трубам идет благоухающий воздух-запах. На резных, ажурных, из красного дерева полочках — флаконы с французскими духами "Котти". Когда вышел из царского сортира, Бобровников участливо спросил:

— Ну что, полегчало?

— Да, спасибо, туалет у вас отменный. Находиться там — одно удовольствие.

Бобровников осклабился, видно, туалет был его *личной гордостью*.

— Даже у Никиты Сергеевича Хрущева такого нет, — хвастливо заметил он. — Из-за этого у него на

меня зуб. — Бобровников засмеялся. Это был смех здорового, довольного жизнью и преуспевающего человека.

— Ну, ладно, давай скорей твой вопрос, а то мне некогда, нынче к Микояну на день рождения собираюсь.

— Нашу семью в райисполкоме сняли с очереди, мы замерзаем в полуподвальном помещении, живем в сырости, часто болеем воспалением легких. Жилье наше находится в аварийном состоянии и не подлежит ремонту.

— Так и быть, пиши заявление на мое имя. Иди в секретариат, там тебе помогут его составить, отредактируют и напечатают.

Исправленную "беседу" Бобровников завизировал. Из ящика письменного стола он достал объемный конверт.

— Беседу нашу рекомендую проиллюстрировать моим портретом, — скромно сказал Николай Иванович. — Есть большая фотография, я снят рядом с Юрием Долгоруким³. Она была опубликована в журнале "Советский Союз".

Немного подумав, мэр вынул две фотографии, одну для журнала АПН "Край Рада"⁴, а на второй просто расписался:

— Дарю на память, от мэра Москвы. Береги ее, не всем посетителям вручаю свои фотографии, да еще с подписью!

Вмешательство Бобровникова⁵ подействовало. Нас восстановили в очереди. Начались ежедневные хождения на Кутузовский проспект в отдел распределения жилой площади. Прокуренные, заплыванные комнаты. Заведующий — безликий чиновник Паршинцев, которого за глаза называют "Паршивцев", во время первой встречи вяло проговорил:

— В отдел нечего ходить. Мы не птицеферма, квартирного инкубатора у нас нет. Время придет, вызовем ПОВЕСТОЧКОЙ. (Обратите внимание на это

слово: повестка в суд, повестка в КГБ, повестка в прокуратуру, в военкомат, в милицию и повестка на получение квартиры...)

Инспекторами служили бесплатно... за квартиру, отставные вояки — в основном, бывшие комиссары-политработники, интенданты-хозяйственники: полковники, подполковники, майоры, капитаны, — прочую мелкоту не принимали: здесь нужны чины, чем больше чин, тем больше почтения. Полковник-инспектор мне однажды сказал:

— Приди через недельку.

Полковник по "секрету" сообщил, что имеется решение выдать нашей семье ордер на квартиру, но все будет зависеть "лично от товарища Паршинцева". Прорываюсь к начальнику отдела. С посетителями он разговаривает стоя, тем самым дает понять о чрезмерной занятости и неприкосновенной величественности. Хмуро посмотрев на нас, начальник процедил сквозь зубы:

— Кто вы есть такие? Почему мы должны дать вам изолированную квартиру? Ничего не произойдет, если несколько годочков поживете в общей. Вот в Африке люди в пещерах живут и там некому жаловаться! Нельзя, товарищи, чуждаться людей. Мы с вами строим социалистическое общество, в котором не будет никаких разделений, это еще сказал видный марксист, товарищ Энгельс, его слова закрепил коммунистическим манифестом последователь и продолжатель его дела, товарищ Карла Маркс! Вот смотрите, помощник районного прокурора, и то без квартиры ходит. Понятие надо иметь, товарищи, входить в положение государства.

— Мы на вас будем жаловаться, — повысив голос, сказала жена.

— Не хулиганичить здесь, а то мы живо оформим обоих с ходу в каталажку на 15 суток, — крикнул по-собачьи Паршинцев.

Мы написали письмо первому секретарю МК КПСС Егорычеву. Сбоку на конверте поставили слово "лично". Дня через три около нашего домика приземлились две черные правительственные "Волги". В комнату без стука вошло несколько хорошо одетых людей. Из-за тесноты им было трудно повернуться.

— Мы из московского комитета партии, по поручению товарища Егорычева, — сказал один из товарищей. — Вам, товарищ Гендлин, вместе с женой придется с нами поехать.

Теща по-старушечьи запричитала. Ей вторила жена. Заплакал крошечный сын.

— Товарищи, как вам не стыдно? Вы же взрослые люди! Вы вернетесь через два часа, — проговорили дяди-борцы из МК КПСС.

Слова на тещу не подействовали, она стала собирать в рюкзак белье, теплые вещи, продукты, лук, чеснок.

Машины окружили соседки, которым всегда до всего есть дело. Послышались сочувственные возгласы:

— Черный воронок нонче "Волгами" заменили?

— Такой парень тихий, никого не обижал, вежливый, обходительный. Небось, годков пять подкинут?

— Интересно знать, куды повезуть? На Лубянку в подвал, или же в Лефортово? Там, говорят, под землей цельный город настроили, даже трамваи особенные ходють!

— Знамо дело, ихнего брата, журналистов, да ученых разных пихають в Бутырскую тюрьму, сказывали, что там сто тысяч могут разместить... Во как!

Самые дотошные справлялись у шоферов, по каким дням можно нести передачи заключенным. А те только отмахивались, делали вид, что читают газеты.

МГК КПСС.

Егорычев принял дружелюбно.

— Сейчас приедут деятели из Киевского райисполкома. Письмо ваше меня огорчило.

Секретарь доложила, что в приемной находятся заместитель председателя Киевского райисполкома Мягенький и заведующий распределением жилой площади Паршинцев.

— Пусть войдут!

Высокий, седой, с плутоватыми глазами Мягенький абсолютно не соответствовал своей фамилии. Это был жесткий, злой, малообразованный чиновник. Вызванные по-холуйски, с подобострастием поздоровались с начальством. Не узнав меня с женой, долго, обеими руками трясли наши руки.

— На каком основании отказали в квартире товарищу Гендлину? — строго спросил Егорычев.

Райисполкомовский дуэт переглянулся. Мягенький весь удар принял на себя.

— Свободных квартир в районе еще недостаточно. Прокурор просит предоставить вне очереди квартиру своему помощнику.

— Сколько лет помощнику прокурора?

— 26.

— Какая у него семья?

— Пока он один, но, возможно, скоро женится, тогда появится пополнение — мальчики и девочки.

— Как его фамилия?

Мягенький замешкался:

— Видите-ли, помощник прокурора стажер, он... сын районного прокурора. Такому начальству нельзя отказать в просьбе. Товарищ Гендлин, как очередник, пусть немного подождет. Москва 800 лет отстраивалась. Мы ему предоставим отличную квартиру через два-три года.

Егорычев внимательно посмотрел на своих собеседников, затем вызвал помощника и стенографистку. Он продиктовал распоряжение-рекомендацию о снятии с работы Мягенького и Паршинцева, а нашей семье немедленно предоставить квартиру.

На другой день мы получили ордер на квартиру. Шел проливной дождь. Мы с женой побежали в нотариальную контору снять копию с ордера, на такси понеслись в свою квартиру, в которой нам довелось прожить почти двенадцать лет.

Паршинцева сняли, исключили из партии, его осудили за продажу квартир. Мягенького выгнали из райисполкома, назначили заместителем начальника управления кинофикации города Москвы. Когда на экраны вышел документально-художественный фильм Михаила Ромма⁶ "Обыкновенный фашизм", Мягенький отдал распоряжение демонстрировать картину только в отдаленных кинотеатрах. Режиссер позвонил Романову⁷, возглавителю советской киноиндустрии, и написал резкий протест в ЦК КПСС. Оказалось, что Мягенький проявил "личную инициативу", он считал, что *фашизма никогда не было, нет и не будет*. Его уволили. По партийной линии объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Теперь он директор кладбища.

1. АПН – Агентство печати "Новости", специально разветвленный орган КГБ и ЦК КПСС. Первый генеральный директор Бурков снят за аморальное поведение. В прошлом был главным редактором газет "Московская правда" и "Труд".

2. Яснов – член КПСС с 1925 года. Член президиума Верховного Совета РСФСР, председатель комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, член МК и член бюро МГК КПСС.

3. Памятник князю Юрию Долгорукому сооружен напротив Моссовета на улице Горького (быв. Тверская).

4. "Край Рада" – журнал на польском языке, выходит ежемесячно, издает АПН. Фото Бобровникова находится в архиве автора.

5. Мэр Москвы Н. И. Бобровников был замешан в крупной афере по продаже квартир. В этом щекотливом деле ему помогал начальник московского городского управления по распределению жилой площади Семин Валентин Петрович, который когда-то работал секретарем парткома киностудии "Мосфильм". Семин сняли и направили... первым секретарем Бауманского райкома партии. Бобровникову крупно

повезло, он отделался легким испугом и продолжает занимать крупный пост в государственном аппарате.

6. Ромм М. И. (1901–1971). Кинорежиссер, драматург, профессор ВГИКа, теоретик киноискусства, нар. артист СССР.

7. Романов освобожден от должности руководителя советской киноиндустрии, он редактор газеты "Советская культура".

*На съемках фильма "Наш Пушкин".
Михайловское, 1970 г.*

ЗНАКОМСТВО С МИХАИЛОМ СУСЛОВЫМ

Прошло семь лет со дня окончания "дела" врачей. Миллионы людей считали, что за "оттепелью" наступит долгожданная весна, которая будет длиться годами. Илья Эренбург написал повесть "Оттепель", Александр Твардовский в "Новом Мире" напечатал рассказы Солженицына и его повесть "Один день Ивана Денисовича". В Москве открылись новые театры: "Современник", Театр на Таганке под руководством Юрия Любимова, Театр на Малой Бронной. На "Мосфильме" Андрей Тарковский поставил "Иваново детство", — самый правдивый фильм о Второй мировой войне, он с фанатичной увлеченностью приступил к работе над летной "Андрей Рублев" — о судьбе знаменитого русского иконописца. Михаил Калатозов удивил мир фильмами "Летят журавли" и "Неотправленное письмо". Стоя приветствовали бывшие каторжане, узники советских концлагерей, Григория Чухрая, создавшего фильм "Чистое небо". После долгого забвения, на прилавках книжных магазинов буквально на пять минут появились книги А. Ахматовой, М. Зощенко, А. Веселого, О. Берггольц, С. Третьякова, А. Белого, М. Цветаевой, Б. Пастернака. В поэзии раздались новые голоса — Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, И. Бродского, Р. Рождественского, Ю. Мориц. Художники перестали писать портреты вождей, виды Кремля, знатных людей. Открылись выставки М. Сарьяна, И. Глазунова. Из Парижа были привезены работы Шагала, Пикассо, Серебряковой,

из Индии полотна Святослава Рериха. В свою мастерскую стал приглашать ваятель Эрнст Неизвестный.

Вышли монографии о Соломоне Михозлсе, Всеволоде Мейерхольде, Александре Таирове.

У памятника Маяковскому, на площади его имени, юноши и девушки по вечерам читали стихи любимых поэтов, устраивали дискуссии посвященные острейшим вопросам современности.

В репертуар симфонических и камерных оркестров дирижеры включили "забытые" произведения С. Прокофьева, Д. Шостаковича, И. Стравинского, Баха, Маяковского, Бриттена.

Из Америки на гастроли приехала труппа "Нью-Йорк Сити-Балет" во главе с Баланчиным. В Большом зале Консерватории неутомимые странники Игорь Стравинский и Артур Рубинштейн дали свои концерты. Вся Москва ломилась на выступления Менухина.

На экраны пришли ленты Антониони, Бергмана, С. Крамера, Феллини, Ренуара, Бардема, Клера...

Я начал поиски тех, кто причинил мне столько страданий. Приходили письма от ленинградцев, в роковые дни оказавших мне спасительную помощь. Пришли письма и от бывших узников БОЛЬШОГО ДОМА. Собрав необходимый материал, я написал личное письмо Н. С. Хрущеву. О его содержании знали самые близкие друзья. 15 февраля 1960 года я получил уведомление из секретариата Хрущева, что мое письмо "изучается". В конце месяца к нам приехал один из помощников Никиты Сергеевича — Бульонкин.

— Вы сотрудничаете в газетах и журналах, уж вам-то грешно писать и беспокоить уважаемых товарищей, членов советского правительства.

— У товарища Хрущева я для себя ничего не прошу. Категорически настаиваю на привлечении к уголовной ответственности государственных преступни-

ков, бывших работников КГБ, которые снова занимают руководящие посты, но теперь уже в гражданских учреждениях или же значатся в списках персональных пенсионеров СОЮЗНОГО значения.

— Все, что вы сообщили, доложим руководящим товарищам.

Через неделю приехал еще один "товарищ" из ЦК КПСС. Он с пафосом сообщил, что меня примет ЛИЧНО секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Сусллов.

— Я у него не добивался приема.

— Товарищ Сусллов, как секретарь центрального комитета партии, курирует идеологию. Товарищ Хрущев передал ему ваше письмо на заключение. Михаил Андреевич человек объективный, на партийной работе с 1931 года, а с 1944 — секретарь ЦК КПСС. Вы знаете, что его очень ценил Иосиф Виссарионович Сталин?

Перебил прыткого биографа Сусллова:

— Когда мне надлежит быть у товарища Сусллова?

— Желательно сегодня. Машина стоит во дворе, около вашего подъезда.

Мрачный, высокий, худой, окающий Сусллов произвел гнетущее впечатление. О многом могли рассказать его маленькие, злые глаза. Испытующе-ледяным взглядом он пытался меня изничтожить. Скрипуче-дребезжащим голосом проговорил:

— Хотите прослыть борцом за справедливость? Стать святым мучеником? Я бы на вашем месте не стал бы ворошить старые, покрытые плесенью дела.

— Михаил Андреевич, — вы не рекомендуете трогать пенсионеров, которые давно "НА ЗАСЛУЖЕННОМ"? — отпарировал я.

— А вы, оказывается, ежисто-колючий?

— Отказываюсь вас понимать! Если процесс не состоится и к уголовной ответственности не будут привлечены государственные преступники, о которых я написал товарищу Хрущеву, вы вынудите ме-

ня обратиться с заявлением к мировой общественности.

— Вы что, пришли в ЦК нас пугать? Мы сумеем найти на вас управу. Дадим задание министру здравоохранения произвести проверку вашего психического состояния.

Это был прямой намек на искусственную изоляцию.

— В таком случае мои дневники окажутся за границей. Я не хочу этого делать. Я миролюбивый человек и не могу понять, почему вы — секретарь ЦК КПСС защищаете палачей из КГБ? Почему вы хотите обледенить наступившую оттепель?

Суслов встал, он был похож на высохшую жердь.

Вошел вышколенный секретарь:

— Михаил Андреевич, вас просит к телефону министр культуры товарищ Екатерина Алексеевна Фурцева.

— Да, слушаю, — рявкнул Суслов¹. — Мы уже говорили вам, товарищ Фурцева, что советским людям не нужна выставка скульптур Неизвестного. В работах его начисто отсутствует эпохальность, героика, оптимизм. Нельзя пропагандировать одиночное, ущербное искусство евреев. Готовьте выставку русского скульптора Сергея Коненкова.

Суслов посмотрел на часы, потом обратился ко мне:

— Подготовьтесь, вас примет товарищ Никита Сергеевич Хрущев.

1. Сулову 78 лет, и он все еще секретарь ЦК КПСС по идеологии. Дважды Герой соц. труда. Приведу выдержку из статьи Павла Михалевского "Награждение Сулова", Русская Мысль, № 2924, 7.XII., 1972. Париж, Франция.

"...Но ведь Сулов сам был одним из творцов этого культа. Он энергично участвовал во всех "делах" Сталина. Со всей жестокостью он проводил сталинские чистки в Ростове, в Ставрополе, в Латвии. Он активно участвовал в ждановской кампании против писателей и артистов, усиленно атаковал Тито в 1948 году.

Он возглавил травлю блестящего экономиста, председателя Госплана Н. А. Вознесенского, получившего в 1948 году сталинскую премию за книгу "Экономика военного времени СССР". Вознесенский был арестован в 1949 году, по "ленинградскому делу" и казнен, по приказу Сталина, 30 сентября 1950 года."

На снимке Елена Стасова с космонавтом Титовым.

120 МИНУТ У ХРУЩЕВА

Мне предстояло говорить с первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета Министров — Никитой Сергеевичем Хрущевым¹. Неотступно преследовала мысль, связанная с биографией и деяниями этого человека: для чего с такими усилиями пробиваюсь к нему? И тут же возникал ответ: только он один — Хрущев в состоянии решить НЕРАЗРЕШИМОЕ. Мои раздумья прервал тучный Гапочка².

— Гражданин Гендлин (заметьте, не товарищ, а гражданин), товарищ Никита Сергеевич Хрущев вас ждет. Покажите портфель?

И вот я переступил порог кабинета главы советского государства, хозяина и повелителя все еще МЕЖДОУСОБНОГО царства Российского. Изысканная полированная мебель, на стене завешанная географическая карта, рядом указка из слоновой кости. Портрет Ленина, написанный маслом П. Васильевым³. Большой, но очень удобный письменный стол, рядом маленький столик с изогнутыми ножками. Сам похвалился, что бывший Екатерининский, на нем телефонные аппараты. Здесь светло, чисто, много воздуха. Хрущев поднялся из-за стола, подошел, отеческим тоном сказал:

— Пройдемте в комнату отдыха, там нам никто не помешает. Для нас как-будто уже накрыли стол. Думаю, что вы тоже проголодались? Время-то обеденное! Закусим, чем Бог послал, — улыбаясь, проговорил жизнелюбец-жизнеед Хрущев.

Выглядел он прекрасно. Здоровый, спелый румянец. Хорошо сшитый (работа знаменитого француз-

ского портного, для примерок ему предоставлялся специальный самолет) с голубоватым оттенком костюм придавал Н. С. некоторую молодцеватость. Вставные, ровные зубы его молодили. Белизна их отливала. Черные ботинки на высоких каблучках, изготовленные по специальному заказу, делали Хрущева чуть выше. Полированная лысина сверкала, как медный таз для варенья.

Когда мы сели за стол, пышущий здоровьем Хрущев прогнал служителей, предупредил секретариат, чтобы его не беспокоили:

— Справимся без этих оборотов? — проговорил он беззлобно.

Не буду подробно описывать изысканность закусок и вин, которыми потчевал себя и меня Никита Сергеевич. У незаконнорожденного сына украинского помещика был отличный вкус с замашками потомственного, хлебосольного барина. Он поил и кормил целые народы за государственный счет. Рабочие и крестьяне, как волы, работали денно и ночью, чтобы прокормить Никиту и его многочисленную партийную свору госаппаратчиков-бездельников и тунеядцев.

По тем пытливым взглядам, которые он изредка бросал, понял, что Никита Хрущев про меня все знает, что заготовленное досье им давно прочитано и изучено, и что он наверняка консультировался с компетентными лицами — товарищами. В первые минуты его обаяние передалось и мне, но, к счастью, до конца не захлестнуло.

Первым заговорил Хрущев, говорил интересно, перебарщивал шутками, остротами, не очень тонкими афоризмами. Мне кажется, что в нем пропало огромное комедийное дарование. Он мог бы прекрасно сыграть спившегося актера Шмагу или Аркашку в пьесах Островского "Без вины виноватые" и "Лес". После первой рюмки Хрущев спросил:

— Скажи откровенно, как отцу родному, какое на

тебя впечатление произвел товарищ Суслов?

— Впервые в жизни с ним разговаривал. Вы, Никита Сергеевич, знаете этого товарища несколько десятков лет, поэтому мне трудно что-либо сказать определенное. Удивило его миролюбивое отношение к государственным преступникам.

— Да, вы правы, он ярый сталинист, причем, злостный консерватор, — сказал Хрущев. — Поверьте, что мне тоже живется не так легко, как кажется со стороны.

В этой фразе уловил актерство, хитроумие, неприкрытую ненависть к сподвижникам-побратимам-соратникам. Если бы мог, сам их задушил, остался бы **ЕДИНСТВЕННЫМ ЗВЕРЕМ-ПОВЕЛИТЕЛЕМ**. Мечта самая сокровенная, замурованная на дне его недоброго сердца.

Хрущев задавал обыденные вопросы. Его все интересовало: мое отношение к поэтам Евтушенко и Вознесенскому; скульптору Эрнсту Неизвестному; писателям Паустовскому, Каверину, Некрасову, Твардовскому, Эренбургу, Яшину; композитору Шостаковичу; спросил, понравилась ли "эпопея" писательницы Серебряковой⁴, посвященная Карлу Марксу. После того, как закончилось прощупывание внутренней идеологии, перешли к главной теме. Поинтересовался здоровьем родителей. Посочувствовал смерти отца.

— Мне доложили, что Евгений Исаакович полностью реабилитирован. Мы постараемся переиздать его книгу "Записки рядового революционера", а также его статьи, дадим задание видным историкам подготовить объективное предисловие. Значит, мы, Леонард Евгеньевич, с вами договорились? Закрытый процесс состоится. Мы предложили прокуратуре Союза и Российской Федерации в кратчайший срок закончить расследование и представить нам свое заключение. К вам имеется просьба личного порядка, мы знаем, что вы — человек общитель-

ный, многих знаете, вас многие знают, прошу, — избегайте иностранных журналистов. Большинство из них — классовые враги. Будем считать этот вопрос нашим общим — *государственным*.

Я промолчал.

Хрущев спросил:

— Почему вы до сих пор не вступили в коммунистическую партию?

Отпарировал:

— Никита Сергеевич, а вы готовы дать мне рекомендацию в партию?

Хрущев умело перешагнул на другую тему.

Я ему рассказал, как мне предложили вступить в партию во время Второй мировой войны, и что из этого вышло.

Хрущев поправил:

— Не мировая война, а Отечественная, я тоже прошел войну, — мимоходом, хвастливо заметил он. — Евреи, как и все народы нашей страны, имеют право быть членами КПСС. Он назвал своего заместителя Дымшица, генералов Драгунского и Крайзера; кинорежиссеров Михаила Ромма и Романа Кармена; писателей Чаковского, Серебрякову, Долматовского⁵; доктора технических наук, шахматиста Ботвинника; актеров Жарова, Царева, Черкасова.

Ответил:

— Это же незначительный процент.

Хрущев:

— Почему евреи отказываются жить в Биробиджане, стремятся в Москву, Ленинград, Прибалтику, охотно поселяются на Украине, в Белоруссии, Молдавии?

— А где записано, что евреи непременно должны проживать в медвежьем углу, в холодном, неприглядном Хабаровском крае, где плохая земля, тяжелый климат, где нет университета, мало институтов, где недостаточно развита промышленность? Мне довелось несколько раз быть на Дальнем Востоке,

простите, но евреям там нечего делать.

Хрущев, впервые за время нашей продолжительной беседы, назвал меня по фамилии:

— Вы, товарищ Гендлин, оказывается, большой националист?

Не ведая, он сделал мне самый большой комплимент.

— Я обыкновенный человек! Люблю свой народ, горжусь им и всегда буду отстаивать его права.

— Собираетесь стать вторым Эренбургом?

— Разве Илья Григорьевич Эренбург защищал когда-нибудь погрязшие права евреев?

— Он, как и мы все, боялся Сталина, но мысленно, наверняка, был с вами.

Хрущев посмотрел на часы:

— Извините, ждут неотложные дела. Я поговорю с Алексеем Ивановичем Аджубеем⁶, главным редактором газеты "Известия", чтобы вас там печатали.

— Если вы, Никита Сергеевич, с ним поговорите, тогда, конечно, будут печатать.

— Ну, вот и договорились.

— Никита Сергеевич, подарите мне на память вашу фотографию?

Мы прошли в кабинет.

Из письменного стола Хрущев вытащил кожаную папку с фотографиями. На оборотной стороне портрета он написал:

"Товарищу Л. Е. Гендлину на память. Н. Хрущев". К сожалению, эту фотографию не удалось сохранить. Она была изъята во время обыска.

Хрущев проводил меня до дверей кабинета, протянул руку. Прощаясь, сказал:

— Желаю всяческих успехов в личной и творческой жизни. Машина отвезет вас домой. Если будут жизненные трудности, которые никто не сумеет решить, звоните или напишите.

Не растерявшись, попросил его дать свой телефон, служебный или домашний.

Хрущев замялся:

— Лучше всего, если свяжитесь со мной по соответствующим каналам. В таких делах у вас имеется некоторый опыт.

И, засмеявшись, он направился в свои покои.

1. Автор с 1959 по 1964 гг. несколько раз встречался с А. Н. Поскребышевым (1891–1966), который 18 лет был начальником секретариата Сталина. Выдержка из беседы с Поскребышевым:

Вопрос. Что собой представляет Хрущев?

Ответ. В 1938 году Сталин собирался отдать Хрущева в НКВД. Совершенно случайно мы узнали, что Никита Хрущев сам придумал себе "рабоче-крестьянскую" биографию. Он выдумал, что родился в семье шахтера, в селе Калиновка, Курской губернии, что он внук крепостного и с малых лет работал пастухом по найму. Утверждаю, что Никита Сергеевич Хрущев – незаконнорожденный сын украинского помещика, Сергея Афанасьевича Стецинского, а матерью его была красивая крестьянка. Его безоблачное детство прошло на украинской земле. Богатый барин-вдовец с нежностью относился к матери Хрущева. Изредка он играл с маленьким, толстеньким, неповоротливым драчуном Никиткой.

В 1917 году имение Стецинского под Миргородом было разграблено и сожжено. Помещика убили. Хрущев бежал в Киев. После некоторых раздумий он добровольцем вступил в Красную Армию. В 1918 году записался в большевики. Потом его направили учиться на рабфак, где он выдвинулся в секретари партийной ячейки. Несколько лет работал парторгом на одной из шахт Донбасса.

В 1929 году он добился направления в Москву, в Промышленную Академию имени Сталина. Никита Хрущев слыл там наиболее отстающим. За глаза его называли "Микитка-дурак". Он понимал, что для карьеры ему выгоднее продвигаться по партийной линии. Он стал освобожденным секретарем парткома Промакадемии и членом бюро Бауманского райкома партии города Москвы, затем первым секретарем райкома. Партийная карьера Хрущева – молниеносна. За два с половиной года он подмял под себя целый ряд крупнейших партийных работников и в 1935 году занял кресло первого секретаря Московского областного и городского комитетов партии. Он жестоко расправился со всеми, кто называл его в Промакадемии "Микитка-дурак". Случайно уцелел его недруг Исаак Матвеевич Лемберг. Он уехал в Якутию, женился на местной жительнице, взял ее фамилию и тем самым избежал преждевременной гибели. Его отъезд в Якутию проходил через наш отдел. На служебном предписании стояла моя подпись. Мы его легко отпустили, потому что в Якутию никто добровольно не хотел ехать.

Хрущев – великолепный актер. Он мастерски делал вид, что до самозабвения предан Сталину и что он самый верный его приверженец. Так он сумел обойти всех, кроме Маленкова. Жизненный путь его усеян трупами.

7 марта 1936 года у Сталина состоялось совещание, связанное с усилившейся пропагандой церковников. В его работе приняли участие: Молотов, Микоян, Каганович, Хрущев, Андреев, Ярославский. Стенографировала Оксана Буранова, долголетняя любовница Андреева. Расширенную информацию сделал Хрущев. Он сказал: "У нас в стране на сегодняшний день функционирует еще слишком много церквей, имеется большая сеть действующих монастырей. Церковники нас, большевиков-марксистов, верных учеников Ленина и товарища Сталина, предали анафеме. Они ненавидят советскую власть. Я предлагаю, товарищи, до минимума сократить количество церквей, синагог, мечетей и прочих молитвенно-культовых заведений. Давайте превратим церкви в клубы и красные уголки, библиотеки, планетарии и кино-театры. Предлагаю выпустить закрытое постановление ЦК ВКП/б/ с категорическим запрещением всяческих религиозных сект. Ярых церковников-пропагандистов следует немедленно репрессировать. Стенограммы открытых процессов широко освещать в партийной печати. Наркомату финансов – обложить священнослужителей и работников культа самыми высокими налогами, это поможет и нашему бюджету..." Была создана правительственная комиссия. Председателем единогласно утвердили Никиту Хрущева, членами комиссии – Кагановича, Микояна, Андреева, Ем. Ярославского. Более 3.000 служителей культа расстреляли, отправили в исправительно-трудовые лагеря.

В августе 1936 года Хрущев потребовал расстрелять Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бадаева, Смирнова, Мрачковского и других. Он требовал открыто судить и публично повесить на Красной площади в Москве маршала Тухачевского и др. военных, причастных к его "делу". Он – инициатор расстрела 10.000 военных. Он задушил и потопил в крови лучших сынов Украины. После смерти Сталина он обманым путем захватил власть, расправился с Берия и Рюминым, отстранил Маленкова, Булганина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Сабурова, Шепилова и всеильного маршала Жукова. На XX и XXI съездах коммунистической партии развенчал имя Сталина, выкинул его останки из мавзолея, открыл лагеря, реабилитировал тысячи людей. Вдовам и сиротам вернул честное имя. Население страны обрадовалось, все думали, что повяло демократизацией, но народ не сумел разобраться в хитроумном маневре этого товарища, который мастерски разыграл клоунский фарс с оптимистическим прологом и пессимистическим эпилогом.

Разоблачением Хрущева официально занимались Маленков и его друг Берия. Они видели в нем опасного соперника. Я читал справку Маленкова, адресованную Сталину. Мне удалось снять копию, сохра-

нить и запомнить текст. Память с молодости натренированная...

Хрущев растратил государственную казну. Его дочь Рада по воскресным дням летала в Париж делать прически и принимать молочные ванны. В преемники Хрущев готовил своего зятя, Алексея Аджубея, главного редактора газеты "Известия". На первых шагах он собирался заменить министра иностранных дел Громыко все тем же авантюристом Аджубеем.

Он, Хрущев, виноват в том, что оставил Россию без хлеба, без тарелок, без веры в будущее...

Беседа с Поскребышевым в сокращенном виде была опубликована в Израиле на русском языке:

1. Журнал "Шалом", №№ 5, 6, 7, Тель-Авив, 1975 г.

2. Газета "Аль-Амишмар", выходит ежедневно, печатается на иврите; №№ 32, 33; Тель-Авив, 1976.

2. После смещения Хрущева его верный помощник Гапочка был назначен директором музея Шевченко в Киеве, по-видимому, вышел на пенсию.

3. Васильев П. В. – народный художник, лауреат сталинской премии, жил в Москве на ул. Горького. Придворный живописец Сталина. После его смерти усиленно переключился на Ленина. Умер в конце 60-х годов.

4. Серебрякова Галина Иосифовна. Почти двадцать лет находилась в лагерях, прославилась как стукачка и сексотка. В одной камере Владимирской тюрьмы находились четыре женщины: артистки Татьяна Окуневская (жена писателя Бориса Горбатова), Зоя Федорова, Лидия Русланова и Галина Серебрякова. Покойная каторжанка, писательница Елизавета Яковлевна Драбкина, рассказала автору о лагерных "деяниях" Галины Иосифовны. На деньги, вырученные от торговли "ПРОМЕТЕЯМИ" – Марксом и Энгельсом, она построила в Баковке (следующая станция после Переделкино) шикарную дачу, и мужа привезла из лагеря, бывшего рецидивиста-уголовника, Семена Семеновича, которого выдавала за полковника (С. С. любил почесывать окладистую рыже-пегую бороденку, командовать поденными рабочими, хозяйство-то большое, одному не справиться, и клубничку надо на базар вести, да и молочишко, ночной и утренний удой, сбавить надобно, да и огурчики, и помидоры, и редисочку, все деньги дает). А потом этот самый С. С. "полковник"-рецидивист снял все имеющиеся на счете деньги и укатил куда глаза глядят. Всесоюзный розыск объявили.

5. Долматовский Евгений Аронович "борзописец-бодрячок и большой муда-чок", как назвал его в шутку и всерьез Корней Иванович Чуковский. Перу Е. Евтушенко принадлежит эпиграмма: "Ты – Евгений, я – Евгений, ты – поэт и я – поэт, ты – говно, и я – говно, я – недавно, ты – давно!"

6. Аджубей А. И. работает в журнале "Советский Союз", заведует отделом публицистики.

*После процесса в Верховном суде.
Фото Романа Кармена.*

ПРОЦЕСС В ВЕРХОВНОМ СУДЕ

Меня вызвал на предварительную беседу генеральный прокурор Руденко. Мрачный сухой блюститель закона, выдаивая из себя подобие улыбки, сказал:

— Вы молодец! Объясните, почему вы написали личное заявление на имя товарища Хрущева? Надо было сразу придти к нам, мы ведь коммунисты! Наше святое дело — с корнем выкорчевывать нарывы прошлого.

Я, не мигая, смотрел в оловянные прокурорские глаза.

— Большое спасибо, вы дали важный совет, теперь буду знать, что по самым сложным вопросам сумею придти к вам в любое время.

В кабинет вошло несколько человек.

— Знакомьтесь, старшие следователи, которым поручено заниматься вашим делом. Скоро дело будет передано в Верховный Суд.

Поблагодарил Руденко и следователей за оперативность.

Однажды следователь Тамара Николаевна Мамаева, с которой приходилось часто общаться, сняв телефонную трубку, проговорила:

— Горина слушает.

Через секунду, спохватившись, она скороговоркой прокричала:

— Простите, я ошиблась. Гориной сейчас нет, она в командировке, у телефона Мамаева.

ПРОКУРОР РУДЕНКО НАЗВАЛ НЕ НАСТОЯЩИЕ ФАМИЛИИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ, А "СЛУЖЕБНЫЕ" ПСЕВДОНИМЫ.

Следовательская группа, разделившись, выезжала в Ленинград, в города Украины и Белоруссии, в По-

волжье, Прибалтику, на Дальний Восток и даже в Тобольск. Бывшие работники КГБ, словно змеи, расплозились по России.

Раз десять меня вызывали в прокуратуру, допросы велись перекрестным способом, больше всего следователей интересовало, как сложились мои отношения с Хрущевым и Сусловым. Два раза была очная ставка с Нырдовым, врачом Храповым и пенсионером Соловьевым.

Как-то симпатичный, голубоглазый Жердин меня поздравил:

— Ну, ваша взяла, следствие закончилось, за две-три недельки напишем объективное заключение и передадим на окончательное рассмотрение товарищу Руденко. Вы нам очень помогли, осталось соблюсти незначительную, но необходимую формальность, дайте подписочку о невыезде из Москвы и подпишите вот эту *справочку о неразглашении*.

— Почему "дело врачей" стало достоянием широкой общественности? Газета "Пионерская правда", и то о нем писала!

— Допускаю, что после процесса товарищ Руденко разрешит устроить пресс-конференцию для советских журналистов. Но это только предполагаемый прогноз.

Заключение писалось три месяца.

К нам домой приехал потертый, рыхлый дядя в дымчатых очках.

— Моя фамилия Жуков. Попрошу вас подъехать в Пролетарский райисполком, он находится рядом с Таганской площадью.

— Я не собираюсь переселяться в ваш район. Дядя рассмеялся.

— С вами будет разговаривать наш начальник.

— А если я не сумею приехать?

— Тогда вас доставят работники милиции.

— Вы заставляете снова конфликтовать, вынужден буду написать жалобу товарищу Хрущеву.

— Мы действуем по заданию ЦК КПСС.

— Что вы от меня хотите?

— Я представитель КГБ. Давайте не будем откладывать наше свидание в долгий ящик, приезжайте к нам завтра утром. Для проформы возьмите паспорт и удостоверение личности.

Все эти "дела" отрывали от письменного стола, бесконечные звонки, переписка по "Ленинградскому делу", вызовы в инстанции, беседы с адвокатами, малыми и большими прокурорами, отнимали уйму драгоценного времени.

Исполком. Второй этаж, дверь, обитая коричневой кожей. Нажал на едва заметный крошечный звонок. Вооруженный, красномордый солдат спросил:

— Кто вызывал? На какой час назначено? Фамилия?

— Товарищ Жуков.

— Пройдите в третью комнату.

Иду по мягкой, пушистой ковровой дорожке. Небольшой кабинет. На стене в дорогих золоченных рамах портреты: большой — Хрущева, и чуть поменьше — Ленина. Коренастый, рыхловатый Жуков поздоровался запросто, как со старым знакомым. Через минуту вошел человек огромного роста в штатском черном костюме.

— Наш начальник, — проговорил Жуков, но фамилию "нашего начальника" не назвал. Сказал, что он "товарищ полковник".

— Меня зовут Иван Тимофеевич, — перебил здоровенный полковник, обладатель трех чисто выбритых утянутых подбородков. — Мы, товарищ Гендлин, от души приветствуем ваше патриотическое поведение по разоблачению государственных преступников. У нас имеется к вам косвенное предложение. Мы пошли вам навстречу, пропустили ваше письмо-заявление, устроили вам встречи с товарищами Хрущевым и Суловым, скоро начнется процесс. Вы и **ДАЛЬШЕ ДОЛЖНЫ НАМ ОКАЗЫВАТЬ ПОДОБНЫЕ УСЛУГИ.** Мы, в свою очередь, — цинично заявил бесфамильный

полковник, — постараемся хорошо их оплачивать.

— Не совсем понимаю, что вы от меня хотите?

— Предлагаем СТАТЬ НАШИМ ПОСТОЯННЫМ ОСВЕДОМИТЕЛЕМ, пугаться этого не следует, на этот счет имеется официальное разрешение правительства и ЦК КПСС. Для встреч у нас есть явочные квартиры. Дадим вам псевдоним и начнем вместе работать по вытряхиванию зла.

— Разрешите уточнить? Вы сказали, что присвоите кличку?

— Нет! — проговорил раздраженно полковник, — служебный псевдоним.

— Я не собираюсь служить в органах государственной безопасности. На каком основании вы за меня все решили?

— Вы хорошо знаете, что с нами шутить не стоит! Помимо нашей воли может произойти несчастье.

— Вы насильно меня вербуете?

— В СССР все делается на добровольных началах.

— В таком случае оставьте меня в покое.

— Если откажетесь с нами работать, мы на вас заведем уголовное дело, и никакой товарищ Хрущев не сумеет вам помочь. Компрометирующие материалы мы в состоянии организовать на любого гражданина.

— Товарищ полковник, я больной человек, можете навести справки, в связи с контузиями, полученными на фронте, у меня бывают сильные головные боли, которые иногда доходят до такой степени, что я теряю сознание.

— Значит, мы зря потратили на вас столько времени?

— Я в этом не виноват.

— Придется послать вас на экспертизу!

— Но я же не ваш сотрудник. Сегодня же напишу письмо Александру Николаевичу Шелепину¹.

— Вот вам бумага — пишите, мы передадим лично ему в руки.

Полковник с Жуковым вышли из кабинета.

Я остался один.

На столе лежали разбросанные документы. Непрерывно звонил телефон. Разыгрывался очередной, плохо поставленный спектакль (так всегда бывает, когда отсутствует рука умного режиссера). После того, как написал заявление, достал из портфеля пьесы Барнарда Шоу. Сделал вид, что читаю. Так прошло минут сорок. Вошли улыбающиеся полковник и майор Жуков.

— Мы вами довольны. Постараемся вас беспокоить как можно реже. Дайте подписочку о неразглашении?

Полковник протянул чистый бланк.

— Поставьте подпись и можете идти домой.

— Время, полковник, вас ничему не научило, вы продолжаете работать по-старинке. Я отказываюсь с вами разговаривать.

На этом беседа закончилась.

В тот же день меня принял суровый старец, генерал-майор Белоконь, начальник управления КГБ Москвы.

— Товарищ Гендлин, — сказал он, — мы решили освободить вас от работы в органах.

— Вы освобождаете меня от несуществующей работы, ведь я у вас ни одной секунды не проработал, — ответил я.

— Объясните нам, почему вы все время лезете в амбицию?

— Оставьте меня, я устал от вашей холодной войны.

— Есть решение закрыть "Ленинградское дело". Вы, если не ошибаюсь, успели побывать у товарища Никиты Сергеевича Хрущева? Расскажите нам, как протекала ваша беседа?

— Вам лучше обратиться непосредственно к товарищу Хрущеву. Он вас обо всем подробно проинформирует.

— На днях вас примет секретарь ЦК КПСС товарищ Шелепин.

— Благодарю вас за хлопоты.

Площадь Дзержинского. Известное всему миру необъятное здание КГБ. Второй этаж. Богато обставленная приемная. Полковник средних лет скрылся за двойной дверью. Мне предстояло побывать в "роковом" кабинете, здесь царствовали "СИНИЕ БОРОДЫ": Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия, Круглов, Абакумов, Серов, Игнатов, Шелепин, Семичастный, теперь "ЭСТАФЕТА" передана Юрию Андропову.

Кто следующий из наследников на пост ОБЕРПАЛАЧА???

Шелепина немного знал по комсомолу. В 1955 году мне довелось работать в Московском Подготовительном комитете У1 Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Несколько раз приходилось бывать на совещаниях, которые он проводил. Шелепин в то время потрясал кулаками, матерился, грозил всеми карами деятелям советского искусства — режиссеру Иосифу Туманову, художнику Борису Кноблоку, директорам праздников Джигиту, Езерскому, Викторову и др.

Несколько лет я не видел Александра Николаевича. Став председателем КГБ, затем секретарем ЦК КПСС, он заметно изменился. Говорил медленно, делал вид, что внимательно слушает собеседника.

Куратор тайной политической полиции СССР принял меня непринужденно. Спросил, что буду пить. Усадил в удобное кресло.

Почему-то у руководителей советского аппарата выработалась привычка со всеми посетителями говорить на "ты".

— Ты чего воюешь с нашими товарищами? — спросил Шелепин.

— Они стали палку перегибать, — ответил ему в тон.

— В чем это заключается?

Рассказал о вербовке, майоре Жукове, полковнике "Иване Тимофеевиче", генерале Белоконе².

— Согласен, возможно, товарищи вели себя не совсем корректно. Мы их поправим. Вчера у нас был товарищ Руденко. На днях начнется слушание "Ленинградского дела". Если говорить откровенно, ты зря эту кутерьму затеял!

— Не понял вас?

— В стране сложное международное положение, наши враги с радостью подхватят каждое слово, брошенное в упрек КПСС, советскому государству.

Беседа принимала полемический характер с догматической окраской.

— Александр Николаевич, вы против разоблачения государственных преступников, вы против того, чтобы в России восторжествовала справедливость? Вы за мракобесие, за тюрьмы, лагеря, пытки, вы стоите за сталинские времена?

Шелепин мягко проговорил:

— Леонард Евгеньевич, неужели вы не понимаете, что мы вас проверяем, нам необходимо понять ваше человеческое нутро?

— Все ваши испытания и массовые проверки граничат с элементами психологического садизма. Почему, после беседы с товарищем Хрущевым, КГБ начало меня в открытую преследовать? Происходит разнузданная травля. Объясните, в чем я провинился перед советской властью?

— Придется дать вам один совет. В нашей стране нельзя жаловаться на органы. Сотрудники КГБ вне подозрений, они никого не боятся.

— Вы считаете ошибкой то, что сделал Хрущев, разоблачив перед всем миром преступные действия Сталина, сталинизм, его клику — мародеров-прихлебателей?

— Но вы же не Хрущев?

— Я обыкновенный смертный из многомиллионного легиона, перенесший пытки в застенках КГБ, и за это меня продолжают преследовать, попросту говоря, собираются любыми путями, *косвенными или*

прямыми, — добить?

Наступила мучительная пауза.

Принесли чай с лимоном, бутерброды, пирожные.

Шелепин переменялся, попробовал сыграть в простолюдина.

— Как я устал от работы! — он мечтательно вздохнул. — Уехать бы куда-нибудь в деревню, побродить по лесу, поваляться на сене, попить деревенского молока. Люблю деревню, люблю Россию.

На столе лежала какая-то книга. Шелепин взял ее в руки.

— Хочешь почитать роман Пастернака "Доктор Живаго"?

— Книги, которые не издавались в СССР, не читаю. Ваши проверочные способы хороши для детишек дошкольного возраста.

Шелепин засмеялся.

Вошел хозяин кабинета, предшественник Шелепина по ЦК комсомола и КГБ — Семичастный³. Он сказал, что меня ожидает машина.

Круг сжимался. Я все время находился под надзором гласных и негласных надсмотрщиков-гебистов, от которых спрятаться невозможно.

В первых числах декабря 1961 года в здании Верховного Суда СССР началось слушание "Ленинградского дела". Громадный желтый дом окружен штатскими и военными. В зале заседаний находится человек тридцать, в основном, штатские, с непроницаемыми лицами. Меня "ОПЕКАЮТ" два дармоеда-товарища "Александр Иванович" и "Олег Николаевич".

Согласно советскому законодательству, судебный процесс слушается на территории города, где совершено данное преступление. Поскольку команду дал глава правительства, расследованием занялись самые высокие инстанции.

В девять часов утра из боковой двери вышел высокий, худой мужчина в очках, секретарь. Он строго и внятно сказал:

— Прошу встать! Суд идет!

Председательствует Горкин, фамилии народных заседателей не помню. Под усиленным конвоем вводят обвиняемых. Трудно узнать в потускневших лицах бывших гебешников. Председательствующий объявляет состав суда, зачитывает фамилии обвиняемых, затем обвинительное заключение. На вечернем заседании — допрос обвиняемых. Горкин:

— Гражданин Нырдоев, вы признаете себя виновным?

Остриженный наголо Нырдоев встал. Сверкнули злые глаза:

— Понимаю и сознаю, что обязан давать показания только о себе одном. Я занимал должность старшего следователя. Все обвиняемые, проходящие по данному процессу, являлись моими подчиненными. Готов давать показания за своих товарищей.

Горкин:

— Вы юрист и хорошо знаете, что такое процессуальное право? Суд предлагает вам давать показания о себе и в совокупности о подчиненных, проходящих по данному делу. Повторяю вопрос. Признаете ли вы себя виновным?

— На ваш вопрос, гражданин председатель, я отвечаю, когда мне будет предоставлено последнее слово.

Пожалуй, я единственный в этом зале участник процесса, который не имеет отношения ни к ЦК КПСС, ни к КГБ, ни к Прокуратуре...

Домой приехал замученный. Тоска давила грудь, щемила сердце. Хотелось, чтобы все поскорей закончилось. Я был до основания вымучен.

На другой день рано утром позвонили в дверь. На пороге упитанная, красивая женщина. Одета в манто из голубого песка, на голове зимняя меховая шапочка, муфта и перчатки тоже подбиты мехом. Рядом с ней два мальчика, 15 и 12 лет.

Лида работала через день, она хотела выспаться. Уговорил ее пойти в кино.

Дама отрекомендовалась женой доктора Храпова, который мучил меня в Ленинграде. Из сумочки, отделанной крокодиловой кожей, она достала надушенный кружевной носовой платочек. Дама громко, некрасиво всхлипнула:

— Знаю, что вы добрый, честный и хороший человек. Во имя моих сыновей, пощадите доктора Храпова. Адвокаты сказали, что, если вы откажетесь от первоначальных свидетельских показаний, тогда мой муж, отец этих несчастных детей, отделается незначительным наказанием. — Она говорила торопливо, боясь, что я ее перебью. — Вашей жене подарю манто, наша семья готова выплатить вам любую денежную компенсацию, назовите только сумму, которая хоть в какой-то мере сможет покрыть ваши страдания.

Кровь заклокотала в висках. Женщина не могла понять, что за червонцы невозможно исцелить человеческое горе, невозможно унять боль, которая никогда не утихнет, никогда не притупится.

Очень тихо сказал:

— Уходите! Немедленно уходите, иначе оболую кипятком. Откуда у вас, докторша Храпова, столько бриллиантовых колец? Рубины? Золотые серьги? Манто из голубого песка? Никогда на вашей одежде не сотрутся кровавые пятна. Уходите!

Остались сыновья — юные Храповы. Они прекрасно выучили свои роли, но плохо их сыграли. Младший заревел, бросился на пол, целуя мои туфли, он иступленно кричал:

— Дяденька, хорошенький, миленький, пожалейте моего папочку! Я не хочу, чтобы его посадили в тюрьму, его там будут бить бандиты и воры.

Старший Александр пытался успокоить младшего Валерия.

Я рассказал Саше, что сделал его отец. Потрясенный юноша молча слушал.

— Все то, что вы говорите, известно суду?

— Саша, работники КГБ редко оставляют следы

своих преступлений. Они не ожидали, что я воскресну непогрешенным.

Саша встал. Он был не по летам серьезен.

— Сейчас я вам ничего не скажу, надо побыть одному, во всем как следует разобраться. Подумать. Вы перевернули мне душу. Возможно, что когда-нибудь я отплачу вам тем же. Вы лишили меня отца. Какой бы он ни был, он мой отец, но я благодарен, лучше сразу все знать.

По иному реагировал младший. Он подбежал ко мне, с диким ревом стал царапать лицо, руки:

— Я тебя ненавижу! Ты подал на отца в суд, потому что ты проклятый еврей!

На третье заседание приехали Хрущев, Суслов; редакторы газет "Правда" и "Известия" — Сатюков и Аджубей; ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР.

Горкин сообщил, что в помещении Верховного Суда находится большая группа свидетелей, которые прибыли в Москву из различных городов страны, чтобы еще раз подтвердить преступления бывших работников ленинградского КГБ.

В зал вошли постаревшие Самуил Абрамович Этингерд со своей неизменной подругой Адель Марковной; молодеватый, все еще несдающийся Олег Панфилович Нащекон; моя главная спасительница Марина Званцева.

— Гражданин Этингерд Самуил Абрамович, что вы можете показать по данному делу? — бесстрастно задает вопрос председатель суда.

Профессор ответил:

— Я не собираюсь потрясать сердца присутствующих ораторским красноречием. Звероподобных ничтожеств, которые находятся за барьером, на скамье подсудимых, мне, к счастью, не приходилось встречать в повседневной жизни. Прошу обратить внимание на то, какие испепеляющие взгляды они все время бросают на меня. Особенно вот этот, с

выпирающими скулами, — он показал рукой на Ныр-доева. — Я не знаком с двуногим существом, кото-рое с дипломом врача умышленно, на протяжении целого ряда лет, наносило травмы здоровым людям. В медицине это называется умышленным членовре-дительством. Когда Марина Званцева привезла ко мне агонизирующего молодого человека, мы расте-рялись, мы спасли его чудом. Суду нужны веские до-казательства. Я привез фото-копии дневника, кото-рый велся круглосуточно, альбомы с фотографиями, негативы. На фотопленку фиксировался весь слож-нейший процесс лечения. Мы также фотографирова-ли добровольцев, которые давали свою кожу для спасения Леонарда Евгеньевича Гендлина, который стойчески все перенес и сегодня вместе с нами об-виняет лже-людей.

Горкин. Подсудимых прошу не оскорблять! Их судит не гражданин Гендлин, а Верховный Суд Сою-за Советских Социалистических Республик.

Этингерд. Простите, иначе не могу. Вещи надо называть подлинными именами.

Прекрасно говорила Адель Марковна. Затем сло-во предоставили Олегу Панфиловичу. С огромным вниманием было выслушано сообщение Марины Званцевой.

Я думал, что процесс начался в связи с моим заяв-лением, оказалось, что многие пострадавшие, кото-рые прошли через руки Ныр-доева и Храпова, напи-сали Хрущеву аналогичные письма-заявления. С эти-ми людьми я познакомился во время перерывов. Дядьки-опекуны всячески пытались помешать на-шему общению.

Я терпеливо ждал, когда мне будет предоставлено слово.

Вот она, ДОЛГОЖДАННАЯ МИНУТА, КОТОРОЙ Я ДОБИВАЛСЯ СТОЛЬКО ЛЕТ. Приведу фрагмент из своего выступления:

— Любого преступника следует защищать и, оче-

видно, всегда можно найти смягчающие обстоятельства. Многие преступления бледнеют по сравнению с теми, которые совершили Нырдоев и его верный эскулап Храпов и другие лица, которых судит сегодня Верховный Суд. В своем последнем слове Храпов будет говорить, что его — бедного агнеца — заставили совершать преступления, связанные с умышленным калечением человеческих душ. Такой аргумент логичен в том случае, если бы врач Храпов с обреченными жертвами не был наедине. Можно принять во внимание, что на полную мощность работала вмонтированная в стены усовершенствованная магнитофонная сеть. Это предположение. Но, если Храпов был честным человеком, он бы своим "пациентам" не принес столько физических страданий. Разве он не мог вводить в вены безболезненные инъекции и мимикой показывать, что в этот момент надо кричать. О Нырдоеве говорить не приходится. Жалко тратить слова. Даже Никита Сергеевич Хрущев был потрясен садистскими методами этого бандита. К сожалению, не я выношу приговор. Нырдоев, Храпов, Блок, Баранцев и все те, кто находится рядом с ними, — потенциальные преступники, и к ним не может быть применено снисхождение.

Фрагмент из выступления генерального прокурора Руденко:

— Мне приходилось принимать участие в различных процессах. Я был одним из обвинителей на Нюрнбергском процессе главных военных преступников. Мне известны тысячи историй реабилитированных за последние годы. Совершенно верно, многое действительно бледнеет перед тем, что совершили бывшие работники КГБ в городе, который носит имя великого Ленина. Я преклоняюсь перед неустрашимым мужеством тех, кто сообщил в ЦК КПСС и в прокуратуру Союза о тяжких преступлениях, бесспорно, ничем не оправданных...

Вряд ли речь Руденко хоть на йоту была искренней. Он вынужден был играть роль *мирооторца*.

На четвертый день огласили приговор. Преступники осуждены на различные сроки. Нырдюеву дали двадцать лет, Храпову — десять, с полной конфискацией имущества. С приговором суда мы не согласились и в тот же день в ЦК КПСС на имя Хрущева послали коллективную телеграмму. Дело пересмотрели. Храпов дополучил еще пять лет, Нырдюеву прибавили три года.

По слухам, их отправили в лагеря строгого режима. Свершилось ли это на самом деле? И работали ли они под своими настоящими фамилиями? Возможно, что и Верховный Суд — одна из блестящих мистификаций советского "правосудия"?

Было еще светло, когда я приехал домой. Улица и переезды, прилегающие к нашему дому, были заполнены автомобилями с дипломатическими номерами. Подумалось, что в соседнем китайском посольстве очередной прием. Оказалось, что иностранные журналисты почувствовали "запах жареного". Толком никто ничего не знал. С некоторыми журналистами приходилось встречаться на пресс-конференциях, фестивалях, премьерах. Коллеги окружили меня тесным кольцом. Посыпались вопросы. Несмотря на то, что кругом было много "топтунов", я сказал несколько слов:

— Дорогие друзья! Я вам бесконечно благодарен, что именно сегодня, в день одержанной победы над злом и мракобесием, вы нашли возможность прийти сюда. Простите, но я вынужден вас огорчить. Я дал слово товарищу Хрущеву, что в иностранной печати не появится ни одной строчки, ни одной моей фотографии. Все кончилось хорошо. Извините, но я ничего не могу добавить к тому, что сказал.

Тут же появились виски, шампанское, водка, коньяк. Здесь же, во дворе Мосфильмовской улицы, мы выпили за начало ИСХОДА...

Наша соседка тетя Нюра потом хвасталась:

— Спасибо тебе, голубчик, нынче сдала в магазин три корзины бутылок. Обязательно скажи, когда к тебе снова приедет большое начальство.

1. Шелепин выведен из состава президиума ЦК КПСС.

2. Белоконь за садизм раньше времени отправлен на пенсию.

3. Семичастный В. Е. род. в 1924 г., образование 6 классов. Председатель КГБ с 1961–1967. После смещения был отправлен на Украину председателем республиканского комитета по делам физкультуры и спорта.

Из окна нашей квартиры на Мосфильмовской улице мы ежедневно видели, как на противоположной стороне прогуливался гебешник.

НА ПРИЕМАХ В ИЗРАИЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

На съезде писателей познакомился с израильским поэтом Александром Пэнном и его женой Рахилью и дочерью Синильгой. Я показал Пэнну московские музеи, водил его по старым улицам и переулкам, мы с ним побывали в кафе и ресторанах. Александр Пэнн читал мне свои стихи, которые сам переводил на русский язык, восторженно говорил об Израиле, старой Яффе, древнем и некогда могучем Иерусалиме, истории Первого и Второго Храма. Приглашал посетить Землю Обетованную. Интересны были его рассказы о встречах с Есениным, Клюевым, Кузминым, Пастернаком.

На международных кинофестивалях завязались контакты с кинематографистами Израиля.

Мы стали получать приглашения на приемы в израильское посольство. Нам с женой приходилось бывать на приемах и в других посольствах, но только в посольстве Еврейского Государства мы чувствовали себя в родной, домашней обстановке. Каждый человек, приходящий в этот необыкновенный Добрый Дом, с первой минуты ощущал заботу, внимание, душевную теплоту. Праздником стал для нас день, когда Лидочке подарили Маген-Давид, а мне журналы "Шалом" и "Ариэль", книги по искусству. Все это стало ОТКРОВЕНИЕМ.

Кроме приглашенных писателей, деятелей искусства, ученых, как правило, на приемы приходили сотрудники КГБ, незваные корреспонденты ТАСС, АПН; корреспонденты газет "Правда", "Известия", "Труд", "Литературной", радио и телевидения. В первое время на некоторых приемах было больше русских, чем евреев. Номенклатурные русские чи-

новники знали, что "у евреев" лучше кормят, чем в других посольствах.

Сосед по нашему дому, заведующий поликлиникой дипломатического корпуса, доктор Пылаев, захлебываясь слюной, говорил:

— С удовольствием хожу на приемы к израильтянам, еда питательная, обладает вкусовыми и калорийными качествами. Там дарят конверты с иностранными марками, ценные книги по архитектуре, изобразительному искусству, книги о театре и кино. За четыре приема я продал марок и книг рублей на триста!..

Потом стало известно, что многих, кто бывал на приемах, беспартийных и партийных, вызывали в КГБ, в отдел культуры московского городского комитета партии.

ПЕРВЫЙ ОБЫСК

26 июня 1963 года у нас дома на обеде была актриса израильского театра "Габима" Хана Ровина. Она возглавляла делегацию кинематографистов Израиля¹ на Московском международном кинофестивале.

В первой декаде июля по Москве прокатилась волна арестов.

1 августа рано утром мне позвонил знакомый художник Иосиф Аронович Шпинель², с которым я дружил еще со времен картины "Иван Грозный". Он сказал:

— Вчера у меня был обыск. Перевернули квартиру и мастерскую. Забрали книги, номера журнала "Шалом", монографии, изданные в Англии, Франции, Италии, Америке, Германии. Звоню из автомата, будьте осторожны. Пока вам не позвоню, ко мне не приходите.

Надо срочно что-то предпринять! Израильских книг, зарубежных изданий, папок с произведениями Самиздата довольно много. Позвонил тете, конечно, из телефона-автомата, сказал, что собираюсь в командировку. На Мосфильмовской улице поймал такси, подъехал к дому, в машину погрузил два больших чемодана. У Киевского вокзала пересел в другое такси и поехал на окраину Москвы. Поздно вечером окольными путями вернулся домой.

3 августа жена как обычно ушла на работу. Я разбудил сына, накормил его завтраком, и мы с ним отправились в детский садик. В десять часов утра позвонили. Спросил:

— Кто вам нужен?

— Откройте, не бойтесь, мы из милиции.

В квартиру вошло пять человек. Трое — штатских и двое — военных, с ними понятые, молодой человек и дворник — тетя Женя, проживающая в нашем доме на первом этаже. Вопросы задавал седой, узкоплечий штатский.

— Вы Гендлин Леонард Евгеньевич?

— Да.

— Разрешите документики? Паспорт и удостоверение личности.

— Чем вызван ваш приход?

— Мы должны произвести у вас обыск.

— Какое для этого имеется основание?

— Вот постановление, подписанное прокурором.

— Могу ли получить копию?

— После обыска вы получите копию описи на изъятые у вас ценности, а также на книжную, рукописную и газетную продукцию.

Так и сказал чекист с произвольным юмором: "РУКОПИСНУЮ ПРОДУКЦИЮ".

— Начинайте, товарищи! — скомандовал старший. Потом снова обратился ко мне, — по-хорошему рекомендуем *добровольно* сдать ценности: золото, платину, серебро, меха, бриллианты, деньги, оружие, сберегательные книжки, облигации трехпроцентного займа, аккредитивы.

В ответ рассмеялся:

— Все, что найдете, будет ваше.

Копались они до самого вечера. Перевернули все верх дном. Залезали на антресоли, разбирали паркет, сделали попытку распороть подкладку диванной обивки и кресел. Я воспротивился:

— Сначала вызовите за свой счет обойщика, который все починит и зашьет, тогда можете резать.

Ценностей не нашли. Покосились на коллекцию икон и картин. Всерьез заинтересовались библиотекой. Посыпались вопросы:

— Откуда у вас прижизненное издание "Евгения Онегина" Пушкина? Как попала к вам в руки такая редкость?

— Подарили.

— Кто? Когда? Где?

— Разве это существенно?

— До выяснения придется изъять.

— На каком основании?

”Евгения Онегина” оставили в покое. Книги тщательно осматривали и прощупывали. В сторону откладывали дореволюционные и зарубежные издания, а также книги 20-х годов.

Раздался телефонный звонок, трубку снял узкоплечий:

— Сухов слушает! Да, кое-что нашли. Есть! Ждем вас!

Минут через 20 в квартиру вошел грузный человек, лет 60, ”специалист по книжной продукции”. Его называли ”Петр Иванович”.

— Ну, давайте посмотрим сегодняшний улов, — проговорил шутливо тучный дядя.

То и дело слышались его завистливые реплики:

— Книжечка-то замечательная! И состояньице отличное. Супер-обложечки совсем новенькие, иллюстрации блестят, на страницах ни одного пятнышка. Видно, хозяин любит и умеет ценить книги.

Просмотрев отложенные книги и бегло взглянув на полки, он изрек:

— Для нас эти книги интереса не представляют, — и он сразу как-то потускнел.

”Товарищи” собирались ретироваться, но им мешал хихикающий, лоснящийся от капелек пота ”Петр Иванович”:

— Дорогуша, меня обмануть трудненько! Нашел все-таки? Нашел, голубчик! Что ж ты сразу не сказал, что у тебя в заначке имеется сионистская литература, она же пахивает махровой контрреволюцией!

В руках он держал книгу в мягкой обложке ”Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана”, выпущенную информационным отделом Министерства иностранных дел в Израиле в 1961

году. Впопыхах я забыл ее спрятать.

— Подпольным сионизмом занимаетесь? Советская власть надоела?

— Разве эту книгу нельзя иметь? — спросил я наивно.

— Голубчик, мы не собираемся в данный момент вас допрашивать, но антисоветчину изыдем.

Потом они стали копаться в папках, где хранилась личная переписка. В протокол вписали "Речь прокурора", журналы "Шалом", "Ариэль", "Посев", "Грани", "Новый журнал", фотографии, несколько писем, газеты "Новое русское слово" и "Русская мысль".

1. Ровина Хана, род. в 1892 году в Белоруссии. В 1915–1917 принимала активное участие в любительских спектаклях на иврите. Одна из основательниц вместе с Н. Цемахом и М. Гнесиным студии "Габима" в Москве. Училась сценическому искусству у Е. Б. Вахтангова и К. С. Станиславского, который проводил занятия в "Габиме". Сыграла роль молодой Матери в "Вечном жиде" Пинского. Исполнила в 1922 году роль Леи "Галибук" Ан-ского (постановка Вахтангова), играла ее в течение 40 лет во многих странах Европы и США. В 1931 г. вместе с театром "Габима" уехала в Израиль. Умерла в 1980 году.

2. Шпинель И. А. (род. 1892, умер в конце 60-х годов). Ученик Фаворского. С 1927 г. работает в кино. С 1940 г. начал заниматься преподавательской деятельностью. С 1965 г. — профессор. Был художником-постановщиком двух серий фильма "Иван Грозный". Лауреат Государственных премий.

В ПСИХОТЮРЬМЕ

"...Помещение в психиатрическую больницу специального типа может быть назначено судом в отношении душевнобольного, представляющего по своему психическому состоянию и характеру совершенного им общественно-опасного деяния особую опасность для общества.

Лица, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора, исключающего возможность совершения ими нового общественно-опасного деяния".

Уголовный кодекс РСФСР,
статья 59, ч. П.

Вечером мы с женой и сыном смотрели по телевидению фильм "В людях"¹. В 11 часов вечера в дверях раздался звонок. На лестничной клетке два молоденьких, безусых милиционера.

— Гражданин Гендлин, вы срочно нужны начальнику 76 отделения милиции.

— Зачем я ему нужен в столь поздний час?

Заплакал сын.

Жена испуганно посмотрела на меня.

— Вы недавно поменяли паспорт, в нем надо сделать небольшую поправочку, — проговорил милиционер, почти мальчик, отводя глаза в сторону.

Более трафаретной версии они придумать не могли, по-видимому, недоставало фантазии.

— Паспортный стол ночью закрыт, но я все-таки попробую связаться с отделением милиции, выяснить, для чего я им нужен ночью.

Через справочное бюро узнаю телефон милиции. Трубку снял заместитель.

— Спасибо, что позвонили. Вы — журналист, нам

надо с вами посоветоваться по одному общественному делу.

— В таком случае, почему милиционеры назвали меня "гражданином" и сказали, что в моем паспорте имеется неточность, которую надо именно сейчас, в двенадцатом часу ночи, исправить?

— Я извиняюсь за них, они просто не знали, что сказать.

— У вас нет времени для беседы в дневное время?

— Согласен, приходите утром, к часикам восьми.

Отделение милиции рядом с домом. Утром захожу в дежурную комнату.

— Мне нужно видеть заместителя начальника отделения.

— По какому вопросу? Как ваша фамилия? Предъявите документы!

Назвал фамилию, домашний адрес, номер телефона.

Капитан с безразличием:

— Придется немного подождать.

— У меня нет времени. Расписана каждая минута, разрешите придти позже?

— Нет, гражданин! Вы нужны начальнику по личному вопросу, он скоро придет.

Медленно тянутся часы ожидания. Терпение лопается. Спрашиваю:

— Сколько мне еще ждать вашего непунктуального начальника?

— Гражданин, прекратите шуметь! А то придется запереть вас в камеру!

Кто-то сказал, что пришел начальник, но у него плохое настроение.

Наконец, начальник соизволил зайти в дежурную комнату. Подошел к нему:

— Меня здесь держат три часа !!

— Правильно сделали, что задержали, значит, совершили неблагоприятный поступок. Следователи разберутся, торопиться некуда.

— Позвольте вам объяснить, произошло явное недоразумение!

— Не позволю! У меня нет времени вдаваться в подробности содеянного преступления. Оправдываться будете на суде. Разговор окончен. Я вас не задерживал.

— Я требую, чтобы вы меня выслушали!

— Мы не желаем выслушивать всяких лоботрясов. Здоровенные милиционеры силой водворили меня на прежнее место.

В час дня ко мне приблизились молодые люди, спортсмены-здоровяки. Забрали портфель, обыскали, скрутили назад руки. От них разлило винным перегаром. Они вывели меня во двор. У подъезда ожидала карета скорой помощи с матовыми стеклами и с железными решетками. Один из сопровождающих сел рядом, другой с шофером. К машине подошел майор милиции с подстриженными, седоватыми височками. Он открыл дверцы:

— Гражданин Гендлин, очень хорошо, что мы встретились! Я заместитель начальника 76 отделения милиции. Желаю вам хорошо провести время и на досуге обдумать дальнейшее поведение.

Отвечать бандиту в офицерских погонах не хотелось.

Машина тронулась. Спросил:

— Куда вы меня везете?

— Сначала поедем к тебе домой, затем в Бутырочку, как раз к обеду поспеем.

Телохранители заржали.

— Повторяется 1937 год, поэтому тебя и взяли. Ты же контра-сионист!

Снова хохот.

Мучила неизвестность. Почему жена ничего не знает? Кто возьмет сына из детского сада?

”Скорая помощь” въехала в наш двор. Молодцы выскочили из машины, они рысцой вбежали в подъезд соседнего дома.

— Ты не волнуйся, сынок, — сказал пожилой шофер, — эти ребята — обыкновенные санитары-студенты медицинского института, на скорой — подрабатывают. Тебя повезут в психиатрическую больницу имени Каценко. Ты не бойся, больница не тюрьма.

Добрый шофер не знал, что психиатрическая больница иногда страшнее самой ужасной тюрьмы.

Санитары вышли из дома. Они искали "беспокойного" старика-баптиста, инженера-пенсионера Грека, который писал на Запад о никчемности советского правительства, о жестоком преследовании верующих баптистов. Неоднократно он просил в различных посольствах политическое убежище, но те отказывались его принять.

Мы подъехали к воротам огромнейшей московской психо-тюрьмы.

...КОРПУСА... КОРПУСА... КАМЕННЫЕ МЕШКИ. Старые двухэтажные, новые модернизированные шестизэтажные глухие кирпичные дома с подвалами, экспериментальными химическими лабораториями, камерами пыток, бомбоубежищами. Хозяева подвалов пытались сохранить зловещую тайну эпохи.

Санитары ввели меня в приемный покой. Ждать пришлось долго. Было много клиентов. Без конца открывались и закрывались двери, привозили мужчин и женщин, юношей и девушек, здоровых и больных. В разношерстной толпе узнал физиолога Каролину Гордееву, — последовательницу и ученицу академика Лины Штерн; физика Бориса Корнилова; математика Драчевского. С ними познакомился на диспуте в театре "Современник"; увидел артиста Моисея Коврова, который публично требовал прекратить издевательства над евреями...

Вызов к дежурному врачу. Общие вопросы, взвешивание, ванна, переодевание в больничную "униформу": рубашка холщевая, кальсоны, тапочки без шнурков, пижамные серые штаны, рваная без пуговиц куртка.

— Раз ведете себя хорошо, пойдете в спокойное отделение, — сказал дежурный врач.

— Санитары у меня забрали две ручки фирмы "Паркер", бумажник, в котором было 160 рублей, записную книжку, портфель с документами. Пока я не увижу, что все это цело, в отделение не пойду.

Дежурный врач вызвал санитаров. Те стали мяться, отказываться, сказали, что я все выдумал. В кабинет вошел в белом халате гебист, из заднего кармана выпирал револьвер. Гебист предложил санитарам выложить все на стол. Выше перечисленное было вписано в опись.

Снова карета "Скорой помощи", но уже другая, принадлежащая больнице. Машина как бы совершает "круг почета". Подъезжаем к двухэтажному кирпичному зданию. На память приходят строки из букваря 20-х годов: "Камень на камень, кирпич на кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич!" Меня вталкивают в полубуйное отделение. Дежурный фельдшер подходит к койке, которая стоит в самом конце длинного коридора.

— Вот твоя кровать. Пойдем в процедурную, проверю давление.

— Спасибо, не беспокойтесь, давление нормальное, только что измеряли.

Фельдшер широко улыбается, обнажив давно нечищенные съеденные зубы.

— Для успокоения нервной системы тебе надо сделать безболезненный укол!

— Без врача уколы делать не дам.

Ко мне приблизились санитары, по виду которых легко можно было определить, что они хорошо знакомы с приемами бокса и борьбы. Я бросился к подоконнику, схватил табуретку медперсонала, *не привинченную*. Отчаяние придало силы.

— Кто первый подойдет, тому размозжу голову!

Среди больных, психически ненормальных, увидел совершенно ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ. У них у всех по-

давленное состояние. Потом узнал, что им вводили ПОВЫШЕННЫЕ ДОЗЫ АМИНАЗИНА, ТРИФТАЗИНА, ГАЛОПЕРЕДОЛА, СУЛЬФАЗОЛА и об этом достаточно хорошо знает русская интеллигенция и МОЛЧИТ, продолжает спокойно есть, пить, удить рыбу, собирать грибы, кататься на автомобилях, проводить лето на курортах, аплодировать балеринам, смотреть фильмы, ДОСТАВАТЬ книги, стоять в очередях за подписками на Чехова, Дюма, Жорж Занд, обнимать любимых женщин. Интеллигенция хочет спокойно спать и видеть приятные сновидения, а каменные мешки пусть сами по себе...

Двое суток простоял около подоконника. Ребята предупредили, что ночью фельдшеры частенько сонным больным делают уколы. В знак протеста отказался от еды. Старшая сестра предупредила:

— Лучше пойдешь поесть, иначе придется кормить через зонд. У нас в больнице свои порядки, капризничать будешь дома. Не таких уламывали храбрецов и приводили в надлежащее чувство. У нас все становятся смиренными и благоразумными.

В отделении уборная без спуска. Когда надо спустить воду, санитар отмычкой открывает ванную и сам лично совершает эту процедуру. От шума и криков можно оглохнуть. Читать нечего. То и дело возникают драки, мед. персонал не разнимает, весело смеется, для них это развлечение. Настоящие сумасшедшие со знанием дела дубасят друг друга. Здесь имеются свои "пророки". Некто Вавилов, инженер из Томска, у которого на глазах расстреляли жену, мать, отца, сестер, сошел с ума. Из тюрьмы его "реабилитированного" привезли в Кашенко. Он считает себя анархистом, называет "батькой Махно". Вот раздается истошный крик:

— Я — Гитлер, да здравствует всемирный потоп! Ура, товарищи!

* * *

Каждый по-своему сходит с ума.

Встреча с лечащим врачом:

— Какие жалобы?

— У меня ничего не болит. Я совершенно здоров.

Почему меня поместили в эту больницу?

— Вам необходимо пройти курс лечения, потом будет консилиум. Пока о выписке говорить преждевременно.

— Сколько мне придется у вас быть?

— Минимально пять месяцев. Если станете вести себя плохо, срок увеличится до восьми-десяти месяцев, а возможно и до года. Между прочим, какие у вас взаимоотношения с женой?

— Самые лучшие, желаю вам иметь такие же с вашим мужем!

— Вы меня не должны обманывать, у нас имеются сведения, что ваша жена сама просила городского и районного психиатров положить вас на длительное стационарное лечение.

— Это чистой воды фальсификация.

— Для начала вы будете принимать аминазин, если таблетки не окажут должного действия, придется делать сульфазол и непременно пункцию.

— Отказываюсь принимать любые лекарства, уколы делать не дам, позовите заведующего отделением.

— Доктор Коган очень занят, это невозможно.

— Почему вы не сообщаете жене, что я изолирован в психотюрьму?

— Запрещаю разговаривать со мной таким тоном!

— Вы не ответили на мой вопрос?

— Это решит специальная комиссия.

Диалог на этом закончился.

Разговорился с молоденькой медсестрой. Попросил неискушенную Тамару позвонить жене на работу или домой.

Обстановка в отделении страшная. Окна с решетками. Еда отвратительная (трехразовое "питание" из расчета 31 копейки в день, кроме того, за счет боль-

ных кормится целая дивизия — мед. персонал, а сколько воруют?). Столы привинчены к полу. Вместо стульев скамейки. Вонь, грязь, стоны, крики, истерический смех, завывания, спертый воздух.

Вечером обманным путем заманили в процедурную. Коренастый, рыжий санитар по прозвищу Ходя ногой ударил меня в живот, а потом стал топтать ногами. Бил по лицу, голове, спине, животу. В экзекуции ему помогал напарник, "герой труда", кавалер пресловутого ордена "Знак Почета", дядя Володя. Избитого кинули на койку. Утром я не мог встать, ломило все тело. Ко мне подошел низкий, с короткой шеей, очень толстый человек.

— Я заведующий отделением, доцент Коган. Ночные дежурные доложили, что вы ночью бились головой, что у вас был сильный приступ эпилепсии?

Рядом с Коганом стояли врачи отделения, дежурные сестры, фельдшеры, старшая сестра и на всякий "пожарный" случай здоровенные бабы-санитарки с хорошо развитой мускулатурой.

— Доктор Коган, мне говорили, что в каждой тюрьме имеются негласные законы. Но я никогда не думал, что в советских больницах содержатся платные палачи-боксеры, которые по приказанию врачей избивают и калечат больных и здоровых, насильно запертых в застенки сумасшедшего дома!

— У вас маниакальный бред, по-русски это называется мания преследования. Вас никто не бил. Вам показалось. Мы будем вас планомерно лечить, чтобы имеющиеся рецидивы навсегда исчезли.

Массивно-низкий Коган величественно удалился, неся свое дородное, выхолщенное, утрамбованное тело.

* * *

Психиатрические больницы давно уже стоят на страже советских законов, являются пролетарским вариантом средневековой инквизиции, начало которой положил "Великий Октябрь". В 1922 году нача-

лась реконструкция московских психиатрических больниц имени Кащенко, имени профессора Соловьева, больницы, основанной профессором Ганушкиным². По закрытым эскизам началось строительство психиатрических больниц в Петрограде, Самаре, Екатеринославе, Перми, Вятке, Днепропетровске, Харькове. Многие царские тюрьмы *переконструировали под психиатрические* тюрьмы (Днепропетровск, Казань, Вологда, Тюмень, Красноярск). Характерная деталь – до 1956 года ни в одну советскую энциклопедию не попали имена крупнейших психиатров: профессоров братьев Кащенко, Соловьева, Ганушкина, Гиляровского, Сухаревой, Осиповой и многих других. С 1925 по 1972 годы только в одной Москве несколько раз переиздавалась и перерабатывалась абонентная телефонная книга. Фамилии психиатров, как знаменитых, так и рядовых, наряду с политическими и государственными деятелями, не публиковались. Из карточек городских справочных бюро домашние адреса и телефоны врачей-психиатров по специальному распоряжению КГБ были изъяты.

В некоторых медицинских институтах с 3-го курса начинается специализация. Кандидаты в психиатры проходят строжайший индивидуальный отбор. На коллоквиуме присутствуют ответственные работники министерства здравоохранения, непременно райкома партии и КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ – КГБ. После *"посвящения"* в психиатры, такой счастливец раз и навсегда перестает принадлежать себе, он со студенческой скамьи становится послушным орудием власти имущих.

Михаил Васильевич Фрунзе³ страдал язвой желудка. Армейские врачи настаивали на соблюдении строжайшей диеты. В трудные годы гражданской войны выполнять предписания врачей было невозможно. Скромный, на редкость интеллигентный Фрунзе для себя ничего не просил. В 1922 году командарм Красной Армии, член ЦК, командующий войсками Украины и Крыма, Михаил Фрунзе поговорил со Сталиным – "большим специалистом по национальным вопросам", который считал, что Украина России не нужна. Его встреча с Фрунзе состоялась в Киеве, в штабе войск⁴.

– Товарищ Фрунзе, – начал Сталин, – мы, большевики, считаем, что Украина может от нас отделиться, за свое отделение разжиревшие националисты заплатят нам миллионы золотых рублей.

– Товарищ Сталин, а этот вопрос согласован с товарищем Лениным? – осторожно спросил Фрунзе.

Будущий диктатор с трудом сдерживал свой восточный темперамент:

– Товарищ Ленин в настоящее время не совсем здоров. Вы должны знать, Фрунзе, что большевистская партия поручила мне решать вопросы, связанные с национальной политикой.

Фрунзе твердо:

– В таком случае, надо срочно созвать внеочередной съезд!

Потеряв самообладание, Сталин крикнул:

– Фрунзе, вы больны! Вот письмо народного комиссара здравоохранения товарища Семашко⁵. Поскольку у вас расшатана нервная система, вам надлежит явиться в психиатрическую лечебницу к доктору Котько⁶, ЕСЛИ ПРИКАЗ БУДЕТ НАРУШЕН, ВЫ БУДЕТЕ РАССТРЕЛЯНЫ. Красной Армии нужны командармы волевые, сильные, здоровые.

Фрунзе:

– Товарищ Сталин, я совершенно здоров и ни на что не жалуясь. Но если это приказ солдату Красной Армии, я готов безоговорочно подчиниться.

По указанию Сталина, профессор Котько поместил Михаила Васильевича Фрунзе в отделение для хронических больных. После недолгого "лечения", по-видимому, "эффективного"), Михаил Васильевич вышел оттуда подавленным, неуравновешенным человеком.

Злопамятный Сталин, желая окончательно разделаться с Фрунзе, которого он ненавидел, в октябре 1925 года приказал ему лечь в больницу на операцию. За несколько дней до трагического конца Фрунзе пишет жене, к которой относился с необыкновенной нежностью:

"...Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя особенно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее, оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен (Фрунзе вынужден кривить душой – Л. Г.). Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо, в противном случае, как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения". (С. Сиротинский "Последние дни", "Красная звезда", 31 октября 1930 г.).

На операции настаивали два человека – Сталин и Ворошилов.

29 октября 1925 года в московской больнице им. Боткина Фрунзе была сделана операция под руководством профессора В. Н. Розанова и при участии профессоров Грекова, Мартынова и доктора Очкина.

1 ноября 1925 г. в "Правде" было опубликовано правительственное сообщение:

"В НОЧЬ НА 31 ОКТЯБРЯ ОТ ПАРАЛИЧА (??? – Л. Г.) СЕРДЦА УМЕР ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РВС СССР МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ".

Писатель Борис Пильняк⁷, потрясенный случившимся, написал "Повесть непогашенной луны", которая была напечатана в журнале "Новый Мир"...

Секретарь московских большевиков Угланов считал, что разумнее вкладывать миллионы рублей в легкую промышленность, нежели в строительство гидроэлектростанций. Специальным решением Угла-

нова водворили на продолжительное "лечение" в сумасшедший дом, потом его расстреляли. (По свидетельству психиатра А. Д. Лысогорской).

В 1959 году я был в командировке в Алма-Ата. Там познакомился с Розой Соломоновной Канарской, в прошлом яркой большевичкой. Приведу ее рассказ:

"Меня захватили идеи Троцкого. Когда его выслали вместе с его женой Натальей и сыном Львом Седовым в Казахстан, я, как врач-терапевт, добилась туда перевода. Я стала добровольным помощником изгнанника-революционера. Когда мы прибыли в Тулу, на вокзале собралась огромная толпа партийных рабочих. Троцкий говорил три часа. Это были перлы ораторского искусства. Поезд задержался на сутки. Своё выступление он закончил словами:

— Я еще вернусь! Мы вместе с вами будем создавать новую жизнь!

Ответное слово произнес первый секретарь Тульского обкома партии Григорий Каминский. В Самаре (Куйбышеве) наш поезд встречали тысячи людей. Троцкого из вагона вынесли на руках. Он был засыпан цветами. Лев Давидович оживился:

— Оказывается, меня еще помнят, знают и понимают. Как я этому рад!

В Оренбурге, на станции, к Троцкому подбежали взволнованные люди, — его приверженцы, высланные из Москвы, Ленинграда, и других российских городов. Они сказали, что по распоряжению властей оцеплены два вагона. Троцкий заявил решительный протест. Секретарь обкома побегал звонить и докладывать Москве. Троцкий вошел в свой вагон только после того, как его товарищи остались в поезде и последовали за ним в ссылку.

В один из последних дней февраля 1927 года ночью к Троцкому пришел работник ГПУ Водовозов, его сопровождал врач-психиатр Куряков. Троцкому официально было предложено отказаться от всякой политической деятельности и прекратить интенсивную переписку. Куряков предъявил ему *распоряжение*, что он обязан явиться для освидетельствования в психиатрическую лечебницу. Рассмеявшись, Лев Давидович попросил незваных гостей покинуть его квартиру. На другой день чекисты под руководством Водовозова и Курякова произвели в квартире обыск. Библиотека, бесценные бумаги, письма, записные книжки с адресами и телефонами, множество блокнотов, фотографии были конфискованы. Вечером Троцкого доставили в психиатрическую лечебницу. Мне удалось узнать, в какой палате он находится. Лева, Наталья и я дежурили по очереди, мы ни на минуту не оставляли его одного, пищу готовили дома, мы боялись, что его отравят. После того, как Троцкого выписали, я хотела с ними эмигрировать за границу. Власти дали согласие. Когда я пришла за документами, меня посадили в закрытую машину и отвезли на вокзал. Я была уверена, что меня везут в Одессу... Десять лет меня продержали в беспо-

койном отделении Читинской областной психиатрической больницы и 18 лет в Тобольской каторжной тюрьме. Меня осудила пресловутая тройка. Потом узнала, что Водовозов и Куряков – расстреляны. Меня, конечно, реабилитировали, но из Алма-Ата не выпускают, я пожизненно пригвождена к этому страшному краю. Отглядываясь на пройденный путь, скажу, – зря ломались копыя. Все диктаторы в советском тоталитарном государстве – от Ленина до Хрущева – страшны и опасны для человечества. Власть их развращает и делает – ЛЮДОЕДАМИ⁸.

По свидетельству генерала Тодорского и старого члена партии Моисея Черток:

“В 1933 году по указанию Сталина на Украину был послан Петр Постышев. Он потопил в крови освободительное движение украинцев, поднявшихся против диктатуры Сталина. Председатель совнаркома Украины Влас Чубарь был смещен. После проделанной “операции” товарищи Постышев и Чубарь были водворены в разные отделения психиатрической больницы, затем – тюрьма, следствие, расстрел.

Старый большевик, народный комиссар просвещения Украины Скрышник покончил жизнь самоубийством в Харьковском сумасшедшем доме.

В 1932 году в псих. больнице был умерщвлен один из столпов марксистской исторической науки профессор Покровский. В газетах появился некролог, в котором сообщалось: “... что после тяжелой и продолжительной болезни скончался видный советский историк профессор М. Н. Покровский”⁹.

В 1864 году Федор Достоевский опубликовал одну из лучших своих книг “Записки из мертвого дома”. С потрясающей силой он рассказал о царской каторге. Через сто лет другой русский писатель, Александр Солженицын, достойный его преемник, в повестях, романах, рассказах, в глубоких публицистических исследованиях поведал миру о советской каторге, через которую промаршировали десятки миллионов ни в чем не повинных людей. Но не родился еще писатель, который сумел бы описать жизнь заживо погребенных, униженных и оскорбленных, инакомыслящих XX века, которые обречены лучшие свои годы проводить в застенках – каменных мешках психиатрических лечебниц, модернизированных Лениным-Сталиным-Маленковым-Хрущевым-Брежневым. И талант такого писателя должен быть столь же огромен, как и страдания обреченных.

* * *

Возвращаюсь к пребыванию в психотюрьме.
В нашем отделении много лет находился хрони-

ческий больной Савва Стацок. Его отец, киевский инженер, на протяжении десятилетий, вместе с женой, были приверженцами католицизма. Саввушка до самозабвения чтит своих родителей. После их ареста он на нервной почве лишился рассудка. Иногда на него находило просветление.

Заведующий отделением доцент Коган по совместительству преподавал в школе медицинских сестер, — основы психиатрии. Чтобы не утруждать себя лишними поездками, он демонстрировал больных в своем отделении. Однажды Коган показал сестрам худенького, бледно-пергаментного от ежедневных уколов Саввушку Стацока. Больной человек повторял одни и те же слова, словно рефрен к сатирическим куплетам:

— Артиллерия идет за нами! А ты, дура, знаешь, где растет картошка? Картошка с тромбонистами растет, дура, на Луне и на Марсе. Понял, дура? Духовой оркестр загремит, как только все барабанщики встанут из могил, понял, дура? Значит, ты знаешь, дура, где растет картошка и где гудят барабаны?..

Коган спросил Саввушку:

— Ну, Стацок, расскажи нам, в каком именно месте произрастает твоя любимая картошка? Ты понял, о чем я тебя спрашиваю?

— Сейчас, дура, я покажу тебе, где растет картошка и на каком инструменте любят играть тромбонисты!

Будущие медицинские сестры дружно рассмеялись. А ведь они присутствовали во время Человеческой Трагедии.

Саввушка Стацок подошел к врачу, нагнулся и ладонью правой руки схватил его член. Неповоротливо-қосолапый эскулап закричал, моля о помощи. Стацок цепкими пальцами сжимал яички врача сильней и сильней. Коган упал на пол. Больной повалился вместе с ним. Сестры истерически гоготали, им показалось, что они находятся на спектакле Театра Сати-

ры. Саввушка бессознательно повторял одно и то же:

— Ну, дура, ты думаешь, что все идиоты, теперь ты, сволоочь, знаешь, где растет картошка, и на каком инструменте любят играть больше всего удалые тромбонисты?

Коган истошно продолжал вопить. Санитары и фельдшеры с помощью двух острых кухонных ножей разжали руки больного. Когана отвезли в больницу. Три месяца он находился в тяжелом состоянии.

В отделение пришло распоряжение главного врача Морковкина¹⁰:

”В связи с засором туалетов, временно запрещается пользование газетной и прочей бумагой...” Мы — 28 здоровых людей, объявили голодовку. Такого происшествия в больнице еще не было. Заведующий отделением вызывал в кабинет по одному. Дошла очередь и до меня:

— В чем дело? — спросил он резко. — Если не угомонитесь, переведу в острое отделение (читай в буйное).

— Доктор, я вас не боюсь. Пока вы не удовлетворите наши требования, мы не успокоимся и будем продолжать голодовку.

— Что вы хотите, Гендлин?

— У нас к вам, как заведующему отделением...

Коган не дал договорить, перебил, крича:

— Пора уже знать, что в СССР каждый человек обязан говорить только за себя!

Как не вспомнить Калинина, который то же самое сказал мне, ребенку, в 1933 году.

— Мы изолированы от общества, лишены права голоса, и в связи с этим не обязаны подчиняться законам общества. Дальнейшие переговоры могут вестись только в присутствии моих товарищей.

Коган распорядился вызвать Олега Пахмана, филолога из Воронежа; Сергея Ромаданова, кандидата юридических наук; Виталия Апостолова, кандида-

та педагогических наук; Александра Криницу, поэта-переводчика; Олега Матвеевко, мастера спорта; Феликса Быстрова, токаря-универсала. Эти люди, средний возраст которых 35—45, попали в больницу за то, что не захотели "добровольно" вступить в члены КПСС. В разное время из райкомов партии (после собеседования) их отправили в психо-тюрьму — больницу имени Кащенко.

— В последний раз спрашиваю, какие претензии у вас имеются к администрации отделения? — прокричал, срываясь на фальцет, Коган.

Сергей Ромаданов спокойно ответил:

— Мы требуем немедленно провести собрание пациентов отделения, с участием медперсонала и администрации больницы. Настаиваем на присутствии главного врача Морковкина, доктора Масляевой¹¹, юрисконсульта. Требуем изгнать из отделения санитаров Ходю и дядю Володю. Ставлю вас в известность, что мы отправили жалобы в министерство здравоохранения СССР, в Международный Красный Крест, ЮНЕСКО, ООН.

— В таком случае, нам придется раскассировать отделение. Мы отправим вас в Белые Столбы, в Казань, в Днепропетровск, в Калининград, — брызгая слюной, кричал окончательно потерявший самообладание и выдержку врач-психиатр. Это были угрозы бессильного администратора от медицины.

Голодовка продолжалась. Летаргический сон кончился. Здоровые "больные" снова почувствовали себя полноценными людьми. Мы отказывались принимать лекарства и делать уколы. Сестры были на нашей стороне. Пугливо озираясь, они рассказывали нам "последние новости". Коган понимал, что так долго продолжаться не может. Своей властью он уже отменил два воскресных свидания. Женам, отцам, матерям, сестрам, братьям, детям с передачами, привезенными из разных концов страны, пришлось возвращаться домой. Нарастал ропот. Коган испугался —

могло взорваться не только отделение, но и вся больница. И несмотря на сложившуюся ситуацию, начальник отделения не спешил капитулировать перед подчиненными и больными. Слухи о неполадках в отделении достигли номенклатурных ушей. К нам "в гости" нагрянули профессор Снежневский¹², врачи Морковкин, Масляева, юрисконсульт, главный психиатр Москвы Янушевский¹³. Во время обхода произошло столкновение больных с высоким начальством. Мы рассказали о всех безобразиях, происходящих в отделении. Санитаров выгнали, но дядю Володю три раза восстанавливало партийное бюро. В туалете появилась бумага (не туалетная, слишком жирно), а процензуренные старые газеты, без портретов вождей, другой не полагалось. Один раз в 10 дней приходил парикмахер, который одним лезвием брил все отделение — 68-76 человек.

ПРОДОЛЖАЛОСЬ САМОЕ СТРАШНОЕ — "ЛЕЧЕНИЕ" ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ.

Жену увидел через месяц. Потрясенная случившимся, Лида умоляла Когана и лечащего врача написать меня домой. Она принесла письменное свидетельство о моей вменяемости, которое подписали 47 человек. Никакие уговоры не помогли.

Меня повели на беседу к профессору Снежневскому (читай на допрос). Присутствовали Коган, профессор Авруцкий¹⁴, Масляева. Длинноногий, седой Снежневский спросил:

— Расскажите нам, что вас беспокоит? От каких бед вы хотели бы избавиться с нашей помощью? Что мешает вам находиться в нормальном человеческом состоянии? Вы игнорируете общество, или оно игнорирует вас?

— В первую очередь, профессор, я хотел бы раз и навсегда избавиться от вашей опеки и от заведения, куда меня незаконно заперли.

Мои слова столп науки пропустил мимо ушей. Посыпались вопросы:

— Какую вы любите литературу? — спросила Масляева.

— Из русских писателей Достоевского, Гоголя, Чехова, Леонида Андреева; из поэтов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Блока, Пастернака, Цветаеву, Ахматову, Мандельштама; люблю мемуарную литературу, книги по искусству.

— Как могла вас заинтересовать антисоветская, сионистская литература? — спросил Авруцкий, выкатывая на меня карие с желтизной глаза.

— Не понял вопроса?

— Где вы могли получить книгу с речью израильского прокурора на процессе Эйхмана? Если не ошибаюсь, она была издана в Иерусалиме? Кажется, вы там не были?

— Какое отношение к нашей беседе имеет речь прокурора Хаузнера? Вы, очевидно, работаете по совместительству следователями-дознавателями?

— Рекомендуем точно отвечать на наши вопросы, — тихо, почти по-отечески проговорил Снежневский.

— На дальнейшие вопросы отказываюсь отвечать.

— Придется приступить к эффективному лечению, — протяжно зевнув, сказала Масляева.

Со мной в отделении находились филолог Гурвич, несостоявшиеся космонавты Олег Павлов и Ростислав Попов...

Яков Осмоловский — аспирант университета. Родился он в Киеве. Вся его большая семья расстреляна в Бабьем Яру. Чудом уцелел девятилетний мальчик. Во время массового расстрела, испугавшись, ребенок упал на мертвую мать. Подростка спас русский, православный священник отец Амвросий, в миру Степан Феоктистович Сургучев. Вечная ему память!

Яша мечтал стать дипломатом. После неудачных попыток, он добился приема у министра иностранных дел Вышинского.

— В Советском Союзе, — пророкотал министр, — евреи никогда не будут дипломатами.

Молодой человек поступил в университет. За пять лет он получил два диплома: философского факультета и филологического, затем блестяще сдал экзамены в аспирантуру. Кандидатские диссертации он назвал: "Философия Ницше и XX век", "Михаил Булгаков — писатель-философ, писатель-романист, писатель-мечтатель". Физик Лев Ландау назвал труды Осмоловского гениальными. Корней Чуковский сказал: "Яков Осмоловский — замечательный философ-литературовед. Его талант равен талантам Белинского, Тынянова, Белинкова". Анна Ахматова: "Осмоловский — гордость, честь и достоинство новой русской литературы"; Елена Булгакова (вдова писателя М.А. Булгакова): "То, что сделал Осмоловский, можно сравнить с тем, что сделал для русской литературы Михаил Афанасьевич Булгаков". Официальные оппоненты, академик И. Минц, М. Нечкина, Б. Сучков, А. Дымшиц забраковали работы молодого ученого. Его выгнали из университета. В отчаянии он написал письмо в ЦК КПСС. Для начала ему дали 15 суток, затем отправили на освидетельствование в Институт судебной психиатрии имени проф. Сербского, затем приговорили за Ницше и Булгакова к **БЕССРОЧНОМУ ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ ЛЕЧЕНИЮ** в больнице им. Кащенко. Яшу нещадно кололи "новейшими" и "старейшими" выдержанными препаратами. Его ум и воля были парализованы и когда у него наступила минута просветления, он связал узлом простыни, во время очередного врачебного обхода спрятался под кроватью и, как только за палатой перестали наблюдать сестры и фельдшера, он взобрался на подоконник и повесился. Койка его стала нарицательной. Она предназначена для нарушителей режима, которым рассказывается, как "**БЫВШИЙ АСПИРАНТ**", из-за "*дурости*" покончил жизнь самоубийством.

Огрызком карандаша Яша написал на мятом листочке бумаги:

”Будьте вы прокляты, палачи-убийцы: снежневские, коганы, аврутские, лунцы. Вы — фашисты советской формации. Вы — наследники Атиллы, наследники Ленина-Сталина, наследники Гитлера-Эйхмана. Пройдет время, проснется Россия, и тогда все палачи предстанут перед международным трибуналом Совести и Чести...”¹⁵.

Тело умершего Осмоловского отвезли в морг для вскрытия. Похоронили его в общей, безымянной могиле кладбища больницы имени Кащенко, где он ЗАРАНЕЕ БЫЛ ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ. Перед спуском тела в могилу, врач-психиатр Маргарита Пахомова¹⁶ еще раз проверила, что Осмоловский Яков Вульфович действительно умер.

Возможно, когда-нибудь автору удастся издать дневники и научные труды Якова Осмоловского, одного из пламенных борцов за свободную Россию.

Александр Гурвич¹⁷ занимался преподавательской работой. Имел квартиру, машину, дачу. В свободное время увлекался садоводством — выращивал кактусы, коллекционировал марки, бронзу, старинные монеты. У него была чудесная библиотека по искусству и поэзии двадцатых годов. Он сетовал, что судьба не дала ему детей. Жена Гурвича — кандидат исторических наук, Митрохина, недолго работала в райкоме партии, затем перешла в КГБ.

Вероника Митрохина на приеме познакомилась с генералом армии Захаровым. Она захотела избавиться от мужа, с которым прожила 12 лет. Гурвич знал, что его жена ведет нечестный образ жизни. Он несколько раз предлагал Митрохиной развод, но та отказывалась. Причина — дележ имущества. Вероника Николаевна сама нашла выход из создавшегося положения. Она пригласила к себе в КГБ на беседу районного психиатра. С грустью говорила о странном поведении мужа, которое выражалось в припадках

отчаяния, необъяснимой тоски, пессимизма. Доверившись, сказала, что однажды ночью Гурвич держал в руках топор и молча, с закатанными глазами, смотрел на нее.

— Понимаете, я случайно проснулась, около моей постели стоял муж с топором в руках. Испугавшись, я крикнула. Стала звать на помощь, муж машинально уронил топор на пол.

— Боюсь, что ваш муж серьезно болен, нам придется его тщательно обследовать, сделать анализы, а потом уже приняться за лечение.

— Мне очень жаль, но возражать не приходится. Доктор, как все это безболезненно проделать? Я не хочу, чтобы соседи по дому что-нибудь знали.

— Если не возражаете, мы возьмем его после работы? Вас устраивает такой вариант?

— Да, конечно. При случае, доктор, я постараюсь вас отблагодарить. Может быть, вам нужна путевочка? Сделаем, куда хотите, в Сочи, Ялту, Сухуми, Подмосковье? Только намекните, и скидочка будет, и проезд оплатим самолетом, оформим командировочку?

— Ну что вы, — осклабился врач, — я выполняю свой гражданский долг.

Когда Александр Моисеевич, после рабочего дня, вышел из университета, к нему подошли два человека, они предложили ему следовать за ними. В машине ему объяснили, что произошло явное недоразумение, которое скоро выяснится, надо только доехать до места. В приемном покое Гурвичу сказали, что это "простая формальность" и что дня через два он будет дома.

Мы подружились, в наших судьбах было много общего.

Как-то к Гурвичу приехала жена в сопровождении генерала армии Захарова. Гурвич находился за кордоном, за железным намордником, бывшая "жена" на улице. Митрохина громко прокричала, мы все

слышали, окна были открыты для проветривания помещения.

— Сегодня я пришла к тебе в последний раз. Больше ты меня не увидишь. Развод я уже оформила. Завтра, дорогой, ты поедешь в психиатрическую колонию — в Белые Столбы. Лечись и не поминай лихом.

Сквозь решетчатые прутья я хорошо видел эту бабу-садистку. Десятки людей — больные и здоровые — прильнули к окнам. Во дворе случайно оказался корреспондент Всесоюзного радио Борис Вятский¹⁸. Он случайно записал на магнитную пленку все, что говорила Митрохина.

Гурвич заливался слезами, словно маленький ребенок:

— Что мне делать? Кто поможет вырваться из этого ада? Меня заставляют принимать осточертевший аминазин, в пищу тоже что-то подмешивают, за пять месяцев я стал ненормальным, я перестал ощущать себя человеком.

В тот день мы провожали Гурвича до выходных дверей отделения. Навсегда запомнились его широко раскрытые глаза, полные ужаса и страдания.

А братья-писатели — СЕМЬ ТЫСЯЧ ГОЛОВ, романисты и повествователи, лирики бесхребетные и поэмотворцы, драматурги и сценаристы бьются в родовых муках, чтобы найти *положительного героя*, им нужен образцовый рабочий, колхозник, милиционер, пограничник-разведчик, в крайнем случае, пожилой пролетарий с "боевым прошлым" и, конечно, с чистой анкетой...

Опережаю события.

У меня было около ста посещений различных чиновничьих инстанций. Удалось прорваться к ректору Московского университета академику Петровскому, два раза собирался студенческий совет, побывал в партийной и комсомольской организациях, в ми-

нистерстве просвещения, у министра высшего и среднего специального образования, Елютина, у заведующего отделом науки ЦК КПСС Трапезникова, в президиумах Верховного Совета РСФСР и СССР, в приемной генерального прокурора. Дочь Подгорного устроила свидание с отцом. Об этой истории стало известно иностранным журналистам, аккредитованным в Москве. На Волхонке, в клубе треста "Мосжелезобетон", мы устроили подпольную пресс-конференцию. Пленка Вятского сыграла решающую роль. Борис потерял работу. Дело Гурвича получило широкую огласку. Митрохину исключили из партии, уволили из органов. Генерал Захаров имел неприятности по службе. Районного психиатра перевели в рядовые. Главный психиатр Москвы Янушевский "за недосмотр" получил строгий выговор от министра здравоохранения СССР.

В жизни я видел мало счастливых дней. Один из самых светлых и дорогих был день, когда вместе с товарищами мы на машине поехали в Белые Столбы за Гурвичем. Больной, усталый, изможденный, очень худой человек бросился мне на шею. Его ТРАГЕДИЮ может понять только тот, кто сам все это пережил.

Возвращаюсь к прерванной беседе со Снежневским. Профессор говорил долго и нудно:

— Ваше молчание нам говорит о многом и, в первую очередь, о тяжелом заболевании. — Он сокрушенно покачал головой. — Я согласен с доктором Коганом, что у вас маниакальный бред и мания преследования. Мы спросили вас про сионистскую литературу, почему вы так насторожились? Вы все время чего-то боитесь? Поймите, дорогой Леонард Евгеньевич, здесь, у нас в больнице, вы находитесь в полной безопасности.

— Профессор, вы прекрасно понимаете, что имеете дело с нормальным человеком. Зачем вы разыгры-

ваете очередную комедию? Возможно, ваш труд прекрасно оплачивается и игра, которую вы ведете, стоит свеч?

— Я на вас не обижаюсь, потому что вы больной человек, у вас отсутствуют сдерживающие центры.

В знак согласия, присутствующие дружно поддакивали.

О моем заточении жена сообщила писателям Паустовскому, Беку¹⁹, Чуковскому. Она им послала письма. На имя главного врача больницы поступили протесты от наших друзей — журналистов, писателей, ученых. Лида поехала к Твардовскому, с которым была хорошо знакома. Александр Трифонович обещал помочь.

Меня вызвал Коган. В его присутствии Масляева сказала:

— Завтра, после обеда, вы выписываетесь. Я обязана вас предупредить, если начнете посещать посольства иностранных государств, и в том числе израильское, будете хранить антисоветскую литературу — книги и рукописи, устраивать в своей квартире собрания, вы снова попадете к нам, тогда уже на срок, который будет исчисляться, в лучшем случае, годами.

Свой монолог она произнесла размеренно, тихо, вкрадчиво, как умеют говорить только психиатры и шарлатаны-гипнотизеры. Следующее НАПУТСТВИЕ исходило от Когана:

— Два раза в месяц вы обязаны являться в психоневрологический районный диспансер и все время находиться под наблюдением врачей-психиатров.

— Но я ведь совершенно здоров!

— У вас в голове стоит шум, играет оркестр, вам сложно различить мелодию, — вполне серьезно сказал доцент-гебист Коган.

— Откуда вы знаете, что делается в моей голове? Неужели вам слышно?

— Мы, советские психиатры, должны все знать.

Вы больной человек и вам надо серьезно лечиться. Подумайте о жене и сыне!

Наступил долгожданный день.

С каким наслаждением я вдыхал свежий московский воздух. От счастья, от ощущения свободы, кружилась голова, хотелось обнять деревья, целовать землю, каждый встречный казался другом, товарищем, добрым, откровенным собеседником.

В больничном листке рукой Когана было написано:

”ЭНДОГЕННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ”.

1. Постановка Марка Донского (1939), киностудия ”Союздетфильм” (теперь носит название: Московская киностудия детских и юношеских фильмов имени М. Горького).

2. Ганушкин П. Б. (1875–1933). Автор монографии о психопатии.

3. Фрунзе М. В. (1885–1925).

4. По записям Бориса Пильняка. (Архив автора).

5. Семашко Н. А. (1874–1949). Первый народный комиссар здравоохранения (1918–1930). Академик, член ВКП/б/ с 1893 г.

6. Котько расстрелян в 1926 году.

7. СЛОВО О БОРИСЕ ПИЛЬНЯКЕ

17 мая 1926 года в Москве около киосков ”Союзпечати” выстроились огромные очереди. Киоскеры не могли понять, что произошло? Почему всю ночь напролет дежурят люди, несмотря на проливной дождь, никто не уходит? Неужели власть переменялась? Ждут новых постановлений?

Газеты привезли в 5.45. На них никто не накидывался. Толпа зашевелилась, когда появились журналы. За несколько минут был распродан журнал ”Новый Мир”. Читатели с жадностью проглатывали новое произведение Бориса Пильняка ”Повесть непогашенной луны”. Затем ее напечатали в литературном альманахе ”Недра” и в ”Романгазете”. Через месяц ее опубликовали в Германии, во Франции, Америке, Японии, Скандинавских странах...

С первых шагов Борис Пильняк нарушил каноны правописания. Он не стал подражать русским классикам Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Тургеневу и не учился писать у дорогих современников: Серафимовича, Новикова-Прибоя, Алексея Толстого; игнорировал патриарха русско-советской литературы, родоначальника социалистического реализма, бессмертного Алексея Максимовича Горького, хотя все годы от-

носился к нему с огромной нежностью. Своим писателем, "учителем на всю жизнь" Пильняк считал Алексея Михайловича Ремизова.

"Пильняк" – литературный псевдоним Бориса Андреевича Вогау. Отец его ветеринар, выходец из немцев-колонистов Поволжья, Саратовской губернии. Мать из старинной купеческой семьи, училась в Москве, закончила курсовое педагогическое образование.

"Отец и мать темпераментные натуры, – вспоминает Пильняк^X, в 80–90 годах примкнули к народническому движению. Случайно не завернули на каторгу.

Я родился в Можайске, городок этот стоит недалеко от Москвы. В организме бурлит кровь различных народов: со стороны отца немецкая и еврейская, со стороны матери славянская и монголо-татарская..."

Кроме захолустного Можайска, его детство проходило в уездных городах Богородское^{XX}, в Коломне и на родине родителей – в Саратове и в селе Екатеринештаде на Волге.

Пильняк любил, знал и понимал природу, чувствовал ее, распознавал запахи, без компаса ориентировался в лесу, безошибочно находил грибные места, ягодные кусты, муравейники, умел добывать березовый мед, знал, в каких норах живет зверье, предугадывал погоду – дождь, солнце, ветер, туман. Борис Андреевич с любовной нежностью вспоминал тамошних крестьян, земскую интеллигенцию, среди которой было много прекрасных людей. В Нижнем-Новгороде он окончил реальное училище. В 1920 году получил диплом Коммерческого института. Писать начал рано. В первом произведении описал ночную степь при луне, о том, как в одиночестве плачет филин. Вот одно из четверостиший, написанное им в девятилетнем возрасте: "Ветер дует за окнами, / Небо полно туч./ Сидим с мамой на диване. / Ханша, ты меня не мучь". Ханша, чудный лохматый пес. Тяжело перенес мальчик слепую старость любимой собаки. В 1909 году Пильняку исполнилось 14 лет. В том же году в литературном приложении к газете "Копейка" был напечатан его первый лирический рассказ "Весной". Ему было 20, когда началась Первая мировая война. Из-за слабого зрения он не попал на фронт.

13 апреля 1917 года в Россию из эмиграции, где он пробыл 38 лет, возвратился больной Плеханов. Рискуя жизнью, Пильняк на грузовой машине отправился в Петроград познакомиться, как он считал, с "бескомпромиссным" революционером. Встреча запомнилась. Борис Андреевич дал слово о ней не писать. К счастью, сохранились черновые записи писателя...

Много хороших книг написал Пильняк. Первый сборник "С последним пароходом и др. рассказы" о заторможенном темпе уездной жизни, вышел в 1918 году, "Былье" в 1920, роман "Гольый год" в 1921, "Метель" в 1922. Последняя книга "Созревание плодов" датирована 1936 годом.

Михаил Николаевич Тухачевский познакомил Пильняка с Фрунзе,

который в 1925 году заменил Троцкого на посту председателя Революционного Военного Совета СССР и наркома по Военным и Морским делам. Нарком Фрунзе положительно отозвался о произведениях молодого писателя. Высокого рыжеволосого человека часто можно было увидеть в воинских частях. Рассказы свои и некоторые короткие повести Пильняк знал наизусть и мог часами передавать их слушателям в увлекательной, романтической форме.

Пильняк жил в Москве на Поварской улице. В тот день к нему рано утром приехал Тухачевский. Он рассказал, как под ножом хирургов умер в Боткинской больнице командарм Красной Армии Михаил Васильевич Фрунзе. Потрясенный Пильняк, тридцать дней и тридцать ночей, не отрываясь от письменного стола, работал над "Повестью непогашенной луны". По совету Тухачевского, он предположил повести завуалированное предисловие:

"Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его два раза. Действительных подробностей о смерти наркомвоенна я не знаю, и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти. Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц".

Москва. 28 янв. 1926 г.

Бор. Пильняк

Громко ликующая печать не могла остановить горстку злопыхателей. К сожалению, их мнение всегда важнее. Повесть прочитал Сталин. Судьба писателя была решена. Могила подготовлена.

Александр Воронский^{XXX}, которому была посвящена повесть, напечатал в "Новом Мире" следующее письмо:

"ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В 5-й книге журнала "Новый Мир" напечатана повесть Бориса Пильняка "Повесть непогашенной луны". Хотя в предисловии и содержится указание, что речь идет не о смерти тов. Фрунзе, но вся бытовая обстановка, некоторые подробности и т. д. говорят об обратном. Повесть держит читателя в уверенности, что обстоятельства, при которых умер "командарм", герой повести, соответствуют действительным обстоятельствам и фактам, сопровождавшим смерть тов. Фрунзе. Подобное изображение глубоко печального и трагического события является не только грубейшим искажением его, крайне оскорбительным для самой памяти тов. Фрунзе, но и злостной клеветой на нашу партию ВКП/б/.

Повесть посвящена мне. Ввиду того, что подобное посвящение для меня, как для коммуниста, в высокой степени оскорбительно и могло

бы набросить тень на мое партийное имя, заявляю, что я с негодованием отвергаю это посвящение.

С товарищеским приветом

А. Воронский”.

Далее следует: ОТ РЕДАКЦИИ:

”Помещая письмо тов. Воронского, редакция вполне присоединяется к его мнению. Редакция считает помещение в ”Новом Мире” повести Пильняка явной и грубой ошибкой.

Редакция”.

Пильняка вызвали в ЦК ВКП/б/. Ему предложили публично показаться. На обдумывание дали три дня. По словам его близкого друга, Киры Андрониковой, письмо прошло через руки Луначарского.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

”В майской книге ”Нового Мира” появилась моя ”Повесть непогашенной луны”, а в июньской книге было напечатано письмо т. Воронского, где он считает повесть ”злостной клеветой на нашу партию ВКП/б/”. В препроводительном к письму т. Воронского примечании редакция ”считает помещение в ”Новом Мире” повести Пильняка, явной и грубой ошибкой”.

Сейчас, вернувшись из-за границы, где я был оторван от СССР, восстановив обстановку, при которой писалась повесть, я нахожу необходимым заявить: не учтя внешних обстоятельств, я никак не ожидал, что эта повесть сыграет в руку контрреволюционного обывателя и будет гнуснейше им использована во вред партии; ни единым помыслом не полагал я, что пишу злостную клевету. Сейчас мне видно, что мною допущены крупнейшие ошибки, неосознанные мною при написании; теперь я знаю, что многое, написанное мною в повести, есть клеветнические вымыслы.

Поэтому присоединяю мое мнение к мнению редакции, и считаю большой ошибкой как написание, так и напечатание ”Повести непогашенной луны”.

Москва, 25 ноября 1926 г.

Бор. Пильняк.

Из всех библиотек СССР повесть была изъята.

Борис Пильняк побывал в Германии, Англии, Египте, Турции, Китае, Греции, Палестине, Японии. Во всех странах ему оказывали дружеское гостеприимство. Приведу характерный абзац, заключающий его повесть ”Корни Японского солнца”:

”Люди земного шара сейчас переживают эпоху, когда в мировом хозяйстве стираются национальные черты и границы, и мне хочется подняться над границами моей нации, мне хочется написать книгу, которая была бы нужной не только у меня на родине, но и в Японии, и в Америке, и в Бразилии, и не только философу, но и коммивояжеру. Эту книгу я окутаю бодростью того, что ничто в этом мире не абсолютно — от человеческой жизни до точек зрения на искусство, все течет, все проходит, все правомочно: это ощущение дал мне Восток...”

Композитор Иван Дзержинский написал оперу "Тихий Дон". Премьера в Большом театре состоялась 25 марта 1936 года. После окончания спектакля за кулисами разгорелась импровизированная дискуссия. Пильняк в театре был своим человеком. Он сказал артистам, что в опере ему понравилась только мелодия песни "От края и до края", а все остальное – чепуха, что опера состоит из неудачно подобранных музыкальных фраз и что она вообще не оркестрована и не симфонизирована. Обозленный Шолохов назвал Пильняка "вредителем", "агитатором", "антиписателем". Борис Пильняк ударил творца "Тихого Дона". Назревал скандал...

Пильняк со своей подругой, Кирой Андрониковой, отдыхал в Абхазии. Бездарный поэт Александр Безыменский, бывший меньшевик, из-за материальных благ перебежавший в стан большевиков, посоветовал Пильняку "немедленно прекратить ухаживания за... посторонними женщинами..."

Обласканный правительством Шолохов отправил на имя Сталина "личное письмо". А. Безыменский, подлейший из подлых, написал в ЦК ВКП/б/ жалобу на "аморально разложившегося" Пильняка. Безыменскому поверили. Ведь это он на первом съезде комсомола слушал Ленина, а еще он написал пьесе "Выстрел" о классовых элементах, врагах советского общества...

1937 год. Несколько месяцев Пильняка продержали в каменном мешке психиатрической больницы. Потом его судили. Писателя обвинили в шпионаже и расстреляли. Он умер, прожив на свете всего лишь 43 года. Судьба жены – Марии Алексеевны Соколовой-Вогау, и детей его, Наташи и Андрея, которым он посвятил роман "Голый год" – неизвестны. Его интимный друг, Кира Андроникова, много лет провела на советской каторге.

На протяжении 28 лет имя Пильняка в СССР было предано забвению. Только в 1964 году журнал "Москва", с разрешения ЦК КПСС, опубликовал главы из романа "Соляной амбар" и 5-й том Краткой Литературной Энциклопедии посвятил его творчеству несколько строк. Напомню читателям, что еще в 1925 году, в журнале "ЛЕФ" № 3 /7/, маститый литературовед-теоретик Виктор Шкловский в большой статье "О Пильняке" до основания разделил роман Пильняка "Голый год" и выругал целый ряд его рассказов. Уже тогда писатель был зажат в стальные тиски советского литературоведения. Несмотря на посмертную реабилитацию Б. А. Пильняка, почти все его книги преданы забвению. В 1977 году в издательстве "Художественная литература" вышло "Избранное" Б. Пильняка, – роман "Голый год" и несколько рассказов.

^x Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. Кн-во "Современные проблемы". Н. А. Столяр. Москва, 1926, стр. 229.

xx Переименован в 1939 в г. Ногинск.

xxx Воронский А. К. – литературный критик, писатель, публицист. Вступил в РСДРП(б) в 1904 году. В 1921–1927 редактор журнала "Красная Новь". В 1937 г. был репрессирован. Расстрелян 13 октября 1943 года. Посмертно реабилитирован.

8. Беседа с Канарской дается в сокращении. Архив автора.

9. По сообщению генерала Тодорского и врача-психиатра А. Д. Лысогорской.

10. Морковкин В. М. – главный врач псих. б-цы им. Кащенко. Старается держаться в стороне, в основном, приказывает, а исполнители – подчиненные: профессора, доценты, кандидаты, аспиранты, зав. отделениями, врачи, сестры, мед. братья, няньки, санитары, дворники.

11. Масляева – заместитель Морковкина по лечебной части. Отличается изуверством. "За безупречную работу" награждена орденом Ленина.

12. Снежневский А. В. – академик, профессор, директор научно-исследовательского института психиатрии Академии медицинских наук СССР.

13. Янушевский, около 20 лет занимает пост главного психиатра Москвы. Садист, излюбленный метод – "психотерапия". Учительницу Бельскую Лидию Никитичну довел до самоубийства.

14. Авруцкий Г., доктор медицинских наук, руководитель отдела психофармакологии Московского научно-исследовательского института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР, один из инициаторов ПРОВЕДЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ХИМИЧЕСКИХ ОПЫТОВ В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ, В ЧАСТНОСТИ В БОЛЬНИЦАХ КАЩЕНКО, ГАНУШКИНА, ИМЕНИ СОЛОВЬЕВА.

15. Архив автора.

16. Психиатр Пахомова Маргарита Гавриловна медицинское образование получила в Томском медицинском институте. В Москве работала психиатром в районном военкомате. Вместе с престарелой матерью жила на Мосфильмовской ул. (дом 39, корпус 2). За взятки попала под следствие. Откупилась крупной денежной суммой. Дала подписку работать осведомителем КГБ. По рекомендации ОПЕКУ-НОВ-гебистов устроилась в б-цу Кащенко. Пахомова вышла замуж за прокурора, один из псевдонимов которого "Милованов". Невинных людей (трех человек) в 1970 году он приговорил к расстрелу. Вымолил прощение. По-прежнему служит в органах прокуратуры. Автор хорошо знал эту чету, поскольку жил с ними в одном доме.

17. Гурвич с 1979 г. проживает в Австралии.

18. Вятский с 1974 года проживает в Бельгии.

19. Бек А. А. (1902–197?) .

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СЫНА

В 1964 году наш сын Евгений пошел в первый класс. Школа № 194 находилась рядом с домом. Согласно жеребьевке, его классным руководителем стала молодая учительница Зайцева Наталья Поликарповна.

Февраль 1965 года выдался ветренно-морозным. В тот день я писал статью о композиторе Д. Д. Шостаковиче. Работу нарушил детский крик. Вышел на лестничную клетку. Около дверей увидел заплаканного сына. Он стоял без пальто, без зимней шапки, без рукавиц, без портфеля. Спросил:

— Сыночек, что случилось?

— Сквозь горькое рыдание, которое сотрясало его худенькое тельце, ребенок еле внятно проговорил:

— Папочка, в школу больше не пойду. Там одни фашисты! — И снова глухое рыдание. С трудом удалось его успокоить. Захлебываясь, Женя рассказал: — "Во время перемены я сказал учительнице, что у нас дома имеются две работы художника Давида Бурлюка¹, который живет в Америке, что мы с ним дружим, и что он нам пишет письма, присылает книги, марки, открытки".

Женечка подбежал к картинам Бурлюка и стал мне их показывать.

— Ты сказал правду, это действительно Бурлюк.

— Учительница меня перебила, крикнула на весь коридор: "Ты все врешь! Нет такого художника, ты его выдумал!" А потом сказала: "Ты мне надоел, проклятый еврей! Я тебя не хочу больше видеть!"

Я быстро оделся. Учительницу Зайцеву застал в гардеробной, она собиралась домой. Подошел к ней:

— Что произошло? Почему ребенок растерзанный

прибежал во время уроков домой без зимней одежды? Почему он заплаканный и расстроенный?

— Пожалуйста, придите завтра, я вам все объясню.

— Никаких разговоров не может быть завтра, только сегодня, и только сейчас!

— Ваш сын надоедливый, он выскакивает на уроках!

К нам приблизилась первоклассница Наташа Захарченко:

— Дядя Леня, — обратилась она ко мне, — я сама слышала, как Наталья Поликарповна назвала вашего Женечку "еврейской мордой", после этого он заплакал и раздетый пошел домой.

Я сказал Поликарповой:

— Дети никогда не станут лгать. Вы самым жестоким образом посмели оскорбить своего ученика.

Зайцева захлопала пустыми глазами.

— Л. Е., простите меня, обещаю вам, больше это не повторится. Даю вам честное комсомольское слово. Ошибаться свойственно всем людям.

Заставил ее пойти к директору школы. Добродушный Владимир Георгиевич Филатов до самозабвения любит шахматы. Им он отдает все свободное время. Учащиеся школы помешались на шахматах, соревнованиях, чемпионатах, полуфиналах, финалах. Во время турниров школу лихорадит. Родители дома и на работе тоже "болеют" за своих детей-шахматистов. Кабинет Филатова, кроме полагающегося портрета Ленина и очередного *ВОЖДЯ*, увешан таблицами шахматных баталий, почетными грамотами райкома комсомола и спортивных обществ.

Директор обещал разобраться в происшедшем конфликте. Мы с женой направили жалобы в отдел народного образования, в ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и в целый ряд организаций, курирующих образование. В Москве их довольно много. Учительница Зайцева отделалась легким испугом. "По комсомольской линии" ей объявили выговор. Заведующая отделом

школ ЦК комсомола, тяжелая, дебелия дама средних лет, откровенно сказала:

— Зайцева окончила педагогический институт. Пять лет ее учили бесплатно, теперь происходит отдача. Мы не имеем права бросать на ветер государственные средства.

Возразил:

— Происходит страшнейшая отдача! Учительница, молодая женщина, сеет среди своих воспитанников шовинизм, пропагандирует элементарный расизм. Подумайте, в кого превратятся дети, когда станут самостоятельными людьми? В погромщиков-черносотенцев? Разве это только мой личный вопрос?

Старая, пепельно-седоватая комсомолка, чтобы от меня отбиться, пригласила "на помощь" секретаря ЦК ВЛКСМ, отвечающего за работу школ. Два часа они меня убеждали, что произошла "обыкновенная, рядовая ошибка", а не "злонамеренная вылазка антисемитизма".

С иностранцем-туристом отправил письмо в Женеву — в Международный Красный Крест. Школа переполошилась. Директор не успевает отписываться. За интервью к Филатову пришла группа иностранных корреспондентов. Инструктор райкома партии и заведующие отделами не вылезали из его прокуренного кабинета. "Правда" наотрез отказалась напечатать мою статью "Общество, нравственность, честь мундира". Сотрудники газеты Суконцев и Шатуновский несколько дней провели в школе. Филатов осунулся. Он умолял прекратить борьбу. Мы с женой настояли, чтобы сына перевели в другой класс.

Говорят, хрен редьки не слаще...

Новая учительница, Надежда Борисовна Златоверова, оказалась подругой Зайцевой и такой же антисемиткой. Она игнорировала ребенка, ученикам часто повторяла:

— Я вам не советую дружить с Женей Гендлиным. И, конечно, дети слушали свою наставницу и во

всем пытались ей подражать. Златоверова отказалась брать сына в походы, искусственно снижала оценки за поведение и успеваемость. Однажды она пришла к нам домой для сокровенной беседы "по душам". Мы проговорили с ней несколько часов, и, к сожалению, молодой педагог ничего не поняла, или, скорее всего, не захотела понять.

В 1У классе Женя стал получать записки: "Еврейская морда, уходи из нашего класса!", "Мы скоро передумим всех жидов, евреи — наши враги!", "Долой евреев, да здравствуют русские!", "Вас не дорезал Гитлер, вас дорежем мы, православные, пионеры и комсомольцы!" Пятнадцать записок я отнес директору школы. Дети оказались плохими конспираторами. Во время проверки классных тетрадей сличили почерк, сразу нашли "авторов" юдофобских посланий, которых вызвали к директору вместе с родителями. Только одного мальчика исключили из школы за избиение евреев.

Весной класс собрался в двухдневный поход, не взяли одного Женю. Снова пришлось идти в школу:

— Вашего сына не возьму, ему будет трудно, пусть останется дома, пойдите с ним в зоопарк или в планетарий, — сказала Златоверова, не моргнув глазом.

— Почему другим родителям вы этого не говорите?

— К вашему сыну плохо относится класс.

— Для этого вы изрядно потрудились.

Я начал задумываться о будущем своего сына. Перед глазами прошла суровая, полная лишений и невзгод жизнь отца и матери, родных, товарищей, друзей. На четыре дня поехал в Хиславичи, в местечко, где родился отец. До Смоленска доехал поездом, оттуда на попутных машинах. До начала Второй мировой войны в районе насчитывалось более 5.000 евреев. Наши родные — папин брат Яков, его жена Злата, их дети — занимались сельским хозяй-

ством. Они никому не мешали, работали, молились, отдыхали. А еще они любили еврейские песни. Дядя Моисей был врачом. После окончания ленинградского института он вернулся в родное местечко. Добрый, отзывчивый, веселый — его знал весь городок. В промтоварной лавке разговорился со старой женщиной, Бертой Болеславской:

— Спаслись немногие. Эвакуации никакой не было. В то утро я проснулась рано от криков и плача. Ночью жителей согнали на улицу. Мы с дочерью побежали к колодцу, где давно уже не было воды. Там мы просидели 11 дней, потом удалось спрятаться в лесу. Немцы при помощи полицейских собрали мужчин, женщин, детей, стариков. Матери на руках несли грудных младенцев. Тех, кто постарше, вели за руки. Пожилых поддерживали молодые. Вдоль колонны на коне разъезжал начальник полиции Бобков, раньше он был членом коммунистической партии. На этот раз у него вместо плетки был пистолет. В колодце имелись железные впадины, по которым мы спускались. Я увидела тень ребенка. Рискуя жизнью, поднялась. На поверхности земли — два щупленьких существа. Я их схватила, рукой зажала рот, чтобы они не кричали. Так удалось спасти **ЕВРЕЙСКУЮ ДЕВОЧКУ РИВУ И РУССКОГО МАЛЬЧИКА ВОВУ**. Потом я их усыновила. И, вы знаете, до пресловутого "Дела врачей" они не думали о своей национальности. Когда пришло время получать Вове паспорт, ему в графе "национальность" хотели написать "русский". Приемный сын имел мужество отказать. Он сказал: "Меня спасла **ЕВРЕЙСКАЯ МАТЬ**, всегда буду гордиться тем, что я еврей".

Среди замученных, обезглавленных, живьем закопанных в ямы, почти все наши родные — более 75 человек. В мире полегко **ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ НИ В ЧЕМ НЕ ПОВИННЫХ ЕВРЕЕВ**; люди, как забыть такое, как можно спокойно жить, радоваться, улыбаться, наслаждаться бытием? А как бы мне хотелось найти **УСПОКОЕНИЕ**, хоть немного забыться.

В этот ласковый осенний вечер мы долго гуляли с Ривой. Застенчиво улыбнувшись, красивая девушка делилась со мной о самом сокровенном:

— В библиотеке, — сказала она, — я случайно нашла без обложки томик стихотворений одного поэта, мне очень понравились его стихи, некоторые выучила. Самое любимое: "Я рос тебе чужим, отверженный народ".

Я рос тебе чужим, отверженный народ,
И не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнет
Мне чужд, как и твои ученья.

И если б ты, как встарь, был счастлив и силен,
И если б не был ты унижен целым светом, —
Иным стремлением согрет и увлечен,
Я б не пришел к тебе с приветом.

Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
В те дни, когда одно название "еврей"
В устах толпы звучит, как символ отверженья,

Когда твои враги, как стая жадных псов, —
На части рвут тебя, ругаясь над тобою, —
Дай скромно стать и мне в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою!

Я сказал Риве, что это стихотворение написал прекрасный, полузабытый поэт Семен Надсон².

— Евреев уничтожали, — с грустью проговорила Рива, — потому что мы были в одиночестве. Мы должны жить на своей земле, только так нас никто не посмеет тронуть. — Глаза у девушки зажглись необыкновенным огнем, она вся пылала каким-то внутренним, необъяснимым светом.

Эта встреча запала в душу, томила, волновала. Осторожно завел с женой разговор об Израиле. Вначале Лида и слушать не хотела:

— В Москве у меня сестры, брат, дом, здесь я родилась, каждая улица мне знакома.

— А за своего единственного сына ты не боишься? Вспомни "Дело врачей"? Вспомни про *шесть милли-*

оное убитых? Нас уничтожали только за то, что мы были евреями. Любая история может повториться, вот простой пример: жестокость и тупое упрямство Ленина повторились в Сталине и Гитлере, ненависть Сталина к соратникам и к инакомыслящим повторилась в Хрущеве, внутренняя злоба Хрущева, его желание властвовать, быть единым — передались и Брежневу. Смотри, Лидочка, все начинается сначала!

Мы нашли знакомых в Израиле, стали переписываться. Первый вызов пришел в марте 1965 года. Через четыре месяца без всякой мотивировки получили отказ. Кульминация событий произошла, когда сын учился в шестом классе. В один из зимних дней мальчик собрался в школу. Минут через двадцать он вернулся. По его бледному лицу понял, что опять случилась беда. Спрашиваю — молчит, упрямо сдвигнув брови, говорить не хочет, только плечики вздрагивают. С трудом выдавливает из себя слова:

— Папочка, ты не поверишь! На дверях нашей школы висит объявление, там написано:

**”ЕВРЕЯМ И ЦЫГАНАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!
ШКОЛА № 194 ТОЛЬКО ДЛЯ РУССКИХ ДЕТЕЙ!”**

А мы говорим и пишем на всех перекрестках: ”В СССР не было, нет и не будет фашизма”. Какая феноменальная ложь! Есть в СССР фашизм, и он будет до тех пор, пока режим не сломает себе хребет. Тысячу раз прав буревестник Правды, Александр Исаевич Солженицын, когда до хрипоты кричит миру о том, что делается в одной шестой части света.

Волнуясь, Женя продолжал рассказывать:

— Я хотел пройти в здание школы, но меня не пустили мальчишки девятых и десятых классов. У них на рукавах пиджаков я увидел черные повязки с изображением СВАСТИКИ. Папочка, миленький, не иди в школу, они тебя побьют. *Ведь мы евреи!*

Объявление действительно висело на дверях школы. Нас окружили воинственные старшеклассники. У

многих на лацканах пиджаков значки с изображением Ленина и эмблема комсомола. Один безусый юнец, расхрабрившись, крикнул:

— **ЕВРЕЯМ В РУССКОЙ ШКОЛЕ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО! МЫ ВАС ВСЕ РАВНО НЕ ПУСТИМ, А ЖЕНЬКУ ВАШЕГО УБЬЕМ!**

В руках у меня была палка. Я сказал:

— Если ко мне кто-нибудь из вас приблизится хотя бы на пять шагов, или дотронется до сына — размозжу голову.

По-видимому, угроза подействовала. На фоне объявления снял ухмыляющихся мальчишек со свастикой на рукавах. Они опомнились, когда я спрятал в портфель фотоаппарат. Мальчишки сделали попытку отнять портфель. В это время к зданию школы подошли родители других еврейских детей. Попросил их стать около дверей школы, — караулить объявление. Из дома позвонил в редакции газет: в "Правду", "Комсомольскую правду", "Известия", "Пионерскую правду", "Учительскую газету", "Труд", в журналы: "Семья и школа", "Работница", "Советская женщина", "Огонек", "Смена", а также знакомым иностранным журналистам. Первыми приехали корреспонденты иностранных агентств, радио и телевидения, а потом уже чиновники из министерства просвещения, райкома партии, МК и ЦК КПСС, отдела печати МИДа (зав. Александрова), АПН, ТАСС. Вечером в актовом зале школы состоялось открытое комсомольское собрание с участием педагогов и дирекции. Собрание вели заместитель министра просвещения и первый секретарь Гагаринского райкома комсомола. Комсомольцы, учащиеся 9-х и 10-х классов, открыто говорили, что не хотят сидеть за одной партией с **ЕВРЕЯМИ И ЦЫГАНАМИ.** "Мол, пусть евреи убираются в Биробиджан и в проклятый Израиль, там им место..." Секретарь райкома комсомола радостно улыбался. Ему по душе была речь юных партийцев,

будущих строителей коммунистического завтра. На это беспрецедентное собрание приехал писатель Паустовский. Потрясенный случившимся, он сказал:

— Для меня сегодняшний антисемит — завтрашний фашист. С фашизмом надо бороться всеми доступными средствами. Никаких скидок на возраст. Семнадцатилетние юноши — самостоятельные люди, они имеют паспорт и обязаны отвечать за свои не детские поступки...

Замять этот инцидент не удалось. Появились заметки в иностранной печати. Начальству пришлось принять меры. Директора школы Филатова освободили от занимаемой должности. Его назначили... инспектором школ советских оккупационных войск в Восточной Германии. Заведующую учебной частью отправили на пенсию. Несколько учеников перевели в другие школы. Секретарь Гагаринского райкома комсомола получил повышение, его перевели в аппарат МК ВЛКСМ...

1971 год.

1 сентября Евгений пошел в восьмой класс. Златоверова предложила ему вступить в комсомол. Юноша не умел кривить душой.

— Я не хочу быть в комсомоле с теми, чьи отцы в крови потопили свободу чехословацкого народа.

Об этом чрезвычайном происшествии узнали в райкоме и горкоме комсомола. Мы с сыном поехали в городской комитет комсомола. Спустились в буфет, витрины пестрели яствами. Женя попросил бутерброд с икрой, порцию севрюги и сосиски. Взглянув на меня, широкозадая буфетчица, не вынимая изо рта папиросу "Казбек", строго сказала:

— Буфет закрытый, он обслуживает только штатных работников.

— Мы приехали по вызову, мы проголодались, неужели вам жалко бутерброд?

Наш диалог слышали жрущие штатные комсо-

мольские деятели и никто из них не вмешался. Буфетчица продолжала шипеть:

— Ходят здесь всякие, горком — не проходной двор...

В буфет зашел заведующий отделом пропаганды. Мы были знакомы. Он поздоровался со мной и Женей. Пригласил к столу. Буфетчица покраснела. Анатолий спросил, что мы будем есть. За меня ответил Евгений:

— В вашем закрытом буфете мы ничего не хотим, папа, теперь ты понял, почему я решил не вступать в комсомол?

Начался настоящий переполох. Многие едоки вышли из-за стола посмотреть на юного смельчака, вслух выразившего протест. Мы отказались встретиться с секретарями горкома и уехали домой.

С детских лет сын мечтал об Израиле. Еще когда он учился в 1-м классе, он взял в школу цветную закладку с видами Иерусалима. Увидев ее, учительница проговорила:

— Предупреждаю в первый и последний раз, советский школьник имеет право пользоваться только советскими закладками.

Оказывается, предметы тоже обязаны иметь национальность.

Во время перерыва Зайцева в учительской хвасталась, показывая коллегам отобранную у ребенка **ИЗРАИЛЬСКУЮ ЗАКЛАДКУ**:

— Вот это закладочка! Какие изумительные краски! Какая великолепная печать!

Когда мы с женой поздно вечером возвращались из Посольства государства Израиль, Женя нас терпеливо ждал. Его глазки блестели, сгорая от любопытства. Он внимательно слушал наши рассказы. Его любимыми книгами были израильские издания. Он бредил Землей Обетованной и мечтал поскорей выбраться из России, мечтал стать свободным человеком. Он часто повторял:

— Я никогда не буду счастлив в стране, где родился. Папуленька, мамуленька, — так он называл нас ласкательно, — мне от вас ничего не надо. Молю об одном, давайте уедем в Израиль. Я хочу изучать Библию, хочу вырваться из клетки с глухими решетками.

Однажды школу посетил посол СССР в Швеции — Александр Панюшкин. Его упитанная дочь училась с Евгением в одном классе. Посол говорил о западных странах, критиковал капитализм, восторгался социализмом. Один ученик поднял для вопроса руку. Генерал КГБ в штатском барственно кивнул. Мальчик спросил:

— Товарищ посол, вот вы ругаете западные страны, в частности, Швецию, в которой провели несколько лет. Если там все так плохо, как вы говорите, почему ваша жена, ваша дочь одеты во все заграничное, на вас тоже нет ничего русского, отечественного?

Советские дипломаты всех рангов набили себе руку выходить сухими из воды и необгоревшими из огня. Небольшого роста, коренастый, тучный, холерный МИДовский товарищ отделался шутками, рассказал ребятам анекдоты, попрощавшись, наверняка, решил для себя, — в школах больше не показываться.

Дома Женя со всеми подробностями прокомментировал выступление именитого дипломата, награжденного за верноподданность третьесортным орденом "Знак Почета". Так советская школа формирует мышление нового поколения. Воспитание с пеленок строится на лжи, фальшивой пропаганде, фальсификации, извращении действительности. Десятки и сотни тысяч, миллионы юношей и девушек в России тянутся к западной культуре. Но пока для них это недостижимый пьедестал. Они вынуждены вариться в собственном соку. Огромную помощь людям всех возрастов оказывает САМИЗДАТ — одно из величайших средств информации XX века.

1. Бурлюк Д. Д. (1882-1967?), поэт и художник. Начал печататься в 1899 году. Один из первых русских футуристов. Организатор группы кубо-футуристов. Произведения Бурлюка печатались в сборниках футуристов "Пошечина общественному вкусу" (1913), "Требник троих" (1913). С 1920 г. становится эмигрантом. В 1956 и в 1965 приезжал в СССР. В архиве автора имеется более 50 писем Бурлюка и его супруги Марии Никифоровны, а также его рисунки и книги с дарственными надписями.

2. Надсон С. Я. (1862–1887). Он прожил всего лишь четверть века. Надсон – "властитель дум" молодого поколения второй половины XIX века. Дед поэта крестился, отец его и он сам родились уже православными. Затравленный желтой прессой, возглавляемой Бурениным, он за два года до кончины пишет трагическое стихотворение "Я рос тебе чужим, отверженный народ".

Давид и Мария Бурлюк у нас дома на Мосфильмовской улице. Фото автора.

ПСИХО-ТЮРЬМА ПОВТОРЯЕТСЯ

Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице. Я верю, что вы не останетесь равнодушны к этой проблеме и уделите ей часть своего времени – так же, как ученые-физики находят время для борьбы против использования достижений своей науки во вред человечеству.

Владимир Буковский

(Обращение В. К. Буковского к У Всемирному конгрессу психиатров в Мехико. "Посев", № 3, 1971, стр. 11).

15 марта 1971 года я вернулся из командировки. Три недели со съемочной группой Центрального телевидения мы находились в селе Михайловском Псковской области, где снимали зимнюю натуру для документального фильма "Наш Пушкин" (режиссер А. Е. Габрилович). На другой день меня вызвала ревизор Плоткина. В кабинете присутствовал старший лейтенант милиции. С места в карьер он спросил:

— Какие родственные связи у вас имеются в Израиле?

— Странный вопрос.

— Если не ответите, то вас заставят говорить в психиатрической больнице, по которой вы, очевидно, успели соскучиться?

Вмешалась нервная, черноусая, с подергивающимися бровями, Плоткина:

— Гендлин, почему вы так грубо себя ведете? Товарищ Королев беседует с вами не по своей воле.

Далее последовал нелюбезный разговор у начальника отдела кадров творческого объединения "Экран" — Слепынина. Чистенький, аккуратненький, крошечный полковник КГБ Петр Федорович Слепынин вежливо, как подобает воспитанным людям, справился о самочувствии. Потом, как бы невзначай, спросил:

— К нам поступили сведения, что вы с семьей собираетесь эмигрировать в Израиль?

— Какое отношение этот вопрос имеет к отделу кадров?

— Самый прямой, не стройте из себя невинного мальчика. Вас воспитала советская власть (еще как воспитала!!! — Л. Г.), вы прошли фронт, имеете правительственные награды, учились в самом лучшем университете, работаете в уважаемом учреждении, печтаетесь в газетах и журналах, публикуете книги, по вашим сценариям снимаются документальные фильмы, имеете постоянный корреспондентский билет Всесоюзного Радио и Центрального телевидения. Скажите откровенно, как на духу, что вам не хватает в нашем социалистическом отечестве?

— Тема слишком серьезная. Мы все равно не пойдем друг друга, потому что говорим на разных языках. Со мной уже пытались беседовать старший лейтенант милиции Королев и беспартийный старший реvisor Плоткина. Думаю, что на первый раз достаточно.

— Смотрите, дорогой товарищ, — тихо и очень вежливо проговорил Слепынин, — как бы вам хуже не стало? Скажу по секрету, органы возбудили уголовное дело. Спасти вас от морально-нравственного падения может только ПУБЛИЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ — выступление по радио и телевидению, что вы раз и навсегда отказываетесь от Израиля с соответствующей мотивировочкой. Тогда удастся прекратить следствие, предотвратить суд, отправку в лагерь строгого режима. Вам грозит минимум шесть лет.

— Петр Федорович, разве я совершил уголовное преступление?

— Дорогой, нет на свете большего преступления, чем предать родину. — Кадровик перешел на простецкий тон. — Леша, юристы — самые большие крючкотворы, они всегда могут найти объективную статью. Леша, как следует подумай, ведь и жену могут посадить, а сыночка твоего, единственного Женечку, в детскую колонию сошлют. Вот, гляди, и нет семьи, а потом уж и не соберешь ее. Имущество, включая библиотеку, спишут в доход государства, квартирку другим людям передадут, прописочку московскую аннулируют. Так, Леша, наступает конец, и дается занавес жизненному спектаклю.

— Вы меня извините, но продолжать нашу беседу считаю бессмысленным.

Слепынин все так же тихо:

— В таком случае, нам придется вас уволить. Сионисты и фашисты не нужны советскому телевидению.

Кадровик сполз со стула, на котором лежали две пуховые разноцветные подушечки (точно так же, как у Дудина, начальника Первого отдела киностудии "Мосфильм"), затем посмотрел на меня и с пафосом произнес:

— Между прочим, имеется решение компетентных органов не выпускать вашу семью за пределы советского государства.

Дома встретила взволнованная жена:

— Во время нашего отсутствия у нас кто-то побывал в квартире. Книги из шкафа вынуты, валяются на полу, папки с бумагами разбросаны. Я позвонила в милицию, но ничего не смогла добиться.

События разворачивались с кинематографической быстротой. В 10 часов вечера звонок. Жена пошла открывать. Вошли два человека в белых халатах: исполняющий обязанности главного врача психонев-

рологического диспансера Гагаринского района Романовский и психиатр Мерецкий.

— Леонард Евгеньевич, как вы себя чувствуете? — спросил Романовский.

— Лучше быть не может.

— А мы считаем по-другому, — улыбаясь, проговорил Мерецкий.

— Простите, но мы вас не вызывали, — вмешалась Лида. — Когда вы перестанете терзать мужа? На работе бесконечная травля, в издательствах и редакциях — травля, теперь вы, психиатры, не даете ему спокойно жить. Уходите по-хорошему, здесь, в нашей квартире, вам делать нечего!

— Оказывается, у вас, Лидия Абрамовна, нервишки тоже сдали? Придется и вас полечить в принудительном порядке! — сказал Мерецкий, потирая тонкие, тщательно отманикюренные хрустящие пальцы.

Романовский:

— Товарищ Гендлин, добровольно поедете в больницу?

Я сорвался:

— Убирайтесь к чертовой матери! Никуда я не поеду! Хватит ко мне привязываться!

Мерецкий:

— В Израиль мы вас все равно не пустим. Вам там нечего делать. Руководству ОБИРа сказано не принимать у вас документы.

Ответил:

— Перестаньте вмешиваться в чужие дела. Мы без вас знаем, куда и зачем нам надо ехать.

17 марта в восемь часов утра три санитаров обманым путем проникли в квартиру, силой втащили меня в лифт, затем, заломив руки, отнесли в машину "Скорой помощи", которая стояла у самого подъезда. Затем все тот же маршрут — психиатрическая больница имени Кащенко. Приемный покой. Стандартная процедура. Попадаю в отделение, которым

заведует мой "старый знакомый", кандидат медицинских наук, доцент-майор Коган. Отделение размещено в новом кирпичном корпусе на пятом этаже. Окна из небьющегося стекла. Контингент — 65% больных, остальные — абсолютно здоровые люди. Назову несколько фамилий людей, которых незаконно держали в психушке: Мордвинов — адвокат; Турылин — астроном; Бородулин — биохимик; Матусов — инженер-строитель; Кричевский — журналист; Вульф — профессор, доктор наук; Виноградов — конструктор сельскохозяйственных машин; Рабинович — скрипач; Витаускас — колхозник; Бармиш — баптист-проповедник; Коренбойм — музыковед; Бердыев — экономист... Радио здесь запрещено. Один экземпляр газеты "Правда" дается на 96 человек. Газету вырывают больные, она нужна им для курева. Толчки в общей уборной без деревянных сидений. Их всего два. В уборной грязно и многолюдно. Вечная очередь, чтобы пос...ь. Дым от курения стоит коромыслом. Баня полагается раз в 10 дней. Здоровых людей моют в одной ванне с туберкулезниками. Обслуживающий персонал — женщины, давно потерявшие человеческий облик. Сестры с нетерпением ждут ночи, когда больные расходятся по палатам и наступает призрачная тишина. Озираясь по сторонам, они выходят на охоту. Огромного 28-летнего Степу Бугаевского привезли из 50-го отделения милиции, он работал парикмахером, отрастил до плеч волосы, законникам это показалось ненормальным. На всякий случай Степе сделали пункцию, прописали аминазин. Медсестра Лиза разбудила пригласившегося "больного", сонного повела в процедурку, Катя в буфетную потащила Накорякова — спившегося футболиста-наркомана. Потом в уборной ребята исповедывались: "Ну и бабы! Вот ненасытные стервы! Сами мужиков на себя кладут! А потом закармливать стали, и опять сначала, до самого утра". Десятиклассник, сумрачный Юрочка, ничего не хо-

тел знать, кроме физики. Перепуганные родители отправили его в больницу. Холеный, красивый мальчик приглянулся сестрам. Их не интересовало, что он девственник, что у него добрая, чистая душа, их обуревало звериное чувство физического удовлетворения, и во имя этого НЕДОЛЮБИВШИЕ женщины шли на все. Сорокасемилетняя Любушка буквально изнасиловала Юрочку, а потом, СТАВШИЙ ИЗ-ЗА УКОЛОВ слабодушным и слабовольным, Юрочка переходил из рук в руки. За ночные утехи сестры его закармливали. Юра стал бояться женщин, он прятался под кровать, рыдал, умолял оставить его в покое. Как-то Любушка пришла за Юрой, мы с адвокатом Мордвиновым стали стеной и не пустили нашего товарища в процедурную на очередной любовный сеанс. Любушка пригрозила нам уколами. Из трех простыней мы сделали жгут, Степа взял с собой трех алкоголиков-наркоманов, намеченных кандидатов в любовники, жгут спрятали под халат, тихо зашли в процедурную, где на табуретке сидела Любушка. Ребята положили ее на кушетку, сорвали с нее халат и начали остервенело бить, в рот ей напихали тряпки, из кармана вытащили отмычку, процедурную заперли, ключи выбросили в форточку. Похотливую Любушку отвезли в больницу. Когда об этом инциденте рассказали Когану, он сказал, "что это бред сумасшедших".

Доцент Коган почти не изменился. Годы над ним не властны. Правда, волосы на голове поредели, он расширился во все стороны. Розовая шея похожа на свежий окорок. Первая встреча с майором-доцентом:

— Нам сообщили, что у вас в голове появились радиоволны, они выбивают вас из равновесия?

— Для чего вам сдались такие милые шутки?

— У нас имеется соответствующее письмо от психиатров Гагаринского психоневрологического диспансера.

— Позвольте с ним ознакомиться?

— Этот документ не подлежит оглашению. На сей раз, Гендлин, вам предстоит длительное лечение.

— Заранее отказываюсь от любого планомерного лечения, которое вы собираетесь назначить.

— В таком случае переведу вас к доктору Казарновской, возможно, и в буйное (в который раз! — Л. Г.). Вашу дальнейшую судьбу решит комиссия.

Коган проверил давление, сделал общее обследование, выписал схему лекарств.

Во время свидания жена сказала, что друзья предупредили о готовящемся обыске. Частично пришлось уничтожить архив, кое-что удалось переправить с надежными людьми на Запад. Обыск проводили пять человек — работники КГБ и милиции. Они изъяли машинописные тексты Самиздата "В круге первом" и "Раковый корпус" Солженицына, номера "Посева" и "Нового Журнала", газеты "Новое Русское Слово" и "Русскую мысль", исчезли несколько случайно сохранившихся писем Мейерхольда, Бабеля, Пильняка, Чуковского, Ахматовой к отцу. Больше всего их интересовала сионистская литература, спрашивали про драгоценности. В "воспитательных целях" отдельно допрашивали четырнадцатилетнего сына.

Коган слово сдержал. После отказа глотать аминазин, мне НАСИЛЬНО сделали восемнадцать уколов. Какие я испытывал адские боли! Тошнота, разрывающая грудь рвота, сухость, пить не дают, апатия. Целыми днями лежал, повернувшись к стене, или же слонялся по коридору. По распоряжению Когана меня отправили в изолятор — полуподвальное помещение, находящееся рядом с котельной. Санитары белыми ремнями пристегнули к койке, три недели не пускали в туалет, кормили только через зонд, пища сильно пересоленная. Круглые сутки в пыточной больничной камере горел яркий неоновый свет и гремела какофоническая музыка. В этой психотюрьме я заработал глаукому. Двадцать один день я лежал

привязанный к железной койке без подушек, без простыней, без одеяла. Что же меня спасло, какая внутренняя сила помогла выстоять и победить мучителей? Стихи любимых поэтов. Мне на помощь пришли Пушкин и Тютчев, Гумилев и Ахматова, Блок и Пастернак, Мандельштам и Цветаева. Про себя я повторял бессмертные строки. Видавшие виды медсестры, санитары, нянечки были поражены моим духом. Чтобы унижить и окончательно сломить дух сопротивления, в пыточную камеру приводили сумасшедших, которых заставляли на меня мочиться. После заточения — инсулиновая палата. Прописано 12 уколов. Во время шокового состояния все, что я говорил в бреду, записывалось на магнитную пленку. Об этом мне рассказали товарищи по палате. Привели в кабинет зубного врача. Человек средних лет в пенсне попросил открыть рот:

— Мне необходимо проверить состояние ваших зубов и полечить десна.

Ничего не подозревая, я открыл рот. Без анестезии, зубной слесарь щипцами схватил два зуба и стал их расшатывать. Я потерял сознание. Потом меня еще два раза приводили к зубному палачу...

21 апреля повезли на экспертизу в Центральный научно-исследовательский институт имени профессора Сербского¹. (Как потом выяснилось, против меня действительно было возбуждено уголовное дело. КГБ и прокуратура настаивали на судебно-психиатрической экспертизе. Им нужно было, чтобы меня признали НЕВМЕНЯЕМЫМ и к тому же СОЦИАЛЬНО-ОПАСНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ. При таком заключении они могли отправить меня на любой срок в Казань или же на станцию Столбовая Подольского района, где после трехгодичного пребывания ЛЮБОЙ ПАЦИЕНТ становится СТОПРОЦЕНТНЫМ ИНВАЛИДОМ-ИДИОТОМ. КГБ и прокуратура не забыли "Ленинградское дело", отказ от стукачества, "либерализм" Хрущева, мое самостоятельное мы-

шение и только ждали подходящего момента, чтобы окончательно со мной расправиться). Собеседование проводила высокая, худая, чуть изогнутая Екатерина Степановна Гайдай, кандидат медицинских наук. Мы давно были знакомы. Обворожительно улыбаясь, она спросила:

— Мне можно все сказать, Леонард Евгеньевич, вы знаете, что я вас не подведу? Вы действительно собираетесь в Израиль?

— Если скажу правду, вам от этого легче станет? Что-то изменится в моей судьбе?

— Не беспокойтесь, я не стану записывать ваши слова в историю болезни.

Большая комната. За огромным, словно судейским, столом, покрытым зеленым сукном, человек пятнадцать, среди них профессора Снежневский, Морозов², Банщиков³, Серебрякова⁴, доцент Гайдай. Председательствует главный психиатр КГБ полковник Лунц⁵.

— У каждого человека имеется родина, — проговорил Лунц. — Вы должны хорошо понимать, что подразумевается под этим многогранным словом! Подумайте, все взвесьте, прежде чем нам ответить. От вашего ответа будет зависеть ваша дальнейшая жизнь.

— Мне нечего думать, — сказал я. — У меня есть только ОДНА РОДИНА, ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ МОИХ ПРЕДКОВ — ИЗРАИЛЬ, другой родины для евреев нет и не может быть.

— В таком случае, скажите нам, где вы родились, в каком городе и в каком году?

— 30 июля 1923 года в городе Владивостоке. С 1924 наша семья проживает в Москве.

— Очень хорошо. Ваш ответ абсолютно точный. Теперь мы хотим увидеть логику в том, что вы говорите и пытаетесь нам доказать. Насколько нам известно, Владивосток расположен на территории

РСФСР. Москва — столица советского государства, следовательно, вы родились в СССР, и я хочу подчеркнуть, вы являетесь гражданином Союза Советских Социалистических Республик.

— К сожалению, это большая и неповторимая ошибка, что я родился в СССР. Моя душа всегда была на МОЕЙ ВЕЧНОЙ ЗЕМЛЕ, В ИЗРАИЛЕ, ДРУГОЙ ЗЕМЛИ-РОДИНЫ Я НЕ ПРИЗНАЮ.

— Вы написали письмо писателю, лауреату Государственных премий, члену-корреспонденту Академии педагогических наук Сергею Владимировичу Михалкову, в котором назвали его "писательской шлюхой" и прочими бранными словами?

— Мое письмо было адресовано главным редакторам газет "Правда", "Известия", "Труд", и главным редакторам журналов "Новый Мир", "Знамя", "Москва". Лично Михалкову писем не писал.

Снежневский шепнул на ухо Лунцу, но так, чтобы слышали все присутствующие:

— Типичный маниакальный бред, элементы вполне зрелой, я бы сказал, прочно сложившейся шизофрении.

— Вы музыку любите? — спросил Морозов. — Назовите своих любимых композиторов?

— Бах, Моцарт, Бетховен, Рахманинов, Стравинский, Прокофьев, Скрябин, Шостакович, Дебюсси.

Задаёт вопрос рыжий Вергелис, поэт-публицист, главный редактор журнала "Советиш геймланд". Одному Богу известно, как он затесался в члены "высокой" медицинской комиссии.

— Кто отравил вашу душу тлетворным ядом? Почему вы занимаетесь разнузданной пропагандой сионизма? Назовите комиссии имена и фамилии тех, кто надоумил вас подать заявление на выезд в Израиль, в агрессивную фашистскую страну?

— Более примитивный вопрос вы не могли придумать?

Серебрякова:

— Поймите, Леонард Евгеньевич, что мы — ваши друзья и товарищи, хотим вам помочь снова стать здоровым человеком. Пожалейте свою семью. У вас жена, сын, сестра, старая, больная мать. Если вы откажетесь от эмиграции в Израиль, возможно, диагноз ваш станет несколько облегченным, мы вас поместим в санаторное отделение.

— Ведь только что профессор Снежневский, не моргнув глазом, авторитетно заявил, что у меня прочно сложившаяся шизофрения?

Лунц, перебивая:

— В последний раз вам предлагается назвать свою родину!

— И в первый, и в сотый, и в тысячный, и в миллионный раз повторяю и неустанно буду повторять — МОЯ РОДИНА — Государство Израиль!

Рассвирепевший полковник от медицины перестал быть учтивым и интеллигентным:

— Надеюсь, что члены комиссии меня поддержат?

В приемной ко мне подбежала Гайдай:

— Леонард Евгеньевич, миленький, что вы надедали? Вам надо было отказаться хотя бы для видимости. Я не имею права вам говорить, но вас собираются отправить в Лефортовскую тюрьму.

— Екатерина Степановна, вы знаете, что я не умею кривить душой.

В сопровождении трех санитаров и двух врачей меня везут в Лефортовскую тюрьму. Четвертый этаж. Длинный коридор. Молодой, вышколенный до синевы, выбритый надзиратель Толик открывает двери камеры, где можно только стоять. Опереться на стенку невозможно, в нее густо вбиты острые железные колья. Яркий сноп света ударяет, слепит глаза. От нервного перенапряжения попросился в туалет. Опрятный, чистенький, надушенный Толик вежливо сказал:

— В туалет у нас водят утром и вечером, параша

тебе не полагается, камера с туалетом для привилегированных господ-товарищей. Придется, мамочка, потерпеть до утра. Если приспичило, делайте, молодой человек, в штанишки, потом все высохнет.

Никакие доводы не помогли. Толик ушел. Я почувствовал сырость и влажность. В камеру пустили холодную воду. В глазке появилось пшеничное лицо Толика:

— Холодная водичка освежает. Все делается для вашего драгоценного здоровья.

Вода обжигала разгоряченное тело. Она стала доходить почти до шеи. Я закричал. Толик позвал старшего надзирателя, имевшего кличку "Глист". Тотский, словно гибкий шланг, надзиратель лениво проговорил:

— Слушай, идиот, свет и вода — твое лечение. Орать бесполезно. Если еще раз услышу крик, отправлю в подвал или загоню в камеру к педерастам, там они тебе яйца оторвут...

Ночь простоял в холодной воде. Было страшно и тоскливо. Чтобы забыться, стал повторять про себя стихотворения любимых поэтов. Они снова пришли на помощь. О будущем старался не думать. В семь часов утра принесли завтрак: селедку, черный хлеб, кашу, кипяток, немного сахару. В 11 повели на первый и последний допрос, который вели два следователя — капитан (фамилию узнать не удалось) и старший лейтенант Королев, с которым познакомился на телевидении. Королев начал балагурить:

— Как спали? Настроение? По-прежнему рветесь в Израиль, или чуть поостыли?

Для себя решил на вопросы не отвечать.

— Что, в молчанку будем играть? — спросил первый.

Королев тяжелым предметом ударил меня по колену правой ноги. От боли взвыл. Снова вопрос:

— Сука, говори, проклятый, где лучше живется, в СССР или в жидовском Израиле?

Огромный Королев стал ломать пальцы на руках, рвать волосы. Я схватил предметы, которые лежали у него на столе. Следователь остановил Королева:

— Хватит возиться с этим говном. Отправь его в камеру, он все равно за нами не числится.

Как только ввели в стоячку, снова пустили холодную воду и включили мощный сноп электрического света. Потребовал вызова начальника тюрьмы. Надзиратель Толик зло сказал:

— Вас много, а начальник один. Доложим. Время у него будет, зайдет.

Медленно тянулись СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ЧАСОВ. Следователи в содружестве с психиатрами устроили настоящую пытку,

На машине отвезли в подмосковную клиническую больницу санаторного типа. Повели в душ. Побрили, постригли, дали чистое белье. Пытались кормить, но пища шла обратно. Малонаселенная палата. Покой, свежий лесной воздух благотворно подействовали. Десять дней отсыпался. По-человечески отнеслась ко мне врач Мария Ивановна, умышленно не называя ее фамилию. Как только я пришел в себя, мы вышли погулять. В саду она сказала:

— Я о вас много слышала. Читала вашу историю болезни. Крепитесь, дорогой. Здесь ни о чем нельзя говорить. Отсюда вас повезут на вторичную экспертизу, в институт Сербского. Они сделают еще одну попытку заставить вас отказаться от Израиля, живо похоронить вашу сокровенную мечту. Верю в то, что и на вашей улице непременно засияют праздничные огни. Только не сдавайтесь! Отступление для вас — равносильно гибели.

Как помогли выстоять слова незнакомого друга, русской добропорядочной женщины! Не наступило время рассказать о ней больше.

Впервые за полтора месяца посмотрел на себя в зеркало. Бледный, усталый, седой. Опять машина "Скорой помощи". Санитары — мордобойцы. Инсти-

гут Сербского. Тот же огромный кабинет и тот же стол с зеленым сукном и с тем же графином. На сей раз комиссия ограничилась более скромным составом: городской психиатр Янушевский, Морозов, Лунц; приглашенные Масляева и Коган. Вопросы задает Лунц:

— Я рад, вы прекрасно выглядите! Очевидно, лефортовский воздух дал вам возможность поразмыслить о своем положении и сделать некоторые выводы?

Высокий, поджарый Янушевский:

— Мы очень долго возимся с этим больным. Я предлагаю отправить его на лечение к доктору Кононову на Столбовую!

В дискуссию вступает только что вошедший, неумолимый старец-волкодав Снежневский:

— А мне кажется, что лучше всего поместить молодого человека в клинику им. Корсакова, к профессору Банщикovu! Там ему тоже будет неплохо!

Ясно, что словесные дуэты заранее отрепетированы. Шел спектакль с прологом, действиями, эпилогом. Каждый четко, без суфлера, знал свою роль. Я хранил молчание, словно происходящее меня не касалось. Профессорские пытки достигли апогея. Я схватил вазу с цветами и швырнул ее в лицо ненавистному Лунцу. Меня схватили подоспевшие санитары. Я дрался, бился, кричал. Меня скрутили, одели смирительную рубашку, на руках отнесли в ванную, пустили холодный душ. После этой процедуры отвезли в больницу Кащенко и снова водворили в отделение, где командовал майор-коммунист, доцент-психиатр Коган. Несколько раз водили на беседы к Снежневскому и Масляевой. Они переменили тактику. От угроз перешли к душещипательным беседам.

— Я желаю вам добра, — "сердобольно" проговорил Снежневский. — Знаете ли вы, что такое Израиль? Вы с семьей попадете в фашистское логово. Вам противопоказан тяжелый физический труд. Вас с же-

ной отправят на строительные работы в пустыню. Я видел западный мир. Он разлагающе тлетворен. Нам удалось прекратить ваше уголовное дело. Вы страдаете психическим расстройством. Мы решили дать вам инвалидность. Вы будете получать пенсию и понемногу работать в инвалидной артели. Вам запрещено выступать в периодической печати, а также занимать административные посты. Еще раз предлагаю написать заявление, что вы добровольно отрекаетесь от Израиля, что ваше первоначальное желание было ошибочным. Потом вы скажете несколько слов комментаторам радио и телевидения.

— Профессор, позвольте вас спросить?

— Слушаю вас.

— Больные, находящиеся в психиатрических больницах, имеют право участвовать в выборах, голосовать за депутатов верховного совета и народных судей?

— Этой радости больные, к сожалению, лишены, — грустно вздыхая, сказал столп науки.

— А я как **ВМЕНЯЕМЫЙ** имею право голосовать?

— Нет, голубчик, для вас не может быть исключения. Вы такой же **НЕВМЕНЯЕМЫЙ, КАК И ВСЕ**.

— Вы требуете написать заявление об отказе уехать в Израиль? Просите меня до хрипоты в голосе выступить по радио и телевидению, а сами считаете меня больным, — невменяемым? Даже если я напишу отказ, то вряд ли эта бумага станет официальным документом?

Снежневский смущенно:

— Вы напишите то, что от вас требуется, остальное я беру на себя.

— Профессор, если меня приговорят к смертной казни, **Я НЕ ОТРЕКУСЬ ОТ СОКРОВЕННОЙ МЕЧТЫ, ЗАВЕЩАННОЙ МОИМ ОТЦОМ, — ОТ ЗЕМЛИ ИЗРАИЛЬСКОЙ**. Вам трудно это понять, потому что вы русский. У вас другая кожа, другая кровь. Ваш идеал — властвовать и повелевать. О чужом горе вы никогда не задумываетесь. Буду вам признателен за

прекращение подобных бесед. Они все равно ни к чему не приведут.

Снова "цветочная" — затхлый душный подвал. Опять уколы, изматывающий душу аминазин.

Заключение в психотюрьме подходило к концу. Приближался СВЯТОЙ ДЕНЬ — *освобождение*. Накануне выписки Коган сообщил, что за мной придет жена. Была последняя двухчасовая беседа. Врачам приказали давить и они давили, пытаюсь раздавить...

В эту ночь спать не ложился. Ходил, думал, мечтал.

Жена привезла рубашку, туфли, костюм, плащ. От обеда отказался. Оставшиеся гостинцы роздал товарищам. Со всех сторон послышались напутствия:

— Пусть хранит вас Господь!

— Не забывают нас!

— Расскажите о нас правду!

Мы с Лидочкой сели в такси.

Какой страшный город Москва. Кроме нарядных улиц и площадей, Кремля и Большого театра, музеев и библиотек, Дворца съездов, красивых женщин, есть другая Москва: Москва с переполненными тюрьмами, гебистами, лже-врачами, творящими лже-науку, палачами-коммунистами; но есть и третья, особая Москва, Москва инакомыслящих, тех, кто никогда не покорится пресловутому, внутреннему империализму, именуемому коммунистически-социалистическим режимом.

1. Москва, Кропоткинский переулок, дом 23.

2. Морозов Г. Член-корреспондент АМН СССР, профессор, директор Центрального института судебной психиатрии имени В. П. Сербского Министерства здравоохранения СССР.

3. Банщиков В. Профессор, доктор медицинских наук, консультант кафедры психиатрии 1-го Московского медицинского института Минздрава СССР.

4. Серебрякова З. Доктор медицинских наук, главный специалист по психоневрологии Главного управления лечебно-профилактической помощи Министерства здравоохранения СССР. Фактически – исполняет должность главного психиатра СССР. Ходят упорные слухи, что она имеет звание полковника КГБ.

5. Лунц, полковник КГБ, главный психиатр КГБ, профессор, доктор медицинских наук. Жестокий, безжалостный эскулап. Это он приговорил к смерти Юрия Галанскова, осудил Наталью Горбаневскую, мучил Владимира Буковского, преследовал отважного генерала Григоренко. Умер в 1978 г.?

ТОВАРИЩИ ГЕБИСТЫ

С телевидения позвонил начальник отдела кадров, приторно-вежливый Слепынин:

— Наше вам почтеньице! Как драгоценное здоровье, самочувствие, чем лечили?

— Что вам нужно?

— Леша, ты всегда любишь все конкретизировать. Мы решили уволить вас по сокращению штата, в вашей трудовой книжке по ошибке написали, что вы уволены по собственному желанию. Принесите книжечку, мы исправим ошибочку, да и повидаться не мешает. Я ж тебя, Леша, люблю, как родного брата. — И он, иезуит, задохся тихим смешком.

Вынужден соблюдать дистанцию:

— Петр Федерович, разве я вам подавал такое заявление?

— Это значения не имеет.

— Сфабриковали?

Лида с невероятными трудностями добилась получения денег по больничному листу, она их буквально выплакала, хотя они полагались по закону и никто не собирался делать нам одолжения. Зарплату вместе с премиальными заплатили за все время пребывания в психо-тюрьме, но только после вмешательства прокуратуры и следственных органов, которые официально сообщили, что из-за отсутствия состава преступления уголовное дело против меня прекращено. В отделе социального обеспечения оформили пенсию. Почему это произошло, разве ВТОРАЯ ГРУППА ИНВАЛИДНОСТИ дается так просто, по доброте душевной? У меня были перебиты суставы, от побоев болели ноги и плечи, на теле не было живого места, из-за стольких уколов адски болела голова. Пенсионное удостоверение впослед-

ствии помогло оформить документы на выезд в Израиль, оно избавило от лишних хождений за получением никому не нужной характеристики.

Целыми днями я лежал на диване. Не было желания читать, писать, говорить, никого не хотелось видеть. Начиналась депрессия. Лида уговорила пойти погулять на Ленинские горы. Когда прошли шагов тридцать и поравнялись с мощной "Китайской стеной", воздвигнутой вокруг посольства Китая, мы увидели на проезжей части дороги штатского с рацией. Пройдя такое же расстояние, показался второй гебешник, тоже с рацией. Мы свернули в лесистый парк. Подошли к старенькой церкви, в которой бывал Пушкин, и где венчался фельдмаршал Кутузов. Когда пленные немцы и советские заключенные заканчивали строительство Московского университета, районный архитектор Тапуридзе предложил снести этот Храм. Удалось организовать письма в защиту маленького, доброго и никому не мешающего Храма. Архитектор, злобствующий грузин, и чиновники райисполкома стали моими злейшими врагами.

Мы подошли к Храму. Напротив остановилась машина "Волга" черного цвета, из которой нас стали фотографировать. Мы зашли в церковь, которая была переполнена молодежью и пожилыми людьми. Шла служба. К сожалению, я не знаю молитв, ни еврейских, ни русских, советская власть сделала все, чтобы отлучить нас от Веры. Всякий раз, когда я нахожусь в синагоге или захожу в Храм, чтобы лишний раз взглянуть на иконы, на душу мою нисходит Великое Одухотворение. У нас дома была замечательная коллекция редких икон, которые я собирал по всей Руси, привозил их из Архангельска и Кондопоги, Тамбова и Красноярска, Томска и Владивостока, Сахалина и Новороссийска. Много икон подарили верующим, наиболее ценные пожертвовали Церкви, что стоит на Ленинских горах. Настоятель охотно принял наш дар. Он был тронут:

— Спасибо тебе, человек. Вы тяжело страдаете, но скоро на вашу душу снизойдет внутренний покой. Я — старик, потому редко ошибаюсь. Назовите свое имя, и мы будем за вас молиться.

Когда мы вышли из Храма, нас окружили штатские гебисты.

— Сколько икон вы отдали попам? — спросил один из них.

— Что вы привязываетесь?! — крикнула жена. — Какое ваше дело? Иконы — частная, неприкосновенная собственность.

Подошли богомольцы. Гебисты не любят людского скопления, они сразу рассеялись. Все делалось для того, чтобы раз и навсегда сломить наше сопротивление.

За то время, что мы ходили в Церковь, у нас дома опять кто-то побывал. Замки в СССР — фикция. Самые лучшие взломщики — сотрудники КГБ и милиции. Слежка неустанно продолжалась. Телефонные разговоры прослушивались. В вентиляционных решетках, под потолком, в кухне, были вмонтированы провода для прослушивания. За нами по пятам все время кто-то топал. То и дело раздавались анонимные звонки. Оскорбляли, грозили, пугали. На мою письменную жалобу начальник телефонного узла Огурчиков ответил:

”Как только обнаружим нарушителей, виновные будут привлечены к строгой ответственности”.

К нам приехали представители Третьяковской галереи. Они стали уговаривать пожертвовать советскому государству оставшиеся иконы, картины, редкие книги. Желчный мужчина с пергаментным лицом (как потом выяснилось, он оказался старшим инспектором управления изобразительных искусств министерства культуры СССР) заявил:

— Запомните, Гендлин, картины, иконы, библиотеку, античность мы вам вывезти не дадим! Лучше добровольно отдайте России, иначе хуже будет!

ЕВРЕИ ПРОСНУЛИСЬ

Шестидневная война в Израиле стала победой мирового Еврейства. Евреи России раз и навсегда пробудились от долгой спячки. Московская синагога на улице Архипова — центр общения жаждущих и страждущих выехать в Израиль, на Землю Обетованную. Каждую субботу евреи с утра и до позднего вечера толпятся около Синагоги. Вслух читают и обсуждают письма, поздравительные открытки, телеграммы, приходящие из далекой, но такой родной Земли — от родственников, друзей, знакомых. Тут же происходит обмен адресами, телефонными номерами, даются советы. Люди понимают, что нужна консолидация душевных, нравственных и физических сил. Советская власть попыталась запугать евреев, сделать так, **ЧТОБЫ МЫ БОЯЛИСЬ СОБСТВЕННОЙ ТЕНИ**. Она не ожидала такого **МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА СВОИ ПРАВА**. Десятки тысяч заявлений посыпались в **ОВИРы** с требованием о выезде в Израиль. По всей стране начались гласные и негласные репрессии против евреев. На полную мощность заработал могущественный аппарат **КГБ**. Из берлог повылезали старые, умудренные в боях, пенсионеры-провокаторы. Тщедушные и мордастые дяди и тети низовых и самых высоких партийных организаций, отделов кадров, профсоюзов неожиданно проявили интерес к работающим евреям. Вначале уговоры, потом угрозы, прямые и косвенные, затем процессы, тюрьмы, лагеря строгого режима. В ход была пущена медицина. Прогрессивное, самое гуманное оружие превратилось в жесточайшую пытку. На помощь **КГБ** и **КПСС** пришли психотюрьмы, инъек-

ции, смирительные рубашки, мордобитие, издевательства врачей-психиатров-гебистов. Начался разнузданный террор. Но никакая сила не сумела побороть наш, *ЕВРЕЙСКИЙ ДУХ*. На помощь евреям России пришли братья и сестры со всех континентов. Они услышали наш вековой вопль.

6 марта 1972 года. В этот день рано утром в Москве можно было наблюдать необычайное явление. Сотни людей направлялись в сторону Нескучного сада, находящегося в самом центре правительственной магистрали — Ленинского проспекта. Стихийно начался митинг. Из рук в руки передавались номера журнала "Шалом" и зачитанные экземпляры газеты "Наша страна". Каждому хотелось подержать в руках весточку из родной страны. Собрание евреев в Нескучном саду стало символом честной и справедливой борьбы, которую ведут евреи России за свое исконное Право — Жить и Быть в Израиле.

ТРЕТЬЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Несколько лет мы переписывались с друзьями в Израиле. Каждое письмо, приходящее из-за границы, или уходящее в какую-либо страну, вскрывается советской цензурой. Многие письма и бандероли с книгами вообще не доходят до адресатов. Пришло сообщение, что нам два раза посылались вызовы-приглашения. Для проверки решили позвонить в Тель-Авив. Дежурная телефонистка междугородней станции сказала, что разговор будет предоставлен после 24.00. Терпеливо ожидаем вызова. С женой и сыном обсуждаем предстоящий разговор. В два часа ночи узнаем, что вызываемый номер не отвечает. В течение двух недель нам ежедневно говорят, что нет связи или же не отвечает номер. Наконец, удалось переговорить. Оказалось, что вызовы давно посланы, их надо искать в почтовом ведомстве в Москве. Поехал на Комсомольскую площадь. Начальник Московского международного почтамта, вежливый, благовоспитанный человек:

— Как фамилия, говорите?

Предъявляю паспорт.

— Так! Так! Ждете вызов из Израиля? К нам отсюда целый поток идет. Оставьте заявление, приходите денька через три.

Захожу в тот же кабинет. Тот же начальник — благовоспитанный, тихо-вежливый.

— Как фамилия, говорите?

Показываю на листочек календаря, где у него красными чернилами крупными буквами выписана моя фамилия. Он снимает телефонную трубку:

— Зайдите через часок, за это время, думаю, что-то прояснится.

Прихожу через часок. Меня приглашают в другой кабинет, за сортировкой. Высокий, хмурый человек в пенсне протягивает для пожатия волосатую руку. Ласково, паточным голосом, произносит:

— Садитесь, пожалуйста, нам надо поговорить, кое-что выяснить.

— Я вас вижу впервые?

— В таком случае, будем знакомы. Коровин Родион Владимирович.

Начальник почтамта бесшумно исчез. Мы остались вдвоем с Коровиным.

— Гражданин Гендлин, кажется...

Перебил:

— На каком основании вы назвали меня гражданином?

— Здесь я задаю вопросы. Объявляю официально, в Израиль вы не поедете. Ваш вызов мы аннулировали. На почтамт ходить бесполезно. За учиненное хулиганство получите нынче пятнадцать суток.

Остолбенел. Какое хулиганство?

На милицейской машине, в сопровождении Коровина, начальника почтамта, двух милиционеров, меня привезли в "народный" суд. В заплеванном помещении проторчал часа полтора. Судья меня узнала, когда-то делал о ней репортаж для "Московских новостей" центрального телевидения. Она внимательно прочитала заявление Коровина. Нахмурилась, его послание вызвало у нее недоумение.

— Гендлин, вас обвиняют в открытой пропаганде сионизма и в хулиганских действиях?

С ее разрешения задаю вопрос Коровину:

— Прошу конкретно объяснить, в чем вы меня обвиняете? Что такое открытый и закрытый сионизм? В чем выражались мои хулиганские действия?

— Работникам международного почтамта вы хвалили жизнь в Израиле, — сказал Коровин.

— Приведите сюда людей, которым я это говорил. Я не был в операционном зале, находился только в

приемной начальника почтамта, который навел справку и почему-то привел к вам.

Показал судье пенсионное удостоверение и корреспондентский билет.

Вмешался Коровин:

— Гражданин Гендлин недавно выписался из психиатрической больницы. Семь лет он морочит голову работникам ОВИРа, чтобы его с семьей выпустили в проклятый Израиль. Мы его снова отправим на лечение, мы бы их всех в чувство привели, нам бы только власть, которая была при товарище Сталине...

Судья:

— Леонард Евгеньевич, вы свободны, извините, что произошел такой неприятный для вас инцидент.

Коровин, захлебываясь слюной:

— Ты от нас не уйдешь! Мы с тобой все равно за все рассчитаемся!

Друзья пригласили на несколько дней в Ленинград. На Московском вокзале меня встретили Алик, Борис, Всеволод. Мы знакомы более четверти века. Алик и Борис — артисты эстрады, помог им сделать сатирический дуэт. Всеволод — художник-декоратор. Когда мы подошли к машине, около нас выросли два товарища. Они попросили предъявить документы. Спрашиваю:

— Что произошло?

— Работники милиции имеют право проверить личность любого гражданина, на то мы и представители власти.

Алик:

— С ними лучше не связываться.

Милиционер:

— Вы забыли с кем разговариваете? Пройдемте в отделение милиции!

Сопrotивляться бесполезно. Капитан с лицом оперного героя задает вопрос:

— По каким делам прибыли к нам в гости? Где

собираетесь остановиться? Сколько дней думаете пробыть в Ленинграде?

— Приехал повидаться с друзьями.

— Уточняю, повидаться или попрощаться?

— Какое ваше дело, для чего я приехал в Ленинград. В стране существует свободное передвижение.

— Хватит пререкаться, прошу дать подписочку, в 24 часа освободить от своего присутствия наш Ленинград. Если обнаружим после означенного времени, пеняйте на себя. Запрет в психиатрическую, из которой выйти не так просто. Это вам не Москва!!

Даю подписку. Фамилия капитана Лобов. Оказывается, что мы не можем ехать, — шины проколоты. После долгих мытарств трогаемся. Едем на Кировский проспект. Заходим в уютную, большую квартиру. Стол накрыт. К обеду пришли поэт, артисты, художники, инженер-физик, композитор. За столом начался разговор о положении интеллигента в современном российском обществе.

— У нас, в оперном театре, — говорит хозяйка квартиры, известная балерина, — проводилось открытое партийно-комсомольское собрание. Представители обкома и горкома партии требовали осуществить постановки опер и балетов на современную тему. Скажите, кто пойдет на эти надуманные, высосанные из пальца, представления? Все оперные театры горели на операх Ивана Дзержинского "Тихий Дон", "Поднятая Целина", "Судьба человека". А бредовые оперы Тихона Хренникова? А современный балет "Берег к счастью"? Там же нет образов. Под музыку по сцене прыгают бодрячки-манекены. Старая коммунистка член партийного бюро билетер Черноусова предложила "немедленно осуществить постановку балета на колхозную тему".

— А что делается в книжных магазинах? — проговорил с горечью инженер Володя. — Я люблю поэзию, в магазинах навалом валяется макулатура, которую никто не читает. Мне хочется иметь Гумиле-

ва, Пастернака, Мандельштама, Цветаеву, Ахматову, Зоболотского. Многие продавцы не знают, кто такая Ахматова. Однажды пришел в магазин. Спрашиваю: "Сегодня будут новые книги?" Пожилая продавщица ответила: "После обеда выкинем с нагрузкой стихи французского поэта Константина Бальмонта". В ожидании Бальмонта проторчал около магазина с 11 до 16 часов. Что творилось в магазине! Однотомник Бальмонта стоит 1 руб. 42 коп., книга выпущена издательством "Советский писатель" в 1969 году. Сверх номинальной стоимости отдал еще пять рублей, вынужден был купить в качестве "нагрузки" толстые романы Федина, Маркова и три сборника стихов узбекских поэтов.

Друзья говорили о привязанности к России, к родному городу, Невскому проспекту, Петергофу, Павловску, Пушкино. Они хотят видеть страну свободной, бесцензурной, мечтают увидеть другие страны, вести переписку, знакомиться с книгами, выпущенными на Западе.

Ночью уехал в Москву. Было грустно оттого, что вижу с друзьями в последний раз. Нахлынули воспоминания. Сколько еще в жизни у меня будет дорог, самолетов, поездов, встреч, городов, стран, расставаний, новых знакомств...

Пришло сообщение, что нам послан еще один вызов из Израиля. Растет нетерпение. Потерян покой. Проходят три долгих месяца. Уезжаю в Псков к товарищу. Там легче дышится. Надо кое-что написать в тиши. Жена по телефону сказала:

— Дорогой, все в порядке! Письмо, которое ты так ждешь, — *получили*.

Бросаю все дела. Ликующий приезжаю домой. Держу в руках вызов. Слезы радости заливают драгоценную бумагу. Совсем скоро и мы станем *свободными людьми*.

Лидочка рассказала:

— Из почтового ящика вынула записку с просьбой срочно позвонить по такому-то телефону. Вечером набрала указанный номер. Для того, чтобы отвести подозрение, звоню из автомата. Незнакомый человек предлагает встретиться у станции метро "Университетская". Высокий, рыжеволосый парень меня сразу узнал.

— Вы Лидия Абрамовна?

— Да.

— Вот вам письмо и вызов из Израиля.

Мой друг и добрый товарищ Дима Животовский давно уже на Западе. Спасибо тебе, товарищ, за твой душевный подвиг, никого не боясь, в самом логове, в Москве, ты творил чудеса. Спасибо тебе, родной, мы никогда этого не забудем.

Держу в руках письмо от главы правительства государства Израиль — Голды Меир, она нашла время, чтобы поддержать меня:

"Дорогой Леонард!

Мы верим, что скоро, совсем скоро Вы с женой и сыном станете полноправными гражданами Израиля. Мы Вас примем и согреем теплотой наших сердец..."

Строки из письма Бен-Гуриона:

"Дорогие друзья!

Мы рады каждому еврею, который вступает на Еврейскую Землю. В Израиле закончатся Ваши страдания, мы постараемся залечить Ваши раны и оказать Вам радушное еврейское гостеприимство".

Как не радоваться этим строкам. Как помогли эти скупые и такие добрые слова.

ЖЕНА ПОЛУЧАЕТ ХАРАКТЕРИСТИКУ

Для подачи заявления в ОВИР собраны необходимые документы, только жене осталось получить характеристику. Характеристики выдаются на руки только по запросам. ОВИР нам в этом отказал. Секретарь партийной организации строительного управления № 21 Треста 'Мосстрой № 4 Николай Лебедев сказал жене:

— Твой вопрос придется обсудить с вышестоящими товарищами.

Работники управления знали о нашем решении ехать в Израиль. Женщины целыми днями судачили. Мнения разделились. Бывший главный бухгалтер, Любовь Ивановна, член КПСС с тридцатых годов, пригласила Лиду в кафе:

— Лидия Абрамовна, ты молодец! Поезжай с Богом, все равно хуже не будет! — после этих слов она поцеловала Лиду. А месяцев восемь назад, перед тем, как уйти на пенсию, эта самая Любовь Ивановна, в порыве откровенности, проговорила о том, что хранилось на дне ее души:

— Я бы жизнь отдала за воскресение Иосифа Виссарионовича Сталина. Не было на всем белом свете человека лучше его.

Белесые глаза загорелись у фанатички. Лида ответила:

— Вы мыслите бездумно...

Характеристику должен подписать "треугольник": секретарь партийной организации Лебедев, начальник строительного управления Гаврилов, председатель стройкома — профсоюзный "бог" местного значения Перевертай. Началась "холодная" и "горячая"

обработка. Каждый в отдельности вызывал Лиду на "отеческую" — простецкую беседу.

Лебедев:

— Лидия Абрамовна, я работал в Египте. Хорошо знаю быт и нравы Ближнего Востока. Поверь мне, коммунисту, ты там загнешься. Пусть твой муж сначала один поедет. Устроится, напишет, тогда тебя отпустим с хлебом-солью.

Перевертай:

— Для чего тебе к сионистам в Израиль ехать? Будь умной женщиной, оставайся в Москве, тебя никто не гонит.

Ежедневно проводились такие "профилактические разговоры". Как только не называли Лиду: "изменница", "предательница", "сионистка проклятущая". Вряд ли какой-нибудь работник этого учреждения понимал то, что он изрыгал. Через неделю Лебедев сказал:

— Мы консультировались в райкоме партии, характеристику тебе не дадим.

Звоню секретарю партийной организации треста "Мосстрой-4". Спрашиваю:

— На каком основании моей жене не выдается характеристика для предоставления в ОВИР?

— С какого года жена ваша состоит в рядах КПСС?

— Она беспартийная.

— Для чего вы едете в Израиль?

— Воссоединиться с родственниками.

— Израиль — фашистская страна. Вам там нечего делать.

— Почему вы вмешиваетесь не в свое дело? Речь идет о производственной характеристике!

— Жалко, шкура, что сейчас не 1937, а то мы бы тебе показали, что такое проформа, что такое сионизм, что такое Израиль!

— Мне было очень приятно познакомиться с коммунистом-фашистом формации 1971 года. О нашем разговоре станет известно не только в ЦК КПСС,

но и за границей, все, что вы сказали, записано на магнитную пленку.

— Мы не из пугливых, я, товарищ, пошутил, зайди ко мне, поговорим и все на месте обсудим.

Звоню прокурору Гагаринского района. Объясняю ему наше положение.

— Заставить организацию выдать характеристику вашей жене не имею права, этот вопрос в компетенции райкома партии.

По телефону соединяюсь с оргинструкторским отделом райкома партии. Просят позвонить через три дня. Звоню помощнику секретаря ЦК КПСС Бориса Пономарева.

— Мы дадим указание Ленинскому РК КПСС. Сюда больше не звоните.

На другой день нас принимает первый секретарь райкома. Он уговаривает отказаться от "бредового" решения.

— Я, как коммунист, тебе честно скажу, в Израиле голодать будете, начнете обратно проситься, поздно будет, не пустим. И правильно сделаем, давай, отказывайся, на тебе ручку и бумагу.

— Нет, товарищ секретарь, мы с вами не договоримся.

Пыл у него погас:

— Ступайте, дадим указание. Но помни, обратно дороги вам не будет.

На работе снова отказ, ссылаются на занятость, выполнение плана. Узнаю домашний телефон Пономарева. Вечером звоню ему на квартиру:

— Михайлов у телефона, кто спрашивает Бориса Николаевича?

Называю себя.

— Звонить на квартиру секретарям ЦК КПСС — категорически запрещается. Лучше скажите, каким образом вы узнали домашний телефон товарища Пономарева?

— Это не вопрос. Когда жена сумеет получить ха-

рактеристику? Почему вы не выполняете своего слова?

— Вам уже ответили, что *будет дано указание*.

— Когда?

— Завтра проверим.

— В таком случае, запишите наш адрес и номер домашнего телефона.

Михайлов засмеялся.

— Ваш адрес нам известен.

Проходит еще два дня. Снова звоню в Ленинский райком партии. Заведующий отделом говорит, что характеристика подписана и мы можем ее получить. Мы крутимся в заколдованном круге. Словно футбольный мяч, нас перебрасывают от одного игрока к другому. Целый месяц мы не знали покоя. Наконец, 29 декабря 1971 года Лида получила выстраданную характеристику. В этот вечер мы выпили за наше БУДУЩЕЕ.

МОСКОВСКИЙ ОВИР

30 декабря 1971 года.

Утром на такси еду в Колпачный переулок, в Московский ОВИР. В сберкассе за подачу заявления заплатил 80 рублей. В ОВИРе принимает капитан милиции, большая, высокая, дородная женщина — Надежда Родионовна Израйлова.

— Какой парадокс — русская баба Израйлова занимается израильскими делами!

Передаю ей вызов, анкеты, справки с местожительства, фотографии, заявление. Чиновница спрашивает про характеристику жены. Молча проверяет документы.

— Бумаги принимаем для рассмотрения. Решение сообщим через два-три месяца.

В первый раз я пришел в ОВИР в 1964 году. Семь лет нам отказывали с мотивировкой:

— Еще не наступило для вас время.

27 февраля 1972 года из почтового ящика вынул обыкновенную почтовую открытку. Черными чернилами написана одна фраза:

”ПОЗВОНИТЕ СРОЧНО В ОВИР АКУЛОВОЙ” и неразборчивая подпись.

НОЧЬ НАЕДИНЕ С БИБЛИЕЙ

Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет.

От Матфея 24, 42.

Душу и сердце охватило необыкновенное волнение.

Наступила ночь. Жена и сын со своими мечтами крепко заснули.

Я зажег свечи.

Одел кипу, завернулся в талит, который мне подарили в израильском посольстве.

Открыл Библию.

Я уже говорил, что молиться не умею. Я просил Бога дать моей семье возможность выбраться из ада.

Из глаз моих текли слезы надежды.

И такая ОДУХОТВОРЕННОСТЬ СНИЗОШЛА НА МОЮ ИЗРАНЕННУЮ ДУШУ, что трудно все это передать обыденными словами.

Я почувствовал себя совершенно другим человеком.

Всю ночь до самого утра горели свечи.

Под утро мне явилось ВИДЕНИЕ в образе и подобии человека.

До сих пор не могу понять, было ли это Сном или Явью?

Доброе существо ласково произнесло:

— Ты много страдал в жизни, Господь Тебе поможет. Мечта твоя исполнится. Невзгоды останутся позади. Верь в Него и все будет хорошо.

ВИДЕНИЕ растворилось в прудутреннем тумане.

КАДРЫ ОВИРА

В понедельник, 28 февраля, звоню в ОВИР Акуловой.

— Как ваша фамилия, имя, отчество, домашний адрес, возраст?

Подробно отвечаю на все вопросы.

— Подождите у телефона.

Невыносимо долго тянутся минуты ожидания.

— Так вот, — чеканит Акулова, — комиссия, рассмотрев ваше заявление на выезд в Израиль, решила вам отказать.

— На каком основании?

— По семейным обстоятельствам. У вас имеется шесть братьев.

— У меня нет ни одного брата.

— Нет, Гендлин, у вас имеется шесть братьев, и ваш отец в письме на имя начальника ОВИРа просил не давать вам визу. Он категорически против вашего отъезда.

— Простите, но мой отец, Гендлин Евгений Исаакович, умер, похоронен в Риге, мать дала письменное согласие на мой отъезд.

— Гражданин, повторяю, у вас имеется отец, и он возражает вместе с вашими братьями, чтобы вы уехали в Израиль. Я с ним на днях разговаривала по телефону.

— Неужели он вам звонил с того света? У нас имеется справка о его смерти, выданная ЗАГСом города Риги.

Акулова оборвала разговор. Звоню на работу жене:

— Лидочка, нам отказали. Ты не волнуйся, я напишу жалобу в президиум Верховного Совета СССР.

Звоню маме. Ей 78 лет. Она приехала из Риги в Москву, чтобы последние дни провести с нами. Она остановилась у своей сестры.

— Я так и знала, сыночек, что тебе откажут. Ты журналист. Они тебя так просто не выпустят. Устраивайся на любую работу и продолжай как все — обычную, терпеливую жизнь подведомственного гражданина.

Проходит полчаса. Телефонный звонок прерывает тишину квартиры. Снимаю трубку:

— Говорит Акулова из ОВИРа. Я только что с вами разговаривала. Вам выезд разрешен. Мы ошиблись, перепутали фамилию. Готовьте советские документы, оплачивайте стоимость виз.

Радостную весть сообщаю жене, маме, друзьям. На такси еду в Колпачный переулок, к Акуловой. Дежурный капитан просит назвать фамилию. Со второго этажа спустилась худенькая, невзрачная женщина, старший инспектор, майор милиции Акулова Капитолина Ефимовна.

— Очень хорошо, что приехали. Вас хочет видеть начальник московского ОВИРа, полковник Смирнов¹.

В кабинете Смирнов, полковник Попян, генерал-майор Горшков. Начальник ОВИРа широким жестом предлагает сесть в кресло. Мои нервы напряжены до предела. Полковник Смирнов:

— В моем письменном столе лежит письменное распоряжение, — он выжидательно на меня посмотрел, какая будет реакция. По спине забегали мурашки. Тело покрылось ледяным потом. Пересохло горло. Неужели новый арест? Возможно, они заманили в ОВИР для того, чтобы снова отправить в сумасшедший дом? Что делать? После многозначительной паузы, Смирнов торжественно произнес, — руководство Центрального телевидения готово предоставить вам работу по специальности, только сначала подпишите вот этот документик?

Генерал Горшков передал листок бумаги, на котором было напечатано крупным шрифтом:

”Я, Гендлин Леонард Евгеньевич, 1923 года рождения, уроженец Владивостока, еврей, обращаюсь ко всем евреям Союза Советских Социалистических Республик.

Дорогие сестры и братья!

Сионисты фашистского Израиля нас, евреев, заманивают в свои сети. Им нужны роботы для тяжелой работы и солдаты — пушечное мясо. Не верьте их лживой пропаганде...”

Дальше не стал читать. В конце грязной фальшивки стояла моя подпись. Бумагу разорвал на мелкие кусочки и бросил в пепельницу. Гостеприимное выражение в миг исчезло с лица начальника ОВИРа. Огромный, широкоплечий Горшков рывкнул:

— Мы тебя опять в сумасшедший дом запрем. На сей раз пожизненно. Я тебя в Казань отправлю. Я тебе покажу, что такое советская власть!

— Простите, я это уже знаю. Хватит пугать!

Полковник Попян сморщился. Молчала Акулова.

— За что вы меня оскорбляете? Комиссия решила выдать нашей семье визы, разве вы имеете право ее оговаривать?

— Вы нам еще лекции будете читать? Лучше скажите, сколько вам сионисты пообещали за вербовку!

Обратился к Акуловой:

— Когда мы сумеем получить визы?

За нее ответил Смирнов:

— Приходите завтра.

Жена уволилась с работы за два часа. Друзья спрятали сына в детскую клиническую больницу. Бывали случаи, когда учителя по заданию КГБ и райкомов партии прятали еврейских детей: увозили в другие города (Случай с Темкиной). За визы заплатили 1720 рублей. В ОВИРе три часа простояли в очереди. У инспектора Израйловой непроницаемое лицо.

— Как фамилия? Что вы хотите? Визы? Куда? В какую страну?

Она подошла к облупившемуся подоконнику: открыла большой деревянный ящик, где в алфавитном порядке размещена именная картотека. Долго копается, спешить ей некуда.

— У меня для вас ничего нет. Когда подавали документы? Покажите открытку!

Попросила нас выйти из кабинета. Грузно переваливаясь, поднялась на второй этаж. Через час вернулась с ... Акуловой.

— Ваши визы еще не готовы. Приходите завтра утром, — проговорила сухоощавая, невзрачная Акулова.

День проносится в волнениях и тревогах. Из Риги приехала сестра. Она до последней минуты не верила, что мы уезжаем. Снова ОВИР. Опять ожидание. Прорываемся в кабинет Израйловой. Повторяется та же иезуитская сцена:

— Как фамилия? Визы? Куда? В какую страну? Когда подавали документы?

Все расписано, как по нотам. Полчаса ждем в коридоре. Акулова встречает нас с ледяной вежливостью:

— Визы не готовы. Заболел начальник, некому подписать. Приходите через два дня. Потерянные дни вам возместим.

Опять кабинет Израйловой. Игра повторяется:

— Фамилия? Что? Куда? Зачем?

Со мной в здание ОВИРа пришли иностранные корреспонденты. Они сделали вид, что зашли по своим делам. В руках у них фотоаппараты и кинокамеры. Израйлова опять сказала, что визы не готовы. Попросила придти через недельку. Терпение лопнуло. Я взорвался:

— Если сегодня не получу визы, отправляю телеграммы в ЦК КПСС, Верховный Совет, ООН, ЮНЕСКО.

Она снова потащила на второй этаж. Через полтора часа чиновница принесла подписанные визы.

— Ну, давайте советские документы: трудовые книжки, паспорта, дипломы, справки, военный билет, профсоюзные книжки.

Спрашиваю:

— После нашего отъезда в Израиль, куда вы денете наши документы?

— Отправим на уничтожение.

— А паспорта?

— И паспорта. Заранее говорю, гарантию на возвращение в СССР мы вам не даем.

— И не надо. Мы еще не успели уехать, а вы говорите о возвращении.

— Все таки, я вас, евреев, до конца никак не могу понять? Что вы все с ума спятили? Родились в России, теперь, сломя голову, бежите к сионистам в Израиль?

— Надежда Родионовна, давайте мы с вами поменяемся ролями, ну, хотя бы на один денек, или на полдня, или на два часа? Вы станете еврейкой — ГЕНДЛИН, а я русским ИЗРАЙЛОВЫМ, и займу ваше место в ОВИРе, вы же займете мое место в советском обществе. Тогда посмотрим, что вы к вечеру скажете? Если хотите, мы можем с вами встретиться после работы, и по душам поговорить? Мы вам такое поведаем, что у вас волосы поползут в разные стороны.

Израйлова отмахнулась обеими руками. Она спросила жену:

— А вы, Лидия Абрамовна, что не видали в Израиле?

— Евреи должны жить на своей земле. Муж и сын приняли такое решение, значит, и я с ними.

— Как бы потом пальцы не кусали?

Ответил за жену:

— В ваши обязанности входит давать отъезжающим такое "милое напутствие"?

Вы — исполнитель, занимайтесь, пожалуйста, только своими делами.

Израйлова замолчала. Насупилась. Протянула нам две визы, действительные до 28 марта 1972 года.

Когда мы выходили, дежурный милиционер заговорил с Лидой:

— Почему столько евреев уезжает в Израиль?

— Основная причина — антисемитизм.

Жена рассказала про инциденты в школе у сына, как выдавалась характеристика, про сумасшедшие дома и пытки, которым я подвергался.

— Не вздумайте возвращаться, — глухо проговорил старшина милиции. — Не позорьте свою нацию.

Эти слова произнес простой, русский человек. А какой в них затаенный смысл! — НЕ ПОЗОРЬТЕ СВОЮ НАЦИЮ!

К вечеру получили въездные визы Израиля и Австрии. В посольстве Королевства Нидерландов состоялась приятная встреча с консулом бароном Гейнеманом. Когда-нибудь я более подробно расскажу об этом замечательном человеке, большом друге Израиля.

Вечером пошли ужинать в ресторан "Прага".

1. Бывший начальник московского ОВИРа полковник Смирнов уволен из органов. Он — заместитель генерального директора Центрального дома литераторов имени А. А. Фадеева. На табличке, кроме фамилии, вписан золотыми буквами титул — "полковник". Союзу писателей терять нечего, один из его секретарей генерал КГБ Ильин (курирует кадры). Еще один секретарь, Ю. Верченко, бывший комсомольский работник (был заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, выкормыш Шелешина, Месяцева, Павлова. Абсолютно не имеющий никакого отношения к литературе). И этого лысого, тучного молодца приняли в члены писательского союза.

ШУТКИ АЭРОФЛОТА

Фрунзенская набережная. Агентство "Аэрофлота".
Прошу три билета на самолет Австрийской авиакомпании, который вылетает в субботу, 18 марта 1972 года. Начальник смены Минна Григорьевна проговорила скороговоркой:

— Самые лучшие самолеты — советские. Не вижу надобности продавать вам билеты на австрийский самолет!

— Я только что из агентства Австрийской авиакомпании, вот их заявка-разрешение на три билета. Они должны были вам позвонить?

— Гражданин, ваши доводы меня не интересуют. Прошу здесь не шуметь, иначе приглашу работников милиции.

Чиновница определенно шла на скандал. Из автомата звоню писателю Константину Симонову. Когда-то его стихами зачитывалась вся страна. Несмотря на то, что мы были знакомы около тридцати лет, еще с фронта, я к нему никогда не обращался. Он коротко сказал:

— Приезжай!

Другой конец Москвы. Аэропортовская улица. В этом районе сосредоточены кооперативные дома ученых, писателей, артистов, кинематографистов, журналистов. Нарядная квартира. Симонов вышел ко мне в восточном халате с неизменной трубкой:

— Что будем пить?

— Мне все равно.

Потом он спросил:

— На какое число нужны билеты, номер рейса?

Симонов соединился с агентством. По отводной трубке слышу весь разговор:

— Минна Григорьевна, вы узнали, кто говорит?

Моего товарища необходимо с семьей отправить в Вену 18 марта с австрийским самолетом. Три билета.

— Костенька, для вас, дорогой, я все сделаю.

Константин Михайлович подошел ко мне:

— Ну, старина, прощай! Дай тебе Бог найти там то, чего ты не сумел найти здесь. Вот тебе на память мой последний роман. Не обижайся, что не подписываю.

Мы обнялись.

Очаровательно улыбаясь, Минна Григорьевна, скрывая тик, кривясь, говорит:

— Что же вы мне сразу не сказали, что знакомы с моим любимцем? Ему нельзя ни в чем отказать. Я его обожаю! А как он умеет ухаживать?! Он — необыкновенный!

Закатив глаза, она на меня томно посмотрела.

Получив билеты, в сопровождении Минны Григорьевны идем к машине. Прощаясь, она грустно проговорила:

— Поверьте, я бы тоже с удовольствием уехала в Израиль, или в Америку, или в Канаду, даже в Африку. Но у меня зять — инженер с секретным допуском. К несчастью, он член КПСС. Можно я вас поцелую в лобик? Вы — милый, симпатичный мальчик...

МОСКОВСКАЯ ТАМОЖНЯ

На Неглинной улице в Московском городском банке обменяли рубли на доллары. На троих получили 324 доллара. Каждому уезжающему на постоянное жительство в Израиль разрешается обменять 90 рублей. Следующий этап, пожалуй, самый трудный, — сдача багажа. Склад московской таможни — самое безалаберное учреждение. Билеты у нас взяты на 18 марта, визы действительны до 28 марта, прием багажа назначили на 29 марта. Снова звоню Симонову, который однажды меня уже выручил. Ласковым барственный голос. Он звонит заместителю начальника Мострансагентства, которая отвечает за очередь на таможне. Поэт воркующим баритоном спрашивает:

— Вы меня знаете? У вас есть мои книжки? Хотите, я вам подарю книгу избранных стихотворений с автографом? Организуйте, пожалуйста, прием багажа моего товарища, который 18 летит в Вену.

— Пусть приходит, все сделаем, только книгу пришлите.

— Ну, вот, видишь, все в порядке, а ты волновался? За эти дни осунулся, постарел. Давай, на прощанье выпьем по рюмке старого, доброго армянского коньяку!

Мы тепло простились.

Таможня. Грузовую машину и рабочих записали на 13 марта, оформление таможенным инспектором назначили на 14 марта 1972 года. Наша квартира превращена в вокзал. Часть библиотеки — 2500 томов книг отправили бандеролями через международный почтамт. Большую часть книг вывезти не разрешили. Проверкой книг в библиотеке им. Ле-

нина ведаёт уполномоченный министерства культуры СССР Горкина — дочь бывшего председателя Верховного Суда СССР. На таможене к нам прикреплен досмотрщик Анатолий Целикин, молодой, здоровый парень. Пошел купить бутерброды. Прихожу, жена зареванная. У нее истерика.

— Лидочка, что случилось?

— Когда ты вышел, ко мне подошел этот верзила. Ухмыляясь, он сказал: "Это только начало. На таможене осмотр ерундовый. Вот в Шереметьеве вас разденут до ниточки, на столик поставят, заставят стриптизист станцевать, вдруг золотишко или брильянтик из разных дырочек посыпятся..."

Иду к дежурному инспектору Главного таможенного управления. Жалуюсь на Целикина. Тот обещал разобраться. Ответ его меня не устроил. Записался на прием к начальнику главного таможенного управления. Пожилой человек с лицом аскета внимательно слушает. Вызывает к себе секретаря партийной организации.

— Куда вам сообщить о принятых мерах?

— Мы улетаем 18 марта. Если не получу ответ в течение двух дней, напишу жалобу на имя министра внешней торговли Патоличева, копию отправлю в ЦК КПСС.

Возвращаюсь в таможенный зал. Целикина куда-то вызвали. Таможенник пришел злой, красный, разгоряченный. Снял мохеровый шарф, небрежно засунул его в карман широкого демисезонного пальто. Худосочная женщина с бульдожьей челюстью, его начальница, униженно стала просить за своего подчиненного:

— Целикин молодой работник, недавно мы его приняли в кандидаты партии.

— Очень жаль, что в партию принимают всяких негодяев и подлецов. Мы его прощать не собираемся.

К вечеру закончилась сдача и проверка багажа. Замученные, добрались до дома.

Без перерыва звонит телефон. Одни просят разрешения придти посоветоваться, другим надо заполнить анкеты, третьи хотят принести сувениры родственникам, письма, книги, записки... Без конца идет людской поток. Все хотят говорить только наедине. По общему уговору, аудиенция продолжается не более пяти минут. И так каждый день, с семи часов вечера до трех часов ночи. На гебистов перестали обращать внимание, хотя они стоят около дома, топчутся посменно на этажах.

15 марта звонит начальник таможенного управления:

— Факты подтвердились, Целикин освобожден от занимаемой должности. По партийной линии ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Они все настолько изолгались, что никому нельзя верить, особенно советским аппаратчикам.

МЫ ЛЕТИМ В ВЕНУ !

17 марта 1972 года...

Последний день в Москве, в городе, где я прожил Сорок восемь лет. Были трагедии и разочарования, и свои небольшие радости. Но если на весы Справедливости положить прожитые годы, то невзгоды, горе, печаль — перевесят чашу весов. Тяжело прощаться с Москвой. Я люблю этот город. Здесь я научился читать, говорить, мечтать. Здесь познакомился с Лидочкой, познал с ней огромное счастье. Грустно расставаться с мамой, она Мудрая, Хорошая, Настоящая.

— Рада, что ты уезжаешь, сынок. Всегда гордилась тобой, верила в тебя. Плакать буду потом.

Тетя и остальные родственники держались хорошо. Их осталось совсем мало. Погибли в лагерях смерти у немцев, другие умерли в советских тюрьмах и концентрационных лагерях, третьи погибли, сражаясь за советскую, самую проклятую, непотребную власть на земле... Плакала сестра, ведь я ее единственный брат. В день отъезда, рано утром, соседка по дому, замечательная русская женщина, устроила для нас прощальный завтрак. Немного выпили. По русскому обычаю, троекратно поцеловались. Подъехали вызванные машины-такси. Сажусь рядом с шофером. Последние рукопожатия. Через час въезжаем в международный аэропорт "Шереметьево-2". Несмотря на раннее холодное утро, сюда пришло много друзей, знакомых, товарищей. Все время подъезжают машины. Трудно поверить, что у нас столько доброжелателей. Значит, мы оставили в их жизни какой-то след. Подошла известная актриса Художественного театра, в руках у нее огромный букет цветов:

— Леонард, — говорит она волшебным, неповторимым голосом, — как нам будет вас не хватать! Не поминайте лихом, пишите!

Со мной прощается старый поэт Павел Григорьевич Антокольский, автор многих поэтических сборников:

— Я принес тебе на память несколько своих книжек. — Старик не сумел сдержать слез. — От всех нас поклонись Многострадальной Земле. Мы любим ЕЕ, молимся за НЕЕ. Будь счастлив!

К нам подходят иностранные корреспонденты.

Мы — единственная еврейская семья, которая летит в этот день на самолете Австрийской авиакомпании. Сотрудники КГБ и милиции ходят стайками. Они внимательно ко всему присматриваются, приносятся, прислушиваются.

Итальянский журналист задает вопрос:

— Прошу сказать несколько слов для итальянского радио. В СССР имеется антисемитизм?

Задаю встречный вопрос:

— А как вы думаете?

— Все смеются, даже гебешники.

Нас вызывают в зал. Таможенники предельно вежливы. У каждого свое "амплуа": по литературе, записным книжкам, маркам, нательным вещам. Два человека просят меня пройти в комнату:

— Сколько у вас долларов?

Показываю.

— Считать будете?

— Нет, что вы.

Снимаю туфли.

— Что вы, Леонард Евгеньевич, не надо.

— Брюки снять?

— Ничего не надо снимать. Мы вам верим. Можете пройти в зал.

Подшел улыбающийся Горшков:

— Ну, товарищ Гендлин, давайте попрощаемся? Забудем все плохое.

— Во-первых, не товарищ, а господин.

— Господин Гендлин, надеюсь, что вы всегда будете помнить, что родились на советской земле?

— Никогда не забуду, что родился в России, вас также постараюсь не забыть.

Сестра открыла двери зала, жена и сын подошли к ней, чтобы в последний раз обняться.

Горшков рявкнул:

— На место! Кто здесь командует?!

Сданы чемоданы.

Пограничный пост.

Последняя инстанция, которая связывает нас с Россией, с прошлым.

Два безусых пограничника проверяют визы, затем отрывают корешки. Один из них бубнит сквозь зубы:

— Все равно вернетесь назад, все бегут от фашизма!

Жена перебивает словоохотливого болтуна:

— Вы по долгу службы нам это говорите?

Красный, как рак, пограничник осекся. Схватил кружку молока.

Посадка. Проходим через эстакаду, покрытую огромной сеткой. Со всех сторон нам машут руками. Слышны голоса:

— До скорой встречи У СТЕНЫ ПЛАЧА В ИЕРУСАЛИМЕ!

Самолет окружен безмолвно стоящими пограничниками.

По трапу поднимаемся в салон. Иностранцы пропускают нас вперед. Стюардессы приветливо усаживают на удобные места. Командир экипажа преподносит цветы.

Заработали моторы.

Воздушный лайнер вздрогнул, поднялся и, рассекая воздух могучими крыльями, берет курс на Запад.

Незнакомые люди пожимают нам руки, позд-

равляют, угощают конфетами, шоколадом, коньяком, виски, фруктами.

Мы все еще боимся разговаривать.

Не верится, что мы обрели ДОЛГОЖДАННУЮ СВОБОДУ, что, наконец, здесь, в самолете, можно говорить О ЧЕМ ХОЧЕШЬ И ЧТО НЕ НАДО БОЛЬШЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ ПО СТОРОНАМ.

— Вы находитесь на свободной территории, — говорит, улыбаясь, доктор из Англии.

Не успели осмотреться, как показались очертания красавицы Вены. Самолет плавно подруливает к аэропорту. Нас встретили сотрудники израильского посольства, представители СОХНУТа. На комфортабельном автобусе мы едем в замок Шенау. Два дня отдыхаем. На автобусе совершаем незабываемую прогулку по Вене.

19 марта снова Венский аэропорт.

Четыре часа полета.

На рассвете мы увидели оранжево-коричневые пески, очертания гор.

Самолет приземляется на Израильской Земле.

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ ИЗРАИЛЬСКОЙ !

Встречи, люди, города...

Мы начинаем новую жизнь.

Сотни людей пришли встречать самолет.

Нас обнимают журналисты, преподносят букеты цветов, выращенные еврейскими руками на нашей, Еврейской Земле; от этого они еще дороже.

Слезы заливают наши лица. Это слезы Радости и Надежды, которые стали ЯВЬЮ.

Лида и Женя в дружеских объятиях.

Море цветов — розы, тюльпаны, гвоздики.

Добросердечный раввин дарит Танах, талит, кипу.

Авраам Шленский протягивает томик стихов Бялика на русском языке.

Любимый Бялик снова со мной, на всю жизнь, чтобы никогда больше не расставаться.

Симпатичная девушка одевает жене на шею серебряный Маген Давид.

До машины нас провожают литераторы и журналисты Израиля.

Нас везут в ульпан Бейт Гольдминц, который расположен на берегу Средиземного моря. Солдаты уступили нам свой дом отдыха.

Мне жаль переворачивать последнюю страницу своей Главной Книги. В ней кратко рассказано про одну человеческую Судьбу. Если это повествование, не претендующее на исторический экскурс, заставит Тебя, Читатель, хоть немного задуматься над одним из самых жгучих вопросов современности — О БЕСПРАВНОМ И УНИЗИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ РОССИИ, ЕСЛИ ТЫ ЗАХОЧЕШЬ ПОДНЯТЬ СВОЙ ГОЛОС ПРОТЕСТА ПРОТИВ РАСОВОЙ ДИСКРИ-

**МИНАЦИИ В ЭТОЙ СТРАНЕ, Я БУДУ БЕЗМЕРНО
СЧАСТЛИВ И БЛАГОДАРЕН. Тогда Книга достиг-
ла своей цели и ее стоило написать.**

АМИНЬ!!!

Январь 1955 — январь 1980